

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

1

1 9 5 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва

Редакционная коллегия:

Главный редактор член-корр. АН СССР С. П. Толстов,
заместитель главного редактора И. И. Потехин,
М. Г. Левин, М. О. Косвен, П. И. Кушнер, Л. П. Потапов,
С. А. Токарев, В. И. Чичеров

Журнал выходит четыре раза в год

Адрес редакции: Москва, ул. Фрунзе, 10

Подписано к печати 31. III. 1954 г.   Формат бум. $70 \times 108^{1/16}$.   Бум.

Т-02728 Печ. л. 16,44+2 вклейки. Зак. 1958. Уч.-изд. листов 19,8. Тираж 2500

2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер.

Е. КРАВЕЦ, А. КУНИЦКИЙ

НЕРУШИМАЯ ДРУЖБА ДВУХ БРАТСКИХ НАРОДОВ

В 1954 г. вся Советская страна торжественно отмечает знаменательное событие в жизни двух братских народов — русского и украинского, а также всех народов Советского Союза — трехсотлетие воссоединения Украины с Россией. Воссоединение имело величайшее значение для исторических судеб не только украинского и русского, но и других народов России, оно имело и огромное международное значение.

Украинский и русский народы происходят от единого корня — древнерусской народности, они связаны общностью исторического развития, близостью «и по языку, и по месту жительства, и по характеру, и по истории»¹, общей борьбой за национальное и социальное освобождение. Дружба двух братских народов уходит далеко в глубь столетий.

Древнерусское государство было сильнейшим государством в тогдашней Европе. Однако со второй половины XIII в. условия для дальнейшего развития древнерусской народности сложились неблагоприятно. Северо-восточная часть Руси подпала под иго Золотой Орды, а украинские земли были разорваны на части и стали добычей литовских, польских и венгерских феодалов, султанской Турции и ее вассала — Крымского ханства. Искусственно разобщенный единый древнерусский народ в своем дальнейшем социально-экономическом развитии дал начало трем братским народностям — великорусской, украинской и белорусской. Однако, несмотря на вынужденное разобщение, братские народы продолжали оставаться близкими друг другу и совместно боролись против гнета иноземных захватчиков, за восстановление былого единства.

В конце XV — начале XVI в., когда сложилось Русское централизованное государство, когда на юге усилилась угроза захватов со стороны султанской Турции и Крымского ханства, а феодалы Литвы и Польши завладели большей частью Украины, — стремление украинского народа к воссоединению с Россией стало проявляться особенно сильно. Русский и украинский народы развивали и укрепляли свои древние экономические, политические и культурные связи. Это содействовало их сближению, благотворно влияло на развитие их культур. Исторические связи двух братских народов еще больше окрепли со второй половины XVI в., когда Русское государство значительно усилилось. В это же время наступил новый этап агрессии польских панов. Захватчики хищнически эксплуатировали хозяйство Украины, закрепощали свободное население, отбирали у крестьянства лучшие земли, усиливали барщину и увеличивали оброк, проводили политику национальной дискриминации, политику насильственного ополячивания и окатоличивания. Вся тяжесть крепостнического и национального гнета на Украине легла на крестьянство, городскую бедноту и казацкие низы. Над украинским народом нависла угроза уничтожения. Но свободолюбивый украинский народ неустанно вел самоотверженную борьбу против гнета чужеземных поработителей, за свою

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 74.

свободу и национальную независимость, за воссоединение с братским русским народом.

В своей борьбе против угнетателей украинский народ всегда получал неизменную помощь и поддержку от своего старшего брата — великого русского народа. Это проявлялось в самых разнообразных формах. Российское государство оказывало украинскому народу материальную помощь, дипломатическую поддержку, русское правительство предоставляло убежище переселенцам. Наконец, русские люди сражались бок о бок с украинцами в народном войске. Эта постоянная поддержка братского русского народа помогла украинскому народу устоять, продолжать борьбу против чужеземных захватчиков, избежать порабощения, спасти и сохранить свое единство, воссоединиться с великим русским народом в едином Российском государстве.

В XVI в. усилилась борьба украинского народа против иноземных завоевателей. Основной и решающей силой в этой борьбе было крестьянство, боровшееся не только против иноземного ига, но и против социального угнетения. Одно за другим вспыхивают с конца XVI и в первой половине XVII в. народные восстания: в 1591 г. — под руководством К. Косинского, в 1593—1594 гг. — во главе с С. Наливайко, в 1630 г. — во главе с Т. Трясило, в 1635, а затем в 1637 г. — под руководством Павлюка, Скидана и Гуни, в 1638 г. восстание возглавил Я. Остригин. С каждым выступлением движение приобретало все больший размах. Народные массы не хотели мириться с гнетом польских панов. Все большие размеры принимало и переселение украинцев в пределы Русского государства, где переселенцам отводили землю, оказывали всемерную помощь. Усилилось сопротивление крестьянства и в Западной Украине.

Все это потрясло основы панской Польши и должно было неминуемо сказаться в освободительной войне украинского народа 1648—1654 гг. в которой он одновременно боролся за освобождение от ига панской Польши и за воссоединение с братским русским народом. Во главе борющегося народа встал славный сын его, талантливый полководец и прозорливый государственный деятель Богдан Хмельницкий — выразитель многовековых чаяний и стремлений трудового люда Украины. Завершением славного дела, которому в течение ряда лет героической освободительной борьбы против поработителей народ отдавал все свои силы, явилось воссоединение украинского и русского народов в едином Российском государстве.

8 (18) января 1654 г., собравшись на Переяславскую Раду, украинский народ изъявил свою волю навеки воссоединиться с единокровным русским народом.

«Актом воссоединения, — говорится в одобренных ЦК КПСС тезисах о 300-летию воссоединения Украины с Россией, — украинский народ закрепили исторически сложившуюся тесную и неразрывную связь с русским народом, в лице которого он обрел великого союзника, верного друга и защитника в борьбе за свое социальное и национальное освобождение»².

История подтвердила жизненность нерушимого братского союза русского и украинского народов. Соединение с Россией спасло Украину от порабощения панской Польшей и поглощения султанской Турцией. Воссоединение братских народов способствовало и дальнейшему укреплению Российского государства, подъему его международного значения.

После продолжительной совместной борьбы к концу XVIII в. вся левобережная и правобережная Украина была освобождена из-под власти Речи Посполитой. В конце XVII в. была остановлена турецкая

² «Правда» от 12 января 1954 г.

агрессия, а к концу XVIII в. в результате победоносных войн с Турцией было освобождено украинское Причерноморье и ликвидировано Крымское ханство. В начале XVIII в. совместная борьба русского и украинского народов привела к полному разгрому шведской так называемой «непобедимой» армии Карла XII и кучки изменников, руководимых гетманом Мазепой. В результате этой победы украинский, белорусский и другие народы Восточной Европы были еще раз спасены от иноземного порабощения.

Полным поражением закончилась попытка поработить народы нашей страны и в 1812 г. Полчища Наполеона были разгромлены и выброшены за ее границы. В составе русской армии сражалось много украинцев, оказавших немалую помощь в изгнании чужеземных захватчиков из пределов Российского государства. Славный сын украинского народа Т. Г. Шевченко, отмечая патриотический подъем среди украинского народа во время Отечественной войны 1812 г., его стремление встать на защиту Родины, писал: «...из конца в конец по всему царству раздался клич, чтобы выходили и стар и млад заливать вражескою кровью великий пожар московский».

Достиг этот судорожный клич и до пределов нашей мирной Украины. Зашевелилась она, ...зашевелилось охочекомонное и охочепешее ополчение малороссийское»³.

Украинский народ боролся вместе с русским народом не только против внешних врагов, но и против феодального гнета и крепостнического режима царского самодержавия. Яркими примерами тому являются большая поддержка, оказанная украинцами восстанию под руководством Степана Разина, участие отрядов украинских крестьян в крестьянском восстании, возглавленном Емельяном Пугачевым. В гайдамацком движении на Украине в середине XVIII в. участвовали русские крестьяне.

Русский и украинский народы еще больше сблизилась в совместной борьбе против общих угнетателей в эпоху капитализма. Эту борьбу возглавили самый революционный в мире русский пролетариат и его боевой авангард — Коммунистическая партия.

Царизм, злейший враг русского, украинского и других народов России, проводил и на Украине политику жестокого национально-колониального угнетения, насильственной руссификации. Волчья политика натравливания народов России друг на друга служила укреплению классового господства помещиков и буржуазии. Против этой позорной политики совместно боролись передовые деятели русского и украинского народов.

Совместная борьба, общность интересов русского и украинского народов не могли не вызвать взаимного стремления ближе познакомиться с народной жизнью, с культурой и бытом народа. Естественен поэтому тот интерес, который возникает в России к Украине и на Украине — к России. У передовых деятелей русской науки растет интерес к изучению украинского народа. Так, еще В. Н. Татищев, много сделавший для развития отечественной истории и этнографии, изучал происхождение славянских народностей, в том числе и славян, населяющих территорию Украины. Русский путешественник и этнограф В. Ф. Зуев впервые изучал освобожденный от турецкого ига и воссоединенный с Россией южнорусский край. Зуев один из первых дал описание быта запорожцев; он пророчил большое будущее «железному краю» — нынешнему Криворожью.

Передовые деятели русской культуры с большим интересом изучали быт украинского народа. Первый оригинальный труд по украинской этнографии принадлежал русскому филологу Гр. Калиновскому. Это —

³ Т. Шевченко, Повна збірка творів в трьох томах, т. II, Київ, 1949, стр. 307.

«Описание свадебных украинских простонародных обычаев, в Малороссии и в Украинской губ., також и в великороссийских слободах, на селенных малороссиянами, употребляемых». Труд этот был издан в Петербурге в 1772 г.

В 1845 г. было создано Русское географическое общество, имевшее в своем составе этнографическое отделение. Общество, объединив вокруг себя передовых деятелей того времени, особое внимание уделяло изучению народов России. Русское географическое общество оказало большое влияние на развитие украинской этнографии, центром которой стал Киевский университет.

Большой интерес к жизни украинского народа, к его борьбе за национальную независимость проявили русские революционеры-демократы «Слившись навеки с единокровной ей Россией,— писал В. Г. Белинский,— Малороссия отворила к себе дверь цивилизации, просвещения, искусству, науке... Вместе с Россией ей предстоит теперь великая будущность»⁴.

Революционные демократы 50—60-х годов XIX в., особенно Н. А. Добролюбов и Н. Г. Чернышевский, с большим вниманием относились к развитию науки и культуры на Украине. Борясь против всего реакционного, против косности, рутины, они резко критиковали националистические писания Кулиша и ему подобных, стремившихся идеализировать жизнь в крепостном селе, затушевывать тяжелое положение крестьянских масс. Добролюбов и Чернышевский призывали учиться у Т. Шевченко, у Марко Вовчок тому, как надо изучать и отображать жизнь народа. Подчеркивая неразрывную связь украинского и русского народов, Добролюбов писал: «У нас нет причин разъединения с малорусским народом; мы не понимаем, отчего же, если я из Нижегородской губернии, а другой из Харьковской, то между нами уже не может быть столько общего, как если бы он был из Псковской»⁵. В то же время, борясь с великодержавным шовинизмом, русские революционные демократы отстаивали право на самостоятельное существование украинского народа, его языка, его культуры.

Под непосредственным влиянием передовой русской культуры формировалось творчество единомышленника и соратника революционных демократов, борца за счастье народов России, великого сына Украины Т. Г. Шевченко. Революционные идеи передовой, демократической русской культуры нашли свое яркое отражение в деятельности И. Франко, П. Грабовского, М. Коцюбинского, посвятивших всю свою жизнь борьбе за счастье и свободу трудового народа. Прогресс украинского народа они мыслили не иначе, как в тесном союзе с великим русским народом. «Мы все руссофилы, слышите, повторяю еще раз: мы все руссофилы. Мы любим великорусский народ и желаем ему всякого добра». «Мы чувствуем себя солидарными с наилучшими сынами русского народа, и это крепкая, постоянная и светлая основа нашего руссофильства»⁶,— заявлял от имени всех передовых людей Украины Иван Франко.

Подчеркивая, что Украина должна учиться на достижениях русской революционно-демократической культуры, И. Франко указывал: «Мы не забываем и не смеем забывать, что главная сила, основное ядро нашего народа находится в России, что там появились и трудились да и теперь трудятся самые большие таланты... самые лучшие работники нашей науки»⁷. В частности, И. Франко неоднократно ставил в пример передовую русскую этнографию.

Тесная связь двух народов, их передовых деятелей благотворно влия-

⁴ В. Г. Белинский, Избранные философские сочинения, т. I, М., 1948, стр. 519.

⁵ Н. А. Добролюбов, Избранные произведения, М.—Л., 1947, стр. 243.

⁶ И. Франко, Літературно-критичні статті, Київ, 1950, стр. 53—54.

⁷ Там же, стр. 36.

яла на развитие лучших элементов их национальных культур. Мыслимы ли Гоголь без украинского фольклора или Репин без яркого украинского колорита в ряде его полотен? А между тем примеры такого рода можно без труда умножить.

Злейшие враги украинского народа — украинские буржуазные националисты — стремились всеми мерами разорвать многовековую связь между украинским и русским народом. С этой целью националистически настроенные, буржуазные ученые пытались, вопреки очевидным фактам, «доказать» обособленность украинцев, их языка и культуры от русских. Антрополог Ф. Вовк (Ф. К. Волков) сделал попытку «доказать» на антропологическом материале отсутствие родственных связей между украинцами и русскими. Полная необоснованность подобных измышлений была тогда же хорошо показана Д. Н. Анучиным.

Даже близость русского и украинского языков была взята под сомнение буржуазно-националистическими лжеучеными. Так, например, некто Степан Смаль-Стоцкий со всей серьезностью пытался «доказать» в своей книге, изданной в Праге в 1927 г., что украинский язык ничуть не ближе к русскому, чем к любому другому славянскому языку, и что вообще восточнославянская группа языков (к которой, как известно, относятся русский, украинский и белорусский) есть будто бы «фикция». Для того чтобы опровергнуть эту нелепую теорию, нет надобности быть лингвистом, ибо близость и взаимная понятность русского и украинского (как и белорусского) языков — очевидный для всякого факт. Этот факт был многократно обоснован историко-лингвистическими исследованиями Востокова, Потебни, Соболевского, Шахматова, Ушакова и других языковедов.

Украинские буржуазные националисты пытались и в чисто этнографических фактах найти повод к тому, чтобы противопоставить украинский народ русскому. Такая тенденция видна в работах Сумцова, того же Волкова и других, которые исходили из ложного предположения, будто русская (великорусская) культура складывалась под сильным влиянием финноязычных и тюркоязычных народов, в то время как украинская культура якобы в большей степени сохранила свою древнеславянскую основу, а если и подвергалась влиянию, то преимущественно со стороны Византии.

Все эти утверждения глубоко порочны. Конечно, нельзя отрицать, что в культуре любого народа, в том числе и русского (как и украинского), есть следы влияния соседних народов. Культура русского народа развивалась в течение веков как плод труда и творчества прежде всего самого народа, но русский народ, оказывая положительное влияние на своих соседей, в то же время воспринимал и творчески усваивал ценные черты их культуры. То же следует сказать и об украинцах. Так как условия развития хозяйства и культуры были во многом неодинаковы в северной лесной и лесостепной полосе восточноевропейской равнины, где живут русские, и в южной лесостепной и степной полосе, где живут украинцы, то у каждого из этих народов выработались и некоторые особенности культуры. К этому надо прибавить, что русские больше общались с финноязычными народами, оказывая на них глубокое прогрессивное культурное влияние и кое-что, в свою очередь, заимствуя от них, а украинцы больше общались с тюркоязычными народами степи. Влияние византийской культуры было, пожалуй, одинаковым для украинцев и русских уже по одному тому, что это влияние приходится в основном на ту эпоху, когда еще не сложилась ни украинская, ни русская народность.

Однако при всей специфичности культурного развития каждого из братских народов в зависимости от исторических и географических условий, древняя общая основа культуры русских, белорусов и украинцев прослеживается и сейчас с полной ясностью. В целом ряде черт как

материальной, так и духовной культуры трех восточнославянских народов сказывается эта глубокая историческая общность.

Возьмем технику земледельческого хозяйства русских, украинцев белорусов. При всей специфичности природных условий разных зон земледелия выделяются общие древние черты: старинные пахотные орудия бесполозного типа (у других европейских народов почти повсеместно с полозом) — украинское «рало», великорусская «черкуша» и т. п., позв. смененные более совершенными орудиями; плетеная или деревянная борона; зазубренный серп (в отличие от гладкого у народов Центральной Европы); молотильный цеп; устройство ветряных и водяных мельниц; все это общие черты восточнославянского земледельческого хозяйства.

Возьмем народную архитектуру. Внешний вид украинской хаты-«мазанки» сразу отличает ее от великорусского и белорусского крестьянского жилища, но, во-первых, мазанка существует не у всех украинцев: в северной лесной полосе и в Карпатах украинцы живут в таких же срубных необмазанных домах, как и русские; во-вторых, и главное, внутренняя планировка жилья, характерные черты его устройства одни и те же у всех восточных славян: трехраздельный план — изба (хата) + сени + клеть (комора); «русская» (или духовая) печь, столь типичная для всех восточных славян; непрерывный «красный» угол по диагонали от печи и т. п. Все эти черты, как и ряд других, говорят о глубокой общности культуры жилища у русских, украинцев и белорусов.

То же касается и одежды. Все основные и более древние ее черты являются общими для трех братских народов: женская рубашка из домашнего холста с рукавами, с наплечными вставками (поликами), с вышивкой по вороту, рукавам, подолу; поясная одежда типа русско-белорусской поневы, украинской плахты; скроенная в талию верхняя распашная одежда и многое другое. При всем необычайном разнообразии и красочности народного костюма основные элементы его у братских восточнославянских народов одни и те же.

Ту же глубокую общность нельзя не заметить и в духовной культуре. Христианство наложило глубокий отпечаток на верования русских, белорусов и украинцев, но оно не могло уничтожить более древнее, чисто народное стихийно-материалистическое мировоззрение. Это мировоззрение выразилось в характерных обрядах, связанных с земледелием, скотоводством, промыслами, с семейной жизнью — рождением детей, свадьбой, похоронами и пр. Они одни и те же у всех восточнославянских народов.

Художественный гений обоих народов создал необычайно разнообразные формы народного творчества, но в глубоких своих основах оно едино. В изобразительном декоративном искусстве древнейший чисто геометрический орнаментальный стиль сохранился и у южных украинцев, и в белорусско-украинском Полесье, и у южных великорусов. В народной музыке русских и украинцев также обнаруживается значительная общность. Большая общность проявляется и в народной поэзии.

В целом, таким образом, данные этнографии, явления народной культуры со всей определенностью опровергают националистические вымыслы Волкова и его единомышленников.

* * *

Навеки воссоединившись, братские украинский и русский народы, совместно борясь против общих внутренних и внешних врагов, под руководством Коммунистической партии, пришли к победе Великой Октябрьской социалистической революции и вместе с другими народами СССР строят коммунизм.

«В результате Октябрьской социалистической революции,— говорится в тезисах о 300-летию воссоединения Украины с Россией,— в нашей стране было создано первое в мире социалистическое государство рабо-

чих и крестьян, которое провозгласило политику мира и дружбы народов, равенство и суверенность всех народов России, сплотило народы нашей Родины в единую братскую семью под знаменем пролетарского интернационализма.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции в центре России дала могучий толчок развитию пролетарской революции во всей России.

Украинский народ, прошедший с великим русским народом длительный путь совместной революционной борьбы, первым, вслед за русскими братьями, вступил на путь Октябрьской социалистической революции, положив начало новой и славной эпохи своей истории».

25 декабря 1917 г. Первый съезд Советов Украины провозгласил Украинскую Советскую Социалистическую республику. Выражая единодушную волю рабочих и крестьян Украины, съезд Советов торжественно заявил о необходимости тесного союза Советской Украины с Советской Россией. Началась новая, славная эпоха в истории украинского народа — эпоха развития и укрепления братского союза обоих народов.

Еще накануне революции великий вождь трудящихся всего мира В. И. Ленин, борясь против украинских буржуазных националистов, писал: «При едином действии пролетариев великорусских и украинских свободная Украина *возможна*, без такого единства о ней не может быть и речи»⁸.

Эти пророческие слова украинский народ пронес сквозь бури революционных битв, сохранил свою верность им и золотыми буквами высек на памятнике великому Ленину в столице Украины — древнем Киеве.

Выдержав все испытания в период Великой Октябрьской социалистической революции, эта дружба окрепла и закалилась в огне гражданской войны. Под руководством Коммунистической партии, с помощью великого русского народа украинский народ отстоял завоевания Октября. Украина была освобождена от иностранных интервентов, националистическая контрреволюция была разгромлена.

Идя плечом к плечу со своим старшим братом — великим русским народом, получая от него постоянную и неизменную помощь, украинский народ в равноправной семье всех советских народов добился величайших успехов. Под руководством Коммунистической партии Украинская республика из аграрной страны превратилась в страну индустриальную. Крупная промышленность Украинской ССР уже в 1952 г. выпустила продукции в 17 раз больше, чем промышленность дореволюционной Украины. Добыча угля увеличилась более чем в 4 раза, выработка электроэнергии — в 37 раз, а продукция металлообрабатывающей промышленности даже в 69 раз. С победой коллективизации СССР стала страной высокопродуктивного сельского хозяйства. На полях Украинской ССР работают сейчас 182 тысячи тракторов (в переводе на 15-сильные), 51 тысяча зерновых комбайнов, десятки тысяч сложных сельскохозяйственных машин. Мудрая ленинско-сталинская национальная политика обеспечила расцвет национальной по форме, социалистической по содержанию культуры украинского народа. В школах Украинской ССР обучается свыше 6,5 млн детей, в 144 вузах — свыше 177 тысяч студентов, работают десятки тысяч культурно-просветительных учреждений, клубов, библиотек и дворцов культуры.

Только благодаря бескорыстной помощи русского и других народов СССР Украина не только отстояла свою свободу и независимость в кровопролитной борьбе с злейшим врагом человечества — немецким фашизмом, но и осуществила извечную мечту своего народа — объединила все украинские земли в едином Украинском Советском государстве. Опираясь на поддержку и помощь всех советских народов, и прежде всего русского

⁸ В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 14.

народа, Украина в короткий срок залечила раны войны, восстановила свою экономику и уверенно идет по пути строительства коммунизма. Вместе со всеми народами СССР украинский народ энергично борется за укрепление мира во всем мире, крепит мощь социалистического государства. Украинская ССР явилась одним из учредителей Организации Объединенных Наций, где она вместе с Белорусской ССР, делегациями Советского Союза и стран народной демократии ведет последовательную борьбу за укрепление сотрудничества между всеми народами.

Украинская Советская Социалистическая республика была и остается неотъемлемой составной частью великого Союза Советских Социалистических Республик. Залогом процветания украинского народа, как и других народов нашей страны, является братский союз с русским народом и всеми народами СССР. Вот почему ЦК КПСС, Совет Министров СССР и Президиум Верховного Совета СССР в своем постановлении «О 300-летию воссоединения Украины с Россией» призывают все народы нашей страны отметить это знаменательное событие как общенародный праздник, как день торжества национальной политики Коммунистической партии Советского Союза.

ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

НОВАЯ НАХОДКА МУСТЬЕРСКОГО ЧЕЛОВЕКА В СССР

А. А. ФОРМОЗОВ

СТОЯНКА СТАРОСЕЛЬЕ БЛИЗ БАХЧИСАРАЯ — МЕСТО НАХОДКИ ИСКОПАЕМОГО ЧЕЛОВЕКА

Горный Крым принадлежит к числу тех районов нашей страны, где наиболее перспективны поиски стоянок человека эпохи палеолита и его костных остатков. Раскопки в пещерах Крыма, проведенные К. С. Мережковским, Г. А. Бонч-Осмоловским, О. Н. Бадером, С. Н. Бибиковым и другими исследователями, дали огромный материал по истории древнейшего человечества, прочно вошедший в мировую археологическую и антропологическую литературу. При этих раскопках обнаружены многослойные стоянки Киик-коба, Волчий грот, Сюрень I, Шан-коба, позволяющие проследить, опираясь на четкую стратиграфию, развитие материальной культуры человека в Крыму от раннего мустье до неолита. Исключительный интерес для антропологии представляют костные остатки человека, найденные в мустьерской стоянке Киик-коба и в мезолитических стоянках Фатма-коба и Мурзак-коба.

К сожалению, после войны работы по изучению палеолита Крыма прервались. Только в 1952 г. мы возобновили их, проведя разведки в Бахчисарайском районе. Важнейшим результатом разведок было открытие мустьерской пещерной стоянки в поселке Староселье близ Бахчисарая¹. Это стоянка и явилась основным объектом работ Крымской палеолитической экспедиции 1953 г.² Раскопки 1953 г. в Староселье увенчались находкой скелета ребенка мустьерского времени, что выдвигает эту стоянку на одно из первых мест в ряду палеолитических памятников СССР и требует ее детального изучения. Здесь мы постараемся дать предварительное сообщение о раскопках 1953 г. в Староселье и об условиях находки скелета человека на стоянке.

Стоянка расположена в большом скальном навесе в балке Канлы-дере, прорезывающей высокий левый берег р. Чурук-су на восточной окраине гор. Бахчисарая, в пределах поселка Староселье (рис. 1 и 2). Навес на правом берегу балки обращен входом на запад, будучи совершенно закрыт от холодных северных и восточных ветров. Левый берег

¹ Отчеты о наших разведках 1952 г. см. в «Бюллетене Комиссии по изучению четвертичного периода», 1953, № 18, и в «Кратких сообщениях ИИМК», вып. 54, 1954.

² Экспедиция была организована Ин-том истории материальной культуры АН СССР и Музеем пещерных городов Крыма. Участники работ — А. А. Формозов, В. П. и Т. И. Алексеевы и А. А. Щепинский.

Канлы-дере неплохо защищает его от ветра и с запада и юга. Высота пещеры над дном балки 11 м. Пещера расположена в 200 м южнее р. Чурук-су. Весьма вероятно, что во время существования человека

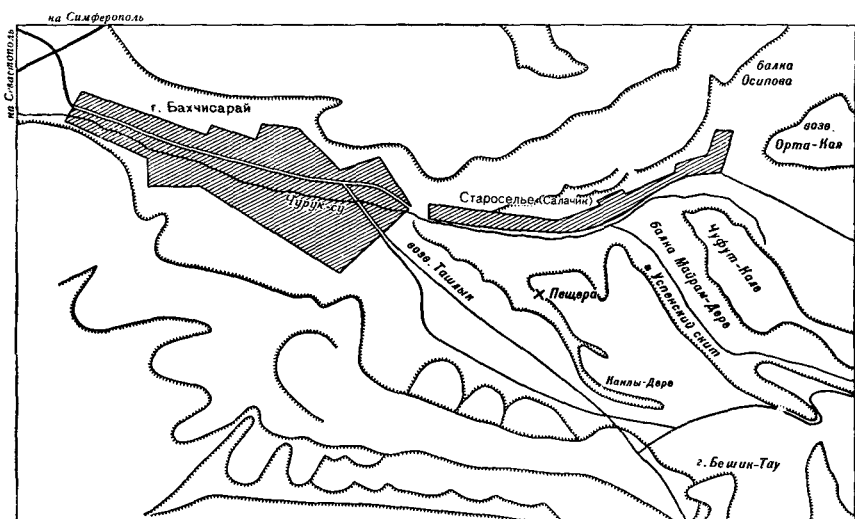

Рис. 1. Местоположение пещерной стоянки Староселье

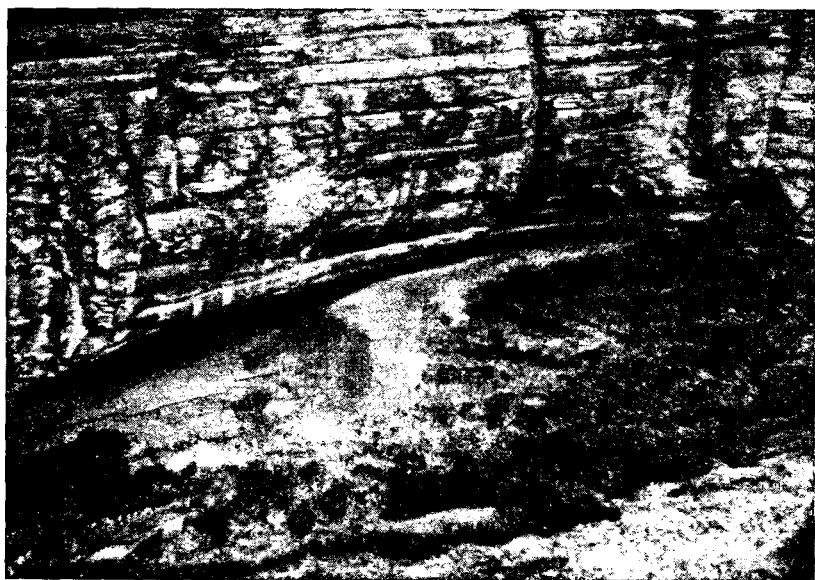

Рис. 2. Общий вид пещеры Староселье

пещере вода текла и по Канлы-дере, притом на более высоком уровне. Верховья этой балки обводнены и сейчас.

Наряду с защищенностью от ветра и близостью воды благоприятным условием для обитания человека в пещере было наличие в ней конкреций черного кремня хорошего качества. Этот кремень включен в известняках, к которым приурочена пещера, относящихся, по заключению проф.

М. В. Муратова, к датскому ярусу мела. Человек имел возможность добывать конкреции кремня прямо из пола пещеры, сложенного песчанистыми известняками, характерными для низов датского яруса (помимо местного материала, для изготовления орудий использовался и приносной кремень — серо-голубой из района с. Мангуш в 6—8 км от Бахчисарая и коричневатый — гальки с реки Качи, текущей примерно на таком же расстоянии от города).

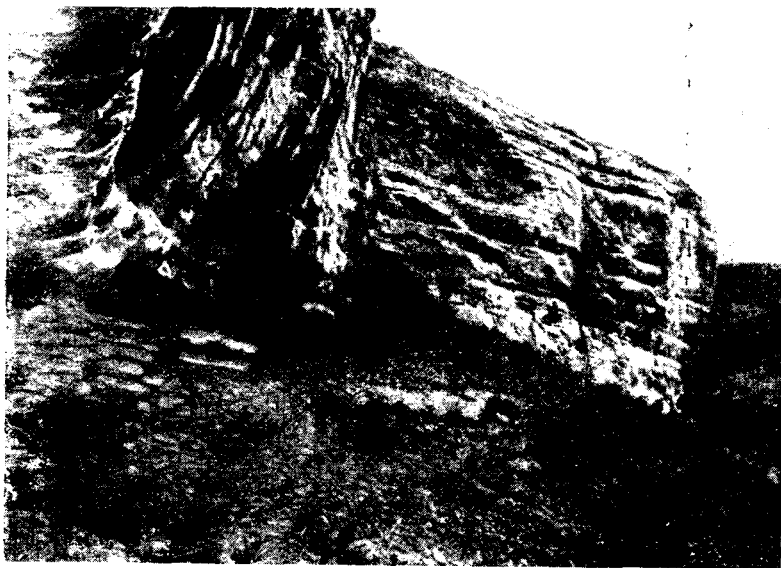

Рис. 3. Южная часть пещеры Староселье — место находки скелета человека

Навес имеет большие размеры. Длина его 56 м, наибольшая ширина 16 м. Пещера состоит из двух полукруглых ниш, соединенных неширокой перемышкой. Нижняя по балке (северная) часть пещеры имеет меньшие размеры, чем верхняя, но лучше ее укрыта навесом (высотой 4 м). В верхней части карниз навеса в значительной степени обрушился еще до поселения в пещере мустьерского человека, жившего на слое обвалных плит. Сделанная именно в этой части пещеры находка скелета человека приурочена, таким образом, строго говоря уже не к пещере, а к прилегающей площадке, которая также была заселена человеком (рис. 3). Большой размер навеса и благоприятные природные условия, в которых он расположен, делали его очень удобным для долговременного поселения большой первобытной общины. Обилие находок, распространение их по всей пещере, насыщенность ее отложений культурными остатками говорят о том, что первобытный человек полностью оценил эти возможности. К сожалению, нижняя часть пещеры утрачена для раскопок, ибо здесь в эпоху средневековья была устроена каменоломня, культурные остатки из пещеры были вычищены, а из ее пола был вынут ряд плит камня. Большая, южная часть пещеры и ее центральная часть (перемышка между двумя отделениями пещеры) сохранились для раскопок. Наши раскопки 1952 и 1953 гг. захватили центральную часть навеса. В 1953 г. в центре южного отделения пещеры был заложен разведочный раскоп, в котором и был найден костяк человека (рис. 4).

Раскопки в центральной части навеса позволили установить, что культурные остатки находятся здесь в несколько смещенном по сравнению

с первоначальным положением в виде. Они связаны с залегающими полу пещеры двухметровым слоем гравия, включающим крупные окатанные известняковые плиты, частью окатанные, частью угловатые. Между этими плитами, среди мелких окатанных железисто-окрашенных гравийных осколков, в разном положении, не образуя никаких комплексов, и залегают орудия и кости животных. Характер отложений, вскрытых раскопом, по заключению проф. В. В. Богачева, позволяет определить как отложения силевых потоков, сбегавших после дождей с поверхности плато левого берега р. Чурук-су. На южном конце навеса ясно прослеживается

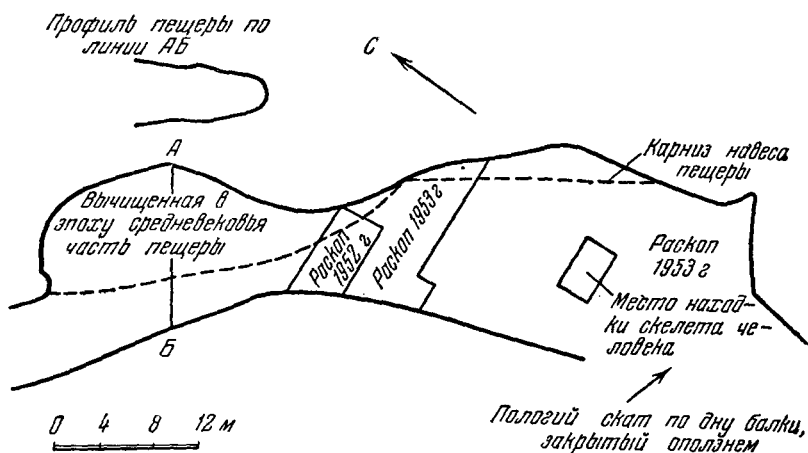

Рис. 4. План пещеры Староселье у Бахчисарая

валяется желоб, идущий с плато к пещере, по которому и сейчас по дождям стекают потоки воды, снося окатанный материал с поверхности плато и отлагая его конусом выноса. Стекает вода на площадку навеса и в его центральной части. Эти потоки, шедшие по полу пещеры, переносили культурные остатки, частично на месте, частично сдвигая их по склону. Не следует, однако, думать, что потоки были настолько мощными, чтобы переносить материал на большое расстояние. Они перемещали в основном в пределах определенных участков пещеры. Об этом говорят отсутствие следов окатывания на кремнях и кости.

Рассмотрение поперечного профиля пещеры позволило отметить, что слой гравия не везде одинаков. В пониженных участках пола пещеры лежит 40—70-сантиметровый слой мелкого гравия без культурных остатков. Его перекрывает слой гравия с большим числом окатанных крупных плит известняка, заключающий культурные остатки человека. Мощность слоя колеблется от 50 см до 1 м; находки связаны главным образом с верхней частью слоя. Этот слой закрыт непосредственно дерном и плитами, упавшими с потолка пещеры в недавнее время. На основании этих наблюдений можно заключить, что силевые потоки шли через пещеру и отлагали в ней гравий еще до поселения человека. Во время жизни человека в пещере деятельность силевых потоков была особенно сильна. Они снесли в пещеру основную массу гравия и крупные окатанные камни. В послемустьерское время силевые отложения почти не накапливались. Навес стал более сухим.

Синхронность мустьерской эпохи влажному периоду в истории Крыма отмечается не в первый раз. При раскопках пещеры Чокурча С. И. Зайцев отметил чередование культурных слоев со стерильными прослоями с растительными остатками, указывающими на «существование каких-то

более влажных и более сухих периодов»³. По мнению проф. В. В. Богачева, усиленное выпадение дождей в Крыму синхронно рисскому оледенению Русской равнины. Это согласуется с датировкой конца мустьерской эпохи, принятой советскими геологами и археологами⁴.

Существенно иную стратиграфию, чем в основном раскопе 1953 г., мы проследили в разведочном раскопе в южной части навеса. Материал здесь лежит в слое неокатанных крупных камней, упавших с потолка пещеры, лишенном включений железисто-окрашенного гравия. Скопление кремневых чешуек в северо-восточном углу раскопа явно не переме-

Рис. 5. Костяк ребенка в процессе расчистки

шено. Залегание костяка человека в потревоженном виде также говорит о ненарушенности культурных остатков в этом участке пещеры. Объясняется это тем, что культурный слой мустьерского времени лежит здесь не на полу пещеры, а на рухнувшем своде навеса, метра на 4 выше ее пола. Этот повышенный участок пола навеса, естественно, не подвергался такому воздействию текучих вод, как более низкие его участки. Этим обстоятельством мы и обязаны сохранению скелета человека.

Не будем останавливаться на аргументации в пользу того, что это не впускное погребение. Она приведена в публикуемом ниже заключении комиссии в составе Я. Я. Рогинского, М. М. Герасимова и С. Н. Замятни-на, посетивших наши раскопки и обследовавших условия находки костных остатков человека. Напомним только, что костяк лежал под насыщенным обвальными плитами 40-сантиметровым слоем с находками мустьерского времени, на границе этого слоя со стерильной толщей более

³ С. И. Забнин, Новооткрытая палеолитическая стоянка в Крыму, «Известия Таврического об-ва истории, археологии и этнографии», т. II, Симферополь, 1928, стр. 50.

⁴ В. И. Громов, Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР, Труды Ин-та геолог. наук АН СССР, вып. 64, 1948, стр. 383—385.

мелкого известнякового материала, лежащего на слое обвала. Следы мустьерского времени не видно. Можно предположить, что труп (положен на поверхность пола пещеры и прикрыт слоем земли и камня. Если это так, то он относится ко времени начала образования мустьерского слоя. Менее вероятно, что он зарыт в конце обитания человека в пещере, так как это потребовало нарушения слоя обваловых плит перекрывающих костяк человека, и рытье ямы для трупа. Если же следовать первому предположению, понятно, что засыпанный землей костяк был позднее перекрыт слоем обвала плит известняка и культурным слоем мустьерского времени. Находок орудий или других каких-либо предметов, связанных со скелетом человека, не было.

Костяк принадлежит ребенку возрастом не более двух лет. Он лежал на спине с вытянутыми ногами, причем череп и грудная клетка завалились на правую сторону. Левая рука была полусогнута в локте, и ее фаланги лежали в области таза, правая — как будто вытянута вдоль тела. Голова скелета обращена на запад, в сторону балки Канлы-дере (рис. 5, 6).

Находка скелета ребенка в Староселье не дает нового решающего материала к дискуссии о погребениях мустьерского времени, возникшей на страницах «Советской этнографии»⁵. Все же нужно отметить, что хорошая сохранность хрупких костей скелета ребенка и залегание его в слое в непо потревоженном виде говорят о том, что труп был сознательно зарыт, а не просто валялся, разлагаясь на площади мустьерского поселения. В последнем случае при разложении тела кости не могли бы сохранить столь правильного положения, какое мы могли наблюдать.

Интересна и ориентировка скелета. Головой на запад обращены три мустьерских погребения (Мугарет эт Табун I, Мугарет эс Схул V, Ла Шаппель о Сен). Пять других погребений ориентированы по антитезе головой на восток. Ориентированные на север или юг погребения мустьерского времени неизвестны⁶. Все это говорит в пользу предположения о наличии погребений в эпоху мустье, хотя, конечно, далеко не решает этот спорный вопрос.

Прежде чем перейти к характеристике кремневых орудий, найденных в пещере Староселье и датирующих костные остатки человека, скажем несколько слов о фауне стоянки. Кости животных из раскопок 1952 г.

⁵ См. статьи М. С. Плисецкого, «Советская этнография», 1952, № 2, и А. П. Окладникова, «Советская этнография», 1952, № 3.

⁶ См. указ. статью А. П. Окладникова, стр. 168.

Рис. 6. Положение костяка ребенка

были определены В. И. Грозовым, установившим, что основную массу среди них составляют остатки дикого осли (8 особей). Единичными костями представлены бык, олень (возможно, северный) и какой-то мелкий хищник. В 1953 г. в Староселье найдены, по определению Н. К. Верещагина, кости дикого осли (основная масса находок), дикой лошади, благородного оленя, косули, сайги, тура (?), барана (?), шерстистого носорога, мамонта, лисы, волка, пещерной гиены и зайца-русака. Состав фауны Староселья близок к составу фауны других мустьерских стоянок Крыма. Как и в них, в Староселье кости крупных стадных травоядных сравнительно малочисленны, а среди находок больше всего костей копытных. Резкое преобладание в фауне дикого осли является, однако, специфичным только для Староселья; в других крымских стоянках эпохи мустье преобладают остатки лошади или оленя.

Наряду с определением видового состава фауны, в 1952 г. И. Г. Пидопличко были проведены анализы возраста костных остатков методом прокаливания. Было обработано четыре образца, давших показатели 402, 418, 495, 509 — в среднем 456. Эти показатели значительно меньше средних показателей, полученных для других мустьерских стоянок (Ахштырская пещера — 706, Кодак — 611, Ильинка — 600, Тешик-Таш — 596, Ильская — 518), но значительно больше, чем показатели, вычисленные для стоянок верхнепалеолитических (Пушкари — 339, Мезин — 309, Гонцы — 287, Мальта — 216 и т. д.). Ближе всего к коэффициенту прокаливания образцов из Староселья коэффициенты, вычисленные для крымской стоянки Чокурча, — 405 и 481⁷. Эти данные говорят о позднемустьерском возрасте стоянки.

О том же свидетельствует и кремневый инвентарь Староселья. За два года раскопок в Староселье на площади в 85 м² было найдено 3730 кремней. Среди 140 орудий представлены: ручные рубильца (20 экз.), остроконечники (35 экз.), скребла (36 экз.), диски (6 экз.), грубые рубящие орудия (3 экз.). Все эти формы очень характерны для мустье (рис. 7—9). Хорошая изученность крымского мустье позволяет, однако, не ограничиться такой обобщенной оценкой возраста стоянки и дает материал для более сложной хронологической и культурной градации памятников.

Мустьерские стоянки Крыма далеко не тождественны по характеру инвентаря. Здесь нам известны, с одной стороны, Киик-коба, давшая примитивно обработанные мелкие изделия с весьма большим процентом орудий двусторонних форм⁸, а с другой стороны, — Волчий грот с очень крупными, в основном односторонне обработанными орудиями⁹. Мы знаем в Крыму стоянку Шайтан-коба, почти лишенную двусторонних орудий, содержащую ряд крупных орудий, изготовленных на пластинчатых отщепках и напоминающих верхнепалеолитические формы¹⁰. В то же время мы знаем пещеру Чокурча, для которой характерны небольшие, очень тонкие двусторонние орудия¹¹, и стоянку Кабази с большим числом специфических дисковидных орудий¹². Несомненно, что не все эти стоянки одновременны. Ясен раннемустьерский возраст Киик-кобы и позднемустьерский — Шайтан-кобы. Наблюдения над стратиграфией Волчьего

⁷ И. Г. Пидопличко, Новый метод определения геологического возраста костей четвертичной системы, Киев, 1952, табл. 41.

⁸ Г. А. Бонч-Осмоловский, Палеолит Крыма, вып. I, Грот Киик-коба, М.-Л., 1940.

⁹ О. Н. Бадер, Исследование мустьерской стоянки у Волчьего грота, «Краткие сообщения ИИМК», VIII, 1940, стр. 90—96.

¹⁰ Г. А. Бонч-Осмоловский, Шайтан-коба, «Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода», 1930, № 2, стр. 61—82.

¹¹ Н. Л. Эрнст, Четвертичная стоянка в пещере Чокурча в Крыму, Труды II Междунар. конфер. Асс. по изуч. четвертич. периода, вып. V, 1934, стр. 184—205.

¹² А. А. Формозов, Возобновление исследований каменного века Крыма, «Краткие сообщения ИИМК», вып. 54, 1954.

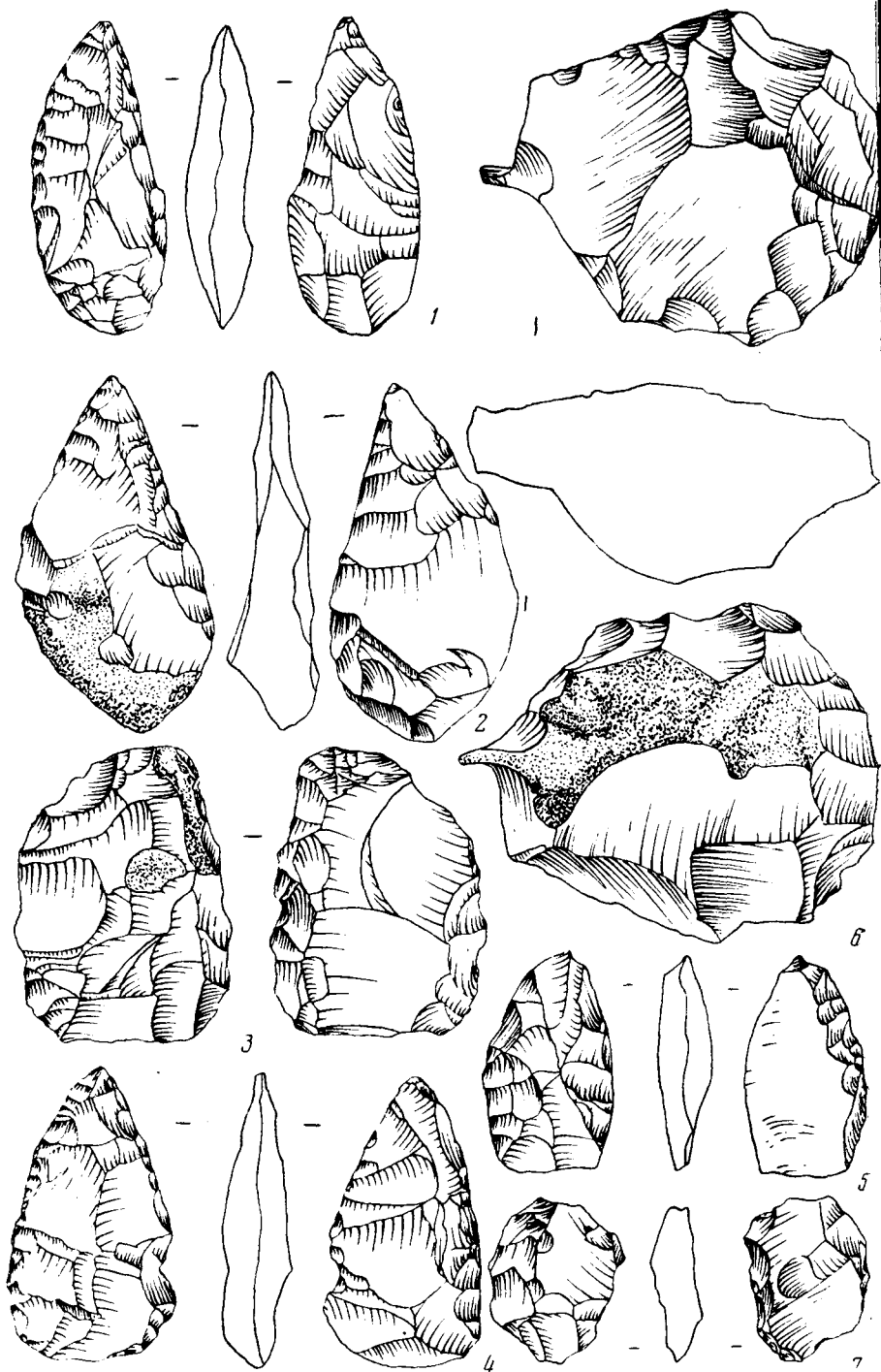

Рис. 7. Кремневый инвентарь стоянки Староселье (2/3 н. в.): 1—5 — рубильца; 6—7 — диски

грома указывают на то, что крупные орудия этой стоянки надо относить к началу мустьерской эпохи. Близость изящных двусторонних орудий к Чокучи к солютрейским формам и ряд геологических соображений говорят о позднемустьерском возрасте этого памятника.

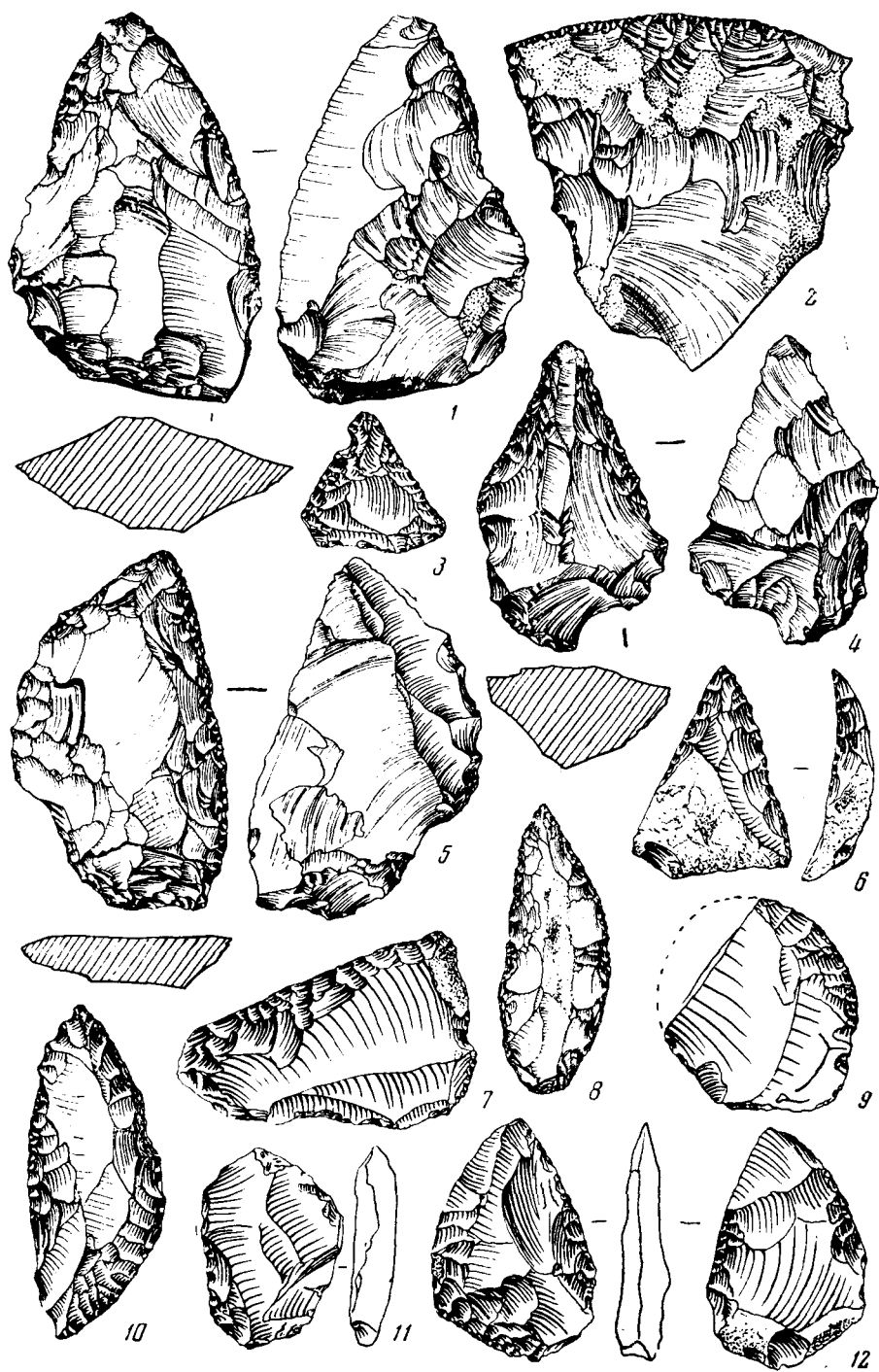

Рис. 8. Кремневый инвентарь стоянки Староселье (2/3 н. в.): 1, 4, 5, 12 — рубильца; 2, 7 — скребла; 3, 6, 8, 10 — остrokонечники; 9 — скребок; 11 — диск

Однако констатация возрастных различий между стоянками крымского мустье недостаточна для того, чтобы связать все их генетически и говорить о последовательной эволюции от одного памятника к другому в пределах мустьерской эпохи. Необходимо признать, что в Крыму сосу-

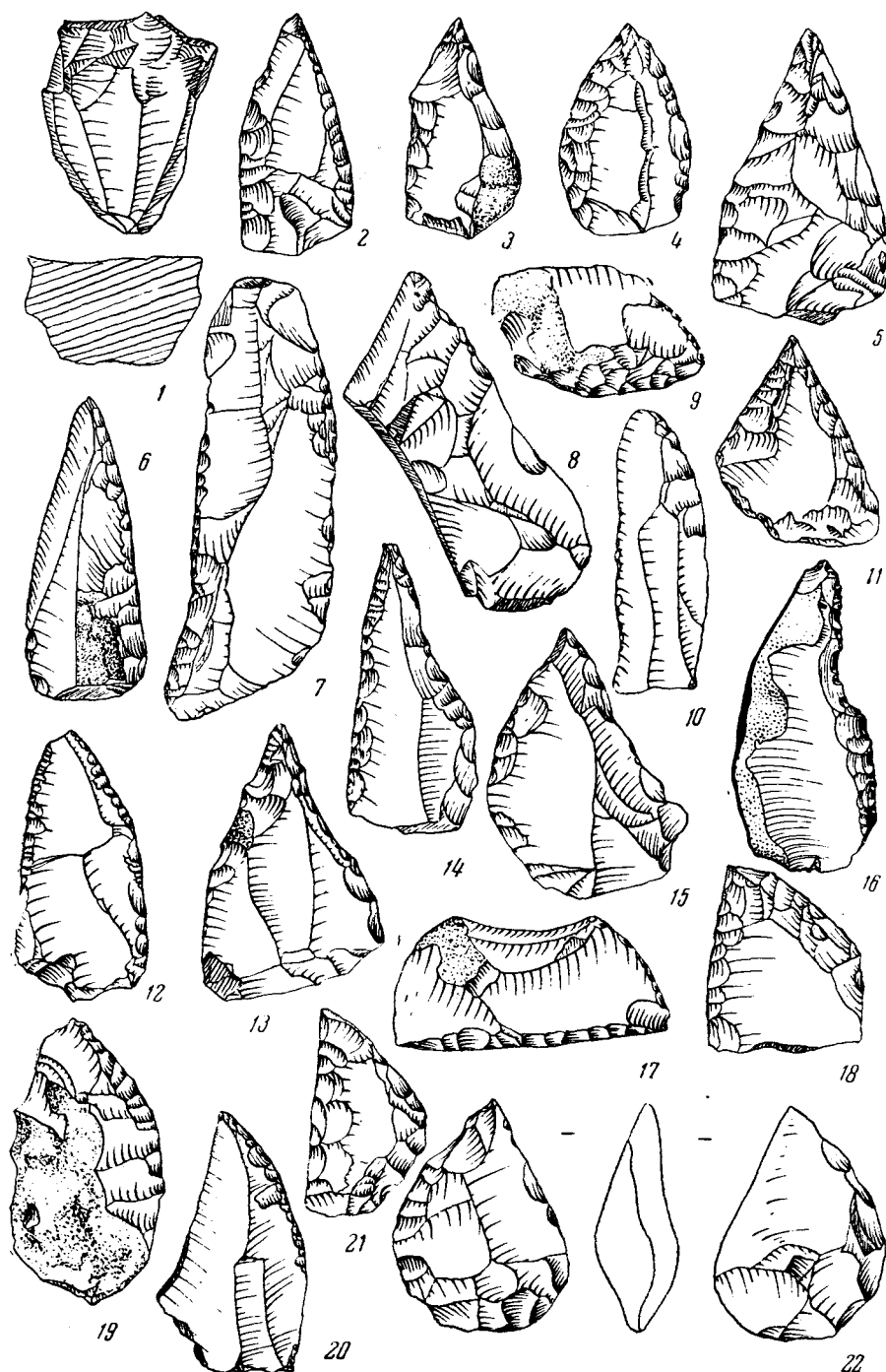

Рис. 9. Кремневый инвентарь стоянки Староселье (2/3 н. в.): 1 — нуклеус; 2—6, 8, 11—15, 18, 21 — остроконечники; 9, 16, 17, 19 — скребла; 7, 10, 20 — пластинки с ретушью; 22 — рубилье

существовали группы людей, обладавшие разной мустьерской техникой. У одних большее развитие получила техника двусторонней обработки орудий, а у других основным приемом их выделки была односторонняя обработка.

Сосуществование памятников с индустрией рубил и отщепов хорошо известно для шелля и ашёля. Советские археологи убедительно показали, что территориально нельзя обособить область культуры рубил и область культуры отщепов, что группы людей с разной техникой жили попеременно¹³. Оба типа обработки кремня были по сути дела знакомы всем этим группам, но в силу определенных технических традиций в обработке камня и разобности древнепалеолитического человечества у разных групп ведущей была разная техника выделки орудий. Это явление характерно не только для ашёля, но, как показывают последние работы А. Н. Рогачева и П. П. Ефименко¹⁴, и для верхнего палеолита. Здесь мы встречаемся с солютрейскими стоянками типа нижнего горизонта Костенок I и Маркиной горы (Костенки XIV), где еще сильны мустьерские традиции обработки кремня, но на этой базе уже развивается солютрейская ретушь. И в то же время мы встречаемся с параллельно существовавшими «ориньякскими» стоянками вроде нижнего горизонта стоянки Тельмана, где нет и следов техники двусторонней обработки. В крымском мустье мы тоже ясно можем различить две линии развития: линию, идущую от ашёльских стоянок с рубилами типа Арзни к Киик-кобе, а далее к Чокурче и, наконец, к Костенкам I, и линию, идущую от стоянок с отщепами типа Яштуха к нижним слоям Волчьего грота, а далее к Шайтан-кобе и «ориньякским» стоянкам.

Стоянка Староселье, давшая значительный процент двусторонне обработанных орудий, большей частью небольших размеров (рис. 8, 1, 4, 5, 12; рис. 7, 1—5), тяготеет, несомненно, к первой группе памятников. Характер рубилец из Староселья говорит о большей близости находок на стоянке к материалам из Чокурчи. Среди двусторонних орудий из Староселья много тонких и мелких рубилец, напоминающих чокурчинские. Они обработаны зачистую длинными, узкими параллельными сколами, которые мы знаем только на позднемустьерских орудиях (рис. 8, 5). Близкую аналогию среди чокурчинских орудий находит и специфическая форма остроконечника — очень узкого, но сравнительно массивного, с округлым тыльным концом и с одной прямой, а другой выпуклой стороной (рис. 8, 8). Такие остроконечники встречаются в Чокурче, при описании которой они не совсем удачно названы сегментовидными орудиями¹⁵. Находит аналогию в Чокурче и своеобразная форма маленького остроконечника в виде равнобедренного треугольника с ретушью по всем сторонам¹⁶, представленная в находках в Староселье (рис. 8, 3).

Близость нашей стоянки к Чокурче подтверждают как анализ фауны обеих стоянок методом прокаливания, так и геологические наблюдения. Предложенная Н. И. Николаевым и М. В. Муратовым схема расположения пещерных стоянок по отношению к уровню реки установила, что чем древнее палеолитическая стоянка, тем выше над рекой она находится¹⁷. Пещера Староселье, как и Чокурча, находится много ниже Киик-кобы, Волчьего грота и других мустьерских стоянок. Все это свидетельствует в пользу позднемустьерского возраста стоянки Староселья и сопоставления ее по культуре с Чокурчей.

О полном тождестве культуры обеих стоянок говорить, однако, нельзя. В Староселье, наряду с небольшими рубильцами, мы имеем ряд

¹³ С. Н. З а м я т н и н. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического человечества. Сб. «Происхождение человека и древнее расселение человечества». Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. XVI, М.-Л., 1950, стр. 98—116.

¹⁴ А. Н. Р о г а ч е в, Некоторые вопросы хронологии верхнего палеолита, «Советская археология», XVII, 1953, стр. 149—160; П. П. Е ф и м е н к о, Первобытное общество, Киев, 1953, стр. 323—331.

¹⁵ Н. Л. Э р н с т, Указ. раб., табл. IV, 11.

¹⁶ Там же, табл. IV, 6, 7, 8, 9, 10.

¹⁷ М. В. М у р а т о в и Н. И. Н и к о л а е в, Террасы горного Крыма, «Бюллетень Московского об-ва испытателей природы», т. XVII, вып. 2—3, 1939.

типов, характерных скорее для Шайтан-кобы, чем для Чокурчи. Это вполне понятно, так как в каждой группе первобытных людей развитие техники шло несколько своеобразно. В то же время это не меняет нашего заключения о позднемустьерском возрасте Староселья. К числу указанных форм принадлежат: 1) асимметричные остроконечники на пластинчатых сколах с одним прямым, а другим изогнутым рабочим краем, тяготеющие к остриям типа Шательперрон (рис. 9, 10, 12, 14, 20); 2) пластинчатые отщепы и орудия на них, которые трудно назвать скреблами, а скорее хочется отнести к ножевидным пластинам с ретушью (рис. 9, 7); 3) орудия типа скребков на очень коротких отщепах с рабочим краем, противоположащим отбивному бугорку, чем они отличаются от скребков, имеющих рабочие края по продольным сторонам длинных отщепов (рис. 8, 9); такие скребковидные орудия известны из верхнего горизонта Волчьего грота, синхронного Шайтан-кобе¹⁸; 4) двусторонний остроконечник типа лавролистного наконечника копья (рис. 8, 10); близкие типы наконечников известны в Ильской¹⁹; 5) конического типа нуклеус, сохранивший следы сколов небольших пластинок (рис. 9, 1). Нуклеусы этого типа изредка встречаются в позднемустьерских стоянках; к числу них принадлежит та же Ильская²⁰.

Все эти типы кремневых орудий указывают на позднемустьерский возраст стоянки Староселье. В качестве дополнительных аргументов в пользу этого надо привести также тонкость многих отщепов, из которых сделаны орудия, высокосовершенный характер ретуши, заходящей далеко на грани орудий, и наличие резцовых сколов на ряде рубилец и остроконечников. Таким образом, костные остатки человека, описание которых дается ниже в статьях М. М. Герасимова и Я. Я. Рогинского, относятся к эпохе мустье.

М. М. ГЕРАСИМОВ

УСЛОВИЯ НАХОДКИ КОСТЕЙ РЕБЕНКА В ПЕЩЕРЕ СТАРОСЕЛЬЕ ИЗВЛЕЧЕНИЕ, КОНСЕРВАЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ ИХ

Белика ответственность реставратора, взявшего на себя консервацию и извлечение костных остатков древнего человека. Эта ответственность возрастает по мере увеличения древности раскапываемого памятника. Реставратор должен сохранить и доставить обнаруженные костные остатки в максимально полном и доступном для изучения виде. Восстановление утраченных частей должно быть совершенно достоверным. Степень точности их воспроизведения должна быть обязательно оговорена. Реставрированные части должны выделяться цветом мастики. Дополнение недостающих частей должно производиться из таких материалов — клеи и мастики, которые в случае необходимости могли бы быть удалены без потери подлинных частей кости.

Реставратор в процессе первоначальной обработки материала нередко может сделать такие наблюдения, которые никому не были доступны

¹⁸ О. Н. Бадер, Указ. раб., рис. 32, 1.

¹⁹ С. Н. Замятин, Итоги последних исследований Ильского палеолитического местонахождения, Труды II Междунар. конф. Ассоц. по изуч. четвертичн. периода, вып. V, 1934, табл. I—II.

²⁰ В. А. Городцов, Результаты исследования Ильской палеолитической стоянки «Материалы и исследования по археологии СССР», № 2, 1945, табл. 1, 2, 3.

ни до, ни после него. Поэтому реставратор в процессе работы должен тщательно фиксировать свои наблюдения для того, чтобы исследователь мог использовать их.

Учитывая всю степень взятой на себя ответственности, считаю необходимым осветить процесс извлечения костей ребенка, найденных А. А. Формозовым в пещере Староселье, а также консервацию и реставрацию черепа.

Как явствует из публикуемого выше сообщения А. А. Формозова, костяк ребенка обнаружен под мустьерским слоем в разведочном шурфе. Надо отдать должное участникам экспедиции, отметив тщательность их работы, особенно если учесть, что культурный горизонт в данном месте имел множество мелких и больших плит, плотно сцементированных между собой. Единственным орудием, которым эта брекчия могла быть разобрана, была кирка. Одно неосторожное движение, и весь скелет мог погибнуть безвозвратно.

Расчистка скелета была произведена Т. Алексеевой, она же пропитала обнаженные кости клеем БФ₂. Дальнейшие работы были приостановлены до приезда комиссии. Костяк ребенка был закрыт бумагой, присыпан сверху землей, и вся выемка была перекрыта полотнищем палатки.

1 октября 1953 г. комиссия в составе председателя Я. Я. Рогинского и членов С. Н. Замятнина и М. М. Герасимова, начальник экспедиции А. А. Формозов и сотрудники экспедиции приступили к работе. Комиссия должна была выяснить условия находки, древность остатков по данным стратиграфии, археологии и антропологии. На меня, в частности, была возложена также работа по извлечению костных остатков, полевая их консервация и реставрация.

В результате осмотра места находки костей комиссия констатировала, что в оставленных близ скелета бровках нет следов нарушения слоев, следов впускной могильной ямы. В процессе подготовки скелета для выемки его монолитом мной лично расчищались подошвы обеих бровок. Одна из бровок своей подошвой непосредственно примыкала к правому боку скелета, под другую бровку уходили фаланги стопы. У головы нависала плотная брекчия сцементированных плиток известняка, содержащая культурные остатки. На этом основании можно говорить о том, что этот участок культурного слоя образовался спустя некоторое время после засыпки здесь погребения. Судя по обеим бровкам, слой, содержащий культурные остатки, в значительной своей части был сложен из плит осыпи известняка. Необходимо отметить, что все плитки известняка, составляющие основу культурного слоя, независимо от величины, тяготеют к единому горизонтальному положению. Кости животных, орудия и осколки кремня лежат в тех же плоскостях, что и плиты известняка. Это указывает на ненарушенность первоначальной единой структуры слоя, содержащего культурные остатки. Это единство структуры прослеживается в данном участке во всей мощности слоя. Никаких западин, затеков, карманов верхнего гумусированного слоя в культурный слой не отмечено. В процессе подготовки вырезки и в процессе расчистки монолита в камеральных условиях можно было установить, что скелет ребенка лежал как бы в линзе более мелкой разности известнякового гравия с большим содержанием плотной комковатой коричневой глины. Объяснить образование этой «линзы» без участия человека невозможно. Оставляя в стороне вопрос об обрядовом погребении, так как очевидных следов обряда не обнаружено, следует указать, однако, что труп ребенка был заведомо засыпан, а не брошен на краю площадки. Предположение о том, что ребенок был убит и засыпан обвалом кровли пещеры, опровергается положением скелета. Тело ребенка было положено на спину, на краю площадки, головой к обрыву, ногами к пещере. Руки плотно прижаты к торсу, и, видимо, кисти их сходились на животе. Ноги прямо вытянуты.

Сверху тельце ребенка было присыпано соскобленной вокруг пола площадки землей — гравием, что можно было установить в результате сличения этого гравия с подстилающим и окружающим скелет слоем. Следует отметить то обстоятельство, что в засыпку не попала ни одна посторонняя кость, ни один кремешок. Это очевидное свидетельство того, что ребенок был здесь положен до образования слоя с культурными остатками. Мы не располагаем данными о том, что погребение заведомо сверху было перекрыто камнями. Напротив, судя по профилям бровок, можно предполагать, что каменные плиты над скелетом появились в результате осыпи кровли пещеры. Одновременно надо указать, что культурные остатки располагаются во всю толщу слоя, сложенного в основном из плиток осыпи, залегая над первым рядом плит между ними. Между плитами осыпи и погребением ни костей, ни кремешков не было.

В момент вскрытия было констатировано незначительное нарушение первоначального положения скелета: под тяжестью земли чуть сдвинута грудная клетка и смята вправо, череп повернут на правую щеку и то же раздавлен.

При снятии монолитом линзы гравия, заключавшей скелет ребенка, выяснилось, что толщина ее не превышала 15 см. Эта линза покоилась на крупных камнях древнего обвала свода пещеры. Эти массивные обломки были довольно сильно окатаны и лежали весьма плотно, образуя горизонтальную поверхность. Никаких следов выемки в этом каменном «полу» не обнаружено. В ту пору, когда было совершено захоронение ребенка, эти камни «пола» были чуть присыпаны мелким гравием; этот гравий, собранный пригоршнями здесь же, и послужил материалом для засыпки тельца ребенка.

Комиссия имела возможность видеть, как разбирался слой, содержащий культурные остатки, в бровках, примыкавших к погребению. Кроме того, А. А. Формозов продемонстрировал основной кремневый инвентарь, добытый в процессе раскопок в пещере Староселье в этом году. Осмотрены были орудия из слоя непосредственно над погребением. Весь материал однороден как по кремню, так и по типам орудий. Совершенно очевидно, что он должен быть датирован одним и тем же временем.

Одним из вопросов, входящих в компетенцию комиссии, было выяснение археологической датировки памятника. Так как я активно отстаивал при поддержке А. А. Формозова, датировку этого памятника финальным этапом мустьерского времени, считаю необходимым аргументировать эту датировку рядом конкретных данных.

Большинство орудий Старосельской пещеры можно характеризовать как типичные образцы инвентаря позднего мустье. Четкость форм, законченность обработки, изящество и миниатюрность орудий типичны для этого времени. Многие орудия напоминают инвентарь из Чоккура. Наряду с типичными, несомненно мустьерского облика орудиями был найден ряд орудий качественно иного типа: узкие пластинчатые скобели с ретушью по длинной стороне, пластинки, близкие по форме к Шатлерперрон, скребковидные орудия — с очевидностью указывают на переход уже к верхнепалеолитическим формам инвентаря.

Особого внимания, с нашей точки зрения, заслуживают элементы новаторства в освоении новых приемов техники. Найден призматический нуклеол, ряд сколов может быть назван неудавшимися пластинками, наконечники стрел, отмечаются на ряде орудий качественно новая ретушь, оформляющая рабочее лезвие орудий. Эта ретушь, в отличие от крутой «выемчатой» ретуши нижнего и среднего мустье, имеет иной характер. Она еще крошечная в исходной точке, но заканчивается тончайшей волной, выходящей по боковую грань орудия. В отличие от верхнепалеолитической «пластинчатой» ретуши, мы называем ее «обволакивающей». Эта ретушь смягчает контуры типичных форм мустьерских орудий из Старосельской пещеры.

и придает им особое изящество и законченность. Весь комплекс отмеченных фактов дает право датировать мустьерский слой пещеры Староселье позднейшей фазой этой культуры.

Как указано в акте комиссии, сохранность скелета неоднородна, что, вероятно, можно объяснить структурными особенностями слоя, лежащего над скелетом. Голова и торс в большей мере были защищены плитами осыпи, над ногами плит было меньше. Различная степень сохранности костей скелета обусловила различные приемы их извлечения. Лежащий на правой стороне череп был так смят, что обломки костей левой стороны лежали, как в чаше, в более сохранившейся правой стороне.

Кости свода черепа и лица были настолько хрупки и тонки, что их пришлось извлекать отдельными фрагментами и сразу же пропитывать жидким спиртовым раствором БФ₂. In situ лежали кости торса — шейные позвонки, ребра, левая ключица, фрагменты левой руки и фаланги правой, образуя единый анатомический комплекс. Расчистка в полевых условиях столь хрупкого скелета привела бы к значительной утрате костей. Учитывая археологическую и антропологическую ценность находки, решено было основную часть скелета взять монолитом.

В глинистых и песчаных грунтах выемка монолита не представляет особой сложности. В данном же случае снятие монолитом небольшой линзы гравия с включением хрупких костей скелета и одновременно довольно крупных камней требовало особенно тщательного закрепления костей, гравия и заключения всей линзы в твердый кожух. Процесс съемки монолита особенно усложнялся тем, что тонкая линза гравия лежала на довольно крупных камнях пола площадки. Обычные приемы взятия монолита были неприменимы: нельзя было взять скелет на стол, т. е. выделить его, окопав глубокой траншеей; нельзя было произвести подсеку монолита, т. е. подвести под него доски, так как нижележащие валуны разной величины исключали всякую возможность такой выемки и первая же попытка подсеку монолит привела бы к разрушению хрупкого скелета ребенка. Надо было снять линзу гравия с каменной постели, не нарушив сохранность скелета, что, конечно, представляло значительные трудности. Для того чтобы линза гравия не рассыпалась, она была многократно пропитана БФ₂. Таким образом, был закреплен слой гравия толщиной до 10 см. Между пропитанной частью линзы и валунами сохранился сыпучий слой гравия, который обеспечил возможность скольжения монолита при снятии его с каменной постели. Закрепленный блок гравия был заключен в восковой футляр. Для того чтобы этот футляр не прилип к обнаженным костям скелета, они были прикрыты листком оловянной фольги.

Восковой футляр был сделан таким образом: в расплавленную восковую мастику¹ погружался кусок марлевого бинта и затем тщательно укладывался на поверхность монолита. Таким образом марлевый бинт, пропитанный воском, укладывался параллельными рядами, причем край одной полосы слегка перекрывал ранее положенную полосу. Поверх одного ряда бинтов накладывался поперек второй ряд, затем третий и т. д. В данном случае было сделано четыре пересекающихся ряда. При накладке бинтов тщательно моделировалась поверхность вырезки. Поверх воскового кожуха был сделан гипсовый кожух, укрепленный деревянными дранками.

После того как гипсовый кожух затвердел, наступил самый ответственный момент: надо было одним скользящим движением снять моно-

¹ Восковая мастика изготовлялась по следующему рецепту: 500 г пчелиного воска + 500 г канифоли расплавляются порознь, затем кипящая канифоль вливается в горячий воск.

лит с его постели. После снятия монолита нижняя часть его была закреплена гипсом.

Сохранность костей ног была столь плоха, что можно было проследить только отдельные следы костного вещества. Эти участки со следами костей были закреплены и взяты маленькими вырезками. Так же были взяты несколько лучше сохранившиеся фаланги левой стопы.

Извлеченные фрагменты черепа сразу же в полевых условиях были подвергнуты частичной реставрации и предварительному изучению. Результаты этой работы нашли свое отражение в акте комиссии, публикуемом ниже. Но работа по реставрации и изучению черепа в Бахчисарае в течение трех дней, при отсутствии соответствующих условий, не могла, конечно, дать полного представления о находке. К тому же изучение черепа было затруднено плохой сохранностью костей и малым возрастом субъекта.

Только после месяца напряженного труда по реставрации черепа подводя первые итоги этой работы, можно констатировать, что в нашем распоряжении находится практически почти целый череп ребенка кон мустьерского времени. Несмотря на малый возраст ребенка (пример полтора года), можно с уверенностью говорить о сапиентных чертах черепа и одновременно отметить ряд архаических признаков и физиономическое сходство с древнейшими ориньякскими черепами из грота Гримальди.

При первой публикации этой находки естественно ждать указаний на степень достоверности реставрации черепа как в целом, так и в отдельных деталях, а также упоминания тех технических приемов, которые обеспечили данный результат.

На публикуемых таблицах фотоснимков (рис. 11—14) черепа во всех нормах отмечены пунктиром реставрированные места. Склейка и дополнение недостающих частей черепа производились восковой мастикой. Приведенные ниже описание и измерения дают представление о черепе в целом.

Сложность реставрации свода черепа заключалась прежде всего в том, что приходилось склеивать очень тонкие, сильно разрушенные, с большими дефектами кости.

В своей многолетней реставрационной практике мне нередко приходилось сталкиваться с разной степенью деформации кости, причем most было замечено, что одновременное и равномерное увлажнение кости нередко приводило к исправлению деформации. В данном случае ни о каком водном увлажнении костей не могло быть и речи — это немедленно привело бы к полному распаду их. Проведенный эксперимент на мелких кусочках свода показал, что при погружении в горячий воск с 50% канифоли кость приобретает некоторую пластичность и при остывании становится достаточно плотной. Так были реставрированы правая часть чешуи лобной кости, фрагменты правой теменной и чешуя затылочной.

В своде черепа разрушены значительные участки. Наибольшее выпадение — в правой теменной, отсутствует почти четверть чешуи. Сильно фрагментирована, со многими мелкими дефектами в области лямбдовидного шва, левая теменная. На обеих теменных костях имеются дефекты в области темени. В связи с большим родничковым отверстием фронтальные части теменных были очень тонки и вследствие этого распались. Сильно повреждена и деформирована левая височная кость, большая часть чешуи отсутствует. В меньшей степени фрагментирована и совершенно не деформирована правая височная кость. В значительной части деформировано основание черепа, но некоторая его асимметрия, вероятно, была прижизненной, а не посмертной. Большое затылочное отверстие правильной формы. Сильно асимметричны пирамиды, но не столько по их положению, сколько по форме, что не может быть результатом посмертных изменений.

Лицевой скелет сохранился плохо. Сильно пострадала компакта в глабеллярной и надбровной части лобной кости, но собственно корень носа и внутренние стенки орбит сохранились. Сохранились левая носовая и левая скуловая косточки, а также правая скуловая с почти целой верхнечелюстной костью с зубами. На челюсти *in situ* правый клык и оба ложнокоренных, первый коренной сохранился в глубине ячейки, стенка ячейки разрушена. Сохранилась часть правой половины нёбной кости. На месте латерального резца правой стороны — небольшой промежуток, резец не вырос, но напротив, со стороны нёба торчит зуб: может быть, это неправильно прорезавшийся латеральный резец, либо наметившийся уже постоянный. Правая половина стенки грушевидного отверстия сохранилась на всем протяжении, но передняя его часть с частью верхней челюсти отсутствует. Левая верхнечелюстная кость целиком утрачена, но два левых ложнокоренных зуба найдены. Кроме того, при расчистке монолита обнаружены были закладки обоих срединных и второго левого резца.

Недостающие части лицевого скелета воспроизведены с учетом сохранившихся деталей костей правой стороны. Воспроизведены резцы. При их установке учтена степень прогнатности верхней челюсти. Резцы сделаны крупными, с учетом размеров всех сохранившихся зубов верхней и нижней челюсти. Нижняя челюсть реставрирована, дополнена часть тела кости с коронарным отростком.

Недостающие части сделаны из восковой мастики и указаны на прилагаемых фотографиях пунктирной линией.

В реконструкции свода черепа и лицевой части нет таких мест, реставрация которых не была бы обусловлена сохранившимися костями, что дает право предложить данную реконструкцию черепа для научного изучения.

Я. Я. РОГИНСКИЙ

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЧЕРЕПА РЕБЕНКА ИЗ ПОЗДНЕМУСТЬЕРСКОГО СЛОЯ ПЕЩЕРЫ СТАРОСЕЛЬЕ

(Предварительный очерк)

I

Возраст ребенка из Староселья может быть более или менее точно определен на основании данных по его зубной системе и соединениям костей. У него вполне прорезались шестнадцать молочных зубов (восемь резцов¹, четыре клыка, четыре первых коренных). Вторые коренные как в верхней, так и в нижней челюсти прорезались неполностью; их жевательные поверхности расположены заметно ниже поверхности первых коренных в нижней челюсти и примерно настолько же выше поверхности первых коренных в верхней челюсти. Бугорки коренных зубов не стерты. Эта стадия прорезывания и состояния зубов указывает

¹ Строго говоря, прорезались семь резцов, так как латеральный резец правой стороны отсутствует, равно как и его альвеола; об этой аномалии см. выше в статье М. М. Герасимова.

(у современных детей) на возраст, немного более ранний, чем года. Принято считать, что молочные вторые коренные прорезываются в возрасте 20—30 месяцев. В затылочной области можно видеть, что вые части (*partes laterales*) еще не срослись с основной частью затылочной кости (*pars basilaris*)² (рис. 12, а). Следует отметить отсутствие слияния боковых частей с затылочной чешуей³. В нижней лобной кости виден лобный шов (рис. 11, а). Сохранение очень большой поверхности лобного родничка (*fonticulus frontalis*) говорит об очень юном возрасте, так как этот родничок исчезает обычно к концу второго года жизни, чаще всего между 16 и 18 месяцами (Попов) или к 19 месяцам (Сысак) (рис. 12, б).

Таким образом, судя по совокупности указанных признаков черепных зубов, ребенок из Староселья умер в возрасте не более чем 16—17 месяцев. Однако учитывая, что зубы у мустьерских детей прорезываются несколько раньше, чем у современных, не следует исключать возможности еще более юного возраста описываемого черепа. Можно отметить, что по общему облику он кажется моложе, чем черепи детей летних детей. По своим размерам в целом он ближе всего соответствует детским черепам (русского происхождения) из серии проф. Довгялло в возрасте между началом второй половины первого года и концом второго года жизни⁴.

II

Вполне понятно, какие большие трудности представляет сравнительное изучение черепа столь молодого субъекта. Наиболее юные из описанных в литературе более или менее целых черепов мустьерских детей — череп ребенка из пещеры Схул на горе Кармел (Схул I), возраст которого определен в 4—4½ года⁵, и череп из пещеры в Гибралтарской скале примерно 5 лет⁶.

Детский череп из Ля Кина приблизительно на три года старше гибралтарского⁷. Череп из пещеры Тешик-Таш, по определению Дебеца, Гремяцкого и Рохлина⁸, принадлежал ребенку примерно 9 лет. Названные находки, очевидно, не дают возможности говорить о том, как выглядел череп неандертальского человека в возрасте ребенка из Староселья, т. е. 18—19 месяцев.

К определению типа черепа из Староселья целесообразно приступить путем сопоставления его с современными черепами того же возраста. Для этой цели можно воспользоваться серией проф. Довгялло (1937) и именно группами VI (вторая половина первого года) и VII (второй год). Численность VI группы — 43 черепа, численность VII — 48 черепов.

² У современного человека это указывает на возраст, более ранний, чем начало четвертого года.

³ У современных детей это свидетельствует о том, что индивид еще не достиг третьего года.

⁴ Н. Д. Довгялло, О росте черепа человека, «Архив анатомии, гистологии и эмбриологии», т. XVII, № 1, 1937.

⁵ T. McCown and A. Keith, The Stone age of mount Carmel, vol. I, Oxford, 1939.

⁶ D. Buxton, Human Remains. Excavation of a Mousterian Rock-Shelter at Devil's Tower, Gibraltar. «Journ. of the Royal Anthropological Institute», vol. LVIII, 1928, Jan. to June; A. Keith, New discoveries relating to the Antiquity of Man, London, 1931.

⁷ H. Martin, Un crâne d'enfant néanderthalien du gisement de la Quina, «L'Anthropologie», XXXI, 1921.

⁸ Г. Ф. Дебеч. Об антропологических особенностях человеческого скелета из пещеры Тешик-Таш (предварительное сообщение), Труды Узбекстанского филиала Академии наук СССР, серия I, 1940; М. А. Гремяцкий, Череп ребенка неандертальца из грота Тешик-Таш, Южный Узбекистан, Труды Н.-и. ин-та антропологии, 1949; Д. Г. Рохлин, Некоторые данные рентгенологического исследования детского скелета из грота Тешик-Таш, Южный Узбекистан, там же.

Для описательных признаков и некоторых дополнительных измерений были использованы несколько детских черепов и нижних челюстей из коллекций Музея антропологии Московского университета.

Проделанное сопоставление позволило установить большое сходство черепа из Староселья с современными черепами. Некоторые характерные особенности *Homo sapiens* представлены у него даже в усиленной степени. Особенности эти следующие:

1. Лоб у него круто поднимается кверху и обнаруживает резкую выпуклость, вследствие которой угол наклона линии глабелла — метопион к франкфуртской горизонтали больше, чем у современных детей того же возраста (рис. 12 и 13).

2. Лицевой отдел очень короткий: длина назион — простион равна 33 мм, т. е. короче, чем у современных детей на втором году жизни, у которых Довгялло получил среднюю величину 40,9 мм. У детей в возрасте второй половины первого года жизни высота лица 35,2 мм, т. е. все-таки больше, чем у ребенка из Староселья. Более короткое лицо (28,3 мм) у детей современного человека мы находим только в столь раннем возрасте, как первая половина первого года (по данным Довгялло).

3. Обратное отношение обнаруживается для высоты черепа (базилон — брегма):

Староселье	113 мм
Современные дети:	
2-й год	108 „
2-я половина 1-го года	98 „

Высота черепа у ребенка из Староселья больше, чем в современной серии.

В соответствии с этими величинами вертикальный краниофациальный указатель, т. е. высота лица, выраженная в процентах высоты черепа, у ребенка из Староселья очень мала:

Староселье	29
Современные дети:	
2-й год	38
2-я половина 1-го года	37

4. Затылочный отдел черепа высокий и округлый, т. е. по форме весьма типичный для человека современного вида.

Наряду с этими чертами на черепе из Староселья выражены достаточно отчетливо (хотя и не столь резко, как в только что названных случаях) и другие характерные для *Homo sapiens* признаки. Так, в переднем отделе нижней челюсти можно видеть ясно очерченный выступ в виде подбородочного треугольника с легкой дугообразной изогнутостью базального края (рис. 14, д, е). Передняя поверхность лицевого отдела углублена, т. е. обладает клыковой ямкой (*fossa canina*). Скуловые кости выступают вперед, а не скошены кзади.

Все эти особенности позволяют включить череп из Староселья в число представителей современного вида человека и вполне определенным образом отличают его от неандертальца.

III

Однако описываемый череп обладает рядом черт, которые не свойственны современным.

Прежде всего следует обратить внимание на довольно значительное утолщение скуловых отростков лобной кости (рис. 10 и 14, в, г). Если

зажать орбитальный край отростка тупыми ножками скользящего

ля так, чтобы плоскость одной ножки касалась самой выступающей поверхности скулового отростка, а другая — внутренней, симметричной точки, то можно читать величину, ясно выделяющую старосельский череп из серии современных. На восьми череповых возрастных, близких к старосельскому (в среднем сколько старше), получалась величина $3,5 \text{ мм}$ $\sigma = 0,71 \text{ мм}$. У описываемого черепа этот σ равен примерно 7 мм . На 16 черепах (мужских и женских), в том числе на черепах с сильными надбровными дугами, была получена величина $7,12 \text{ мм}$ при $\sigma = 1,31 \text{ мм}$. С этой утолщенностью скулового отростка черепа из Староселья связана некоторая притупленность его орбитального ребра, резко отличающегося от заостренного на современных детских черепах. Не может сомнения в том, что указанная особенность старосельского черепа свидетельствует о весьма сильном развитии надглазничного рельефа у взрослых людей того типа, к которому он принадлежал. Конечно невозможно ответить на вопрос, образовался ли этот сплошной валик, доживи он до зрелых лет, возникли бы только крупные надбровные дуги. Данное указание на ту толщину скулового отростка, которой он мог достигнуть во взрослом состоянии, дают сравнительные цифры по современным людям, по ископаемым людям и по высшим обезьянам.

У современного человека толщина увеличивается как мы видели, приблизительно с $3,5$ до $7,1 \text{ мм}$, т. е. на 100% ⁹. У шимпанзе с 18 молочными зубами (нижние клыки еще не прорезались) (№ I Музей антропологии) толщина отростка $5,25 \text{ мм}$; у шимпанзе с еще не прорезавшимися M_3 верхней челюсти (без номера, Музей антропологии) размер равен $9,5 \text{ мм}$; увеличение равно $4,25$, т. е. приблизительно на 80% . Вряд ли можно сомневаться, что у вполне взрослых форм шимпанзе увеличение было бы еще более значительным. У гориллы (прорезались из постоянных зубов только первые коренные вверху и внизу, № II/2, Музей антропологии) толщина скулового отростка $8,5 \text{ мм}$; у взрослого самца гориллы (№ II/14, Музей антропологии) 20 мм ; размер увеличился на $11,5 \text{ мм}$, т. е. примерно на 135% . Если предположить, что у мустьерских людей из Староселья толщина скулового отростка могла увеличиться на 100% , то она достигла бы 14 мм . Эта цифра близка к тому, что дали измерения на следах черепов европейских взрослых неандертальцев. Наиболее велик этот размер у родоначальника современного человека и у древних яванских людей из Нгандонга. На черепах позднего палеолита эта величина меньше (см. табл. 1).

Другим приемом, позволяющим выразить величину утолщения этого отростка, является сопоставление двух размеров: 1) верхней ширины

Рис. 10. Сечение скулового отростка лобной кости в самом выпуклом месте: I — череп из пещеры Староселья; II — череп современного ребенка (№ 4746 из коллекции Музея антропологии МГУ); III — череп современного ребенка (№ МК — I)

⁹ Все измерения взяты слева.

лица, измеренной от наиболее выпуклых точек скуловых отростков лобной кости, и 2) внутренней биорбитальной ширины (от l_{mo}). Разница между ними до известной степени характеризует рассматриваемый здесь признак. Приведем сравнительные данные (табл. 2).

Таблица 1

Толщина скулового отростка лобной кости (слева) на слепках черепов ископаемых людей (в мм)

Галилея	12	Кро-Маньон	9,5
Ля Шапель	12	Оберкассель	9,5
Гибралтар	14?	Комб-Капель	10,5
Родезиец	17	Мурзак-коба I	13
Нгандонг IV	17,5	Мурзак-коба II	9,5?
Нгандонг XI	18		
Нгандонг VI	20		

Таблица 2

Сопоставление верхней ширины лица и внутренней биорбитальной ширины у старосельского человека и других форм (в мм)

	Староселье	Современные дети примерно того же возраста ($n=9$) (М)	Современные взрослые ($n=6$) (М)	Галилея	Ля-Шапель	Родезиет	Шимпанзе детеныш (II/3)	Шимпанзе почти взрослый (без №)	Горилла детеныш (II/2)	Горилла взрослый (II/4)
А. Верхняя ширина лица (по выпуклостям скулового отростка) . .	84	81,9	103,2	124	124	140	68	99	94	119,5
Б. Внутренняя биорбитальная ширина . . .	75	77,3	96,0	112	112	123	60	85	84	97,5
А—Б	9	4,6	7,2	12	12	17	8	14	10	22,0

Большая величина выступления кнаружи скуловых отростков лобной кости у старосельского черепа, очевидно, зависит не только от их выпуклости, но и от суженности внутренней биорбитальной ширины. Однако это сопоставление все-таки дает основание предположить, что величина А—Б в процессе роста черепа увеличилась бы до размеров, близких к неандертальским.

К числу примитивных черт старосельского черепа следует отнести также крупные размеры его молочных вторых коренных $\underline{m}_2$ и $\underline{m}_2$ и формирующихся первых постоянных ($\overline{M}_1$ и $\underline{M}_1$). Приведем сравнительные данные (табл. 3).

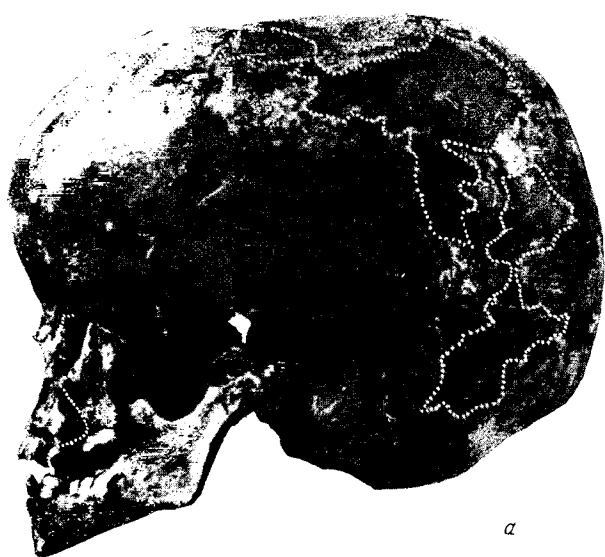
Обе описанные особенности старосельского черепа, характеризующие его примитивность, уже в поле обратили на себя внимание молодых антропологов, принимавших участие в раскопках, — Т. И. и В. П. Алексеевых. Цифры, как мы видели, подтвердили правильность их наблюдений.

Рис. 11. *а* — череп из Староселья, фас; пунктиром обведены реставрированные части; *б* — череп из Староселья, три четверти; *в* — череп современного ребенка около двух лет (№ 4746), фас; *г* — череп современного ребенка (№ 4746), три четверти

a

b

v

0 1 2 3 4 5 см

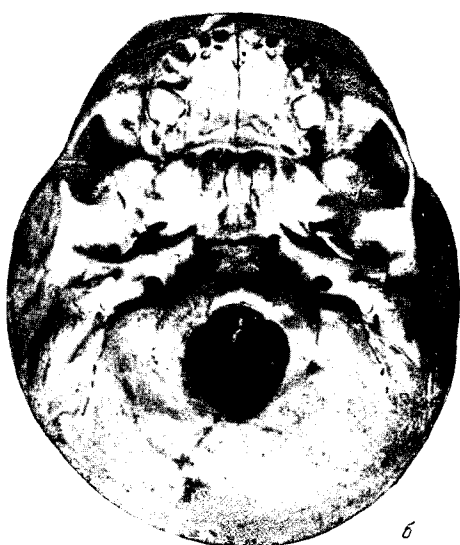
Рис. 12. *a* — череп из Староселья, профиль слева; пунктиром обведены реставрированные части; *b* — череп из Староселья сверху, в центре — отверстие лобного родничка; *v* — череп современного ребенка (№ 4746), профиль слева; *z* — череп современного ребенка (№ 4746) сверху

Рис. 13. *а* — череп из Староселья, профиль справа; пунктиром обведены реставрированные части; *б* — череп из Староселья сзади; *в* — череп современного ребенка (№ 4746), профиль справа; *г* — череп современного ребенка (№ 4746) сзади

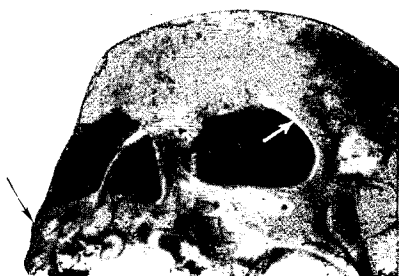
a

б

в

г

0 1 2 3 4 5 см

Рис. 14. *a* — череп из Староселья снизу; отмечаем большие размеры коронки вторых молочных коренных зубов; *б* — череп современного ребенка (№ 4746) снизу; *в* — череп из Староселья; белой стрелкой указано направление разреза верхнего края орбиты (см. рис. 10); черной стрелкой показано выступание скуловой кости; *г* — череп современного ребенка (№ 4746) в той же ориентации; стрелки направлены к аналогичным участкам

Третьей особенностью, отличающей новую находку от большинства современных черепов, является значительная ширина переднего отдела нижней челюсти (рис. 15). Ширина между наружными краями альвеол вторых молочных коренных равна у него 49 мм. Если мы выразим в процентах

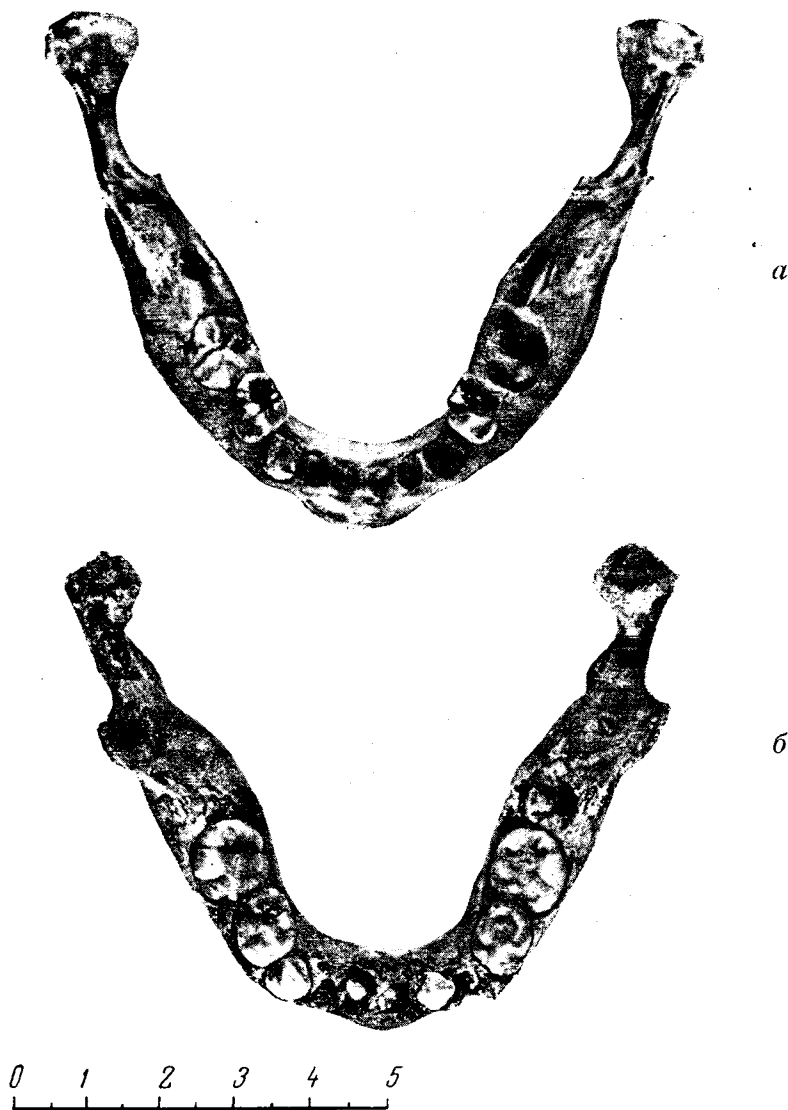

Рис. 15. *а* — нижняя челюсть современного ребенка (№ 4746) сверху; *б* — нижняя челюсть из Староселя сверху; отмечаем различия в степени выступа подборо́дочного отдела, а также в величине зубов

этой ширины длину переднего отдела нижней челюсти (от линии, касательной к задним краям вторых молочных коренных до простиона), то получим величины более низкие, чем на челюстях современных детей того же возраста. Старосельский череп в этом признаке близок к черепам неандертальцев, обладавших широкой (как г.о. абсолютной величине, так и по индексу) в переднем отделе зубной дуги нижней челюсти (табл. 4).

Выше было указано, что в переднем отделе тела нижней челюсти из Староселя хорошо виден подбородочный выступ. Однако профильная

Таблица 4

Размеры переднего отдела нижней челюсти в мм и их соотношения у ребенка из Староселья, у современных и ископаемых людей

	Староселье	Современные дети того же возраста (n=8) (М)	Гибралтарский неандерталец (ребенок)	Схул I неандерталец (ребенок)
А. Длина переднего отдела нижней челюсти	24	23,2	26	26
Б. Ширина переднего отдела нижней челюсти	49	40,6	54	53
$\frac{Б \times 100}{А}$	49	57,4	48	49

линия подбородочного отдела составляет с горизонтальной плоскостью на которой положена нижняя челюсть, угол, намного более близкий к прямому, чем в среднем на современных челюстях того же возраста (табл. 5).

Таблица 5

Угол наклона подбородочного профиля к горизонтальной плоскости

	Староселье	Современные дети того же возраста (n=8) (М)	Гибралтарский неандерталец (ребенок)	Схул I (неандерталец, ребенок)
Угол наклона подбородочного профиля в градусах	86	78,4	100	Около 90 (по изображению)

Таким образом, череп из Староселья по нескольким особенностям боковой поверхности или менее заметно отклоняется от современного типа и сближается с неандерталоидными (в широком смысле) черепами. В этом же направлении дополняют его характеристику отсутствие лобных бугров, слабое развитие теменных бугров и очень малое выступание сосцевидных отростков.

IV

Заслуживает внимания еще один комплекс признаков старосельского черепа. Он характеризуется узкой, длинной и высокой формой свода в сочетании с очень низким лицом и с невысокими орбитами.

Табл. 6 дает представление об отличиях старосельского черепа названным признакам от русской серии Довгялло.

На основании установленных в антропологии закономерностей возрастных изменений головного указателя можно предполагать, что, до зрелого возраста, ребенок из Староселья обладал бы более низким головным указателем. У русских детей, если судить по краниологическим данным, черепной указатель уменьшается, начиная с 1—2 лет и до зрелости.

Таблица 6

Размеры в мм и индексы черепа из Староселья и черепов современных детей (группы VI и VII)

Признаки	Староселье	Группа VI (n = 43) (М)	Группа VII (n = 43) (М)
Продольный диаметр	154	133,7	147,1
Поперечный диаметр	122	118,5	130
Высотный диаметр (базиион-брегма)	113	98,1	108,5
Высота лица	33	35,2	40,9
Скуловая ширина	85	82,8	92,2
Ширина орбиты (от mf)	32,5	29,1 ¹⁰	31,4 ¹⁰
Высота орбиты	27	26,4	27,6
Черепной указатель	79,2	88,6	88,1
Высотно-широтный указатель	92,6	82,8	83,5
Лицевой указатель	38,8	42,5	44,6
Орбитный указатель	83,0	90,7	87,9

лого состояния, примерно с 88 до 81, т. е. на 7 единиц. Обширные материалы Института антропологии МГУ показали, что головной указатель у русских мужского пола в Москве уменьшился в период от 2 до 17 лет с 84,6 до 82,3; у русских мужского пола на Урале — с 82,95 до 82,41; у украинцев с 85,8 до 83,05; у казахов с 87,14 до 86,44; у русских женского пола в Москве с 84,00 до 83,39; у русских женского пола на Урале с 83,26 до 81,42; у украинок с 85,92 до 83,46; у казашек с 87,87 до 85,95. По данным А. И. Ярхо, у армян от второй половины первого года до 19 лет головной указатель уменьшается с 88,15 до 86,53. Иные результаты были получены Пфитцнером на эльзасцах и эльзасках, которые не обнаружили изменений в головном указателе от рождения до зрелости. Обращает на себя внимание, что наибольшие различия были получены на краниологическом материале (см. выше о данных Довгялло). У 483 черепов эскимосов обоего пола (о-в Лаврентия) черепной указатель в среднем равен 77,2 (Г. Ф. Дебец, 1951, по материалам Грдлички); на 11 черепах эскимосов в возрасте от первого по третий год этот указатель оказался равным 84,46 (Грдличка).

Таким образом, в подавляющем большинстве случаев дети в возрасте 1—2 лет имеют большую величину головного указателя, чем взрослые¹¹. Отсюда вытекает законное предположение, что и старосельский человек мог бы впоследствии приобрести более удлиненную форму головы по сравнению с наблюдаемой ныне. Выше говорилось, что у старосельца, вероятно, должен был с возрастом развиться сильный надглазничный рельеф; уже это одно привело бы к понижению величины головного указателя на несколько единиц. Можно думать далее, что большая высота (в процентах ширины) старосельского черепа была бы еще более ярко выражена в зрелые годы. В русской серии этот указатель возрастает в отмеченный промежуток времени с 82,8 до 93,0, т. е. почти на десять единиц. У эскимосов наблюдается аналогичное, несколько меньшее повышение. Вполне вероятно, таким образом, что и у старосельского человека высотно-широтный указатель мог достигнуть 100.

Остановимся еще на одном признаке — на форме орбит.

¹⁰ К размеру у Довгялло, измерявшего от дакриона, прибавлен 1 мм.

¹¹ Результаты, полученные Пфитцнером на эльзасцах, может быть, следует приписать различному составу эльзасского населения в разных поколениях. Этот вопрос нуждается в особом исследовании.

Вполне законно предположение, что в зрелом возрасте у старосельского человека его глазницы должны были приобрести еще более угловатые контуры; кроме того, орбитный указатель должен был понизиться. В краниологической серии русских орбитный указатель (при ширине измеренной от дакриона) понизился за период от второй половины первого года до взрослого состояния с 93,9 до 83,5 (Довгялло). У эскимосов (по ширине, измеренной от лакримале) за время от 1—2 лет до взрослого состояния — с 98,8 до 89,4 (Грдличка). Если основываться на аналогии у старосельского человека орбитный указатель мог понизиться до 73—75 (эти расчеты, конечно, весьма приблизительны). Сочетание долихокранизма, узко-высокого черепа, низких угловатых орбит, короткого лица придает старосельцу с ориньякскими черепами из Грота Детей, получившим известность под названием «негроидов Гримальди». Из более поздних находок наибольшее сходство с этим теоретическим обликом обнаруживает череп тарденуазского человека из навеса Фатьма-коба в Крыму. Сходство с названными находками еще усугубляется, если иметь в виду сильный альвеолярный прогнатизм старосельского черепа.

V

Основываясь на этой характеристике морфологического типа черепа из Староселья, нетрудно определить его место среди известных в антропологии мустьерских находок. Сочетание черт современного человека с пережиточными особенностями неандерталоидного типа явным образом связывает его не с западноевропейскими людьми мустьерского времени, т. е. с «классическими» неандертальцами типа Ля Шапельль, а с обитателями грота Схул горы Кармел в Палестине. Сходство старосельского человека с палестинскими неандертальцами не ограничивается тем, что у него обнаруживаются новые черты вместе с пережитками древних. Такие особенности, как альвеолярный прогнатизм, низкие орбиты, относительно узкий и высокий череп старосельского ребенка, делают его заметно более похожим на череп Схул V, чем на черепа шапелльского типа.

В дополнение к этим чертам можно прибавить еще одну. Одной из характерных особенностей западноевропейских неандертальцев является малая высота тела нижней челюсти по отношению к высоте верхней отдела лица. Если взять высоту тела нижней части в области подбородочного отверстия и выразить ее в процентах высоты лица, то получим следующие цифры (табл. 7).

Таблица 7

Соотношения между высотой тела нижней челюсти и высотой лица на различных черепах мустьерского времени и современных (абсолютные размеры в мм)

	Ля Шапельль	Мустье	Таун I	Схул IV	Схул V	Архоне (Бунак) (М)	Неандерталь
А. Высота тела нижней челюсти (в области подбородочного отверстия)	31	28,5	27,5	40,5 (79)	36	31,65	33,5
Б. Высота верхнего отдела лица	86	80	79	79	73	72,10	72
$A \times 100$	36,0	35,6	34,8	51,3	49,3	43,9	46,5
Б							

¹² Высота взята по переднему профилю (инфрантале гнатиион).

Череп I из пещеры Табун примыкает в этом признаке (как и во многих других) к неандертальцам шапелльского типа. В дополнение к характеристике западноевропейских неандертальцев можно прибавить цифры, полученные несколько менее точным путем — при помощи измерений на фотографиях из книги М. Буля «Ископаемые люди»¹³ черепов Ля Кина и Ля Феррасси. Для первого получен индекс около 43, для второго около 37. На черепе из Тешик-Таша этот индекс равен 40,0. На черепе из Староселья индекс равен примерно 46. Для сопоставления старосельского черепа со слепком черепа ребенка из Гибралтара приходится применить измерение высоты лица по французскому способу (от нижнего края орбиты до нижнего края ячейки клыка). Результаты сопоставления представлены в табл. 8.

Таблица 8

Сопоставление старосельского черепа с другими детскими черепами по соотношению высоты лица и тела нижней челюсти

	Староселье	Гибралтар	Современный череп № 6819 примерно в возрасте старосельского
С. Высота лица (от орбиты до ячейки клыка)	18	40	22,5
Д. Высота тела нижней челюсти (примерно в области подбородочного отверстия)	15	20	16
$D \times 100$	83,3	50	71,1
С			

На слепке черепа Ля Шапелль этот индекс равен примерно 48,5. Таким образом, по соотношению высоты тела нижней челюсти и высоты верхнего отдела лица старосельский череп резко отличается от черепов неандертальцев типа Шапелль и приближается к черепам современных людей и одновременно — мустьерцев из пещеры Схул.

Представляло бы значительный интерес сопоставление черепа из Староселья с детским черепом Схул I. К сожалению, от лицевого отдела у последнего сохранилась только нижняя челюсть. Однако измерительные данные и описание сохранившихся фрагментов позволяют утверждать, что Схул I более сходен по своему облику с черепом из Староселья, чем с черепом гибралтарского ребенка (табл. 9). Это справедливо для продольного и поперечного диаметров, верхней ширины лица, биорбитальной ширины, угла профильной линии подбородка, размеров нижней челюсти, относительной высоты свода черепа, наклона лба, надглазничного рельефа, строения подбородочного отдела и для числа подбородочных отверстий.

В целом (за небольшими исключениями) признаки черепа из Староселья, таким образом, позволяють сблизить его с черепом Схул I в большей степени, чем с черепом гибралтарского неандертальца.

Аналогичный результат был получен при сопоставлении старосельского черепа с неандертальским детским черепом из Энгиса (возраст около 7 лет)¹⁴. Оказалось, что по соотношению ушной высоты с продольным и поперечным диаметрами черепа, по указателю затылочного отверстия, по форме лба и строению надглазничного рельефа староселец гораздо ближе к черепу Схул I, чем к энгисскому неандертальцу. У последнего также значительно более высокие глазницы, чем у старосельца.

¹³ M. Boule, Les hommes fossiles, Paris, 1923.

¹⁴ Ch. Fraipont, Les Hommes fossiles d'Engis, Archives de l'Institut de Paléontologie Humaine, Mem. 16, 1936.

Таблица

Сопоставление старосельского черепа с черепом Схул I и с черепом гибратского ребенка (размеры в мм)

Признаки	Староселье	Схул I	Гибрат
Продольный диаметр	154	(167,0)	(184)
Поперечный диаметр	122	121,0	(150)
Ушная высота черепа	107	104	(108)
Верхняя ширина лица (от fmi)	78,5	86,0	107,5
Биорбитальная ширина (от fmo)	75	(78,0)	92,5
Угол профиля подбородка с горизонтальной плоскостью	86°	Около 90°	100°
Высота тела нижней челюсти (между m ₁ и m ₂)	15	16	20
Толщина тела нижней челюсти (там же)	11	12	15
Черепной указатель	79,2	72,4	81
Ушная высота черепа в процентах поперечного диаметра	87,7	86,0	72
Ушная высота в процентах продольного диаметра	69,4	62,3	58,7
Наклон лба	Выпуклый кпереди	Прямой	Покаты
Надглазничный рельеф	Зачаточный	Слабый	Сильный
Подбородочный выступ	Имеется	Имеется	Отсутствует
Число подбородочных отверстий (слева)	Одно	Одно: имеется «зачаточная» перегородка между передним и задним отделами	Четыре

VI

Новая находка представляет значительный интерес для разрешения многих вопросов палеантропологии. Остановимся коротко на двух: 1) относительная древность старосельского человека, 2) его происхождение.

Советские антропологи неоднократно приводили доказательства в пользу того положения, что тип современного человека сложился позднее, чем неандерталлоидный и неандертальский в собственном смысле слова. Не сколько работ было специально посвящено опровержению попыток приписать *Homo sapiens* шелльский или ашэльский возраст. В частности было показано, что сванскомбский и фонтешевадский черепа не могут быть отнесены к типу современного человека. Иные соображения высказывались относительно конца мустьерской эпохи. Уже то обстоятельство, что раннеориньякские скелеты в Гроте Детей и в Комб-Капелль не имеют ничего сближающего их с неандертальцем, заставляло думать, что переход от неандерталлоидного предка к человеку современного типа должен был осуществиться в конце мустьерского времени. Эта точка зрения получила новое обоснование в находках скелетов промежуточного характера в мустьерском слое пещер Схул и Табун горы Кармел. На совещании по проблеме происхождения *Homo sapiens*, состоявшемся в Институте этнографии Академии наук СССР 27—28 апреля 1949 г., было высказано мнение, что в самом верхнем мустье мы должны ожидать находок человека еще более прогрессивного типа, чем тот, который был найден в палестинских пещерах¹⁵. Насколько позволяет судить предварительный анализ

¹⁵ «Краткие сообщения Ин-та этнографии», IX, 1950. Выступление Я. Я. Рогинского.

особенностей старосельского ребенка, новая находка дает подтверждение этого прогноза.

Что касается родственных связей старосельского ребенка и его происхождения, то об этом можно сказать еще очень мало достоверного. Остатки черепок более раннего этапа мустьерской эпохи на территории Крыма, Северного Кавказа и юга Восточно-Европейской равнины пока не найдены. Поэтому невозможно представить какие-либо конкретные доказательства того, что старосельский морфологический тип возник и сформировался в названных областях. Тем не менее возможность его местного происхождения вполне вероятна. Наоборот, если основываться на морфологических данных, очень мало вероятно предположение, что он происходит от неандертальцев типа Ля Шапель. Так же трудно привести убедительные доводы в пользу гипотезы о его происхождении от среднеазиатских неандертальцев типа Тешик-Таша. Более легко обосновать родственную связь старосельского человека с мустьерскими людьми из пещер горы Кармел.

Дальнейшее, более детальное изучение черепа и других частей скелета новой находки, а также окончательное решение вопроса о ее датировке позволят с большей уверенностью подходить к поставленным здесь проблемам.

Приложение

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПО НАХОДКЕ ИСКОПАЕМОГО ЧЕЛОВЕКА В ПЕЩЕРНОЙ СТОЯНКЕ СТАРОСЕЛЬЕ БЛИЗ г. БАХЧИСАРАЯ КОМИССИИ В СОСТАВЕ Я. Я. РОГИНСКОГО (ПРЕДСЕДАТЕЛЬ),

М. М. ГЕРАСИМОВА и С. Н. ЗАМЯТНИНА

ПРИ УЧАСТИИ РУКОВОДИТЕЛЯ РАБОТ А. А. ФОРМОЗОВА¹

1. Находка ископаемого человека была сделана 24 сентября 1953 г. в разведочном шурфе № 1 в южной половине пещеры Староселье. Размеры шурфа 2×2 м, ориентировка сторонами шурфа по странам света. Костные остатки человека были найдены на глубине 70—90 см ниже современной поверхности пола пещеры. Они были перекрыты (идя сверху) 30-сантиметровым гумусированным слоем современных наносов без культурных остатков, под которым лежал 40-сантиметровый слой с мустьерскими культурными остатками, включавший большое количество плит известняка, упавших с потолка пещеры. Непосредственно выше скелета были найдены кремневые орудия мустьерского возраста (ручное рубилице, скребла, двухсторонний остроконечник и т. д.) и костные остатки четвертичной фауны, по предварительному полевому определению — ланго ослы, быка, медведя.

Ко времени приезда комиссии (1 октября 1953 г.) шурф был расширен до размеров раскопа 3×4 м, причем к востоку и к югу от места, где залегал скелет, были оставлены бровки для изучения профилей. Участки к востоку и к югу от бровок были расчищены до скалы (до нижней границы слоя с находками). Площадь первоначального шурфа в северо-западном углу раскопа не была расчищена до конца и оставлена в том виде, в каком она находилась в момент обнаружения костяка.

Видимые в бровках профили примыкают непосредственно к костяку: южный профиль параллелен оси тела костяка, в восточный упираются стопы костяка.

К приезду комиссии скелет был расчищен, тщательно укреплен пропиткой клеем БФ₂. В процессе расчистки скелета было сделано несколько фотоснимков, фиксирующих моменты расчистки и положение костяка. Одновременно с этим было нанесено на миллиметровую бумагу расположение костей. Масштаб 1 : 2.

2. Осмотр комиссией пещеры, места находки костяка и основного раскопа 1953 г. позволяет заключить, что в пещере находится однослойная стоянка мустьерского времени. Культурных слоев более позднего времени нет. Находки — кремневые орудия и кости животных — однородны как в раскопе, так и в шурфе, содержавшем скелет человека. Кремневый материал относится к концу мустьерской эпохи.

3. Осмотр профилей раскопа, в котором был найден костяк, позволяет заключить, что никаких следов нарушения слоя впускной ямой с поверхности не наблюдается,

¹ В антропологической части (пункт 6) опущен ряд цифр, более точно и детально представленных в публикуемом выше сообщении Я. Я. Рогинского.

Следует оговориться, однако, что при характере грунта пещеры возможность проживания могильной ямы крайне затруднена, и поэтому приведенный выше аргумент не может считаться исчерпывающим. В качестве дополнительных аргументов можно привести следующие. Грунт на данном участке содержит большое количество крупных обломков известняка, упавших с потолка пещеры, что потребовало бы при выемке погребения значительного расширения выемки для захоронения. Это в свою очередь привело бы к нарушению единого слоя осыпи, что не прослеживается. Кроме того, легание культурных остатков непосредственно над скелетом имеет тот же характер, что и в других участках раскопа за пределами места находки скелета, о чем свидетельствует единообразие положения орудий, осколков кремня и костей животных. Залегание скелета как раз на нижней границе мустьерского слоя также маловероятно при впускном погребении. К оценке слоя, как непотревоженного, присоединились при осмотре 3 октября 1953 г. следующие лица: геолог В. В. Богачев, археологи Е. В. Ворманн, В. И. Мошинская, В. Н. Чернецов, П. Н. Шульц.

4. Скелет лежал на горизонтальной поверхности, головой к западу (слегка к югу), в вытянутом положении. Скелет лежал на спине, раздавленный череп лежал на правой щеке и был слегка смят. В этом же направлении была смещена и грудная клетка. Остатки тазовых костей сохраняли положение, более близкое к естественному. Можно предполагать, судя по расположению фрагментов, что правая рука была вытянута вдоль тела, а левая слегка согнута в локте, причем кисть находилась в нижнем отделе таза. Положение прямо вытянутых ног фиксируется мельчайшими фрагментами длинных костей и следами распавшейся кости. Фаланги пальцев стоп частично сохранились и находились в непосредственной близости к восточному профилю. Сохранность костей неравномерна. В общем, относительно хороша сохранность костей черепа, включая нижнюю челюсть. Удовлетворительно сохранились ребра, левая ключица, шейные позвонки, часть фаланг рук и ног. Плохо сохранились длинные кости левой руки. Длинные кости правой руки и обеих ног совершенно разрушились.

5. После дополнительной проклейки BF_2 была произведена выемка скелета. При этом череп был извлечен отдельными фрагментами, так как это обеспечивало лучшую его сохранность. Остальной скелет (кроме ног) был извлечен монолитом. Фрагменты фаланг стопы взяты отдельно вместе с землей.

6. Первоначальная работа по склейке фрагментов черепа дала возможность членам комиссии сделать следующие предварительные выводы:

а) Возраст. Учитывая, что в нижней челюсти полностью прорезались 8 молочных зубов, что задние молочные коренные зубы уже вышли из альвеол и что сформировались закладки первых постоянных коренных, следует думать, что данному субъекту вряд ли было меньше полутора и больше трех лет. Состояние зубов верхней челюсти аналогично.

Истинный возраст субъекта, вероятно, ближе к ранней из двух упомянутых возрастных границ, на что указывает значительное истончение теменных и лобной костей в области родничка.

Определение возраста требует в данном случае особой осторожности ввиду своеобразия морфологического типа найденного черепа.

б) От черепов современных детей соответствующего возраста данный череп отличается рядом признаков. Приведем некоторые из них:

Общая массивность костей свода, в частности в нижней области лобной кости.

Весьма крупные размеры вторых молочных коренных зубов как верхней, так и нижней челюстей.

Очень крупные размеры медиальных резцов, о чем можно судить по величине альвеол.

Весьма большая величина коронок формирующихся первых постоянных коренных зубов (M_1):

длина нижнего M_1 — 13 мм;

ширина нижнего M_1 — 11 мм;

показатель мощности коронки M_1 — 143 мм².

Эти цифры далеко превосходят нормы современных взрослых людей.

Еще более крупные размеры имеет первый постоянный коренной верхней челюсти (измерения сделаны по диагоналям коронки):

длина правого верхнего M_1 — 13 мм (в ячейке);

ширина правого верхнего M_1 — 12 мм (в ячейке);

показатель максимальной мощности коронки M_1 — 156 мм².

Большая уплощенность и ширина фронтальной части альвеолярной дуги нижней челюсти.

Отметим далее слабое развитие сосцевидных отростков.

Почти все эти признаки позволяют говорить о некотором приближении данного субъекта к неандерталовидным формам.

Имеются признаки специфически «кроманьонского» характера. К ним относятся угловатость орбит (если учитывать юный возраст субъекта), малая высота лица, относительно большая его ширина, относительно большая мощность тела скуловой кости. Среди черт, характерных для *Homo sapiens*, в целом можно отметить следующие: крутой лоб, наличие подбородочного выступа и глубокие клыковые ямки.

Кроме того, у данного субъекта имеется ряд своеобразных особенностей (альвеолярный прогнатизм, малая величина площади затылочного отверстия)².

Сочетание многих из перечисленных признаков исключает возможность считать данный скелет относящимся к погребению позднего времени.

Одновременно эти же самые признаки позволяют предполагать, что данный субъект принадлежал к типу древнего человека, сочетавшего в себе неандерталовидные и «кроманьонские» черты, вероятно с преобладанием последних.

7. Выводы:

а) Археологические данные позволяют с большой вероятностью отнести костные остатки человека из пещеры Староселье к верхнемустьерской эпохе.

б) В антропологическом отношении найденный костяк имеет ряд примитивных черт, существенно отличающих его от современных людей того же возраста.

8. Комиссия считает необходимым:

а) произвести сравнительные анализы костей человека и костей животных из пещеры Староселье методом точных наук (фторовый анализ, прокаливание, карбон 14);

б) ввиду исключительного научного значения данной находки комиссия считает совершенно необходимым полностью исследовать в ближайшее время пещеру Староселье, где вероятны новые палеантропологические находки.

Председатель комиссии: Я. Я. Рогинский

Члены комиссии: М. М. Герасимов, С. Н. Замятин

Руководитель работ: А. А. Формозов

² Суженность его заднего отдела.

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

ЛИНЬ ГАНЬ

ОБ ЭТНОГЕНЕЗЕ ДУНГАН¹

1. ПРЕДИСЛОВИЕ

Дунгане обычно называют себя «хуэйхуэй», и в китайской истории их также, как правило, обозначают этим словом.

До сих пор еще точно не установлено, когда именно это название впервые появляется в китайских исторических памятниках; по данным некоторых исследователей, оно существует со времен династии Северной Сун (960—1126). Ли Шэнь-жу, ученый эпохи Цин (1644—1911), в своей книге «Исследование географического раздела Истории династии Ляо» («Ляо ши ди чжи као») пишет: «После Пяти династий (907—960) их называли либо «даши», либо «хуэйхуэй». Это значит, что, начиная с эпохи Пяти династий, в китайских исторических документах уже появляется термин «хуэйхуэй». Со времени династии Северной Сун слово «хуэйхуэй» постепенно начинает встречаться все чаще и чаще, и существует немало доказательств того, что оно было широко распространено. Однако в то время название «хуэйхуэй» относилось к Арабскому халифату (Даши го), т. е. современному Ирану и Аравии, а не обозначало китайских дунган. На основании доказательств, которые я приведу ниже, я считаю, что при династии Северной Сун в Китае еще не существовало дунганской народности. Она постепенно формируется, только начиная с династии Юань (1280—1368).

Несмотря на то, что при династии Юань мусульман — выходцев из Арабского халифата — называли «сэму» («разные» народы, т. е. не мон-

¹ Настоящая статья представляет собой публикацию первой части работы китайского автора Линь Ганя «Опыт исследования относительно происхождения и формирования дунганской нации», опубликованной в № 2 и 3 журнала «Синь цзяньшэ» («Новое строительство») за 1952 г. Перевод сделан по заказу редакции журнала Г. Н. Райской. Работу переводчика (равно, как и автора) затрудняла терминологическая нечеткость: термины «нация» и «народность» обозначаются в китайском языке одним и тем же словом «миньцзу» (иероглиф «цзу» обозначает и род, и племя и входит в слова «народность» и «нация»). В связи с этим перевод термина то «народность», то «нация» дается по смыслу (исходя из контекста). Во избежание искажения мнения автора редакция позволяет себе давать безоговорочно термины «народность» или «нация» только там, где контекст абсолютно ясен. Там же, где имеется хоть малое сомнение, эти термины даются со звездочкой — это означает, что в оригинале здесь стоит «миньцзу», т. е. термин, еще не получивший твердого значения. Равным образом по смыслу переводится и термин «хуэйхуэй», обозначающий то «дунгане», то «мусульмане Китая» вообще. Однако здесь контекст более ясен.

В качестве приложения к статье публикуется справка Г. Г. Стратановича о постановке проблемы происхождения дунган в русской и советской литературе.

голы и не китайцы), для их обозначения попрежнему служит также и слово «хуэйхуэй», и только при династии Мин (1368—1644) или, самое раннее, в конце династии Юань, когда появляются признаки начала формирования дунган в народность, это слово становится названием дунган.

При Цинской династии появляется термин «ханьхуэй» — «китайские мусульмане»; впервые он встречается в докладе губернатора провинции Ганьсу Чжан Шана, составленном в 1647 г.: «К западу от реки Хуанхэ мусульманские мятежники Дин Го-лянь и другие незаконно избрали царем Тулуньтая; по сообщениям из города Сучжоу, они собрали несколько тысяч «мусульман с повязанными головами», «мусульман в красных шапках», уйгур, «мусульман хала»², китайских мусульман и других и распределили должности военных губернаторов» («Краткая история провинции Ганьсу, Нинся и Цинхай» — «Гань Нин Цин шилюэ»). Однако Чжан Шан не дает никакого объяснения к словам «китайские мусульмане», и поэтому неизвестно, кого именно он имеет в виду.

После революции 1911 г. наименование «китайские мусульмане» получает широкое распространение; в настоящее время принято считать, что этот термин обозначает или окитаившихся мусульман, или китайцев, исповедующих мусульманскую религию. Однако думать так значит либо смешивать дунган с китайцами и национальность с религией, либо стоять на позициях китайского великодержавного шовинизма — панханизма, отрицать, что дунгане — нация*, и неправильно считать их всего лишь религиозной общиной. Поскольку как китайцы, так и дунгане представляют собой элементы, входящие в состав народов Китая, дунгане являются нацией*, и проблема дунган также есть национальная проблема. Между тем, поскольку мусульманство есть религия, мусульманская проблема является как раз проблемой религиозной, и ее не следует смешивать с предыдущей, хотя мусульманская религия и не есть просто религия, а является замаскированной религиозными одеждами организацией их общества (см. «Проблема дунганской нации*» — «Хуэйхуэй миньцзу вэньти», издание Общества по изучению национального вопроса). Поэтому наименование «китайские мусульмане» не является самоназванием дунган и в прошлом фактически служило китайской господствующей нации всего лишь предлогом для политики дискриминации по отношению к дунганам или для отрицания существования дунганской нации*.

Кроме того, существует термин «дунгане» (дунганьхуэй) — так называют дунган синьцзянские уйгуры. В настоящее время в пределах Советского Союза живет некоторая часть дунган, ушедших из провинций Шэньси и Ганьсу в период Тун-чжи (1861—1875)^{2а} династии Цин после поражения дунганской революции; их также называют «дунганской народностью»* (дунгань миньцзу). Однако китайские дунгане не только не называют себя так, но и не одобряют этого названия.

В Китае есть также так называемые «мусульмане с повязанными головами» (чаньхуэй). Это — уйгуры, живущие в Синьцзяне в оазисах вдоль южного и северного трактов у склонов Тянь-Шаня. Они также исповедуют мусульманскую религию, однако они отличаются от дунган и являются другой составной частью народов Китая. Так как у них существует обычай повязывать голову белой материей, в народе их называют «мусульмане с повязанными головами». Однако сами они не любят этого названия. Так как они живут в западной части Китая, дунгане из провинции Ганьсу называют их еще и «западными мусульманами» (сихуэй).

² «Хала» = са-ла, т. е. салары. — *Прим. редакции.*

^{2а} Фактически переселение дунган в пределы России проходило в 1876—1878 и в 1881—1883 гг. — *Прим. редакции.*

Что касается салар (салахуэй), которые в пределах Китая живут в уездах Синин и Сюньхуа в провинции Цинхай, а также в уездах Линь и Линьтань в провинции Ганьсу, то они также являются одним из национальных меньшинств народов Китая, исповедующих мусульманскую религию, а именно — саларской народностью. Некоторые исследователи смешивают салар с дунганами (например, Люй Чжэнь-юй в книге «Краткая история народов Китая» — «Чжунго миньцзу цзяньши»), и это ошибка.

II. НЕКОТОРЫЕ НЕПРАВИЛЬНЫЕ ТЕОРИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДУНГАН

Откуда появилась дунганская нация? На этот вопрос существуют различные ответы.

1. Теория уйгурского происхождения дунган

Существует мнение, что китайские дунгане — это тот самый народ, который был известен под названием «хуэйхэ» в период Южных и Северных династий (265—588) и династии Тан (618—906) и под названием «хуэйху» с конца династии Тан, при Пяти династиях (907—960) и династии Сун (960—1279), и что только при династиях Юань (1280—1368) и Мин (1368—1644) их стали называть «хуэйхуэй». Например, Гу Янь-у (в книге «Дневник ученого» — «Жи чжи лу») при Цинской династии и Чэнь Цзы-хуа (в журнале «Сибэй луньхэн», том 6-й, № 1) при Китайской Республике (1911—1949) высказывают именно эту точку зрения. Однако они не располагают никакими историческими данными, говорящими в пользу их теории, и она либо является просто их догадкой, либо фонетическая близость слова «хуэйхуэй» со словами «хуэйхэ» и «хуэйху» дала им повод считать, что слово «хуэйхуэй» представляет собой искаженное произношение слов «хуэйхэ» и «хуэйху».

При просмотре отделов, касающихся народов «хуэйхэ» и «хуэйху», «Истории династии Тан» («Тан шу»), «Новой истории династии Тан» («Синь тан шу»), «Истории Пяти династий» («Удай ши»), «Новой Истории Пяти династий» («Синь Удай ши»), «Истории династии Сун» («Сун ши»), оказывается, что эти народы трансформировались в современных синьцзянских уйгур; «Новая история династии Юань» («Синь Юань ши») говорит об этом еще яснее: «Вэйур (уйгуры) есть потомки хуэйху». Из исследований японского ученого Ханэда Тэй также видно, что хуэйху — это то же, что вэйур («Очерк истории цивилизации Западной Азии» — «Сиюй вэньмин ши гайлунь»). Вэйур, о которых здесь говорится, — это и есть современные уйгуры.

К тому же хуэйху в период династии Сун уже имели свою письменность («Краткая история провинций Ганьсу, Нинся и Цинхай» — «Ганьсу Нин Цин шилюэ»), при Чингиз-хане монголы первоначально также пользовались письменностью народа вэйур (т. е. уйгур), а письменность хуэйху и вэйур — это именно и есть современная уйгурская письменность.

Между тем дунгане в повседневной жизни пользуются китайской письменностью, а в их священных книгах употребляется арабский алфавит. Если дунгане развились из хуэйхэ и хуэйху, то почему же у дунган и уйгур разная письменность?

Итак, теория происхождения дунган от хуэйхэ и хуэйху неправильна.

2. Теория тюркского происхождения дунган

Существует мнение, что дунгане — это тот народ, который известен в китайской истории под именем «туцзюэ» (тюрки), а народ туцзюэ развивался из народа цян и первоначально представлял собой одну из ве-

вей монгольской расы³; причина же превращения туцзюэ в дунганскую народность заключается в том, что в период династии Сун ислам занял господствующее положение прежде всего среди уйгур, а обычное название уйгур есть «чаньхуэй», поэтому ислам также получил название «хуэйцзяо» (религия хуэй); при династии Юань и позже ислам попрежнему остается широко распространенным среди тюрков, поэтому в период Юаньской династии их начинают называть «народом хуэй». Это же мнение высказывает, например, ученый Люй Чжэнь-юй в книге «Краткая история народов Китая» («Чжунго миньцзу цзяньши»).

Согласно этой теории, дунгане не переселились в Китай извне, они являются аборигенами Китая, ветвью монгольской расы, а их превращение в современную дунганскую нацию* связано исключительно с изменением их религии.

Доводы в пользу этой теории слишком слабы; кроме того, ей можно поставить в упрек смешение двух проблем — проблемы происхождения мусульманских народов и проблемы распространения мусульманской религии: «Согласно последним исследованиям, как раз хуэйхэ и хуэйху принадлежат к тюркской расе или являются одной из ее ветвей» (см. «Проблема дунганской нации» — «Хуэйхуэй миньцзу вэньти»). К тому же Ханэда Тэй доказывает, что письменность хуэйху представляет собой тюркскую письменность, сохранившуюся со времен туцзюэ, поэтому текст стеллы хуэйхускому кагану из города Хара-Балгасун написан в трех параллельных вариантах — китайской, согдийской и тюркской письменностью («Очерк цивилизации Западного края» — «Сиюй вэньмин ши гайлунь»). Между тем хуэйхэ и хуэйху впоследствии превратились в уйгур; доказательства этому уже были приведены выше. Напротив, мы не находим в исторических памятниках никаких указаний на непосредственное превращение тюрков в дунган. Но если речь идет только о том, что в состав дунганской нации* вошли некоторые тюркские элементы, то это вполне возможно.

3. Теория общего происхождения китайцев и дунган

До освобождения китайского народа эта теория была весьма распространена; например, Ма Хун-куй, бывший председателем марионеточного правительства провинции Нинся в период господства реакционной клики гоминдана, и большинство его подчиненных были мусульманами. Однако сами они утверждали, что и дунгане, и китайцы одинаково являются потомками императора Хуан-ди⁴ (см.: Чан Цзян, «Северо-западная окраина Китая» — «Чжунгоды сибэйцзяо»). В передовой статье газеты «Сицзинпинбао» от 2 февраля 1938 г. также говорилось: «Наши мусульманские соотечественники и китайцы имели одних предков и принадлежат к одной расе».

Эта теория основана только на субъективном мнении отдельных лиц; она является произвольной догадкой, не основанной ни на каких исторических фактах, и несостоятельность ее не нуждается в доказательствах.

III. ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДУНГАН

Откуда же, в конце концов, произошла дунганская нация? *

Правильный ответ заключается в следующем: дунганская нация* сложилась главным образом из мусульман, переселившихся в Китай в период династии Юань из Персии, Аравии и Средней Азии.

³ Здесь автор ошибочно взаимозамещает антропологические, лингвистические и этнические категории. — *Прим. редакции.*

⁴ По преданию, китайцы ведут свое происхождение от мифического императора Хуан-ди. — *Прим. переводчика.*

Прежде всего обратимся к сведениям, сообщаемым о дунганах китайской историографией⁵.

«Объяснение слов» («Чжэн цзы тун»): «Дунгане (хуэйхуэй) принадлежат к племени даши; начиная с периода династии Цзинь и Юань, широко распространились в Китае и сейчас есть везде».

«Старое описание провинции Ганьсу» («Ганьсу цзю чжи»): «Дунгане (хуэйхуэй) принадлежат к племени государства Даши; родина в современной Аравии; они впервые появились в Китае при династии Юань; другое название их — сэму».

«Важнейшие сведения о местностях, упоминаемых в исторических сочинениях» («Ду ши фан юй цзяо»): «Дунгане (хуэйхуэй) — это современное государство Модэна⁶ в Западном крае».

«История династии Мин» («Мин ши»): «Модина — родина дунган (хуэйхуэй); при династии Юань этот народ распространился по всему свету».

«История династии Ляо» («Ляо ши»), «Описание царствования императора Тяньцзо» (1101—1125) («Тяньцзо хуанди бэньцзи»): «Елюй Да-ши... вместе со всем своим родом направился на запад... остановился лагерем в Сюньсыгане (Самарканд). Царь дунганского (хуэйхуэй) государства пришел и сдался ему».

В «Списке народов» «Истории династии Ляо» («Ляо ши», «Буцзэ бяо») также указано, что во время похода Елюй Да-ши на запад (1125) он доходил до «дунган (хуэйхуэй) и даши» в Сюньсыгане (Самарканд) и Цирмане (Керман).

Кроме того, в «Сокровенном сказании о монголах» («Юань чао бин ши») о Хорезме (Хуалацзымо) говорится как о дунганском (хуэйхуэй) государстве. В «Краткой истории провинций Ганьсу, Нинся и Цинхая» («Гань Нин Цин шилюэ») он тоже называется «дунганским Хорезмом» (хуэйхуэй Хуалацзымо).

Государство Даши (Даши го — Арабский халифат), которое упоминается в этих цитатах, — это современные Иран, Аравия и Средняя Азия; при династиях Тан и Сун весь этот район назывался Даши. Сюньсыгань, Цирмань и Хуалацзымо — это тоже территория современного Ирана^{6а}. Наконец, Модэна, или Модина, — это современная Медина, столица древней Арабской империи (см. историческую карту Китая, составленную Су Цзя-жуном).

Очевидно, что название дунган «хуэйхуэй» вовсе не есть искажение названия «хуэйхэ» или «хуэйху», что дунгане не происходят от тюрок, уж во всяком случае не имеют общего происхождения с китайцами, являются пришедшим извне народом — народом даши. Теперь рассмотрим, каким образом даши — дунгане из Персии, Аравии и Средней Азии могли появиться в Китае.

Еще при династии Тан некоторые персы и арабы, исповедывавшие ислам, приезжали в Китай; об этом сообщает «Описание Даши» в «Истории династии Тан» («Тан шу», «Даши чжуань»). При династии Сун приезжало еще больше персов и арабов (см. «Курс истории Китая» — «Чжунго лиши цзяочэн»⁷ — японского ученого Сано Касами). Большая часть из них, кроме некоторых, являвшихся дипломатами — «послами, привозящими дань», — были торговцы. Для надзора над «торговлей варваров ... из Даши» Сунский двор специально учредил в портах Гуанчжоу, Минчжоу и Ханчжоу «управления торговыми кораблями», контро-

⁵ В действительности во всех цитируемых памятниках речь идет не только о дунганах, но и о мусульманах Китая вообще. — *Прим. переводчика.*

⁶ Речь идет о городе Медина (а не итальянск. Модена). — *Прим. редакции.*

^{6а} Земли древнего Хорезма, равно как и Самарканда, находятся на территории СССР. — *Прим. редакции.*

⁷ Автор дает здесь китайское чтение иероглифов названия книги. Японское чтение их «Chu goku rekishi kyōtei» (цзюгоку рекиши кютен). — *Прим. редакции.*

тировавшие внешнюю торговлю (см. «История династии Сун» — «Сун ши», «Экономический отдел» — «Ши хо чжи»). Хотя часть этих персидских и арабских торговцев впоследствии поселялась в Китае, однако число их было не слишком велико, и, приезжая в Китай и поселяясь в его пределах, они обычно оставались изолированными и разобщенными, поэтому мы не можем считать их основным источником образования дунганской нации*. Только в начале эпохи Юань дунгане начали появляться в Китае в большом числе, причем в это время они и их потомки смешивались с прибывшими ранее дунганями и вместе с ними образовывали источник формирования дунганской нации*.

В последние годы существования династии Южной Сун (1126—1279) Чингиз-хан совершил большой поход на запад; прежде всего он покорил уйгур (к югу и северу от Тянь-Шаня в современном Синьцзяне), карлуков (халалу) (в северо-западной части современного Синьцзяна и в районе озера Балхаш), затем завоевал Западное Ляо (кара-китаев) (в долине рек Или и Тарима в современном Синьцзяне), уничтожил Хорезм (между современным Каспийским морем на западе, Аральским морем на востоке и рекой Сыр-дарья на севере), усмирил ясов (ясу) (к западу от Каспийского моря и к востоку от Черного моря), канглы (кангли) (к северо-востоку от Каспийского моря), напал на кипчаков (цинъча) (к западу от Каспийского моря и к северу от Черного моря) и русских. После него Бату⁸ усмирил кипчаков, на севере нанес поражение Южной России, на западе подчинил себе Польшу, на юге разгромил Венгрию. Наконец, Хулагу разрушил Мунайси (на юго-запад от Каспийского моря) и Багдад (в настоящее время — столица Ирака) и покорил Небесную страну (Тяньфан) (современная Аравия). Так монголы подчинили себе один за другим народы Синьцзяна, Персии, Аравии, Средней Азии, исповедывавшие ислам, и народы Восточной Европы.

После этого, чтобы покорить Китай и уничтожить династию Южную Сун, монголы уводили с собой людей из покоренных народов Западного края и создавали из них «охранные войска» и «гвардию» — «тань-мачи»; эти войска вместе с монгольской армией были отправлены в Китай для захватнической войны. После того как Южная Сун была уничтожена, эти охранные войска и гвардия были расквартированы в разных местах Китая и использовались для охраны Императорского города, столицы и ее окрестностей, сокровищницы, путей, по которым шло снабжение столицы зерном, из них создавались военные поселения и т. д.

По данным «Истории династии Юань» («Юань ши»), в разное время существовали следующие различные виды этих охранных войск и гвардии: правая охранная армия ясов; левая охранная армия ясов; правая охранная армия кипчаков; левая охранная армия кипчаков; главная охранная армия (Лун чжэньвэй); охранная армия канглы; армия десяти тысяч карлуков; русская гвардия; гвардия Западного края — дунганская армия.

Среди народов, введенных в Китай, были ясы, кипчаки, канглы, кара-китаи, карлуки, уйгуры, дунгане и другие, — считается, что более двадцати или даже более тридцати разных народов. А среди сформированных из них армий самой большой по численности была гвардия Западного края, состоявшая преимущественно из дунган; считают, что численность ее доходила до двух-трех миллионов. К тому же «История династии Юань» пишет: «При императоре Ши-цзу (Хубилай, 1277—1294) во все области (лу) отправляли дунганские (хуэйхуэй) армии»; это значит, что дунган, угнанных в Китай, в то время было действительно немало. Эти дунганские армии, кроме простых солдат, включали в себя и дунганских пушкарей, дунганских оружейников, дунганских ремесленников, дунганский флот и различных дунганских офицеров и командиров.

⁸ Бату-хан — Батый. — Прим. редакции.

Дунганские армии и были основным источником формирования дунганской нации *. Однако среди дунган переселившихся в Китай при монгольской династии, кроме солдат дунганских армий, имелись представители и других общественных слоев — дунганская аристократия, дунганское чиновничество и дунганские ученые и техники, перешедшие на сторону монголов, например:

Сайдяньчи Чжаньсудин (Шамсуддин), который во время похода императора Тай-цзу (Чингиз-хан, 1206—1227) на запад перешел на сторону монголов, впоследствии, при Сянь-цзуне (Мункэ, 1251—1259), он принимал участие в походе на Сычуань, заведя снабжением монгольской армии. Позже его сын Хусинь (Хусейн) тоже прославился своими военными подвигами, завоевывая для монгольской династии провинцию Юньнань.

Чжабар (Джафар), также перешедший на сторону монголов при Тай-цзуне, был монгольским послом в государстве Цзинь (государство чжурчженей в Северном Китае, 1115—1234) и составил для императора Тай-цзу план покорения этого государства.

Целе при императоре Сянь-цзуне вместе с Чжаньсудином участвовал в завоевании провинций Сычуань и Шэньси, а в дальнейшем сражался в Юньнани.

Махэму при императоре Ши-цзу прославился при взятии Сынь-яня.

Ахэма (Ахмед) при императоре Ши-цзу ведал финансами, расширял выплавку железа, увеличил соляной налог и немало сделал для того, чтобы обогатить народ Китая и передать его богатства монгольскому двору. В это же время его сын Хусюнь (Хусейн) служил военным губернатором области Даду, одновременно — губернатором Дасини.

Абдулахэмань (Абдуррахман) при императоре Тай-цзу ведал сбором налогов по всем областям.

Исымаэнь (Исмаил) и Алаовадин (Аллахэддин), специалисты по изготовлению дунганских пушек, получив приглашение от императора Ши-цзу, согласились переехать из Ильхана в Пекин и командовали монгольском государстве «Десятитысячной армией дунганских пушкарей и оружейников».

Чжамаладин при императоре Ши-цзу изготовил западноазиатские астрономические инструменты и был начальником дунганской обсерватории.

Ехэйдер заведывал «управлением чадер» (управлением строительными работами) императора Ши-цзу и составил план постройки городской стены вокруг Даду — современного Пекина.

Мы называли только нескольких наиболее знаменитых среди тех, о ком упоминает «История династии Юань», но остальных крупных и мелких дунганских аристократов, крупных и мелких дунганских чиновников и других представителей дунганской интеллигенции, перешедших на сторону монголов и переселившихся в Китай, было гораздо больше. Поэтому в «Описании должностей» («Байгуань чжи») в «Истории династии Юань» («Юань ши») сообщается, что в столице и за ее пределами во всех основных учреждениях были дунгане-начальники, дунгане-помощники начальников, дунгане-переводчики, дунгане-секретари и т. д. Из этого видно, как велико было число представителей дунганской социальной верхушки, переселившихся в то время в Китай. Кроме того среди дунган, переселившихся в Китай, были и дунганские торговцы.

При монгольской династии Юань водные и сухопутные пути сообщения между востоком и западом были очень удобны. Что касается сухопутных дорог, то, во-первых, после возникновения государства Великих Ханов все многочисленные мелкие государства отдельных племен⁹, ле-

⁹ Имеются в виду владения отдельных народов или этнических групп. — При редакции.

жавшие на путях между востоком и западом, были полностью уничтожены, и, таким образом, исчезли порождавшие ими препятствия; во-вторых, во время похода императора Ши-цзу на запад в Западном крае повсеместно создавались правительственные дороги — одной из самых знаменитых была дорога Гоцзыгоу между Или и Цзинхэ, учреждались станции, устанавливались дозоры, и тем самым были уменьшены трудности и опасности путешествий. В то время можно было проехать из южной части Сибири по северной Тяньшанской дороге до Хэлиня (Каракорум) и города Даду (Пекин) или из Центральной Азии по южной Тяньшанской дороге — в провинции Ганьсу и Шэньси и далее во Внутренний Китай. Водные пути вели из Персидского залива и Аравийского моря через Индийский океан и Южнокитайское море до морских портов Гуаньчжоу, Цюаньчжоу и Ханчжоу. Кроме того, так как при монгольской династии сему могли сравнительно свободно заниматься торговлей, то в Китай приезжало очень много иностранных купцов. Среди них было особенно много дунганских торговцев; они обладали также наибольшим капиталом и пользовались наибольшим влиянием. «История династии Юань» пишет, что при императоре Ши-цзу дунгане Махаматиша и другие поднесли императору крупный жемчуг, за который они назначили цену в несколько десятков тысяч слитков серебра. При императоре Чэн-цзуне (Темур Улджейту-хан, 1295—1308) дунганам, находящимся во внутренних областях Китая, было приказано платить торговые пошлины, и они уплачивали по тысяче слитков; можно себе представить, как велик был их капитал! В начале царствования императора У-цзуна (Хайсан Кулук-хан, 1308—1312) государственный совет писал: «Дунганские торговцы получают грамоты с печатью императора, носят «тигровый знак», ездят на почтовых лошадях, и все это под предлогом того, что они разыскивают жемчуг и редкости; фактически же они подносят императору какого-нибудь барса да еще требуют ответных подарков. Подобных случаев было очень много. Просим разрешения расследовать их каждый в отдельности и прекратить». При Ин-цзуне (Буянту-хан, 1321—1324) дунганский купец Халаэхатай был освобожден от уплаты торгового налога; в нарушение закона он ездил в другие «варварские» государства и получал там несметные количества драгоценных товаров; по закону они должны были быть конфискованы и сданы в казну, но визирь Дурсу, который был в дружеских отношениях с такими людьми, не разрешил этого. В «Монгольской истории Досуна» («Досун Мэнгу ши») говорится: «Так как Хубилай запретил убивать баранов, перерезая им горло, ... мусульманская аристократия и высшие чины мусульманского духовенства обратились к визирю Сангэ с просьбой передать императору, что купцы мусульманского вероисповедания не будут больше приезжать в Китай; ... (поэтому) Хубилай отменил свое запрещение». По этим примерам можно судить о том, каким большим влиянием пользовались мусульманские торговцы.

Наконец, было немало также дунганских имамов (высшее духовное лицо у мусульман), астрологов, врачей, музыкантов, литераторов, поэтов, строителей, ремесленников всех специальностей, в особенности же просто обыкновенных людей, которые при Юаньской династии последовали за монгольской и дунганской армиями и вместе с ними пришли в Китай и имена которых мы здесь приводить не будем.

IV. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ДУНГАН ПОСЛЕ ИХ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ В КИТАЙ

После переселения в Китай дунгане очень быстро распространились по всей его территории.

Это произошло прежде всего потому, что дунганские войска вместе с монголами участвовали в захвате Китая и по мере развития военных действий передвигались по всей стране. После падения династии Сун (1279) часть дунганской армии была оставлена в качестве гарнизонов

в Китайской низменности¹⁰, а часть — вдоль морского побережья; в пример, при императоре Ши-цзу отряд солдат, состоявший из хуэйх (уйгуров) и шалюй хуэйхуэй, нес пограничную службу в городе Ша чжоу. Через ушелье Ланьтянь (в современной провинции Шэньси) в время «проходили дунганские армии всех областей». Очевидно, в Китайской низменности и во «всех областях» было немало дунганских войс. При императоре Шунь-ди (Тогон-темур), в 17-й год периода Чжи-чжэ (1357), в Фуцзяни вспыхнул бунт персидского гарнизона (см. «Дополнительные записки о династии Юань» — «Юань вайцзи» из «Географического описания провинции Фуцзянь» — «Фуцзянь-шэнь тунчжи»); очевидно, в Фуцзяни также были дунганские гарнизоны.

Кроме того, когда дунганские армии вслед за монголами вступили на территорию Китая, в первую очередь была покорена северо-западная часть Китая. Северо-запад Китая расположен довольно близко от Персии и Аравии, и дунгане непрерывным потоком переселялись туда, поэтому в провинциях Синьцзян, Ганьсу, Шэньси, Нинся и Цинхай дунган особенно много. Так как на северо-западе дунган было слишком большое число, то при императоре Ши-цзу, в 1-й год периода Чжун-тун (1260), 436 семей (или 1479 человек) дунган, живших в Ганьчжоу (современный уезд Чжаньте) и Лянчжоу (современный уезд Увэй), специально переселили в гарнизоны Цзяннани; при императоре Шунь-ди, в 2-й год периода Юань-тун (1334), также было переселено 220 дунган в Лянчжоу в Чжэцзян. Об этом есть точные сведения в «Краткой истории провинции Ганьсу, Нинся и Цинхай» («Гань Нин Цин шилуэ»).

Далее, чиновники и их подчиненные, принадлежавшие к дунганской социальной верхушке, служившие в разных частях Китая, оставили после себя многочисленное потомство, — в этом также заключается одна из причин распространения дунган в Китае. Например, в «Списке знатных родов» из «Новой истории династии Юань» говорится, что: Сайдянь Чжаньсыдин служил в Юньнани; Хусинь служил в Цзянси; Чжаладин служил в Пекине; Мамоуша служил в Хунани; Мосуху служил Ханчжоу; Бедулудин служил в Хенани; Хайлудин служил в Синьчэ (современный город Шанжао в провинции Цзянси); Адула служил Хубэе; Дешивэйли служил в Ляояне.

После смерти Чжаньсыдина его пять сыновей служили в разных провинциях, а именно: старший сын, Насуладин (Насрэддин), служил губернатором провинции Юньнань, впоследствии был повышен в должности и служил губернатором Шэньси; второй сын, Хасань, служил наместником и главнокомандующим области Гуандун; третий сын, Хусинь, служил правым помощником губернатора провинции Юньнань, затем был повышен в должности и служил левым помощником губернатора провинции Сычуань в Цзянчжоу и губернатором провинции Цзянчжоу; четвертый сын, Шаньсудин (Шамсуддин) Умоли, служил военным губернатором области Цзяньчан, подчиненной провинциальному правительству Юньнани; пятый сын, Масудин (Махсуддин), служил губернатором Юньнани. Насуладин имел двенадцать сыновей, семеро из них также служили в разных местностях, а именно: Боянь служил губернатором областей, непосредственно подчиненных государственному совету (Даду, Шанду и других); Умар служил губернатором Чжэцзяна; Чжаф служил наместником Цзинху; Хусянь служил губернатором провинции Юньнань; Шади служил левым помощником губернатора провинции Юньнань; Аюнь служил помощником заведующего академией церемоний; Бояньчар служил губернатором областей, непосредственно подчиненных государственному совету.

На основании этого нетрудно видеть, как широко расселились ду

¹⁰ Лёссовая равнина междуречья в Центральном и Сев. Китае. — *Прим. редакци*

гане в Китае, и не удивительно, что в настоящее время среди дунган из всех частей Китая так много лиц с фамилиями На, Ла, Дин, Ха, Ма, Хай, Да, Сай, Му и что все они, говоря о своем происхождении, утверждают, что их предки были высокими должностными лицами.

Кроме того, так как Чжаньсидин и его потомки из поколения в поколение служили в Юньнани, туда приезжало немало их родственников и друзей, желавших воспользоваться их протекцией, чтобы сделать карьеру; при этом, по обычаю, существовавшему при монголах, потомки как гражданских, так и военных чиновников приписывались к той местности, где они служили. Поэтому в настоящее время в Юньнани особенно много дунган¹¹. Что касается дунганских торговцев, то их мы тем более встречаем по всему Китаю. Торговцам по самой природе их занятия свойствен подвижный образ жизни.

Выше мы уже упоминали, что, согласно «Истории династии Юань», при императоре Чэн-цзуне дунганам, находящимся во внутренних областях Китая, было приказано платить торговые пошлины в тысячу слитков; отсюда можно заключить, что при монголах дунганских торговцев, живших по всей территории Китая, т. е. в так называемых «Внутренних областях» Китая, было действительно очень много. В настоящее время среди дунган, живущих в разных городах Китая, очень многие занимаются мелкой торговлей; это тоже можно объяснить тем, что многие дунганские купцы при династии Юань поселялись в Китае.

Все это говорит о том, что территория Китая, на которой при монгольской династии расселились дунгане, была очень велика. Не удивительно, что в «Описании Самарканда» («Самархань чжуань») в «Истории Минской династии» («Мин ши») сказано: «При династии Юань дунгане распространились по всему Китаю».

На основании изложенных выше фактов мы можем прийти к следующему заключению: китайские мусульмане главным образом представляли собой переселившиеся в Китай дунганские армии, дунганскую аристократию, дунганских чиновников, ученых и техников, дунганских торговцев и простых людей; они расселились по всему Китаю, жили там в течение долгого времени, их потомство росло и постепенно сформировалось в дунганскую нацию*. Такое заключение совпадает с тем, которое высказывал в период династии Юань дунганин Аладин и которое цитируется в «Монгольской истории Досана» («Досан Мэнгу ши»):

«В настоящее время в этой восточной стране (Китае) имеется немало мусульман-переселенцев, которые либо являются пленниками из Хэчжун (город Самарканд в современном Туркестане^{11а}, название его «Хэчжун» — «Междуречье» — происходит от того, что он лежит между двумя реками — Сыр-дарьей и Аму-дарьей), и Хорасана (на юго-восток от Каспийского моря), отправленными в эту страну в качестве ремесленников и пастухов; либо были уведены и насильно переселены туда, но среди них очень много и таких, которые уезжали в эту страну с запада для торговли и в поисках богатства, поселялись там, строили постоянные дворы и рядом с храмами идолов воздвигали мечети и монастыри».

V. ЭЛЕМЕНТЫ, ВОШЕДШИЕ В СОСТАВ ДУНГАНСКОЙ НАЦИИ

Таковы в общих чертах происхождение дунганской нации*, ее социальный состав в момент переселения в Китай и расселение после переселения. Здесь необходимо подчеркнуть следующее: мы утверждаем

¹¹ Мусульмане Юньнани этнически отличны от дунган. Ислам распространен здесь арабскими купцами, двигавшимися в глубь страны южным морским и речным путями (через Кантон). — *Прим. редакции.*

^{11а} Гор. Самарканд находится в Узбекской ССР (Туркестаном именовалась прежде в литературе территория нынешней Советской Средней Азии). — *Прим. редакции.*

только, что дунгане, переселившиеся в Китай из Персии, Аравии и других мест при династии Юань, являются основным источником сложения дунганской нации, но не говорим, что это — единственный источник сложения, не отрицаем, что, помимо этого, к дунганской нации * пришивались элементы других наций *, в особенности китайские элементы.

Прежде всего, в то время, когда предки дунган только что начали переселяться в Китай, их расовый и национальный состав был неоднороден; например, арабы и персы вовсе не относились к одной и той же расе или нации, а в районе Средней Азии имелось также некоторое число тюрок.

Затем, вследствие того, что дунгане после их переселения в Китай жили смешанно с китайцами, некоторые китайцы приняли мусульманство. Кроме того, дунгане могли брать в жены китайских женщин: например, Хачжихасинь (Ходжа Хасан) женился на дочери китайца Сюнь Гун, жена Бодэна имела фамилию Ли, жена Чжималудина — фамилию Ли, обе они были китайянки. Поэтому в процессе формирования дунганской единой нации * к ним неизбежно примешивалось много китайских элементов.

Далее, со времени династий Тан и Сун немало хуэйхэ и хуэйху переселилось в провинции Ганьсу, Нинся и Цинхай и поселялось там, и когда при династии Юань в Северо-Восточном Китае появились дунгане, жили там смешанно с хуэйхэ и хуэйху, поэтому могли включить в состав дунганской нации хуэйхэские и хуэйхуские элементы.

Наконец, «В настоящее время в той восточной стране есть уже немало мусульманских переселенцев... к ним относятся и князья из рода Чингиз-хана, которые приняли нашу (т. е. мусульманскую) веру, и бывшие им их подданные и солдаты» (слова дунганина Аладина, выше). Это значит, что после того, как дунгане переселились в Китай, многие монголы под их влиянием тоже приняли мусульманскую религию, слились с дунганами и были постепенно ассимилированы дунганской нацией *; например, когда двоюродный брат императора Чэн-цзуня Ананда стоял с войском в Таньфу (современная провинция Нинся, северная часть провинции Ганьсу и восточная часть провинции Цинхай), большая часть из ста пятидесяти тысяч солдат, находившихся под командованием, перешла в мусульманство (см. «Монгольскую историю Досана» — «Досан Мэнгу ши»).

Что дунгане в Китае смешались и с поселившимися там еще до династии Юань персами и арабами, это ясно само собой.

Итак, дунганская нация образовалась главным образом из дунган, переселившихся в Китай при династии Юань из Дашти, т. е. Персии, Аравии, Средней Азии и других мест, и их потомков, к которым, кроме того, примешалось некоторое количество китайских, хуэйхэских, хуэйхуских, монгольских и других элементов, но необходимо особо указать, что хотя элементы этих наций *, смешавшихся с дунганами, несомненно оказали на дунганскую нацию некоторое влияние, они все же ни в коем случае не были решающим фактором в формировании дунганской нации.

ВОПРОС О ПРОИСХОЖДЕНИИ ДУНГАН В РУССКОЙ И СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

(Краткая справка)

Пятисотмиллионное население Китая не однородно по национальному составу. Преобладающая масса (более 90 %) это «хань», «ханьжэнь» (китайцы). Некитайское население Китая составляет в среднем 1/14 всего населения страны, т. е. около 40 млн. человек. Среди них

мелкие этнические группы (например, «шань-тоу» — 150 тыс. человек) и крупные народности (например, носу или ицзу — более 2,5 млн.; уйгуры — более 3 млн. и др.).

Одной из наиболее крупных народностей Китая являются дунгане. Общее число их достигает, по нашим подсчетам, 7—8 млн. Расселены они на всем протяжении тракта от города Кашгара до Пекина; сосредоточены главным образом в провинциях Ганьсу, Шэньси и Синьцзян (Северо-Западный Китай). Крупные поселения дунган встречаются в провинциях Сычуань (город Чэнду), Цинхай, Шаньдун, а также в Дунбэе (куда они переселились в XIX в.). Обычное их название «дунгане», принятое в русской дореволюционной и советской литературе, распространено не повсеместно. Оно бытует в пределах республик Советской Средней Азии (куда дунгане переселились после восстания 1861—1878 гг.), частично в Синьцзяне (в долине р. Или) и в Дунбэе. Считается, что это не самоназвание, а название, данное дунганам соседями (народами Средней Азии). Самоназванием считается их китайское наименование «лао хуэйхуэй» (буквально — «почтенные», или ортодоксальные, мусульмане) или просто «хуэйхуэй» (мусульмане). Этот термин «хуэйхуэй» широко бытует в китайской исторической и этнографической литературе. Китайская традиционная этнографическая литература выделяла в населении Китая пять крупных основных групп: «хань», или «чжун» (китайцы), «мэн» (монголы), «мань» (маньчжуры), «цзан» (тибетцы) и «хуэй» (буквально — мусульмане).

Неточность термина «мусульмане» наряду с этническими терминами (китайцы, тибетцы, маньчжуры, монголы) очевидна. Вместо этнического наименования здесь в качестве определителя выступает религиозная принадлежность. В группу «хуэй» заведомо неверно включались различные по языку и культуре народы: тюркоязычные уйгуры, казахи, узбеки, монголоязычные дунсян, близкие к китайцам по языку дунгане и пантай и т. д.

Публикуемая работа китайского историка Линь Ганя ставит своей первой целью показать, что термин «хуэйхуэй», более 12 столетий бытующий в китайской литературе и официальных документах, имеет двоякий смысл: а) мусульмане Китая (в том числе уйгуры, казахи, киргизы, пантай, дунгане, татары, салары и другие, а также китайцы, исповедующие ислам) и б) дунгане — отдельная, самостоятельная исторически сложившаяся этническая группа, по мнению автора, оформившаяся как нация.

Вторая цель автора — рассмотреть и подвергнуть критике имеющиеся в Китае теории происхождения дунган, противопоставив им свою гипотезу. Эта часть работы представляет значительный интерес для советских этнографов и историков в целом. Точка зрения автора ясна: дунгане — результат сложного и длительного этногенетического процесса. Основу, собственно дунганский пласт составили ираноязычные и арабоязычные переселенцы из Передней Азии, со временем воспринявшие китайский язык, письменность и культуру в целом. Основа хозяйства дунган — земледелие и торговля. Территориально они разобщены, но в каждой общине внутренние связи необычайно крепки. В этой внутренней спаянности, по мнению автора, огромную роль сыграли религиозная нетерпимость (самих дунган, с одной стороны, угнетавших их маньчжурских властей, — с другой) и борьба дунган против национального угнетения. Эта сплоченность и является основным показателем того, что дунгане уже сложились, по мнению автора, в нацию (именно в нацию, а не народность).

В заключение автор призывает дунгановедов высказать свое мнение и по проблеме происхождения дунган, и по поводу его (Линь Ганя) точки зрения. «Я бросил кирпич, — говорит он, — в надежде, что за ним последует яшма». Не претендуя на признание наших замечаний яшмой, выска-

жем их в надежде, что они не будут приняты как «лишний узор к готову вышиванию».

В русском и советском дунгановедении вопрос о происхождении дунган поднимался неоднократно. Повидимому, впервые общественный интерес был привлечен к нему в период восстания мусульман Северного Западного Китая в 1861—1878 гг. Еще в докладе «О восстании мусульманского населения или дунгеней в Западном Китае», читанном А. К. Гейнсом в заседании Русского географического общества в 1866 г., им приведен один из вариантов легенды о происхождении дунган, бытующей у народов Средней Азии и у самих дунган. Все варианты этой легенды единодушны в утверждении того, что предки дунган — пришельцы, они считают дунган потомками «оставшихся» или «возвратившихся»¹². В варианте, высказанном А. К. Гейнсом, солдаты из войска Ташмерлана, двигаясь на восток через горный проход Санташ (дословный перевод «Счет камней»), в целях подсчета своей численности сложили в пирамиды по одному камню каждый. При возвращении войск каждый воин взял с пирамид по одному камню. На месте осталось свыше 3000 камней. Значит, на востоке осталось более 3000 воинов. Они-то и составили первые дунганские гарнизоны в Китае, позже пополненные принявшими ислам китайцами, и потомством первопоселенцев. Интересно, что почти точно совпадающий по развитию сюжета вариант легенды записан мной от старика-колхозника Юсупова в 1943 г. в поселке колхоза «Родина» (близ Гуйлюка) под Ташкентом. Среди дунган Фрунзенской области Киргизской ССР бытует легенда об арабах, носителях ислама, двигавшихся с Сеид аль Вахасом на восток и оставивших в Китае 3000 воинов, которые женились на китайках и положили начало роду дунган. Поэтому, мол, дунгане и называют китайцев «чжючжю» (кит. «цзюцзю») — дядя, брат матери. Литературно эта легенда зафиксирована в книге Сулеймана Шарифа «Тарихи тургани» (история дунган), изданной на средства дунган в Ташкенте в 1927 г. Возможно, что это просто перепечатка более раннего издания (или устного его переказа). В ее варианте, записанном в с. Александровка в 1942 г. проф. Врубелем, арабы прибыли в Китай по вызову танского императора Тай-цзун (Ле Ши-миня), якобы видевшего сон, в котором зеленый леопард (символ воинствующего мусульманства) победил в борьбе белого слона (символ южной ветви буддизма). Тогда запросил Тай-цзун 300 воинов из стран льва (Аравии или Ирана) в обмен на 300 китайских лунников. Последние поселились якобы в Багдаде, где и «посейчас существует» китайско-арабская колония. Арабы же или персы положили начало дунганской народности. В этой легенде имеется, несомненно, зерно истины, так как именно Тай-цзун ввел в китайской армии охранные части из среднеазиатских тюрок, уйгуров и персов (охранная войска из персов в Китае при минской династии отмечены в литературе русским синологом Палладием).

Более или менее полный пересказ вариантов приведенной легенды мы находим у Богоявленского, Кауфмана, Терентьева (хотя основной взгляд последнего сводится к тому, что «дунгане» — тунганьсу, т. е. воины из Ганьсу), а позже у ряда советских авторов, случайных в дунгановедении.

В упомянутом докладе А. К. Гейнса приводится и мнение о происхождении дунган от «хуэйгу» — уйгуров, высказанное в литературе впервые Захаровым в специальной «Записке о происхождении дунган», поданной в 1878 г. в Военно-ученому комитету. Мнение это, впрочем, отвергаемое теперь Линь Ганем.

¹² Так переводятся оба этнонима: 1) «дунгане» = «тургани» считается причастной формой тюркского глагола «турмок» — стоять, ждать, оставаться; 2) «хуэйхуэй» переводится по одному из значений иероглифа «хуэй» — возвратиться.

Весьма интересная гипотеза о происхождении дунган, высказанная упоминавшимся выше русским синологом Палладием (Кафаровым) и поддержанная затем Г. Е. Грум-Гржимайло, представляет дунган потомками «тех уроженцев Ферганы, которые были переселены из Туркестана в Китай» Чингиз-ханом и чингизидами с волей ремесленников (по Грум-Гржимайло, «уроженцев Самарканда, Бухары и других городов турано-иранского запада»). Эта, так сказать, производственная гипотеза привлекала позже внимание многих авторов и официально принята «Ежегодниками мусульманского мира», выводящими предков дунган точно из города Серакса (близ Мерва). Последнее действительно точно, но не по отношению к дунганам. Выходцами из Серакса являются салары, живущие в провинциях Ганьсу и Цинхай в контакте с дунганями.

В советской литературе вопрос о происхождении дунган не получил еще разрешения. Как упоминалось, авторы, случайно писавшие о дунганах, считают их либо китайцами, принявшими ислам, либо тюрками, воспринявшими культуру и язык китайцев, в окружении которых они живут. Теория происхождения дунган от китайцев-колонистов, оседавших в тюркоязычной среде на северо-западной границе Китая уже со II в. до н. э., научно аргументирована впервые советским этнографом и археологом проф. С. П. Толстовым. Примерно тот же взгляд высказал советский антрополог М. Г. Левин, основываясь на антропологических данных. Дунганин, кандидат исторических наук Х. Ю. Юсуров, идя по пути фонетических сопоставлений этнонимов, считает дунган потомками народа тибетской группы тогонов, зафиксированного в Северо-Западном Китае в танское время.

Следует отметить, что попытки разрешения вопроса при помощи объяснения фонетического объяснения или соответствия (в этнонимах других народов) к слову «дунгане» или «хуэйхуэй» делались в русской, затем в советской литературе неоднократно. Таковы поиски фонетического соответствия наименования дунган этнониму уйгуров (Захаров и др.), попытки считать их «оставшимися» (Гейнс и др.), земледельцами-тюрками (от «ту» + «нгань», что Врубелем переводится как «люди емли»), выходцами из Ганьсу или из г. Дунь-Хуан (Терентьев) и т. д. Однако этот метод, взятый как единственный самодовлеющий способ решения вопроса, естественно, ничего не мог дать. В данном же случае гипотеза Юсурова находит частичное подтверждение в антропологических материалах, говорящих о возможном тибетском или монгольском пласте в этногенезе дунган (Чебоксаров). В целом же дунгане антропологически представляют варианты северокитайского типа (Мацеевский и Поярков, Чебоксаров, Левин, Дебец). У илийских дунган возможны напластования уйгурские (Левин).

Пользуясь данными истории Северо-Западного Китая, фонетическими соответствиями этнонимов и историко-культурными сравнительными данными, автор этих строк высказал предположение о происхождении дунган от китаев (киданей), точнее от маньчжурской части населения киданьского государства Ляо и Си-ляо. Эта точка зрения поддержана Н. Н. Чебоксаровым.

Не имея возможности развернуть аргументацию каждого из советских дунгановедов, скажем лишь, что все они (как и Линь Гань) единодушно представляют дунган народом сложного этногенеза, но несомненно автохтонным, сформировавшимся в пределах нынешнего Китая и даже (в основном) в местах их нынешнего обитания. Советские дунгановеды не считают и не могут считать дунган нацией (хотя бы в силу их слабой территориальной консолидированности), что отнюдь не умаляет национального достоинства дунганской народности (как и всякой другой народности мира). Лишь с созданием Народной Республики дунгане Китая получили равные со всеми народами страны права. Известны уже два автономных района дунган в Северо-Западном Китае. Таким

образом, все возможности дальнейшей национальной консолидации перенесены на открытые.

К сожалению, автору публикуемой работы не удалось с достаточной четкостью показать, что дунгане и мусульмане Китая не одно и то же. Позволим себе остановиться на этом вопросе еще раз. Ислам проникает в Китай разными путями в разное время. Ислам исповедуют в Китае дунгане (7—8 млн.), уйгуры (более 3 млн.), пантай (юньнаньские мусульмане — до 500 тыс.), казахи (более 350 тыс.), киргизы (около 150 тыс.), татары, персы, дарды, монголы — «дунсян», «сися», и другие, а также китайцы, принявшие ислам (их число точно не установлено). В западные провинции Китая ислам проникает впервые еще в VII—X вв. в танское время. В X—XII вв. ислам проникает в Китай морским путем (в Кантон и затем в Юньнань). В Северо-Западном Китае распространение ислама связано с именем имама Азама (ходжа Мухаммеда Азам, потомок Мухаммеда через имама Ризу), жившего в Бухаре, Самарканде и Кашгаре в конце XV — начале XVI в. и похороненного в Дохбиде (близ Самарканда) в 942 г. хиджры, т. е. в 1563 г. Точнее ислам в Синьцзяне связан с именем внука имама Азама — Аппак-ходжи, захоронение которого (в 6 км от города Кашгара) чтится как святыня всего северо-запада Китая. Дунгане, как правило, мусульмане-сунниты арзамитского толка (т. е. аазамиты), предки их приняли ислам не ранее XVI в. Таким образом, термин «лао хуэйхуэй» правомерно переводится нами не как «старые мусульмане», а как «почтенные», «ортодоксальные» мусульмане.

Итак, «мусульмане Китая» и «дунгане» — термины не равнозначные. Дунгане, живущие в Северо-Западном, Северном и Северо-Восточном Китае, это один из «мусульманских» народов, т. е. народов, у которых распространен ислам. Этнически дунгане не родственны мусульманам Юньнани и Кантона. В Дунбэе (Маньчжурии) же расселены действительно главным образом дунгане.

Публикуемая работа Линь Ганя является прекрасным доказательством растущего интереса дунган к истории своего народа. Автор привлекает солидный исторический материал. Несмотря на отдельные методологические недостатки и некоторую нечеткость постановки вопроса о мусульманстве в Китае, работа эта представляет несомненный научный интерес.

Г. Г. Стратанович

ЛИТЕРАТУРА

- В. Н. Богоявленский, Западный, или Застенный, Китай, СПб., 1906, стр. 49, 50, 52.
 А. К. Гейнс, О восстании мусульманского населения, или дунгенов, в Западном Китае, «Изв. Русск. геогр. об-ва», т. II, 1866, стр. 75.
 Г. Е. Грум-Гржимайло, Историческое прошлое Бэй-Шаня в связи с историей Средней Азии, СПб., 1898, стр. 127.
 Палладий (Кафаров), О магометанах в Китае, «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине», т. IV, 1866, стр. 438—440.
 М. А. Терентьев, История завоевания Средней Азии, СПб., 1906, т. II, стр. 1.
 Г. Г. Стратанович, Дунгане Киргизской ССР, М., 1947, Архив Ин-та этнографии АН СССР, ф. р. д-9, стр. 22—39.
 Х. Ю. Юсупов, Восстание мусульманского населения Северо-Западного Китая в 1862—1877 гг., Архив Ин-та истории АН Казахской ССР.
 Н. Н. Чебоксаров, Дунганская экспедиция, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. III, М., 1947, стр. 25—26.
 Н. Н. Чебоксаров, Северные китайцы и их соседи, М., 1947, Архив Ин-та этнографии АН СССР, ф. р. д-55/3, стр. 769—812.

Б. О. ДОЛГИХ

НЕКОТОРЫЕ ОШИБОЧНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ В ВОПРОСЕ ОБ ОБРАЗОВАНИИ БУРЯТСКОГО НАРОДА

В своей статье «О происхождении бурятского народа»¹ С. А. Токарев возражает против ряда основных положений моей работы «Некоторые данные к истории образования бурятского народа»². Он не соглашается с тем, что племя хоринцев к приходу русских жило в Забайкалье, и совсем отрицает существование племени табунутов, которое, по нашим данным, явилось одним из составных элементов бурятского народа. По утверждению С. А. Токарева, в Забайкалье в XVII в. жили многочисленные буряты, «утратившие родоплеменные деления» и объединявшиеся «лишь в административно-политические, феодальные группировки». Именно этих бурят С. А. Токарев считает предками основной массы забайкальских бурят.

Такое утверждение, впервые выдвинутое С. А. Токаревым еще в 1939 г. и вновь повторенное в 1953 г.³, является совершенно произвольным. До нас дошло довольно много ясных книг по Иркутскому и Нерчинскому уездам, до нас дошли даже архивы Иркутской и Нерчинской приказных изб, содержащие много уголовных, гражданских и политических дел, но ни в одном из документов не фигурируют какие-либо другие группы предков современных забайкальских бурят, кроме хоринцев, табунутов, выходцев из Предбайкалья, атаганов, сартолов, хатагинов и узонов.

Замечу, что С. А. Токарев неосновательно упрекает меня в том, что я не показываю атаганов и сартолов на карте, приложенной к моей статье⁴. Атаганы и сартолы выделены на этой карте особой штриховкой, не показаны только хатагины, так как они в XVII в. почти не жили в русских владениях. Узоны (одзоны) показаны на карте в Цецен-хановском аймаке, где жила их большая часть.

С. А. Токарев пытается опровергнуть мое утверждение о том, что «братские люди» за Байкалом, о которых русские знали уже в 1641 г.⁵ и которых нашел за Байкалом атаман Василий Колесников, были хоринцами. Он считает, что предки хоринцев ко времени прихода русских жили только к западу от Байкала.

Ход моих рассуждений по вопросу о племени «больших братских людей» Забайкалья был такой. До начала последней четверти XVII в. русские называли в Прибайкалье «братскими людьми» лишь булагатов (с отделившимися от них частями ашехабатов и икинатов), эхэритов, хон-

¹ С. А. Токарев, О происхождении бурятского народа, «Советская этнография», 1953, № 2, стр. 37—52.

² Б. О. Долгих, Некоторые данные к истории образования бурятского народа, «Советская этнография», 1953, № 1, стр. 38—63.

³ С. А. Токарев, Расселение бурятских племен в XVII в., «Записки Бурят-Монгольского гос. научно-иссл. института языка, литерат. и истории», вып. 1, 1939; его же, О происхождении бурятского народа, «Советская этнография», 1953, № 2, стр. 51.

⁴ С. А. Токарев, О происхождении бурятского народа, стр. 51.

⁵ ДАИ, т. II, стр. 248.

готоров и хоринцев⁶. Табунутов, атаганов, сартолов, хатагинов и уэ в то время русские «братскими людьми» не называли. Присут в 1640-х годах в Забайкалье булагатов, эхэритов и хонгодоров и сается. Таким образом, остается предположить, что «братские лю которых нашли за Байкалом русские в 1645 г., были хоринцы.

Мое предположение подтверждается и тем, что в 1670-х и 168 годах хоринцы после возвращения из Монголии включали в перес своих исконных («породных») земель не только остров Ольхон и пол земли на западном берегу Байкала у рек Большой и Малой Бугульде но в первую очередь и степи на восточном берегу Байкала, по пр бережью р. Селенги, в частности, следовательно, и ту самую Кудар скую степь («Кутору»), где встретил своих «больших братских люд атаман Василий Колесников.

Известно также, что до выселения в Монголию, т. е., вероятно, период с 1647 по 1650 г., хоринцы платили ясак именно в Забайкаль Баргузинский острог⁷. В 1674 г., когда хоринцы вышли из восточ Монголии под Нерчинск, они просились «на их прежнюю породн землю к Байкаловскому озеру и Ольхон остров»⁸. В 1675 г. они оп просились «на прежние их породные земли к Байкалу морю и на Оль остров и в иные урочища Баргузинского острогу»⁹. Из этих заявлен никак нельзя вывести заключение, что исконной территорией хорин был только западный берег Байкала и остров Ольхон.

В 1679 г. хоринцы были уже в Кударинской степи и в степи р. Итанце.

В документе 1683 г. сказано, что хоринцы кочуют «на своих породи землях у Байкала моря близ Итанцинского зимовья по Селенге и Ит це рекам и на море на Ольхоне острове и на матерой земле по рек Большой и Малой Бугульдеихам. И для збору де с них иноземцев пост лено зимовье на Селенге реке на устье Итанцы реки»¹⁰. В Итанцинс зимовье по крайней мере вплоть до 1730-х годов находился цен управления хоринцами и сбора с них ясака. Таким образом «породно коренной территорией хоринцев считались также и низовья Селенги, не только остров Ольхон и западный берег Байкала.

С. А. Токарев считает, что на западном берегу Байкала и на остро Ольхон было достаточно места для всего племени хоринцев. В свои рассуждениях он опирается, в частности, на данные переписи 1897 г. П С. Патканову, в 1897 г. в Еланцинском и Кутульском ведомствах, пределы которых входили остров Ольхон и полоса освоенной бурятаи земли по западному берегу Байкала в районе устьев рек Большой Малой Бугульдеих и против острова Ольхон, было 5015 бурят¹¹, т. е. несколько меньше, чем числилось всего хоринцев в середине XVII в. Н при сравнении численности бурятского населения на одной и той же тер ритории в 1897 г. и в XVII в. надо иметь в виду изменение плотности населения в связи с развитием хозяйства. Так, в Верхотенском уезде, на ко ренной территории эхэритов, в 1897 г. проживало 21 527 бурят. В сере дине же XVII в. всех эхэритов было не более 3500. Таким образом, здесь плотность населения, благодаря переходу к оседлости, внедрению плуж ного земледелия, интенсификации животноводства и т. д., увеличилась с XVII до конца XIX в. в шесть раз. Применяя этот коэффициент в отно шении территории Еланцинского и Кутульского ведомств, соответствующ

⁶ Кроме того, в это же время русские называли «братскими людьми» также и дауры на Амуре.

⁷ ЦГАДА, ф. 214, ст. 1695, ч. 1, л. 371; ф. 1142, ст. 4, л. 32.

⁸ Там же, ф. 214, ст. 1659, ч. 1, л. 89, 371—376.

⁹ Там же, ф. 1142, ст. 4, л. 1.

¹⁰ Там же, ф. 1142, ст. 19, л. 31; ф. 1121, ст. 71, л. 34—35.

¹¹ С. Патканов, Статистические данные, показывающие племенной состав населе ния Сибири, язык и роды инородцев, т. III, СПб., 1912, стр. 502—503.

щей, по нашему мнению, территории, которую в XVII в. осваивали хоринцы на западном берегу Байкала, получим, что в XVII в. на западном берегу Байкала и на острове Ольхон постоянно могло жить 800—900 хоринцев. По документам известно, что в 1684 г. на западном берегу Байкала и на Ольхоне хоринцев было 150 юрт¹², т. е. около 750 человек. Эта величина довольно близка к вычисленной нами.

С. А. Токарев предполагает, кроме того, что хоринцы в XVII в., находясь на западном берегу Байкала, могли жить также на территории позднейших ведомств Баендаевского, Ользоновского и Хоговского¹³. Эта территория составляла южную часть земель эхэритов (см. мою карту в журнале «Советская этнография», 1953, № 1), где в XVII в. были довольно тесно расселены эхэритские роды Олзонов, Баендаев и Абызаев. Кроме того, для предположения, что хоринцы занимали земли здесь по истокам Куды и левобережью верховьев Манзурки, т. е. располагались между эхэритами и булагатами, отделяя их друг от друга, у нас нет никаких оснований, так как это совершенно не отражено в источниках.

С. А. Токареву неясно, почему я на своих картах отделяю Верхоленский острог от берега Байкала, и в частности от хоринских улусов, сплошной полосой тунгусских кочевий¹⁴.

При нанесении на карту тунгусских кочевий я основывался на том, что на старых картах Прибайкалья (Иркутской губернии и Забайкальской области), например, в известном атласе «Азиатская Россия», изданном Главным переселенческим управлением, вокруг бурятских владений и земель русских крестьян и казаков отмечены огромные пространства неосвоенных таежных, горно-таежных и горных земель, числившихся за казной, но предоставленных в пользование так называемым «северным инородцам», которыми в данном районе являлись тунгусы.

Как бурятские, на моих картах помечены те земли, которые в конце XIX — начале XX в. были во владении бурятских ведомств. Так, земли хоринцев на западном берегу Байкала на моих картах соответствуют территории Еланцинского и Кутульского ведомств, а земли эхэритов и булагатов в бассейне верхней Лены, Манзурки и Куды — территории остальных бурятских ведомств Верхоленского уезда и территории ряда бурятских ведомств Иркутского уезда конца XIX — начала XX в.¹⁵

Кроме того, в бурятскую территорию включена также часть земель крестьян-старожилов, прилегавшая или перемежавшаяся с землями бурятских ведомств, а также и некоторые переселенческие участки, выкраивавшиеся царским правительством на бурятских землях.

Строго говоря, включение земель крестьян-старожилов в бурятские земли было не всегда правомерно, так как русские крестьяне в данном районе обычно избегали селиться на степных низменных бурятских землях, потому что на них была низкая урожайность. Крестьяне предпочитали расчищать себе поля на горах, не осваивавшихся бурятами, где урожайность была гораздо выше.

В горно-таежной области между бассейнами Куды и Манзурки, с одной стороны, и озером Байкал, с другой, часть которой носит название Онотского хребта, бурятских земель не было. Эта территория показана нами как тунгусская. Правда, в конце XIX — начале XX в. здесь было несколько русских сел и деревень, например, по р. Голоустной и другим, потому что, как мы уже указывали, русские крестьяне находили для себя выгодным селиться в подобных горно-таежных районах. Но буряты в таких районах, как правило, не селились.

¹² ЦГАДА, ф. 1142, ст. 19, л. 33.

¹³ С. А. Токарев. О происхождении бурятского народа, стр. 50.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Кстати, замечу, что граница между булагатами и эхэритами точно соответствовала границе между Иркутским и Верхоленским уездами.

С. А. Токарев не совсем верно излагает мою точку зрения по вопросу о табунутах. Табунуты, по моему мнению, монголоязычное племя (может быть, омонголившиеся тунгусы), которое вошло в состав современного бурятского народа в качестве одного из его основных компонентов. Находившиеся в ведении Селенгинского острога в XVII в. атаганы и сартолы стали считаться «братскими людьми» примерно с 1681 г., а табунуты — предки Цонголова рода, как указывает С. А. Токарев, — лишь с 1698 г. Но С. А. Токарев неправильно утверждает, что табунутов стали называть «братскими людьми» потому, что их состав к 1698 г. якобы «становится преобладающе бурятским»¹⁶. До начала XVIII в. никаких бурят в районе Селенгинска не было. Окин-зайсан в 1695 г. вышел из Монголии с 90 табунутами (имеются в виду лишь взрослые мужчины). Эти же табунуты фигурировали и в 1698 г. «Братскими людьми» их стали называть потому, что так именовалось все находившееся в русском подданстве монголоязычное население Прибайкалья.

В Забайкалье название «братские люди» распространялось на атаганов, сартолов, табунутов, а затем и хатагинов и узонов по мере их включения в русское подданство, по мере их включения в формирующийся бурятский народ, по мере того как они обособлялись от монгольского народа, а не потому, что они смешивались с какими-либо бурятами.

Содержащиеся в некоторых документах указания о местожительстве табунутов позволяют заключить, что с запада их земли ограничивали реки Селенга и Чикой, а центром их территории были низовья Большой Хилки¹⁸. Табунуты считали, что земли по правому берегу Селенги выше устья Уды принадлежат им, и жаловались на хоринцев, когда те проходили сюда¹⁹. Восточная граница земель табунутов определена мною исходя из границ владений бурятских и крестьянских земельных обществ и границ неосвоенных горно-таежных районов в конце XIX в. Эдесь, конечно, возможны уточнения.

В противоположность мнению С. А. Токарева, все же приходится считать табунутов обособленной племенной группой, жившей по правому берегу Селенги и по Хилку. В своей статье я приводил выписки из документов о том, что в 1674 г. табунуты «Учуроя хана»²⁰ не слушают и презирают сего под его началом и не у ково не бывали. А живут де те табунутские люди под началом табунутских князцов Иркема и Кетайчи своею обою» (стр. 52), что в 1682 г. монголы «кукановщина» отказывались при-

¹⁶ С. А. Токарев, О происхождении бурятского народа, стр. 50.

¹⁷ Одна из причин заблуждения С. А. Токарева заключается в том, что он не отличает табунутов от так называемой «боронкошеуновщины». Упоминаемые в его статье «Расселение бурятских племен в XVII в.» как табунутские тайши Ирдени, Бинтухай, на самом деле были тайшами «боронкошеуновщины». Эти монгольские тайши вместе со своими подданными с 1688 по 1692 гг. одновременно с табунутами находились в русском подданстве. Но табунуты жили к востоку от низовьев Чикой и к востоку от Селенги ниже устья Чикой, а «боронкошеуновщина» кочевала главным образом к западу от табунутов за Селенгой и Чикоем. Показанные на моей карте («Селенгская этнография», 1953, № 1) в бассейне Селенги монголы представляют собой в основном «боронкошеуновщину». В частности, тайша Ирдени («Ирдени Контазийский») никак не мог быть табунутом и никогда не был им, потому что он не кто иной, как сын известного Алтын хана Гэндун (он же Дайчин) (см. А. П. Окладников. Очерки из истории западных бурят, Л., 1937, стр. 187—195). Во владения «Ирдени Контазия» входили Джиды, окрестности оз. Косогол и другие западные, достаточно отдаленные от табунутов районы. Поэтому Ф. А. Головин и заключал договор с группой монгольских тайшей («боронкошеуновщиной») и отдельно с табунутами, особым окрайним монгольским племенем, которое в эти годы возглавляли тайша Церен-Цекулай и Окин-зайсан. Имеется много указаний в источниках о том, что табунуты и борон (или бурон) кошеуновщина были совершенно разными группами населения бассейна Селенги (см., например, ЦГАДА, ф. 1121, ст. 261, л. 28—29, ст. 171, л. 147—148, стр. 213, л. 20—23, 52; ф. 21, оп. 4, № 28, стр. 112—114, 120 и др.).

¹⁸ ЦГАДА, ф. 21, оп. 4, № 28, л. 116; ф. 1121; ст. 213, л. 19, 36, ст. 222, л. 65—66.

и др.

¹⁹ Там же, ф. 1121, ст. 435, л. 49—50.

²⁰ Т. е. Очирой-Саин хана.

сягать за табунутов, так как это люди, которые «живут собою не под нашими тайшами» (стр. 54). К этим свидетельствам добавлю еще, что в том же 1674 г. табунуты жили «промеж» русских владений и «промеж мунгалских Учюроя и Гыгына-кана и им де они противны»²¹.

Эти заявления, на наш взгляд, вполне убедительно свидетельствуют о том, что табунуты в то время не были подданными монгольских ханов.

В заключение позволю себе сделать несколько замечаний относительно карты С. А. Токарева²². На этой карте стоит надпись «Забайкальские буряты». Как мы указывали выше, таких бурят в качестве какой-то отдельной группы, не имеющей своего племенного или родового имени, не было. Слово «забайкальские» помещается примерно на территории хоринцев, а слово «буряты» — на территории атаганов и сартолов (кроме последнего слога).

Недоумение вызывает надпись «Куркуты», помещенная в районе современного города Черемхово. Материалы XVII в. не содержат никаких сведений о том, что куркуты кочевали на этой территории. Все имеющиеся о куркутах данные свидетельствуют, что они кочевали по низовьям р. Куды и иногда уходили за Ангару в том же районе. К XIX в. куркуты частью переселились в низовья Китоа, частью на Иркут в Тунку.

Совершенно неверно показаны на карте С. А. Токарева готелы. В настоящее время потомки готелов живут по р. Иде. Эта же территория указывается как их местожительство и в многочисленных документах второй половины XVII в. В 1644 г. служилые люди из Верхоленского острога ходили на р. Оду к готелам не за Енисей (Ангару), а «к Енисею»²³. Есть все основания предполагать, что русские служилые люди первое время называли Одой (Ожой) именно реку Иду. В енисейской росписи рекам и землицам 1629—1630 г. прямо сказано: «А от усть-Унги реки, сказывают ясачные люди, до усть Ожи реки 2 дни ходу, а впала Ожа река в Тунгуску с левую сторону вверх идучи, а по Оже реке живут брацкие же люди с устья и до вершины...»²⁴. Несомненно, что речь идет здесь о реке Иде и готелах.

Надпись «Ихириты» на карте С. А. Токарева проходит по таежным районам, в которых в XVII в. жили тунгусы. Только последний слог этой надписи приходится на местность, где в XVII в. действительно жили эхэриты. По остальной территории эхэритов на карте С. А. Токарева расположена надпись «Асипугаты», правда, снабженная вопросительным знаком. Об этих «асипугатах» стоит поговорить подробнее.

Термин «асипугаты» применялся в XVII в. подьячими Верхоленского острога как название того булагатского рода, который в других приказных избах XVII в. и в настоящее время известен под названием «ашехабаты». Этот род в XVII в. жил двумя группами: одна из них кочевала на среднем течении Оки, а другая — в самых верховьях р. Куды. Первая группа это те самые ашехабаты, которые показаны С. А. Токаревым на крайнем западе его карты, на р. Уде, а вторая — это «асипугаты», которым С. А. Токарев отводит почти всю территорию эхэритов. В конце XVII и начале XVIII в. часть ашехабатов из обеих указанных групп переселилась за Байкал и образовала там еще один Ашехабатский род. От переселившихся за Байкал ашехабатов произошел, вероятно, и «Асивагатский» род у баргузинских тунгусов. В конце XIX в. потомки ашехабатов продолжали жить тремя группами: на Оке, на верховьях Куды и в Забайкалье в районе Селенгинска.

²¹ ЦГАДА, ф. 214, ст. 1659, ч. II, л. 307—311; ф. 1142, ст. 1, л. 1—4.

²² С. А. Токарев, О происхождении бурятского народа, стр. 49.

²³ ЦГАДА, ф. 214, ст. 274, л. 59.

²⁴ Н. Н. Степанов, Заметки по исторической географии и этнографии Сибири XVII в., «Известия ВГО», т. 81, вып. 3, 1949, стр. 299. Кстати, замечу, что на карте С. А. Токарева устье Иды почему-то показано против устья Белой. В действительности устье Иды находится значительно ниже.

Для доказательства того, что термины «ашехабат» и «асипугат» представляют собой лишь варианты транскрипции одного и того же названия приведу следующие факты. В документе 1699 г. сказано, что некий Обогал Инкереев «Осепагацкого роду» судился с членом Каранутского рода из-за украденной кобылы²⁵. В другом документе по этому же делу истец назван Абагалом Енкеевым «Ашхабатцкого роду»²⁶. В документе 1691 г. говорится, что шуленга «Асипугатцкого роду» Мойдой Ирбанов, его брат Казагар Ирбанов судились с булагатом Кугурдеева рода²⁷. В документе 1699 г. тот же Мойдой Ирбанов назван членом «Ашехабацкого» рода²⁸. Мне встречались следующие варианты транскрипции родового названия кудинских ашехабатов: «ашахабацкого», «ашехабацкого», «асихабацкого», «асипугацкого», «асибогацкого», «ашабагацкого», «осибугатцкого» и т. д. Нет никаких оснований выделять среди ашехабатов особую группу «асипугатов».

Вызывает возражения и размещение на карте С. А. Токарева надписей «Хоринцы» и «Батулинцы». Во-первых, почему они расположены раздельно и именно таким образом — хоринцы к северо-востоку, батулинцы к юго-западу? Во-вторых, почему надпись «Хоринцы» проходит по горам в истоках Лены, где и в XVII и в начале XX вв. кочевали лишь одни олленоводы-тунгусы? В-третьих, на каком основании батулинцы помещены в горно-таежной области, включающей и верховья р. Голоустной, где еще в 1926 г. тоже жили тунгусы?

Не занимаясь вопросами древней истории предков бурят, я не могу углубляться в критику взглядов С. А. Токарева, относящихся к этой области. Замечу лишь, что, если предки бурят в многочисленных русских документах XVII в. называются «братскими людьми», это несколько не означает, что они сами себя называли бурятами²⁹. «Братскими людьми» их называли русские, в частности русские подьячие, которые эти документы писали. Аналогичный пример представляют еще более многочисленные документы XVII в., относящиеся к якутам. Самоназвание якутов — саха, а в русских документах они всюду названы якутами. То же и с тунгусами: так их называли русские, а самоназвание их другое.

Для установления происхождения бурят очень важно знать, что представляли собой их предки к приходу русских в Прибайкалье. Со времени прихода русских (XVII в.) можно уже разрабатывать во всех деталях историю населения Прибайкалья, изучать процесс складывания бурятской народности. Зная точно, что представляли собой их предки к приходу русских, мы имеем базу и для углубления в более отдаленное прошлое. Конкретные и сравнительно точные данные старых русских документов помогут избежать тех ошибок, которые обычны при попытках исследовать древнейшую историю бурятского народа и его происхождения, опираясь главным образом на сообщения некоторых зарубежных источников, часто недостоверные, искажающие события и имена.

Установление родо-племенного состава, расселения и численности предков бурят к приходу русских дает ключ к решению вопроса об образовании бурятского народа и должно дать правильное направление исследований о происхождении тех составных его элементов, которые застали русские к западу и востоку от Байкала. Поэтому я и придаю этому вопросу такое большое значение.

²⁵ ЦГАДА, ф. 1121, ст. 405, л. 10.

²⁶ Там же, л. 82.

²⁷ Там же, ф. 1121, ст. 301, л. 70.

²⁸ Там же, ст. 405, л. 44.

²⁹ С. А. Токарев, О происхождении бурятского народа, стр. 47.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

Л. Н. ТЕРЕНТЬЕВА

К ВОПРОСУ О ПЕРЕХОДЕ ОТ ХУТОРСКОГО РАССЕЛЕНИЯ К КОЛХОЗНЫМ ПОСЕЛКАМ В ЛАТВИЙСКОЙ ССР

До организации колхозов преобладающим типом крестьянских поселений в Латвийской ССР были хутора. Хутор представлял собой обособленную сельскохозяйственную единицу. Он состоял из усадебной земли, окруженной мелкими участками пашен, сенокосов, пастбищ. В пределах хутора нередко находились и небольшие участки леса. На некоторых хуторах до 70% площади занимали болота и топи. Границы между хуторами были резко очерчены канавами, рядом камней, кустами и т. д. Земли каждого хутора находились обычно в одном месте, при усадьбе. Однако немало было и таких хуторов (особенно на землях бывших казенных имений), земельные угодья которых были разбросаны в нескольких местах, значительно отдаленных одно от другого.

Хуторская усадьба объединяла группу построек, в которую, кроме жилого дома, обычно входили хлев, клетки, погреб, баня, рига или крытое гумно. Постройки располагались на открытом дворе. За двором находился огород, далее шли поля.

Распространенность на большей части территории Латвии хуторского землепользования и однодворного расселения породила в прошлом ошибочное представление о том, что латыши испокон веков жили хуторами. Буржуазные националисты использовали эту точку зрения как одно из доказательств особого исторического пути развития латышского народа и его культурного превосходства над другими народами, в особенности над русскими. Пропаганда такой «теории» преследовала и другие цели: подтвердить «извечность и незыблемость» частной собственности на землю, «извечность и нерушимость» бытового уклада латышей в оправдание аграрной политики, проводившейся буржуазным правительством Латвии.

Правильный ответ на вопрос о формах расселения и землепользования в Латвии имеет в настоящее время не только научное, но и немалое политическое значение. «Теория» об «извечности» частного землепользования и однодворного хуторского расселения нашла отголоски при проведении коллективизации сельского хозяйства в Латвии (1947—1949). Остатки враждебных элементов, пытаясь оказать противодействие социалистическим преобразованиям, утверждали, что колхозы «не привьются» в Латвии ввиду «особого психического склада латышей-хуторян». Успешный ход коллективизации разбил эти утверждения.

* * *

Археологические данные, исторические источники и этнографические материалы свидетельствуют о том, что хуторскому частному землепользованию и однодворному расселению в Латвии предшествовало общинное землепользование и расселение деревнями. На территории Латвии до сих пор сохранились остатки деревень, окруженных до недавнего прошлого чересполосными участками пашен, лугами и пастбищами, находившимися ранее в общинном пользовании.

Марксистское освещение вопроса о формах землепользования и расселения в Латвии впервые было дано Фр. Розин-Азисом в его работе «Страница из истории крестьянства», представляющей собой историко-экономическое исследование аграрных отношений в Прибалтике¹.

«Одним из наиболее распространенных предрассудков, мешающих пониманию истории латышского крестьянства, — писал Фр. Розин-Азис, — является мнение, распространяемое с давних пор, будто бы латыши, по причине расовых особенностей, уже с незапамятных времен жили отдельными дворами или усадьбами, не зная деревень и сел, равно как и общественной собственности на землю, более или менее походившей на русский мир или немецкую марку»².

В доказательство ошибочности такого взгляда Фр. Розин-Азис приводит данные из исторических документов (летописи Балтазара Русова, относящейся к XVI в.³; списка населенных мест (кадастра), составленного по приказанию шведского правительства в 1599—1601 гг.⁴; ревизионных листов XVIII в. и др.), свидетельствующие о том, что у латышей, как и у других народов, на определенном уровне их общественного развития «существовали мирские отношения» и что они «селились и жили деревнями»⁵.

Советские историки и археологи Прибалтики — лауреат Сталинской премии проф. Я. Я. Зутис, Т. Зейдс, проф. Х. А. Моора, Э. Д. Шноре, разоблачая в своих работах взгляды буржуазных националистов-фальсификаторов истории Латвии Швабе, Болодиса, Тентеле и других, уделяют также значительное внимание критике их порочной концепции об извечности хуторского расселения и землепользования.

Х. А. Моора в недавно вышедшей книге «Первобытно-общинный строй и раннее феодальное общество на территории Латвийской ССР» пишет: «Взгляд, который часто можно было встретить в буржуазной исторической литературе, якобы у латгалов не было сел и якобы их «особенностью» были отдельные хозяйства, является совершенно неправильным». По мнению Х. А. Моора, взгляд этот поддерживался вследствие того, что усадьбы латгалов-общинников были в известной мере разбросаны по холмистой местности. Основываясь на этом, указывает Х. А. Моора, бур

¹ Фр. Розин-Азис. Страница из истории крестьянства, Л., 1925. Фр. Розин-Азис — один из идеологов и теоретиков коммунистической партии Латвии, являвшийся в 1919 г. народным комиссаром земледелия (умер в 1919 г.). Упомянутая работа вышла впервые на латышском языке в 1904 г. в Швейцарии под названием «Latviešu Zemnieks» и вторично в 1906 г. в царской России — на русском, под названием «Латышский крестьянин». Латвийская националистическая буржуазия относилась к книге Фр. Розин-Азиса с ярой ненавистью. Переиздание ее в Латвии было запрещено.

² Фр. Розин-Азис, Указ. раб., стр. 17.

³ Balthazar Russow, Chronica der Provinz Lyfflandt... etc., 1584.

⁴ Th. Schienmann, Der älteste Schwedische Kadaster Liv- und Estlands. Eine Ergänzung zu den Baltischen Güterchroniken, herausgegeben von Dr. Th. Sch., Reval, 1862.

⁵ Фр. Розин-Азис, Указ. раб., стр. 19.

⁶ См., в частности, «Buržuaziskie nacionalisti Latvijas vēstures viltotāji» («Буржуазные националисты — фальсификаторы истории Латвии»), Riga, II izd., 1953.

жуазные историки неправильно приравнивали древние селения латгалов к хуторам капиталистического времени⁷.

Выводы по интересующим нас вопросам, к которым пришли ученые Советской Латвии, наиболее полно сформулированы ими в вышедшем в конце 1952 г. капитальном труде «История Латвийской ССР». Привлекательная большая археологический материал и данные исторических источников, советские историки и археологи с неопровержимой убедительностью доказали лживость и антинаучность взглядов буржуазных «исследователей» и восстановили подлинную историю латышского народа. Они показали, что латыши в своем историческом развитии не представляли какого-либо исключения, что народы Прибалтики подобно всем другим народам прошли стадию первобытно-общинного строя, распад которого на территории Латвии происходил в период VI—IX вв. Взамен его создавался строй сельской или территориальной общины. Остановившись довольно подробно на основных чертах древнелатышской общины и подчеркивая, что типичным поселением той эпохи была деревня, авторы «Истории Латвийской ССР» указывают, что латышская община «имела полную аналогию с «мирами» и «погостами» русского Севера»⁸ (отметим кстати, что волесть по-латышски называлась «пагастс»).

Вторжение в Прибалтику в конце XII — начале XIII в. немецких захватчиков и развитие в дальнейшем крепостнических отношений повлекло за собой большие изменения в условиях жизни и быта народа. Изменения эти коснулись и форм расселения. «Вся страна покрылась сетью феодальных мыз (имений), которые уничтожили старые сельские общины»⁹. Ломаю общинное землепользование и расселяя крестьян по хуторам, обычно в лесные чащи или на островки среди болот, немецкие феодалы преследовали не только экономические выгоды — захват более плодородных земель, но и политические цели — разобщение крестьян. Они стремились лишить их поддержки общины, чтобы исключить возможность сопротивления «притязаниям помещиков на даровую рабочую силу»¹⁰.

Таким образом, хуторская система существовала не извечно, а насаждалась насильственно немецкими феодалами в ходе упрочения их господства в Прибалтике.

К концу XVIII — началу XIX в. однодворные крестьянские усадьбы или хутора утвердились уже как господствующая форма землепользования и расселения на большей части территории Латвии. Деревни повсеместно сохранялись только в Латгалии (восточной Латвии), входившей до 1917 года в состав Витебской губернии. В Лифляндии расселение деревнями частично оставалось в восточных уездах (Валкском, Мадонском и других); в Курляндии деревни встречались лишь вдоль берега моря (поселки рыбаков), а также в Кулдигском, Фридрихштадтском и особенно Илукстском уездах. Процесс ликвидации деревень и выселения крестьян на хутора шел в Прибалтийских губерниях и в последующие десятилетия XIX в., что было связано с перестройкой помещиками своих имений на капиталистический лад.

Изменения в формах крестьянского землепользования и расселения в Латгалии, земельный уклад и земельные отношения в которой имели больше общего с внутренними губерниями царской России, чем с прибалтийскими — Лифляндской, Курляндской и Эстляндской, — относятся к 1907 г. и связаны с проведением в России столыпинской реформы. К 1914 г. около одной шестой латгальских селений было разбито на

⁷ Н. А. Моора, Pirmatnējā kopienas iekārta un agrā feodālā sabiedrība Latvijas PSK teritorijā (Первобытно-общинный строй и раннефеодальное общество на территории Латвийской ССР), Rīga, 1952, стр. 161.

⁸ «История Латвийской ССР», т. I, Рига, 1952, стр. 63, 64.

⁹ Там же, стр. 120.

¹⁰ Там же, стр. 123.

хутора. Завершение столыпинской реформы относится уже к «заслугам» буржуазного правительства Латвии, которое параллельно с проведением аграрной реформы осуществляло по всей Латвии насильственную разбивку деревень на хутора (рис. 1).

Насаждение хуторской системы расселения проводилось с большой поспешностью. С 1920 по 1937 г. только в Латгалии было ликвидировано 4447 деревень и вместо них создано 69 256 хуторов¹¹. Буржуазные зем-

устроители пытались доказать, что это проводилось якобы «по желанию самих крестьян и в интересах последних». В действительности это было одним из актов насилия над трудовым крестьянством Латвии. На этом свидетельствует прежде всего само законодательство буржуазного правительства. 20 июня 1924 г. было издан специальный закон о ликвидации общинного землепользования в Латвии, согласно которому земли, находившиеся еще до этого времени в общинном пользовании (пастбища и другие угодья), переходили в частную собственность владельцев, пользовавшихся ими в момент издания закона. Последнее было чрезвычайно невыгодно для деревенских бедноты¹². При разбивке деревень на хутора строго соблюдался классовый принцип. Все «мероприятия», связанные с «землеустройством деревнян», представляли собой не что иное, как насильственное выселение беднейшей части крестьянства с плодотворных и более плодородных земель на худшие земли для расширения земельных владений кулачества. Например, при проведении «нового землеустройства» в деревнях Курпиды и Чеботравы (Балвский район) большинство крупноземельных дворов было оставлено на прежних местах, а к их участкам были прирезаны

Рис. 1. Размещение населенных пунктов на части территории бывшей Дагдинской волости Даугавпилсского уезда: А — к началу буржуазной аграрной реформы (1920 г.); Б — после аграрной реформы (1939 г.); 1 — хутора; 2 — деревни

(Из указанной работы С. А. Удачина, стр. 142)

новые площади пахотных земель за счет выселенных на пустоши и в лесах соседних маломощных хозяев. В деревне Тепеница землеустроители вынудили крестьянина-бедняка Бокума «уступить соседям» свой усадьбинный участок и пахотную землю, а ему отвели хутор далеко за деревней. Из 10 га нарезанной Бокуму земли 7 га занимало топкое болото, которое в дождливое лето нельзя было использовать даже как пастбище. Для того чтобы хозяин долго выбирал место «посуше», с каждым годом все больше оседал на зыбкой почве под собственной тяжестью. Вместе с домом «опускалось» и все хозяйство Бокума, попавшего в тиски кулацкой кабалы¹³.

¹¹ С. А. Удачина, Земельная реформа в Советской Латвии, Рига, 1948, стр. 136.

¹² Подобно этому производилась насильственная разбивка деревень на хутора в соседних буржуазных республиках — Литве и Эстонии.

¹³ Полевые материалы автора, 1951 г.

Переселение на хутора вконец разоряло крестьян. Вынужденные пользоваться «кредитами» для устройства хозяйства на новом месте, они попадали в затяжную долговую зависимость от банков. В результате к 1930 г. 80 % всех крестьянских хозяйств, как сообщает С. А. Удачин, оказались заложенными, и часть из них была потом продана с торгов. В последующие годы процент заложенных хуторов продолжал повышаться¹⁴.

«Насаждение хуторов,— отмечает тот же автор,— было направлено на разобщение, отсталость и одичание сельского населения, на воспитание у крестьян животной привязанности к своему клочку земли, к своему дому, на создание такой обстановки, в которой «человек — человеку волк»¹⁵. Для достижения этого буржуазия пускала на различные ухищрения, доходившие нередко до абсурда. Например, в тех местах, где по природным условиям (наличие непроходимых болот, озер, рек и т. п.) старое землепользование и расселение существенно изменить не удавалось, землеустроители дробили угодья (преимущественно пастбища) на мелкие участки и запрещали крестьянам пользоваться ими сообща. Деревню, хотя ее и приходилось в этих случаях оставлять на прежнем месте, объявляли ликвидированной и переставали обозначать на картах. Владельцев обязывали дать отдельное название своей усадьбе, как хутору (в деревнях усадьбы числились под номерами). Так поступили с деревнями: Смерикстаны Селпилской волости Екабпилского уезда, Битяны, расположенной на берегу озера Реннеберг в той же волости, и рядом других¹⁶. Особенно много таких деревень в Латгалии.

Несмотря на усердие землеустроителей и на все их ухищрения, к моменту краха буржуазной власти в Латвии (1940 г.), наряду с хуторами, являвшимися к этому времени уже повсеместно господствовавшей формой расселения, кое-где все же сохранились деревни или остатки их. Значительное число деревень сохранилось в нынешних Акнистском и Илукстском районах (в прошлом Екабпилский и Илукстский уезды). Поселения некоторых колхозов в этих районах состоят почти исключительно из деревень, а не из хуторов (например, колхозы «Падомью Латвия», «Накотне», им. Райниса и другие).

Наши полевые исследования показали, что деревни в этих районах были основным типом расселения крестьян вплоть до 1920-х годов (т. е. до буржуазной аграрной реформы). Хутора были редким исключением и появились сравнительно недавно, в конце XIX в. Так, из 125 дворов колхоза «Падомью Латвия» 98 входили в прошлом в состав 6 деревень, 20 образовались как хутора на купленных у помещика участках выгоревшего леса и 7 хуторов возникли в результате проведения буржуазной аграрной реформы. Деревни, находившиеся на территории названных районов, имели кучевую, уличную или рядовую планировку. В некоторых деревнях планировка в значительной мере сохранилась. Таковы деревни Прункени, Зилени, Куколени, входящие в колхоз «Падомью Латвия», а также Пудани, Бокани, входящие в колхоз им. Райниса, и другие.

Наличие таких неоспоримых свидетельств, как остатки деревень, является одним из самых убедительных доказательств лживости «теории» об извечности хуторского расселения в Латвии¹⁷.

¹⁴ С. А. Удачин, Указ. раб., стр. 124.

¹⁵ Там же, стр. 339.

¹⁶ Эти, как и многие другие деревни, особенно на территории бывших казенных имений, упоминаются и в поздних архивных документах 80-х — 90-х годов XIX в. См., например, «Проект регулирования бывших Зельцбургских обергауптманской, секретарской и министеральной видм, Курляндской губернии, Фридрихштадтского уезда» (хранится в архиве Управления землеустройства и севооборотов Министерства сельского хозяйства Латвийской ССР).

¹⁷ Автором проводились полевые исследования в восточной Латвии (Латгалии) на территории современных Балвского, Вилякского, Резекненского и Даугавпилского

* * *

Крестьянские поселения Латвии накануне установления Советской власти (1940) по времени их возникновения можно разделить на две основные группы: старые и новые поселения. К старым относятся осадки деревень и хутора, находившиеся на бывших крестьянских землях помещичьих, казенных и церковных имений. Владельцы этих усадеб и дворов в деревнях в большинстве случаев были потомками крепостных крестьян, выкупившими в 1870—1880-х годах землю у немецких помещиков. Некоторые из старых хуторов возникли уже после оформления выкупной операции. Это усадьбы, приобретенные крестьянами у помещиков из мызных земель, потерявших ценность (например, болотистые участки на месте выгоревших лесов), а также усадьбы, образовавшиеся от продажи крестьянами части своих земель или в результате раздела отцовского наследства¹⁸.

Новые поселения представляют собой хуторские усадьбы, застроенные в 1920—1930-х годах на бывших помещичьих землях, полученных крестьянами на условиях выкупа по буржуазной аграрной реформе.

Старые хутора расположены обычно вдоль больших дорог, при этом многие из них образуют группы по 2—3 усадьбы. Расстояние между такими группами составляет обычно 1—3 км. Новые хуторские усадьбы в большинстве случаев беспорядочно разбросаны среди полей, кустов, леса и болот и соединяются с основными магистралями отдельными дорогами, проложенными специально к каждому хутору. Эти хутора находятся один от другого на расстоянии 1—2 км, некоторые немного ближе, но не рядом. Такое отличие в расположении старых и новых хуторов, на нашему мнению, не случайно. Групповое расположение старых хуторов указывает в большинстве случаев на наличие в прошлом на этом месте деревни. Современное население (особенно в западной Латвии, где хуторская система упрочилась, как мы отмечали, очень давно) не всегда об этом помнит, но по характеру землепользования, а иногда и по расположению усадеб это нетрудно обнаружить. Некоторые группы хуторов возникли, повидимому, в результате дробления больших семей. Об этом свидетельствуют такие признаки, как общие или очень близкие названия входящих в одну группу усадеб (например: Осми, Старые Осми, Малые Осми, Брульяны, Старые Брульяны и т. д.), проживание в таких тесно сомкнутых усадьбах до настоящего времени ближайших родственников (потомков братьев по отцу), наличие у некоторых групп общего кладбища и др.¹⁹

Часть хуторов, расположенных группами, имеет совсем недавнее происхождение, о чем упоминалось выше.

Расположение новых хуторов отражает взаимоотношения крестьян в эпоху империализма; рост классового расслоения и усиление конкуренции вели к экономическому разобщению крестьянских хозяйств.

районов, в юго-восточной Латвии (Аугшземе) — в Неретском, Акнистском и Екабпилском районах, а также в Видземе (в Алуksненском, Гауйском и Цесисском районах). Во всех районах, кроме Цесисского, сохранилось в большей или меньшей степени население деревнями.

¹⁸ Раздел земли у латышей был довольно большой редкостью, так как, по существовавшим обычаям, землю отца целиком наследовал один из сыновей. Исключением представляла Латгалия, где принято было делить землю отца между всеми сыновьями.

¹⁹ Все эти признаки наиболее четко прослеживаются в поселениях, находящихся на территории бывших казенных имений, где действовало право наследственного землепользования крестьян. В этих имениях значительное число крестьянских поселений — деревень и однодворных усадеб — находилось с давних пор (возможно, с момента возникновения или во всяком случае в течение ряда столетий) на одном и том же месте. Вопросы эти ранее в этнографической литературе о латышах не освещались. Наше предположение основано на личных наблюдениях и опросе информаторов, в частности на записях родословных. В дальнейшем предстоит провести в этом направлении более длительные и углубленные исследования с охватом большего числа объектов.

Поэтому хуторские усадьбы, созданные в годы буржуазной власти, размещены не компактно (хотя часто это было бы удобнее по условиям местности), а на значительном расстоянии одна от другой. Характерно, что и некоторые владельцы старых хуторов, расположенных группами, особенно кулачество, стремились в эти годы также, елико возможно, отделиться от своих соседей. Они нередко переносили свои усадьбы подальше от дороги и примыкавших к ним соседних усадеб, отгораживались заборами, густыми рядами зеленых насаждений, глухими стенами построек и т. д. В качестве примера можно назвать хутор Даугавиешы

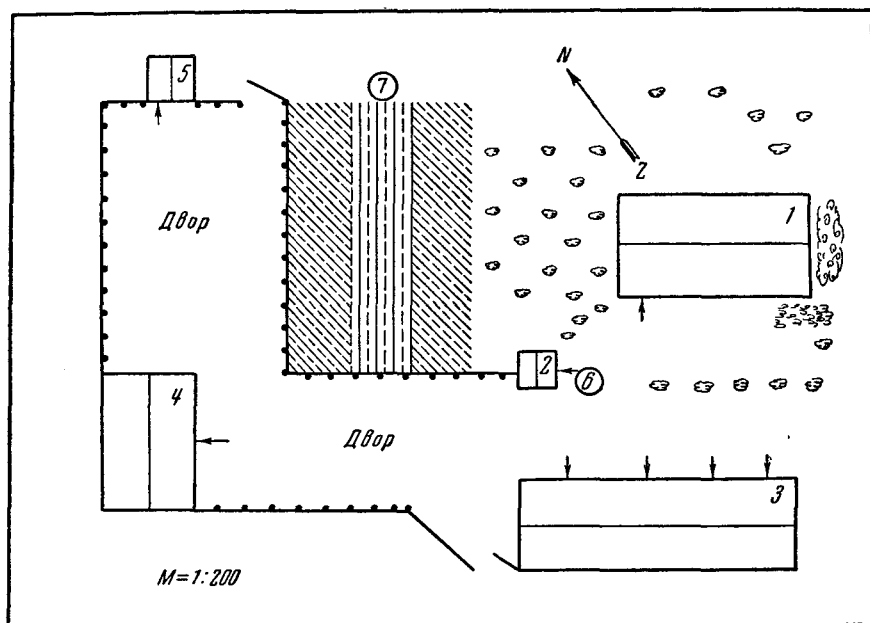

Рис. 2. План хуторской усадьбы Андрея Зача (колхоз „Таута драудзиба“ Балвского района): 1 — жилой дом; 2 — клеть; 3 — помещение для скота и хранения корма; 4 — рига; 5 — баня; 6 — колодец; 7 — огород

(бывшей Селпилской волости, ныне относящийся к территории колхоза «Селия» Екабпилского района). Владевший этим хутором крупный кулак Стрельниекс перенес его в лес, в сторону от дороги, на расстояние около 500 м от соседних усадеб.

В планировке старых усадеб или дворов в деревнях, как и в архитектуре построек, имелись локальные отличия, границы распространения которых совпадали в большинстве случаев с границами этнографических областей или бывших земель: Курземе, Земгале, Видземе, Латгале. В Видземе и Латгале постройки в усадьбах группировались вокруг двора, образуя замкнутый четырехугольник. В промежутках между постройками в Латгале воздвигался забор. В Курземе и Земгале постройки располагались более свободно и обычно не соединялись забором. Планировка дворов в деревнях в пределах одной и той же этнографической области в общем не отличалась от планировки хуторских усадеб, но постройки располагались ближе одна к другой. Дома в деревнях с уличной или рядовой планировкой были обращены боковым или передним фасадом к улице. К дому в один ряд с ним примыкали высокие ворота. В остальных областях, там, где деревни были в большинстве случаев кучевые или где от них вообще уже не осталось следов и формой поселения были однодворные усадьбы, фасады домов ориентировались по странам света (на юг или на восток).

В усадьбе постройки располагались обычно следующим образом: жилой дом, напротив него через двор — клеть (часто ставили две клетки рядом), налево или направо — хлев, против него сарай (иногда сарай пристраивался к хлеву). Внутри двора был также колодец и нередко погреб. На значительном расстоянии от двора, по возможности у какого-нибудь водоема, ставили баню, а еще дальше, на противоположной стороне усадьбы, — ригу. В некоторых усадьбах клетки находились сбоку, а хлев — против жилого дома (см. рис. 2).

В Курземе и Земгале постройки для скота, конюшня и сараи обычно объединяли под одной крышей. Такие скотные дворы имели покоеобразную или глаголеобразную форму. Покоеобразные дворы являются более

Рис. 3. Старый крестьянский жилой дом из известнякового плитняка, в настоящее время не используемый. В этом доме в 1860-х годах помещалась приходская школа

ранней формой постройки. С развитием животноводства как основной отрасли такие дворы перестали удовлетворять потребностям крестьянского хозяйства. Они постепенно заменялись постройками, вытянутыми в одну линию, хотя часто также объединенными одной крышей.

Большинство старых усадеб застроено еще в 1870—1880-х годах. Встречаются постройки 1840—1850-х годов и более ранние. Все они преимущественно бревенчатые, срубные. В районах, примыкающих к берегу р. Даугавы, довольно много жилых и хозяйственных построек из известнякового плитняка²⁰ (рис. 3). На протяжении истекших десятилетий усадьбы не подвергались какой-либо существенной перестройке или перепланировке, за исключением хуторов, восстановленных после пожаров или разрушений военного времени.

Новые усадьбы по планировке мало отличаются от старых, но численность и характер построек в них изменились. На новых хуторах не строили риги, их заменило крытое гумно. Редко где можно было встретить бани (жилища)

²⁰ Известковый плитняк непригоден для жилого строительства ввиду большой теплопроводности. Несмотря на это, латышские крепостные крестьяне вынуждены были им пользоваться, так как наломать плитняк было куда легче, чем получить у помещиков разрешение на рубку леса в захваченных ими лесных массивах.

ли этих усадеб мылись в кухнях жилых домов, в больших деревянных чанах).

Жилые дома в новых усадьбах в восточных районах Латвии по архитектуре мало отличались от домов на старых хуторах; в центральных и западных районах эти отличия сказывались значительно резче.

Облик хутора или двора в деревне, число, характер и размеры построек находились в прямой зависимости от имущественного положения его владельца. В Прибалтийских губерниях, где капиталистические отношения в сельском хозяйстве развивались быстрее, чем во многих внутренних губерниях царской России, классовое расслоение в деревне было выражено значительно резче. На это в свое время указывал В. И. Ленин²¹. В Латвии к началу XX в. было более 60% безземельных крестьян. В западных областях — Курземе и Видземе (бывш. Курляндская и часть Лифляндской губернии) безземельные составляли почти $\frac{3}{4}$ общего числа населения, занятого в сельском хозяйстве. Чтобы не лишиться постоянной дешевой рабочей силы, помещики, а в угоду им и казна, старались некоторую часть безземельных крестьян «привязать» к земле путем сдачи им в аренду или предоставления в собственность (последнее реже) карликовых участков. Этим они пытались предотвратить до некоторой степени отход безземельных крестьян в промышленные центры.

Мелких и средних землевладельцев (от 1 до 22 га) было только 36 тыс., причем большая часть их (29 тыс.) находилась в Латгалии. Вместе с тем, среди крестьян, владевших землей, было много крупных собственников, а именно: 56% крестьян земельных собственников имели к 1905 г. крупные участки площадью 21,9 га и более (от 20 десятин); в их руках было сосредоточено 82% крестьянских земель. Особенно много таких землевладельцев было в Курземе (80%, имевших 91% земли) и в Видземе (97%, сосредоточивших 99% всей крестьянской земли)²². «Эти многоземельные хозяйства, — подчеркивает С. А. Удачин, — были преимущественно кулацкими и в широком масштабе применяли наемный труд»²³.

Классовая дифференциация деревни значительно возросла в годы буржуазной диктатуры. Латышская националистическая буржуазия, придя к власти в 1919 г. с помощью международного империализма, ликвидировала все завоевания Великой Октябрьской социалистической революции и восстановила в стране капиталистический строй. Проведенная впоследствии для предотвращения революционных выступлений крестьян аграрная реформа представляла собой только ширму, спрятавшись за которую латышская националистическая буржуазия обеспечила укрепление буржуазной собственности на землю.

Буржуазная аграрная реформа не ликвидировала острого безземелья в стране. Землей было удовлетворено не более 35—40% общего числа претендовавших на нее крестьян²⁴. Отказывали в земле преимущественно батракам. Не случайно одной из причин отказа в земле было отсутствие у подавшего заявление сельскохозяйственного инвентаря.

В результате реформы и аграрной политики, проводившейся буржуазией в последующие годы, в руках кулацко-капиталистической верхушки оказалось 65% всего фонда земель сельскохозяйственного значения²⁵. Одновременно не только не сократился, но даже возрос процент карликовых пролетарских хозяйств с площадью до 2 га. Сохраняя и увеличивая число этих «нежизнеспособных» хозяйств, буржуазное правительство, прикрываясь лозунгом «заботы о безземельных», преследовало цель обеспечить кулаков дешевой рабочей силой.

²¹ См. В. И. Ленин, Развитие капитализма в России, Соч., т. 3, стр. 147—148

²² С. А. Удачин, Указ. раб., стр. 28—30.

²³ Там же, стр. 29.

²⁴ Там же, стр. 60.

²⁵ Там же, стр. 58.

Резкая социальная дифференциация латышского крестьянства, имевшая место в царской России и еще более усилившаяся в годы господства буржуазии, не только накладывала определенный отпечаток на облики крестьянских поселений, но и приводила к созданию особых поселений, объединявших жителей по социальному признаку.

Крайним выражением социальной дифференциации деревни являлось создание специальных батрацких поселков. Часть из них была застроена еще в конце XIX — начале XX в. на землях помещичьих или казенных имений, другие появились совсем недавно, в годы буржуазной власти.

В качестве примера старого батрацкого поселка можно назвать поселок Неретас лауки (Неретские поля), расположенный неподалеку от центральной усадьбы бывшего имения Вец Нерета. Поселок этот, состоящий из 27 дворов, возник в начале 1900-х годов. Жители его, пользовавшиеся землей на условиях аренды, были батраками неретских помещиков. Размеры арендуемых земельных участков не превышали 1,3 га, из которых около 0,5 га составляла пахотная земля, а остальное — болотистые луга, расположенные на значительном расстоянии от поселка.

Подобного рода был и поселок Слате в 25 дворов, расположенный на территории бывшей Слатской волости (ныне Акнистский район). Владелец дворов в этом и многих других таких же поселках был солдаты-латыши, возвращавшиеся с долгосрочной службы. Участки земли, которые им отводило царское правительство на территории казенных имений, не превышали 1,6—2,2 га и были обычно расположены в лесу, среди топей и болот. Характерны названия этих участков: Гуж силс (Мусорный бор), Мелнайс пурвс (Черное болото) и т. д. В народе о них говорили: «На них ни жить, ни умереть нельзя».

Среди многочисленных батрацких поселков, возникших после буржуазной аграрной реформы, можно назвать поселок в 15 дворов в бывшей Рубенской волости (Акнистский район). Поселок этот известен под двумя названиями: Мочу галс (конец деревни Мочи) и Скродерю иела (улицы портных)²⁶. В буржуазной литературе о существовании таких поселков умалчивалось, чтобы скрыть резкое классовое расслоение в деревне.

Классовый принцип в годы буржуазной диктатуры выдерживался также при размещении новых усадеб. На более высоких сухих местах, неподалеку от больших дорог и водоемов (рек, озер), главным образом на пахотных землях бывших помещичьих имений, расположены усадьбы так называемых «новохозяев», которые получали землю в первую очередь. К этой категории были отнесены прежде всего отличившиеся в подавлении социалистической революции. Преимущественным правом получения земли пользовались также бывшие белогвардейцы, царские жандармы и так называемые долгосрочные арендаторы, большую часть которых составляли кулаки. В стороне от дорог, среди кустов и болот беспорядочно разбросаны усадьбы и усадебки, застроенные безземельной деревенской беднотой и батраками, которые были отнесены к четвертой, последней категории. О характере местности, где стоят усадьбы бывшей бедноты, красноречиво свидетельствуют их названия, придуманные самими хозяевами: Пурвини (болото), Крумини (кусты), Целмини (пни) и т. д. Такие названия довольно часто повторяются в отдельных уездах и волостях республики. Не случайно в Селпилской волости бывший безземельный крестьянин А. Дзервитс дал своему новому хутору название Пурвини. Он вместе с семьей 25 лет батрачил в имении пастора. При разделе пасторских земель по буржуазной аграрной реформе А. Дзервитс получил 20 га, но только около 5 га удалось приспособить под пашню, остальные 15 га занимало болото. Под-

²⁶ Первое название ему дано потому, что он действительно находился на краю частично уцелевшей деревни Мочи; второе — в связи с тем, что среди жителей поселка многие были бродячими портными. Основным же занятием большинства жителей была работа по найму у окрестных кулаков.

линное лицо деревни буржуазной Латвии обнаруживалось и в облике крестьянских усадеб. Удручающий вид имели в годы господства латышской буржуазии усадьбы в «старых» и «новых» батрацких поселках. Домишки и хозяйственные пристройки, особенно в «старых» поселках, пришли в полную ветхость и давно бы развалились, если бы не сдерживавшие их подпорки. Буржуазное правительство проявляло своеобразную «заботу» о «благоустройстве» таких поселков, особенно тех из них, которые находились вблизи больших дорог. Например, жители поселка Неретас лауки (расположенного вдоль дороги у самой границы с Литвой) рассказывают, что их заставили заменить соломенные крыши крышами из щепы, а покосившиеся стены избушек незаметно подпереть стойками, свинченными металлическими болтами. Такие домишки «в лубках» стоят еще и теперь. Часть их уже пустует, так как бывшие владельцы, ныне колхозники, переселились в имеющиеся на территории колхоза свободные дома (бывшие кулацкие усадьбы), а некоторые построили себе новые дома.

Большинство безземельных крестьян и батраков как при царизме, так и в годы буржуазной власти не имело своих жилищ. В кулацких хуторах в связи с этим еще в 1870—1880-х годах прочно утвердилось деление дома на две половины — хозяйскую (саймниека галс) и батрацкую (саймес галс). Многие батраки из года в год жили с семьями в топившихся по-черному банях, отсюда их прозвище «пиртниеки» (жители бань). В годы буржуазной власти в Латвии среди сельскохозяйственных рабочих было немало иностранцев — литовцев, поляков, западных белорусов²⁷, которые влачили такое же жалкое существование, как и местные латвийские батраки. За эти годы немало бывших середняков, усадьбы которых были охарактеризованы выше, дошли до грани разорения. Об этом свидетельствовал внешний вид их усадеб — провалившиеся крыши хлевов и сараев, покосившиеся заборы, обветшалые дома, требовавшие капитального ремонта. Особенно много таких запущенных усадеб было в Латгалии, а также в Илукстском и Екабпилском уездах, где удельный вес малоземельных и малоимущих хозяйств был больше, чем в центральных и западных уездах Латвии.

Новые постройки у середняков встречались довольно редко, причем это были в большинстве случаев хлева и сараи для хранения корма скоту, который играл основную роль в экономике крестьянских хозяйств при буржуазной власти. Удержаться на своем клочке земли могли только те, кому удавалось участвовать в поставках для заграничных рынков высококачественных сортов масла и бэкона. Поэтому содержанию и вскармливанию скота был подчинен весь распорядок жизни крестьянина. Этим объяснялась и потребность в строительстве новых помещений для скота. Для себя крестьяне в большинстве случаев не могли не только построить новые дома, но и отремонтировать старые.

Выборочное обследование старых усадеб, проведенное Балтийской комплексной этнографической экспедицией в 1952 г. в Неретском и Акнистском районах, показало, что в 94 обследованных старых усадьбах новые жилые дома были построены только шестью хозяевами. Большинство домов не подверглось за годы буржуазной власти какой-либо капитальной перестройке или ремонту. Встречались дома, которые ранее были курными избами. В б. Селпилской волости (Екабпилского уезда), где большинство усадеб было сожжено во время первой мировой войны, почти никто из крестьян не смог построить себе нового дома. Они ограничились восстановлением обгоревших полуразрушенных остовов старых, не пригодных для жилья домов из известняка.

²⁷ Правительство буржуазной Латвии имело договоры с буржуазной Литвой и Польшей на поставку рабочей силы — сельскохозяйственных рабочих.

По-иному выглядели хутора кулаков — «крепости» буржуазного строя. Эти усадьбы отличались и ранее, в условиях царской России, значительно большим числом различных хозяйственных построек и несравненно лучше, чем у остального крестьянства, жилыми домами²⁸. На таких хуторах появились не только новые, усовершенствованные постройки для скота, но и большие многокомнатные жилые дома. Например, на хуторе Дуцары Акнистского района, принадлежавшем кулаку П. Рудзиту, были следующие постройки: большой двухэтажный кирпичный дом под крышей из оцинкованного железа, оштукатуренный снаружи и внутри и обогреваемый паровым отоплением из своей котельной, каменный хлев на 30 коров, большой свинарник со специально оборудованной кухней, овчарня, конюшня, птичник, несколько каменных складов, погреба и другие постройки. Владелец хутора имел 48 га земли, держал до 20 дойных коров, значительное количество овец и свиней. В хозяйстве разводилось также много птицы. Помимо 4—6 постоянных батраков, он систематически нанимал временных рабочих. Хутор Дуцары далеко не самый крупный из кулацких хозяйств. В центральных и западных уездах Латвии (Цесис, Бауска) и других уездах размеры кулацких владений достигали 150—200 га и более, богаче были и усадьбы.

Буржуазное правительство Латвии проявляло исключительную заботу о таких хозяйствах, являвшихся основными поставщиками сельскохозяйственных продуктов на западноевропейские рынки. С ними заключались наиболее выгодные договоры на поставку этих продуктов, им давались государственные дотации и субсидии на развитие хозяйства, на приобретение племенного скота, сельскохозяйственных машин и на строительство. Об этом не без хвастовства заявлял в свое время бывший министр земледелия буржуазного правительства Латвии Бирзниекус: «У нас в Латвии крупному хозяйству государство приплачивает так много, как нигде в мире»²⁹. Цифры эти были действительно немалые: в 1933—1934 гг. правительство Ульманиса выдало кулацким хозяйствам безвозмездной дотации за поставку экспортных сельскохозяйственных продуктов 19,1 млн. лат. За 5 лет с 1930—1935 г. эта сумма составила около 80 млн. лат.³⁰

В годы господства латышской националистической буржуазии по-прежнему, как и в деревне царского времени, в гуще крестьянских хуторов стояли только кабаки. Большинство из них размещалось в бывших корчмах, расположенных на перекрестках и вдоль больших дорог на расстоянии 1—1,5 км один от другого, или в специально построенных помещениях. Иных строений поблизости от хуторских усадеб не было. Школ было мало и находились они преимущественно в волостных центрах.

В некоторых волостях в первые годы буржуазной республики в бывших баронских имениях были открыты народные дома, в частности филиалы Клуба Райниса (Райня клубс). Клуб этот объединял вокруг себя наиболее прогрессивно настроенную часть городского и сельского населения. Однако в начале 1930-х годов эти клубы были почти везде закрыты «подозрению в антигосударственной деятельности». После фашистского переворота в Латвии (1934 г.) под видом культурных учреждений в деревнях были созданы так называемые «дома айсаргов»³¹, являвшиеся центрами пропаганды фашистского мракобесия.

²⁸ Такой хутор, например, описывает в своем романе «Земля зеленая» народный писатель Латвийской ССР лауреат Сталинской премии А. Улит (хутор Бривис кулака Ванага).

²⁹ Цит. по книге М. Маркова «Советская Латвия», 1940, стр. 24.

³⁰ См. Я. Крастинь, Крестьянство Латвии под ярмом плутократии, журн. «Мирное хозяйство и мировая политика», 1940, № 9.

³¹ Айсарги — члены латвийской военно-фашистской организации наподобие финских шуцкоров.

* * *

С установлением в 1940 г. в Латвии Советской власти и наделением земель безземельных крестьян и батраков были созданы реальные предпосылки для коренных изменений условий жизни и быта трудового латвийского крестьянства³². Вместе с тем было положено начало созданию новых крестьянских поселений. В первые годы Советской власти, когда еще сохранялось прежнее хуторское землепользование крестьян-единоличников, новые населенные пункты представляли собой также хуторские, однодворные усадьбы. Однако новых хуторов было сравнительно немного, так как значительное число наделенных земель крестьян получило участки с застроенными усадьбами (усадьбы бывших кулаков или земельных спекулянтов). Большинство остальных, получив землю по советской земельной реформе, в связи с условиями военного времени не успело до начала коллективизации (т. е. до 1947—1948 гг.) приступить к застройке своих усадеб³³. С организацией колхозов создавать новые хуторские усадьбы было уже нецелесообразно.

Хуторская система расселения, оставшаяся как тяжелое наследие прошлого, создавала огромные трудности на первом этапе колхозного строительства, при обобществлении земель и ликвидации прежнего лоскутного хуторского землепользования. Хуторское расселение является не меньшим тормозом и дальнейшего организационно-хозяйственного укрепления колхозов. Оно противоречит самим принципам ведения крупного механизированного обобщественного хозяйства.

Преимущества крупного социалистического хозяйства могут в полной мере проявиться только там, где созданы большие земельные массивы, позволяющие применять современную новейшую технику. Разбросанность хуторов по всей территории колхоза создает большие неудобства в организации колхозных угодий, обуславливает сохранение множества дорог, прогонов для скота и тропинок. Все это снижает эффективность использования машинно-тракторного парка, мешает правильной организации полевых работ. Расположение хуторских усадеб непосредственно на колхозных полях затрудняет выпас скота колхозников и часто приводит к потравам.

Хутора до недавнего времени серьезно мешали правильной организации животноводческого хозяйства в колхозах. В первые годы создания колхозов приходилось пользоваться для размещения скота и хранения кормов исключительно хуторскими постройками бывших крестьян-единоличников, что создавало чрезвычайно большие неудобства. Большинство этих построек не было приспособлено для размещения крупных животноводческих ферм. Мало удовлетворяли потребностям общественного животноводства старые клетки и сараи для хранения корма. Отсутствие более или менее подходящих построек в близлежащих хуторах вынуждало колхозы пользоваться для однотипных хозяйственных и производственных нужд разными, далеко отстоящими одна от другой усадьбами. Некоторые колхозы вынуждены были держать скот в 40 и более местах. Корм хранился почти на каждом хуторе. Вместе с обобществленным скотом в тех же помещениях содержался часто и скот, принадлежащий колхозникам.

³² Об условиях и принципах, положенных Советской властью в основу при проведении земельной реформы, см. С. А. Удачин, Указ. раб., ч. II, Советская земельная реформа в Латвийской ССР, стр. 156—393.

³³ Следует иметь в виду, что в период временной оккупации Советской Прибалтики немецко-фашистскими захватчиками был издан приказ о полной отмене советской земельной реформы. Земля была возвращена прежним владельцам. Вместе с землей у крестьян отбирали посевы, скот и сельскохозяйственный инвентарь. Крестьяне вновь были превращены в батраков, работавших на местных кулаков и немецких помещиков.

В настоящее время многие колхозы провели большую работу по капитальному ремонту, переоборудованию и временному приспособлению старых построек для размещения в них общественного скота и запасов корма. Это дало возможность несколько уменьшить разбросанность хозяйственных помещений. Некоторые колхозы уже построили производственные центры или заканчивают их строительство.

Хуторской тип расселения в неменьшей мере мешает правильной организации труда, затрудняет построение бригад и связь между ними, создает большие неудобства в производственном быту колхозников. Достаточно сказать, что из-за отдаленности хуторов от места работы некоторым колхозникам приходится ежедневно проходить пешком по 10—15 км и более (от дома до работы и обратно). Распыленность хуторов по территории колхоза не дает возможности использовать для этого колхозный транспорт. Особенно большие трудности испытывают в этом отношении работники животноводческих ферм, которыми преимущественно являются женщины, — им приходится по три раза в сутки бывать на фермах.

Расселение колхозников по хуторам крайне затрудняет организацию общественно-политической и культурной работы в деревне. В советский период, особенно в послевоенные годы, в сельских местностях Латвии создана широкая сеть культурно-просветительных учреждений — сельских и колхозных клубов, домов культуры, библиотек, красных уголков. Открыто много новых общеобразовательных и специализированных школ. Большинство этих учреждений пока размещено в прежних кулацких или помещичьих домах. Многие хутора находятся на большом расстоянии от них. Это особенно осложняет работу школ, так как приходится создавать интернаты, что связано с выделением лишних помещений и привлечением специального обслуживающего персонала. Еще более затруднительно в условиях хуторского расселения пользование детскими садами и яслями, имеющимися уже во многих колхозах.

Коммунистическая партия и Советское правительство Латвии рассматривают вопрос о коренном изменении форм крестьянского расселения в молодой советской республике, как необходимое условие упрочения и дальнейшего развития нового социалистического способа сельскохозяйственного производства.

В речи на XIX съезде КПСС секретарь ЦК КП Латвии Я. Калнберзин, касаясь этого вопроса, заявил:

«Нам предстоит, так же, как и в Литве, решить большую и сложную задачу по устройству колхозных поселков вместо хуторов. Наличие многочисленных хуторов создает серьезные трудности при решении задачи организационно-хозяйственного укрепления колхозов и проведения мероприятий, направленных на быстрое и всестороннее развитие социалистического сельского хозяйства»³⁴.

Во многих колхозах республики уже началась подготовка к переселению с хуторов, а некоторые сельскохозяйственные артели непосредственно приступили к строительству колхозных поселков. Для руководства сельским колхозным строительством и осуществления технического надзора за ним в составе Министерства сельского хозяйства Латвийской ССР было создано Управление по делам сельского колхозного строительства³⁵. Разработкой проектов новых колхозных поселков заняты большой коллектив архитекторов и землеустроителей республики. Существенную помощь в решении этих сложных задач оказывают архитекторы Ленинграда и Москвы. При разработке проектов значительное внимание уделяется выбору места для колхозных поселков. Министерством сельского

³⁴ «Правда» от 8 октября 1952 г.

³⁵ С 1954 г. вместо него создано Главное управление по строительству колхозов при Совете Министров ЛССР.

хозяйства Латвийской ССР была выработана соответствующая инструкция, в которой перечислены основные требования к местоположению поселков. Наряду с созданием новых селений намечается превратить в колхозные поселки и некоторые старые населенные пункты (уцелевшие деревни, бывшие центры помещичьих имений, местечки и т. д.) после проведения в них необходимой перепланировки, благоустройства и значительного расширения площади за счет нового строительства.

В процессе создания нового колхозного села выделяются три основных этапа: производственное строительство, создание культурных центров и жилищное строительство. Первоочередным и главным из них является производственное строительство. На нем сосредоточено в настоящее время основное внимание колхозов Латвийской ССР.

За истекшие годы в колхозах республики построено уже более 1000 новых помещений для скота. В Элейском, Бауском, Цесисском, Кандавском и других районах строительство проходит во всех колхозах. Многие колхозы сооружают одновременно несколько больших сельскохозяйственных построек. Таковы, например, кроме названных выше, колхоз «Накотне» (Акнистского района), им. Ленина (Цесисского района), «Большевик» (Резекненского района), «Узвара» (Вентспилского района), «Зелта друва» (Добельского района) и другие. Размещение всех построек проводится с учетом предстоящего сселения в колхозные поселки. Все новые сельскохозяйственные постройки строят по типовым проектам и оборудуют в соответствии с новейшими достижениями зоотехнической науки. Особое внимание уделяется механизации водоснабжения, а также механизации транспортировки кормов и вывозки навоза. В колхозе им. Ленина Валмиерского района на новых скотных дворах эти процессы полностью механизированы. В колхозе им. Сталина того же района в новом свиноматнике, рассчитанном на 400 голов (самом крупном в республике), помимо всех других удобств (кормокухни, ванн для купания поросят и др.), установлены приборы для кварцевого облучения молодняка.

Одновременно со строительством общественных зданий сельскохозяйственного значения во всех названных, а также и в ряде других колхозов ведется жилищное строительство.

Пионерами в строительстве колхозных поселков являются колхозы «Накотне» Добельского района, «Селия» Екабпилского района, «1 Мая» Резекненского района и некоторые другие.

Колхоз «Накотне» является первенцем колхозного строя в Латвии; он организован в декабре 1946 г. За истекшие годы колхоз превратился в крупное социалистическое хозяйство. Общая земельная площадь колхоза — 1100 га. На этой площади находилось в прошлом более 80 хуторских усадеб. Вопрос о создании колхозного поселка был поставлен колхозниками «Накотне» в первые же дни организации колхоза. В настоящее время в новом колхозном поселке «Накотне», строящемся по утвержденному общим собранием колхозников проекту, заканчивается строительство производственных усадеб колхоза, построено несколько общественных зданий культурно-бытового назначения, выросла улица в 20 домов.

Колхоз «Селия» организовался в феврале 1947 г. Земельная площадь колхоза 1500 га. На этой площади в прошлом было 77 хуторов и центральная усадьба пасторского имения. Колхозники еще весной 1947 г. наметили местоположение колхозного поселка и тогда же приступили к строительству производственных усадеб, в которых испытывали острую нужду. Первый архитектурный проект поселка был разработан в начале 1948 г. В дальнейшем, в связи с быстрым ростом колхоза, он был подвергнут коренной переработке. Произошедшее затем укрупнение колхоза и вызванное этим некоторое изменение в местоположении проектируемого поселка потребовали вновь частичной переработки проекта. Связанная с этим задержка отодвинула сроки разметки проекта в натуре, что лишило колхозников возможности приступить непосредственно к выбору

усадеб и началу их застройки. Этим в значительной мере объясняется то, что пока в жилом секторе поселка застроена только одна усадьба, принадлежащая колхознику Барздиню. Правда, в пределы поселка вошли 19 старых усадеб, наиболее компактно расположенных. Остальные усадьбы, как видно по плану, приведенному на рис. 4, бессистемно разбросаны по всей территории колхоза. Несмотря на то, что в колхозе «Селия» проделана уже значительная работа по переоборудованию и

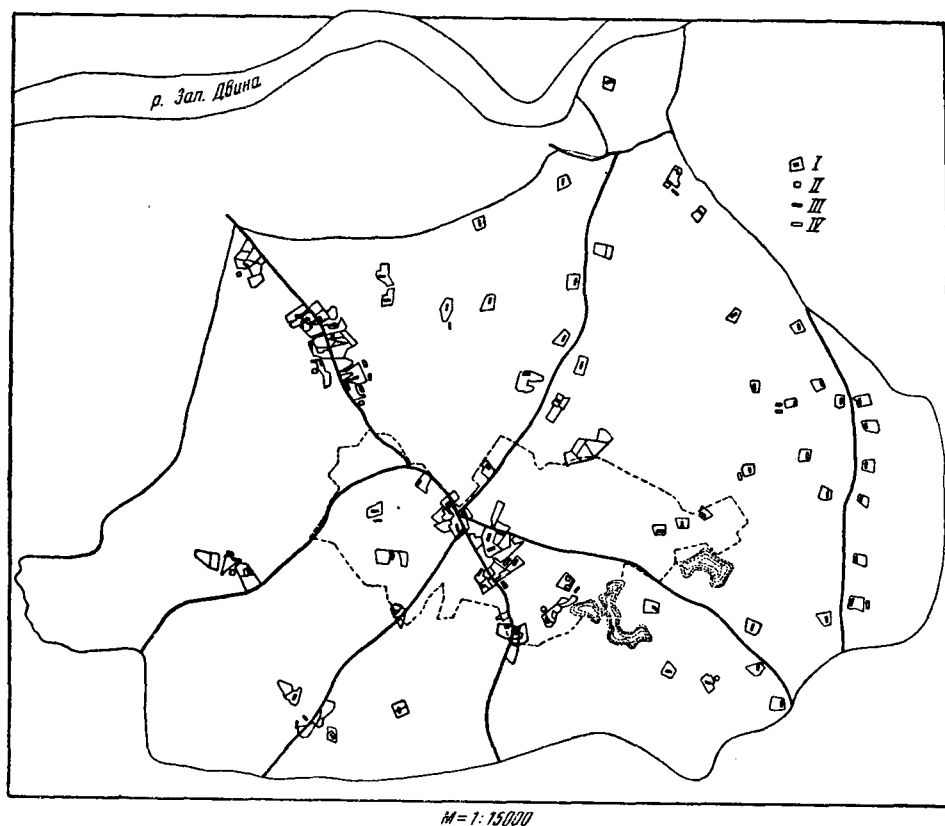

Рис. 4. Карта-схема размещения усадеб колхозников, хозяйственных и производственных точек колхоза «Селия» Екабпилского района: I — приусадебные участки с жилыми домами; II — животноводческие фермы; III — конные дворы; IV — склады и производственные помещения. Пунктиром показаны границы будущего колхозного поселка

приспособлению старых построек для размещения общественного хозяйства, современное размещение его может рассматриваться только как временное. Животноводческие фермы колхоза пока размещены в 10 усадьбах, конюшни — в 8 местах, складские и производственные помещения — в 26 усадьбах.

На рис. 4 пунктиром обозначены границы будущего колхозного поселка, а на рис. 5 дан его план.

Выбор места для поселка можно считать вполне удачным. На этой площади сконцентрировано уже теперь 35 колхозных семей, проживающих в старых усадьбах. Поселок будет расположен по обе стороны шоссе. Архитектор удачно включил в план и другие проходящие здесь дороги. Помимо основной улицы, будут проложены еще две дугообразного направления, что обусловлено холмистым рельефом местности.

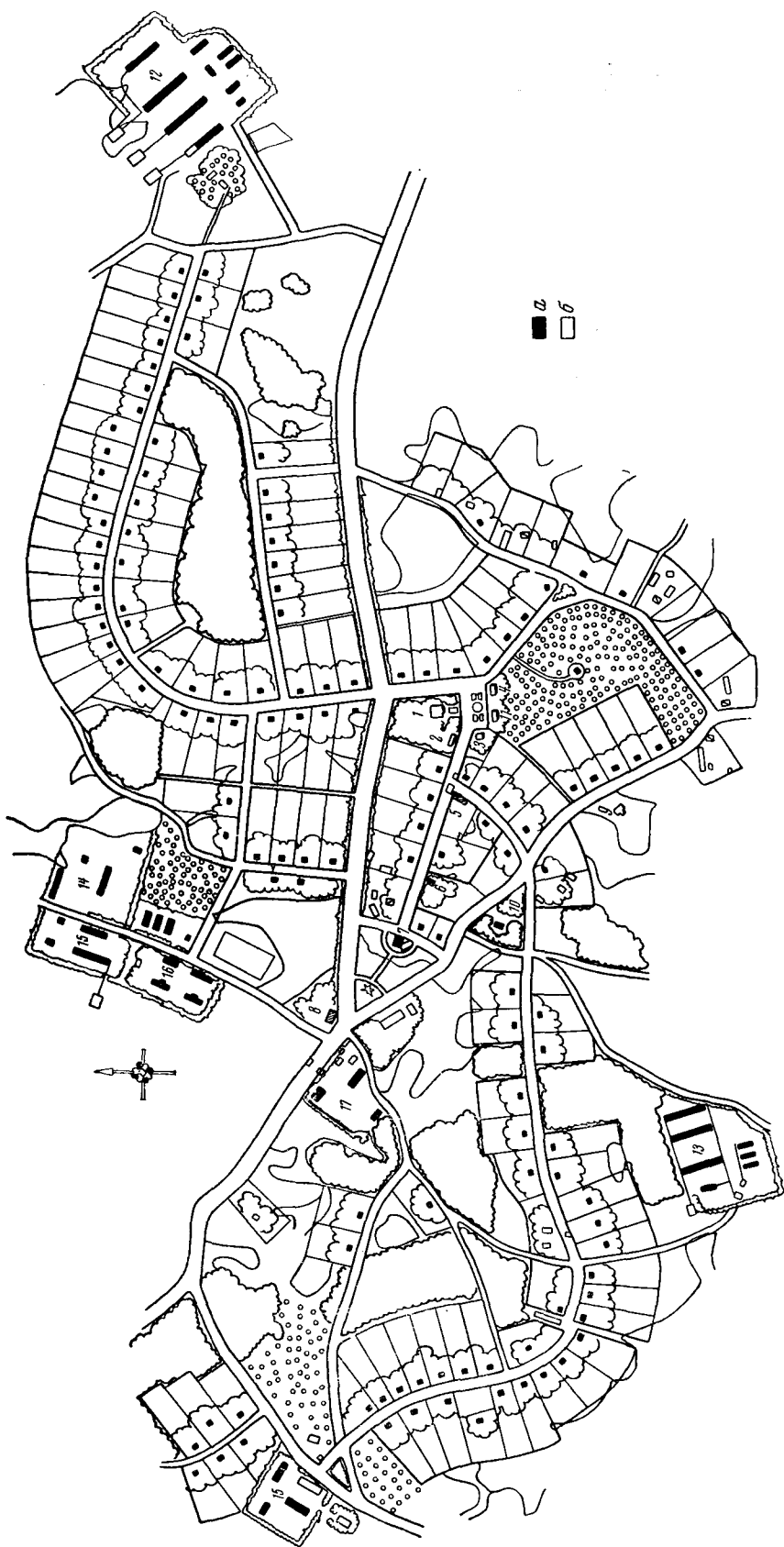

Рис. 5. План-проект поселка «Селия»: а — запроектированные постройки; б — старые строения; 1 — клуб; 2 — столовая; 3 — магазин; 4 — многокомнатный жилой дом-общедение; 5 — парикмахерская; 6 — детский сад; 7 — сельский совет; 8 — правление колхоза; 9 — баня-прачечная; 10 — амбулатория; 11 — почта; 12 — ферма крупного скота; 13 — ферма мелкого скота; 14 — птицеферма; 15 — конные дворы; 16 — склады; 17 — механические мастерские

Еще в 1947 г. в центре будущего колхозного поселка был выстроен клуб. В настоящее время в находящихся рядом с клубом хуторских усадьбах временно размещены сельский совет, медицинский пункт, отделение связи, магазин сельского потребительского общества, детский сад, столовая и гостиница колхоза³⁶. Предстоят еще большие работы по расширению и благоустройству административно-культурного центра главным образом по застройке жилых кварталов (150 дворов). Планом строительных работ колхоза предусмотрено выстроить в ближайшие годы новый, значительно большего размера клуб, а имеющееся здание использовать под контору колхоза. Намечено также строительство зданий для детского сада, столовой, бани-прачечной, парикмахерской и др.

Проектом предусмотрена прокладка через всю территорию поселка водопровода и намечено строительство водонапорной башни. В первый же год организации колхоза сюда была проведена высоковольтная линия от Кэгумской электростанции. Тогда же была осуществлена общая радиофикация и установка в некоторых усадьбах телефонов.

Большое внимание уделено озеленению поселка и разведению фруктовых садов. В юго-восточной части поселка будут полностью сохранены парк и фруктовый сад бывшего пасторского имения, в северо-восточной части намечена разбивка нового фруктового сада. Запроектировано создание искусственных водоемов. Отведены места для физкультурных площадок.

Производственные усадьбы, как видно, из проекта, сконцентрированы в четырех местах и расположены по окраинам поселка. При проектировании их учитывалась в первую очередь хозяйственная целесообразность, а также возможность максимального использования имевшихся уже на территории построек, особенно тех из них, которые колхозом были капитально отремонтированы и переоборудованы для общественного хозяйства. Самая крупная хозяйственная усадьба — ферма крупного рогатого скота — создается на территории трех смежных старых хуторских усадеб «Павули», включенных в пределы поселка. Имевшийся там коровник, переоборудованный для содержания общественного скота, будет значительно увеличен. Рядом с ним строят еще два. Там же будут построены телятник для самых маленьких телят, складские помещения для кормов, хранилища для молока и кормокухня.

Фермам мелкого скота и молодняка крупного рогатого скота отведено место в районе усадьбы «Лачи». В третьей хозяйственной усадьбе будет размещен конный двор. Четвертая хозяйственная усадьба объединит все складские хозяйства; там же будут находиться второй конный двор, птицеферма, зерносушилка и кузница колхоза. Строительство некоторых хозяйственных и производственных помещений уже закончено. Так, например, уже построен коровник на 120 голов, к которому при помощи электронасоса подведена вода. Это дало возможность применять автопоилки. Построены также две зерносушилки, гараж, оборудованы две мукомольные мельницы.

Колхоз «1 Мая» Резекненского района, расположенный на месте сожженной в январе 1943 г. немецко-фашистскими оккупантами русской деревни Аудрины, известен по всей республике. Жители этой деревни во время Великой Отечественной войны оказывали активную помощь советским партизанам и за это подверглись жестоким репрессиям со стороны фашистских извергов. Деревня (48 дворов) была сожжена, а жители, около 245 человек, включая грудных детей, расстреляны.

Родственники и близкие погибших — жители близлежащих деревень объединившись в 1948 году в колхоз, решили создать на месте сожженной деревни колхозный поселок. В настоящее время в поселке колхоза

³⁶ О поселке колхоза «Селия» см. также нашу статью «На пути к культурной и зажиточной жизни» в журнале «Советская этнография», 1951, № 2.

«1 Мая» застроены две улицы — улица Ленина и Аудринская. На площади, разбитой на перекрестке этих улиц, установлен памятник погибшим жителям деревни Аудрины.

На территории поселка построено новое трехэтажное здание средней школы, открыты клуб, почта, магазин.

Одновременно со строительством жилой части поселка производилась застройка производственного центра — помещений для животноводческих ферм, конного двора, складских баз и др.

Колхозникам сельскохозяйственной артели «1 Мая» активно помогала в строительстве поселка советская общественность. Районные организации помогали транспортом. Соседние колхозы выделяли своих плотников.

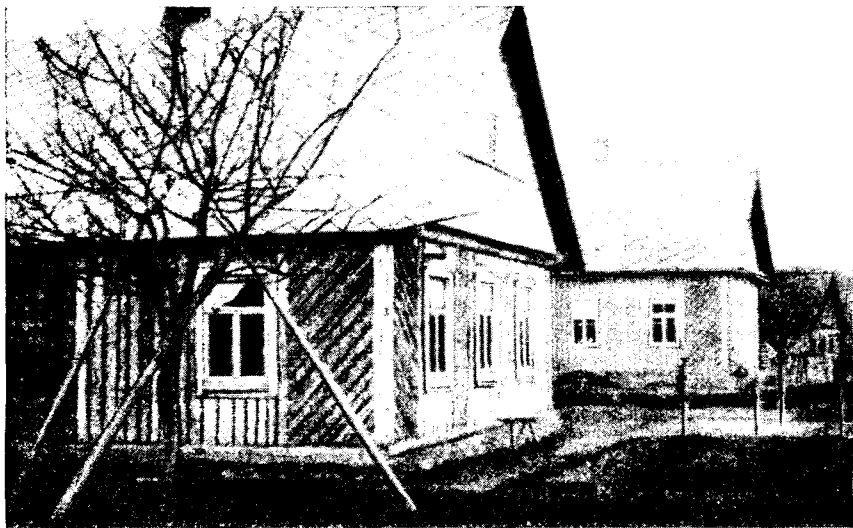

Рис. 6. Новые дома в поселке колхоза «Красное знамя» Малтского района

Некоторые колхозы организовали бригады, которые перевозили с хуторов и восстанавливали в поселке отдельные дома. На новых усадьбах часто можно было видеть дощечку с надписью, говорящей о том, что колхознику такому-то строит дом такой-то колхоз. По воскресеньям в колхоз «1 Мая» приезжали коллективы рабочих и служащих города Резекне для помощи в строительстве колхозного поселка.

За последние два года к переселению с хуторов в поселки приступили и в некоторых других колхозах. В колхозе им. М. Горького Вильянского района перенесено в поселок 20 домов, подготовлен материал для строительства новых домов.

В колхозе «Красное знамя» Малтского района перенесено из хуторов в поселок 36 домов и выстроен ряд новых (см. рис. 6). В колхозе им. Сталина Валмиерского района, одном из передовых колхозов республики в отношении строительства, также уже выросла целая улица домов колхозников. Подобных примеров можно привести немало.

Большой интерес проявляют колхозники к вопросам порядка расселения в новых поселках. В одних колхозах намечают расселиться (или уже расселяются) по бригадам (колхоз «Селия»), в других колхозах места для застройки усадеб выделяются по жребию (колхоз «1 Мая»), в третьих лучшие места в будущем поселке, расположенные ближе к центру, предоставляется выбрать лучшим людям колхоза, имеющим наиболее высокие производственные показатели.

Размеры приусадебных участков в большинстве колхозов установлены в 0,5 га (в некоторых 0,4 га или 0,6 га). Планировка усадеб в новых поселках и характер построек резко отличаются от усадеб бывших крестьян-единоличников. С обобществлением основных средств производства отпала необходимость в конюшнях и сараях для хранения инвентаря, значительно сократились потребности в помещениях для скота, хранения корма. Ненужным стало и гумно. При переселении в колхозные поселки из старых хуторских усадеб эти постройки не восстанавливаются. В большинстве вновь застроенных усадеб, кроме жилого дома, имеется еще только одна хозяйственная постройка — скотный двор, который объединяет помещения для коров, свиней, овец; часто здесь же держат птицу. Чердачное помещение над скотным двором используется для хранения корма. В некоторых усадьбах сарай для корма строят отдельно. Иногда во дворе строят еще погреб, но чаще он находится под домом.

Наиболее распространен следующий план усадеб. Вдоль улицы (передним или боковым фасадом к ней) стоит дом. В некоторых поселках его располагают в одну линию с улицей, а в других отодвигают в глубь усадьбы на 6—8 м. Пространство перед домом используется как палисадник. За домом на расстоянии 15—20 м от него поставлен скотный двор. Вокруг дома с трех сторон разбиты клумбы, посажены декоративные и ягодные кусты. Вся остальная территория усадьбы используется под огород и фруктовый сад. Фруктовые деревья еще не везде посажены, но стремление к этому у колхозников Латвии очень большое. Некоторые колхозы имеют уже свои питомники фруктовых деревьев, снабжая саженцами не только членов своей артели, но и другие колхозы.

При переселении колхозников в поселки старый жилой фонд используется лишь частично, так как многие строения очень ветхи или непригодны по материалу (дома из плитняка). Это в первую очередь относится к усадьбам бывших батраков и бедняцкой части старых дворов хозяев. Новые усадьбы необходимы и бывшим безземельным крестьянам и батракам, впервые получившим землю при советской власти. Таких хозяйств довольно много, например, в колхозе «Накотне» Добельского района. Государство оказывает всемерную помощь новоселам, предоставляя долгосрочные кредиты. Основным строительным материалом для жилых и хозяйственных построек колхозников служит дерево (а также кирпич и различные бетонные смеси, например, дерево-бетон). Крыши большей частью кроют шифером, что придает домам особо нарядный вид. Меняется и самый тип жилых домов. В отличие от старых домов имевших форму удлинённого прямоугольника (с соотношением сторон 3:1), новые постройки приближаются к квадратной форме, что обеспечивает более удобную внутреннюю планировку. Потолки в новых домах выше, просветы окон значительно увеличены. Внутренние стены помещений штукатурят.

Параллельно с застройкой жилых кварталов в поселках ведется строительство общественно-культурных центров, а также некоторых коммунальных зданий. О строительстве Дома сельскохозяйственной культуры и других зданий хозяйственного и культурно-бытового назначения сообщал, например, председатель колхоза им. Сталина Смиленского района: «В колхозном поселке на берегу р. Абула в 1953 г. будет построен Дом сельскохозяйственной культуры с лабораториями, кабинетами, аудиториями. В 1954 г. сдадим также в эксплуатацию хорошо оборудованную мельницу, хлебопекарню, столовую и здание правления колхоза»³⁷. В этом колхозе закончены также основные сельскохозяйственные постройки. Дома сельскохозяйственной культуры и клубы строят и другие колхозы.

³⁷ «Колхозник Советской Латвии», 1952, № 10, стр. 319. Строительство Дома сельскохозяйственной культуры в 1953 г. закончено.

Большое двухэтажное кирпичное здание клуба заканчивает строительством колхоз «Звейниекс» (рыбак) Саулкрастского района. Для клуба выбрано красивое место на берегу моря. Вокруг него будет разбит парк. Новое здание клуба построено также в колхозе Гайсма Барбельского сельского совета Бауского района. Колхозы, на территории которых оказались бывшие замки немецких баронов и помещичьи дома, приспособили их для общественных нужд, оборудовав как здания культурно-бытового назначения. Общественным достоянием колхозников стали также помещичьи парки. Фруктовые сады включены в хозяйство колхоза. В некоторых колхозах построены новые школы и больницы.

Громадное значение для изменения условий быта и повышения культуры сельского населения имеет электрификация колхозов. Ведется строительство небольших колхозных и межколхозных гидроэлектростанций.

Уже в течение трех лет работает межколхозная гидроэлектростанция на р. Нерета, построенная четырьмя колхозами. Электроэнергия от нее используется для производственных нужд этих колхозов и освещает не только их населенные пункты, но и районный центр.

В Добельском районе силами четырех колхозов — им. Райниса, «Лиесма», «Тайснийба» и «Варпа» — строится межколхозная электростанция «Аннениеки». В Краславском районе для строительства межколхозной гидроэлектростанции «Ниедрица» объединились 7 колхозов. В Резекненском районе строится межколхозная станция «Спруксты». Наиболее крупной из колхозных гидроэлектростанций является межреспубликанская станция на оз. Дрисвяты, законченная строительством и сданная в эксплуатацию в июле 1953 г. Станция эта по праву носит название «Дружба народов»: в строительстве ее принимали участие и пользуются теперь электроэнергией колхозники пограничных латышских, литовских и белорусских колхозов, расположенных на стыке трех союзных республик — Латвийской, Литовской и Белорусской ССР.

* * *

Опыт, накопленный колхозниками Латвии в организационно-хозяйственном укреплении колхозов, все больше убеждает их в необходимости ликвидации старой формы хуторского расселения и замены ее новой формой, отвечающей новому общественному строю. Свидетельством этому является активность колхозников в обсуждении проектов колхозных поселков на общих собраниях, стремление выбрать для поселков самые лучшие, удобные и живописные места, наличие в правлениях колхозов значительного числа заявлений от колхозников о желании переселиться с хуторов в поселки.

Переход от хуторов к колхозным поселкам представляет собой вместе с тем большую и сложную проблему, которая не может быть решена в короткие сроки. То, что проделано в настоящее время, можно рассматривать только как начальный этап. Осуществление величественной программы дальнейшего расцвета народного хозяйства нашей страны, принятой XIX съездом КПСС, и решений сентябрьского Пленума ЦК КПСС «О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР» требует усиления внимания со стороны партийных и советских республиканских организаций к практическому разрешению этой задачи. К этому призывает в своем докладе на сентябрьском Пленуме Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев, подчеркнув, что в отношении хуторской системы расселения не может быть двух мнений. «Мы стоим за то, чтобы постепенно ликвидировать хуторскую систему и создать общеколхозные поселки. Это обеспечит более благоприятные условия для подъема колхозного производства и позволит улучшить культурно-бытовые условия жизни

колхозников, построить хорошие школы, больницы, родильные дома, детские учреждения. Но было бы неправильно проявлять торопливость и в практическом разрешении этого вопроса. Надо, чтобы партийные и советские органы вместе с колхозниками всесторонне взвесили местные возможности и в зависимости от них решали вопрос о том, где, когда и как проводить это дело. Мы уверены, что будет найдено правильное решение. Сами колхозники не захотят жить по хуторам и поставят вопрос о необходимости улучшения культурно-бытовых условий»³⁸.

На состоявшемся в начале октября 1953 года в Риге VIII Пленум Центральном Комитета Коммунистической партии Латвии, посвященном обсуждению вопроса об итогах сентябрьского Пленума ЦК КПСС и задачах партийной организации по дальнейшему подъему сельского хозяйства республики, в числе других важнейших вопросов были вновь затронуты вопросы о новом колхозном строительстве и переселении с хуторов в колхозные поселки. Решения Пленума по этим вопросам направлены на обеспечение форсированного строительства общественных построек в колхозах и создание необходимых условий, способствующих постепенному переходу от хуторов к колхозным поселкам³⁹.

В январе 1954 г. правительство Латвийской ССР, учитывая желание колхозников переселиться с хуторов в колхозные поселки, определило меры помощи переселяющимся. Они освобождаются от уплаты сельскохозяйственного налога в течение двух лет. Им предоставляются государством долгосрочные кредиты в размере от 4 до 10 тысяч рублей⁴⁰ и лесоматериалы на льготных условиях. Предусмотрена помощь со стороны МТС в перевозке тракторами и автомашинами общественных построек, строительных материалов, а также жилых домов и хозяйственных построек колхозников с оплатой по плановой себестоимости. Колхозам рекомендовано по решению общих собраний оказывать переселяющимся помощь в распахке и расчистке новых приусадебных участков, в перевозке построек и имущества, в пересадке фруктовых деревьев, в заготовке и перевозке строительных материалов за счет колхоза, а также путем выделения рабочей силы для участия в строительстве на новом месте. Колхозникам, участвующим в этой работе по нарядам правлений колхозов, рекомендуется начислять трудовые книжки с последующим удержанием их с тех, для кого производилась работа. Инвалидам Великой Отечественной войны, семьям военнослужащих и семьям с большим числом нетрудоспособных строительство или перенос домов производить полностью или частично за счет колхоза. Намечено расширить производство необходимых для строительства изделий местной промышленности и промысловой кооперации, а также производить продажу через сеть Латпотребсоюза кирпича, черепицы, шифера и других строительных материалов. Принятые решения о мероприятиях по оказанию помощи колхозникам, переселяющимся с хуторов в колхозные селения, частично перечисленные нами, еще раз свидетельствуют о заботе, проявляемой Советским правительством в создании более благоприятных условий для развития общественного хозяйства колхозов, улучшения материального благосостояния и повышения культурного уровня колхозников.

³⁸ «Коммунист», 1953, № 14, стр. 56.

³⁹ См. газ. «Советская Латвия», 8 октября 1953 г.

⁴⁰ Размер и сроки предоставления кредита зависят от того, переносятся ли старые постройки или сооружаются новые.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Н. А. ПЕТРОВ

ВОПРОСЫ БРАКА И СЕМЬИ В НОВОМ КИТАЕ

В истории той или иной страны бывают периоды, когда народ в короткий срок совершает грандиозные изменения во всех областях своей жизни, когда сложившиеся веками устои общества рушатся. И хотя старое пытается сопротивляться, чтобы сохранить свое существование, новое с неумолимой силой пробивает себе дорогу, постепенно оттесняя старое и, наконец, уничтожая его совершенно.

Таким величайшим по своему значению периодом в истории китайского народа является нынешний период, который начался 1 октября 1949 г., после победы китайского народа и провозглашения Китайской Народной Республики.

Победа революционных сил китайского народа, руководимого Коммунистической партией Китая, в корне изменила положение в стране. Были изгнаны империалисты. В результате земельной реформы ликвидирован паразитический класс помещиков — источник реакции, отсталости и мракобесия. Чтобы уничтожить эти враждебные народу силы и открыть путь к счастливой жизни, потребовался длительный период напряженной борьбы. Сейчас Коммунистической партии, Народному правительству и прогрессивным элементам Китая приходится вести борьбу с не менее серьезными врагами: с силами привычки, суеверия, пережитков феодальной идеологии, которые в течение тысячелетий отравляли сознание населения страны. Это — страшные силы. Они тормозят прогресс великой страны, служат орудием в руках внешних и внутренних врагов Китайской Народной Республики, ибо при помощи этого орудия воспитывались а-кэи¹ — покорные рабы феодального строя. Одной из таких сил является старая система феодального брака и феодальных отношений в семье. Против этой силы сейчас ведется упорная повседневная борьба. Лишь представив себе во всей полноте реакционность этой феодальной системы брака, можно оценить все величие гигантской работы, проводи-

¹ А-Кэй (в китайском чтении А-Гуй) — герой повести писателя Лу Синя «Правдивая история А-Кэя». Это забитый жизнью и приниженный конфуцианской моралью крестьянин-батрак, не решавшийся оказывать какого-либо сопротивления своим врагам. Подвергаясь гнету, избиениям, он удовлетворялся лишь «моральными победами», т. е. отказывался от сопротивления из «презрения» к обидчику. В лице А-Кэя писатель олицетворял состояние морального духа, господствовавшего в различных слоях китайского населения в эпоху революции 1911 г. Такое состояние морального духа получило в кругах революционной интеллигенции название акэвщины (агуевщины).

мой Коммунистической партией и Центральным Народным правительством Китая по внедрению в сознание 500-миллионного народа необходимости ликвидировать старую феодальную систему брака и феодальный патриархальный строй китайской семьи.

Феодальный способ производства и соответствовавшие ему феодальные отношения лежали в основе брака и семейной жизни китайца до победы нового, демократического строя. Из поколения в поколение китайцам прививали «истины», выработанные Конфуцием и его адептами-идеологами феодализма.

Конфуций (VI—V вв. до н. э.) был основоположником этико-политического учения, превратившегося в дальнейшем в государственную идеологию феодализма. Большое место в этом учении занимает культ предков, соблюдение норм которого Конфуций рассматривал как одну из основ семейных и общественных устоев. Отсюда исходит его учение о строгом соблюдении семейной и феодальной иерархии, которая сводилась прежде всего к требованию полного подчинения младших старшим. Мужья должны были отношения в семье, где сын подчиняется отцу, а члены семьи подчиняются ее главе. Этот же принцип подчиненности распространяется и на отношения в масштабе государства. Конфуций учил, что «государь должен быть государем, подданный — подданным, отец — отцом, сын — сыном» (т. е. каждый должен знать свое место и обязанности по отношению к другому). Эти «истины», объединенные в одно понятие «*ли*» — церемонии, регламентировали весь быт китайца формально независимо от его классовой принадлежности.

В древней конфуцианской книге «Ли цзи» — «Заметки о церемониях» так определяется «*ли*»: «*Ли* — необходимое условие существования народа. Если нет «*ли*», то нельзя правильно служить духам неба и земли; если нет «*ли*», то нельзя провести различия между государем и чиновниками, между высшими и низшими, между взрослыми и детьми; если нет «*ли*», то нельзя провести грань взаимответственности между мужчинами и женщинами, определить характер родственных отношений между отцом и сыном, между старшими и младшими братьями»².

В этом определении «*ли*» выражена вся сущность конфуцианской идеологии, которая утверждает власть высших над низшими, что последователи учения Конфуция — идеологи феодального порядка провозглашали вечным принципом и естественным законом. К этому нужно добавить, что служение душам умерших предков (т. е. культ предков) представлял важнейшую часть этой идеологии и являлось составной частью быта китайского народа и особенно китайского крестьянства. Служение душам усопших предков были подчинены брак и семья. Нередко им объяснялось такое явление, как конкубинат (фактически — одна из форм многоженства). Брак старого феодального типа выражал стремление родителей молодых людей, вступающих в брак, продолжить свой род по мужской линии, чтобы этим обеспечить приношение потомками жертвенных даров душам усопших предков (в том числе и самому отцу молодого человека, вступающего в брак). В той же книге «Ли цзи» говорится, что «брак заключается для того, чтобы служить усопшим предкам и иметь возможность продолжать свой род»³.

Понятно, что в семейной иерархии, где старший в роде обладал диктаторской властью, не могло быть и речи о выборе жены самим сыном. Отец выбирал ему в жены ту, которую он считал подходящей для сына соответствующей всей семье. При этом он руководствовался следующими основными соображениями: во-первых, жена сына должна произвести на свет возможно больше детей мужского пола, во-вторых, за счет приданого будущей снохи должно быть увеличено благосостояние отца.

² «Ли цзи да цюань», т. II, тетр. 6, цзюань 24, л. 1.

³ Там же, тетр. 8, цзюань 29, л. 19.

При феодальной системе брака нередко были случаи обручения детей; при этом возраст брачующихся⁴ или их физические недостатки фактически не принимались во внимание. Еще менее родители интересовались тем, любят ли молодые люди друг друга, подходят ли они друг другу по характеру и т. д. В недавнем прошлом были обычными случаи, когда женили молодого человека еще до достижения совершеннолетия на женщину, которая годилась ему в матери или в лучшем случае могла быть ему старшей сестрой. Народные песни очень хорошо отразили этот момент семейного быта. Так, например, в одной из народных песен провинции Шэньси рисуется недовольство девушки, которую выдают замуж за малолетка:

Ожидаю жениха, ожидаю жениха,
В конце концов дождалась... малолетнего жениха,
Он мне не нравится,
Сяду на кан и посмотрю,
Что он будет делать⁵.

С другой стороны, были нередки случаи, когда молодая девушка отдавалась в жены даже дряхлому старику, если у него не было сыновей. Это обычно объяснялось тем, что, по религиозным представлениям о загробной жизни, китаец должен непременно быть женатым, чтобы оставшийся после его смерти сын совершал жертвоприношения его душе. Конфуцианское «ли» запрещало также молодой вдове выходить замуж, так как этим она «лишила бы душу покойного мужа спокойствия в загробной жизни». Вдова, нарушившая этот обычай, т. е. вышедшая вторично замуж, подвергалась общественному осуждению.

При феодальной системе брака вновь создаваемая семья лишь обеспечивала продолжение «рода» мужа, т. е. его семьи. Несмотря на образование путем брака новой семьи, она, вследствие господства в «роде» старшего, не могла быть самостоятельной. До тех пор пока был жив отец, женатый сын всецело был подчинен ему, не смея шагу ступить без его разрешения. Что же касается его жены, то она в такой же степени находилась под властью свекрови и безусловно подчинялась мужу.

«Мужчины в Китае,— писал в марте 1927 г. Мао Цзэ-дун,— обычно находятся под властью трех сил, представляющих целые иерархические системы, а именно: 1) государственной системы — общегосударственных, провинциальных, уездных и волостных органов власти (политическая власть); 2) родовой системы — общеродового храма предков, храма предков ответвления рода, главы семьи (родовая власть); 3) религиозной системы, представляемой: а) подземными силами — верховным владыкой ада, духами-хранителями городов и местными духами и б) небесными силами — богами и святыми, от верховного владыки неба до всевозможных духов. Все они вместе составляют систему потусторонних сил (власть религии). Женщина же наряду со всем этим находится еще и под властью мужчины (власть мужа). Эти четыре вида власти — политическая, родовая, власть религии и власть мужа — отражают феодально-патриархальную идеологию и порядки и являются самыми страшными узами, опутывающими китайский народ, в особенности крестьянство»⁶.

⁴ В старом Китае в соответствии с конфуцианскими догматами «ли» был установлен возраст вступления в брак: для мужчины 16—30 лет, для девушки 14—20 лет. Однако часто, в случае материальной заинтересованности родителей, эти нормы нарушались.

⁵ Цит. по статье Го Най-ань «Развитие китайской народной музыки», «Народный Китай», № 16 от 25 августа 1953 г.

⁶ Мао Цзэ-дун. Избранные произведения, т. I, Изд-во иностр. лит-ры, М., 1952, стр. 68—69.

До установления народной власти в Китае господствовала реакционная идея превосходства мужчины над женщиной. Феодалы воззрения ставили китаянку в семье в положение вещи. Она рассматривалась как неизбежная необходимость, поскольку без нее невозможно было обеспечить продолжение рода. Рождение в семье ребенка женского пола считалось настоящим несчастьем. Девочка — это лишний рот, обуза для семьи. В рассказе «Великое счастье» современный писатель Чжан Ши нарисовал образную картину настроения, вызванного рождением девочки в китайской семье. Лао Дун ждал рождения сына — «великого счастья», но когда родилась снова дочь, он ушел из дома. Друзья пошли за ним и увидели, что «он сидит на могиле предков. Лао Дун что-то бормочет, наверное что-нибудь вроде: увы, мой род приходит к концу. Рождение еще одной дочери глубоко опечалило Лао Дуна. Поднимая брови, он говорил: «За всю свою жизнь я ничего не сделал против совести. Так почему же мой род должен оборваться?»

Он считал, что его предки будут огорчены. Поэтому он назвал девочку Сань-до («Лишняя третья»), давая этим понять, что она была лишней, ненужным в семье «ртом»⁷.

По обычаю, уже с семилетнего возраста девочки отделялись от мальчиков. Так, девочки ели отдельно от мальчиков и притом после них. С этого времени женщины уже никогда не садились за стол вместе с мужчинами.

Старинные китайские поговорки: «Лапша — не рисовая каша (идея курица — не петух), женщина — не человек», «жену, взятую в дом, как купленную лошадь, если нужно бить — так надо бить, нужно ругать — так надо ругать», «женщина должна следовать за петухом, если она замужем за петухом, следовать за собакой, если она замужем за собакой» и т. п. — ярко характеризуют угнетенное, не равноправное с мужчинами положение женщины, отношение к ней, как к рабыне. Многие в Китае, особенно крестьяне, называли своих дочерей «ятоу» — прислужница рабыни.

Великий писатель, «китайский Горький» — Лу Синь писал: «Быть женщиной — огромное несчастье. Что бы она ни сделала — все не так. Каждый ругает ее»⁸.

До замужества женщина была лишней в родной семье, в замужестве ее уделом было терпеливо сносить брань и побои со стороны мужа и дурное обращение со стороны его родных. В соответствии с конфуцианскими канонами «женщина всегда подчиняется мужчине: в детстве она подчиняется отцу и старшим братьям, в замужестве — мужу, а после его смерти она зависит от сына»⁹. И далее: «У женщины нет титулов, — она титулуется по мужчине»¹⁰.

Выдаваемая замуж, китайская девушка подчас впервые видела своего мужа только после завершения свадебных обрядов.

В случае, если женщина была бесплодной или у нее рождались только девочки, ее положение в доме мужа становилось совершенно невыносимым. В таких случаях муж (часто по наущению своего отца) брал себе «второй женой» наложницу, чтобы иметь сына. Положение такой «второй жены» было еще хуже положения первой. Ею помыкали все, в том числе и первая жена.

Угнетенное состояние, вызванное жестоким обращением и полнейшим бесправием, насильственное естественных чувств, отсутствие просвета в жизни в ряде случаев приводили к тому, что женщина кончала жизнь самоубийством.

⁷ Чжан Ши, Великое счастье, «Народный Китай», № 9—10, ноябрь 1951 г.

⁸ Лу Синь, Соч., т. 4, стр. 427.

⁹ «Ли цзи да цюань», т. I, тетр. 8, цюань 11, л. 33.

¹⁰ Там же, л. 34.

В истории Китая отмечены факты, когда женщины вели упорную борьбу против феодальной системы брака. Эта борьба выражалась главным образом в форме индивидуального протеста, как, например, обет безбрачия, который давался девушкой, и т. п. Лишь иногда она принимала массовый характер. Таково создание тайных обществ борьбы с принудительным браком в провинции Гуандун¹¹, но и это не могло коренным образом изменить положение китайской женщины. Лишь уничтожение феодального строя и создание нового демократического общественного строя могло освободить женщину, уничтожить многовековую феодальную систему брака и открыть возможность заключения брака, основанного на равноправии, любви и уважении друг к другу соединяющей свою судьбу пары.

С образованием Китайской Народной Республики был положен конец многовековому угнетению женщины, предоставило мужчинам и женщинам Китая равные права, в том числе свободу вступления в брак. В «Общей программе Народного политического консультативного совета Китая», принятой 29 сентября 1949 г., записано:

«Статья 6. Китайская Народная республика отменяет феодальный режим закрепощения женщины. Женщины пользуются одинаковыми правами с мужчинами в политике, экономике, культуре, просвещении и во всех областях общественной жизни. Вводится свобода брака как для мужчин, так и для женщин»¹².

В развитие этого положения «Общей программы» 1 мая 1950 г. был принят «Закон о браке», который во всех деталях предусматривает полное раскрепощение женщины. Основные пункты этого закона гласят:

«Статья 1. Уничтожается феодальная система брака, осуществлявшая деспотизм и насилие, основывавшаяся на господстве мужчины над женщиной и игнорировании интересов детей. Вводится в действие новая демократическая система брака, основанная на свободном выборе вступающих в брак, единобрачии, равных правах мужчин и женщин и охране законных интересов женщин и детей.

Статья 2. Запрещается двоеженство, взятие наложниц, принятие в семью девочек в качестве невест для сыновей, вымогательство денег или подарков в связи с вступлением в брак; запрещается также препятствовать вдовам свободно вступать в брак»¹³.

Таким образом, многовековая феодальная система брака этим актом Центрального Народного правительства была объявлена незаконной. Законе свободы вступления в брак и свободы развода наносило удар по феодально-патриархальному семейному быту. Закон о браке открыл возможность создания новой семьи на началах любви, уважения и равенства супругов.

Закон о браке имеет глубокий политический характер — он содействует полному выкорчевыванию враждебных новому порядку остатков разгромленных сил феодализма. Осуществление этого закона укрепляет силы нового демократического строя, освобождает мужчину и женщину от деспотизма родителей, позволяет им строить свою семейную жизнь не в корыстных интересах отцов, а по своему выбору, для себя. А это значит, что перед молодыми людьми, не стесненными деспотизмом

¹¹ Эти общества, как пишет А. Козьмина в брошюре «Женщины Китая», «имели женские дружины, которые нападали на процессию, когда невесту, выдаваемую против ее воли замуж, несли в красном паланкине в дом будущего мужа. Отбив и «похитив» невесту, общество скрывало ее некоторое время от родных, затем подыскивало ей работу. Иногда общество выкупало девушку у ее родных или у мужа» (А. Козьмина, Женщины Китая, ОГИЗ, 1940, стр. 22).

¹² «Законодательные акты Китайской Народной республики», перевод с китайского, Изд-во иностр. лит-ры, М., 1952, стр. 52.

¹³ Там же, стр. 261.

отца, открываются иные перспективы, появляются новые интересы, крываются их творческие способности, рождается инициатива, и отской покорности во имя конфуцианского «ли» не останется и следа. Новый гражданин и гражданка Китайской Народной Республики, свободные от экономического, политического и культурного гнета в результате победы революции, освобождены также и от гнета феодального брака. Особенно это относится к молодежи женского пола. Все это безусловно не может не укреплять новый демократический строй Китайской Народной Республики.

Однако силы привычки, обычая еще крепко связывают семейный и мешают ему развиваться по новому пути. Вот почему Коммунистическая партия Китая и Центральное Народное правительство придают огромное значение правильному проведению в жизнь закона о браке. Достаточно сказать, что хотя со времени опубликования этого закона прошло более трех лет, но и по сей день борьба за последовательное осуществление закона о браке остается одной из неотложных задач.

26 ноября 1951 г. была опубликована директива Государственного административного совета «О проверке положения с проведением в жизнь закона о браке». Эта директива, отмечая значение закона о браке крупнейшего государственного акта, равного социальной революции в быту, указывает вместе с тем на трудности, которые мешают его осуществлению. Эта директива показывает, насколько живуча старая феодальная система брака в сознании не только народных масс, но и руководящих работников, которые в ряде случаев сами нарушают закон о браке или стоят на позиции стороннего наблюдателя. Достаточно сказать, что еще в 1952 г. случаи заключения браков, основанных на купле и продаже женщин, во многих местах были частым явлением. Так, по выборочным данным 1952 г. по 6 уездам провинции Хэбэй, «брак, основанный на купле и продаже, все еще составляет свыше 90% всех заключенных браков. Для приобретения жены требуется 1 млрд. юаней, что в переводе на хлопок составляет 1 тысячу цзиней (1 цзинь равен 596,8 грамма)». В директиве Государственного административного совета приведены также цифры убийств женщин и их самоубийств в 1950 г. вследствие жестокого обращения с ними в семье: «В южных районах Китая за год лишним убитых и покончивших с собой женщин насчитывается более 10 тыс., в провинции Шаньдун за один год покончивших жизнь самоубийством и убитых женщин было 1245. На севере провинции Цзянсу 9 уездам с мая по август 1950 г.— 119 человек»¹⁵.

Директива Государственного административного совета вменяет обязанность правительствам (провинций, районов и т. д.), органам общественной безопасности, судебным, административным, просвещения и другим, а также призывает различные демократические партии и народные организации живейшим образом участвовать «в проверке положения с осуществлением закона о браке, принимать эффективные меры к распространению достижений в этом вопросе и исправлению недостатков; в этом тщательно расследовать дела, связанные с серьезными нарушениями закона, выразившимися в убийстве женщин или доведении их до самоубийства»¹⁶.

Наряду с осуществлением закона о браке, с проверкой его выполнения на местах и с разбором дел, связанных с нарушениями его, в директиве предлагается вести идеологическое воспитание как руководящих кадров, так и всего народа.

Для пропаганды закона о браке создан «Центральный комитет движения за последовательное осуществление закона о браке». Аналогично

¹⁴ «Жэньминьжибао» от 4 марта 1953 г.

¹⁵ Ежедневник «Жэньминь чжюбао», № 40 за 1951.

¹⁶ Там же.

комитеты созданы в административных районах и провинциальных центрах.

Одной из форм пропаганды является созыв конференций по разъяснению закона о браке. В качестве примера можно привести проведенную в декабре 1952 г. конференцию в уезде Чанань пров. Шэньси. «В этой конференции,— сообщал журнал «Женщины Нового Китая»,— участвовало свыше 600 делегатов. Среди них были мужчины и женщины, свободно вступившие в брак, были кадры работников, осуществляющих закон о браке, были там также женщины, пострадавшие от феодальной системы брака. На конференции происходил обмен мнениями, рассказывалось о счастливой жизни тех, кто свободно вступил в брак, подвергалась критике работа по разъяснению закона о браке, говорилось об ошибках в этом деле, о необходимости более активно проводить пропагандистскую работу и т. д. Конференция приняла решение активизировать разъяснительную работу о равенстве мужчин и женщин, о свободном браке»¹⁷.

По всем провинциям, уездам, городам и деревням широко развернулась работа по распространению опыта пропаганды за последовательное осуществление закона о браке.

Комитеты движения за осуществление закона о браке создавали группы, направлявшиеся на места для подготовки актива, который ведет разъяснительную работу в широких массах. Проводя эту работу, актив и специальные уполномоченные оказывают помощь в созыве собраний групп семей по вопросам брака и семьи, возникающим у самих масс и требующим помощи в деле установления в семьях мира и единения всех членов их.

Они содействуют выявлению и популяризации образцовых супругов, образцовых свекровей, агитируют за поддержку работников, осуществляющих закон о браке.

В период кампании по пропаганде закона о браке в общенациональном масштабе было подготовлено, по неполным данным, 3477 тыс. пропагандистов. Государственные издательства выпустили ряд книг общим тиражом около 3 млн. экз., а также различных плакатов и книжек-картинок общим тиражом 1165 тыс. экз. Только в одном Восточно-Китайском административном районе пропаганду закона о браке вели 1 154 900 лекторов и 30 000 любительских театральных коллективов. Большое количество материалов об этом законе прошло через прессу и радио¹⁸.

В пропаганде за новый брак и новую семью, свободную от феодальных пережитков, особенно большую роль играют художественная литература и театр. Новые явления семейного быта находят свое отражение в произведениях художественной литературы. Как до опубликования закона о браке, так особенно после его опубликования было создано немало художественных произведений, затрагивающих тему отношений в семье. Среди них лучшими считаются такие произведения, как рассказ Ма Фэна «Вступление в брак». В нем в простой форме пропагандируется идея свободы заключения брака, рисуется счастливая любовь молодых людей, при этом показывается, что такой брак строится на основе совместной жизни и совместной работы.

В рассказе Гу Юя «Новые события, новая работа» сообщается о том, как в одной деревне молодая пара Ван Гуй-дэ и Фэн Лань при бракосочетании решительно выступает против обычая принесения приданого и чрезмерных расходов на свадьбу.

Среди произведений о новых брачных отношениях лучшими несомненно являются произведения известного бытописателя Чжао Шу-ли. Им написан ряд рассказов, в которых еще до закона о браке остро ставились проблемы брака, взаимоотношений между мужем и женой, невесткой и

¹⁷ «Синь Чжунго фунюй», 1953, № 3.

¹⁸ Fang Yen, Making the Marriage Law Work, «China Reconstructs», 1953, № 5.

свекровью (рассказы «Фамильная драгоценность», «Старые обычаи»), которых подчеркивается, что в процессе революционного преобразования страны рождается новая женщина как живой побег нового общества.

Показу того, что новое демократическое общество и свобода бра́ неотделимы друг от друга, посвящен и хорошо известный советскому читателю рассказ Чжао Шу-ли «Женитьба маленького Эр Хэя». Героями этого рассказа являются девушка Сяо Тин и юноша Эр Хэй. Они любят друг друга, но много препятствий стоит на пути к их счастью. И мать Сяо Тин, и отец Эр Хэя выступают против их брака. Но еще больше врагом для молодых влюбленных является отжившее общество, в лице людей, в прошлом угнетавших крестьян деревни Люцзяцзяо, а теперь пробравшихся на посты сельской администрации. В то время, как Эр Хэй объясняет Сяо Тин, что «теперь для вступления в брак вполне достаточно согласия жениха и невесты, а так как мы с тобой давно во всем согласны, то в районе наш брак зарегистрируют немедленно, и никто уже не сможет его расторгнуть»¹⁹, — врывается главарь банды Цзи Ван, пробравшийся в сельское управление. Он по вымышленному обвинению арестовывает обоих влюбленных и отводит их в районную милицию. Однако там разобрались во всем, и преступники были наказаны.

Для показа нового в семейном быту, борьбы этого нового со старым враждебным особенно широко используется театр. Так, например, тем свободы брака в новом Китае посвящена пьеса «Чжао Сяо-лань». В пьесе показана передовая молодежь в лице девушки Чжао Сяо-лань и юноши Юн Чана — отличника труда в сельском хозяйстве. Оба любят друг друга, но родители девушки решают ее судьбу без ее согласия. Они отдают ее за учителя из другой деревни. Сяо-лань выступает против этого решения своих родителей и, поскольку они настаивают на своем, убегает из дома и обращается в крестьянский союз за помощью. Под действием общественности желание молодых людей осуществляется: Чжао выходит замуж за Юн Чана.

Другая пьеса «Муж и жена» посвящена проблеме перевоспитания сознательных элементов в китайской деревне.

Большим успехом пользуется музыкальная драма «Лоханьцзян» («Связка чохов»), написанная по рассказу писателя Чжао Шу-ли «Регистрация брака». В ней показана борьба против старых форм брака в одной деревне Китая.

Лучшим свидетельством того, как новое в вопросе брака с неумолимой силой пробивает себе дорогу, является отражение этого нового в народных песнях. Именно в них очень ярко и образно выражено чувство радости от свободы сочетания браком с любимым человеком. Женщины, освобожденная от деспотизма старого семейного уклада, превратившая ее в предмет торговли, теперь в радостных песнях прославляет новый свободный брак. Одна из таких песен была записана в провинции Гуанси. Она называется «Хорошо, что существует свободный брак».

На стебле появились цветы. Цветок потянулся к цветку:

Сочетались свободным браком и стала семья.

Не нужно забот отцу и матери,

Не нужно расхваливаний свих с обеих сторон.

У тунга распустились цветы и легко опали,

Но свободные мужчина и женщина никогда не расстанутся²⁰

¹⁹ См. «Сборник китайских рассказов», перевод с китайского, Изд-во иностр. лит-ры, 1950.

²⁰ Эта и следующая песня были помещены в журнале «Синь гуаньча» («Новое обозрение»), № 4 от 16 февраля 1953 г.

Новый демократический строй в Китайской Народной Республике принес и новые понятия о любви. Это — любовь, облагороженная высокими моральными понятиями. Девушка имеет теперь возможность любить, не боясь родителей, и выйти замуж за человека передового, героя, за отличника производства.

Закон о браке дал женщине твердую опору в борьбе против насильственной выдачи ее замуж за нелюбимого человека. В песне «Цветок лотоса», широко распространенной в провинции Хунань, ярко отражено это новое явление в жизни женщины:

Распустился лотос в октябре.

Младшей сестре нынче восемнадцать лет.

Сваха Ба, рассыпаясь похвалами,

Хочет создать сестре семью.

Но у сестры есть свое мнение:

«Не слушай, матушка, слов темной свахи.

Я люблю друга, который в Корею бьет американских империалистов.

После победы он вернется, и я выйду замуж за него».

Несмотря на еще значительную силу феодальной системы брака, все же с каждым днем все больше и больше растет число браков, созданных в полном соответствии с новым законом. За период с января по август 1952 г. в гор. Сиани (провинция Шэньси) число браков, заключенных по свободному выбору, составило 90 % общего числа заключенных там браков. В гор. Ланьчжоу (провинция Ганьсу) число браков, заключенных по свободному выбору, составило в 1950 г. только 36 % общего числа заключенных браков, а в 1952 — уже 98 % ²¹. В течение марта 1953 г., во время кампании по ознакомлению с законом о браке только по пяти городам провинции Хубэй вступили в брак по свободному выбору более 9000 пар, в то же время 500 молодых людей и женщин публично разорвали контракты, заключенные без их согласия ²².

Закон о браке предусматривает также свободу развода. Мужчины и женщины, вступившие в свое время в брак по принуждению своих родителей и не наладившие совместной супружеской жизни, вследствие чего их жизнь стала невыносимой, могут теперь просить развода. Свобода развода позволила им исправить несправедливости и ошибки, вызванные старой, феодальной системой брака. Министр юстиции Центрального Народного правительства Китая Ши Лян приводит такие цифры роста числа дел по брачным вопросам: в Пекине и еще 21 больших и средних городах Китая с января по апрель 1950 г. было получено 9300 дел о браке, а с мая по август того же года уже — 17 763 дела, т. е. после опубликования закона о браке за 4 месяца число дел о браке возросло на 91 %. По делам о разводе, по данным 32 больших и средних городов и 34 уездных городов 20 провинций, в течение двух месяцев после опубликования закона о браке были поданы заявления о разводе от 21 433 человек. Из них заявления женщин составили 76,5 % ²³.

Приведем в качестве примера несколько из многих фактов, которые были бы невозможны в условиях старого Китая. Так, в дер. Фэйсинцунь, что близ гор. Уху (провинция Аньхой), 23-летняя женщина Я Ди-цзы развелась со своим мужем Жуй Чуань-цзя, за которого ее выдали по ста-

²¹ См. статью Дэн Ин-чао, заместительницы председателя Всекитайской демократической федерации женщин, «Закон о браке освобождает женщин Китая от феодальных пут», «Народный Китай», № 5 от 15 марта 1953 г.

²² См. Fan g Y e n, Указ. работа.

²³ Ши Лян, Добросовестно и до конца осуществлять закон о браке, «Жэньминь чжоубао», 1951, № 42.

рому обычаю. С четырех лет ее взяли в его дом с целью использовать как работницу, а затем сделать женой Жун Чуань-цзя. Когда ей было 19 лет, ее насильно выдали замуж за него, хотя ему в то время было всего 15 лет. Свекровь била и ругала ее. В 1951 г. в результате земельной реформы она получила 1,5 му земли и тогда, в соответствии с законом о браке, развелась со своим мужем и вскоре вышла замуж за другого, более подходящего ей человека²⁴.

Аналогична история Ван Дао-мао. У него была жена Сяо Ламэй-цзы, которая с детства воспитывалась в его семье и предназначалась ему в жены. Когда их поженили, то в семье не прекращались драки и ссоры. Ван Дао-мао не жил с семьей, работал плохо. Сяо Ламэй-цзы, видя, что счастья нет, через полгода предложила развод. Ван Дао-мао женился на другой, с которой живет хорошо. А Сяо Ламэй-цзы, познакомившись с другим, в соответствии с демократическим законом о браке вышла за него замуж²⁵.

В деревне Вэйчжуан уезда Лушань родители крестьянина Фэн Цзун-и женили его еще в отроческие годы. В другой деревне этого же уезда жила Чжэн Гуй-сян, которая подвергалась невыносимому по своей жестокости обращению в доме свекрови и уже думала покончить жизнь самоубийством. После обнародования закона о браке первый развелся со своей женой, а вторая — с мужем. Вскоре Фэн Цзун-и и Чжэн Гуй-сян полюбили друг друга и зарегистрировали свой брак. Как сообщает автор, оба они изменились, стали хорошо работать и активно участвовать в общественной жизни²⁶.

С другой стороны, закон о браке также содействует налаживанию семейных отношений тех супругов, чья жизнь до этого отнюдь не могла быть названной дружной и счастливой. Следует заметить, что стремление сил, враждебных новому демократическому порядку в Китае, изобразить новый закон о браке как «закон о разводе», разбивается о факты, свидетельствующие, что супружеские пары, в прошлом вступившие в брак по принуждению своих родителей и жившие в атмосфере постоянных ссор и неприятностей, теперь благодаря этому закону живут дружно. В цитируемой выше статье Дэн Ин-чао приводится пример с Бао Тун-хуа, жившей в поселке Сянхэцзэ провинции Хэнань. Она много лет прожила с мужем, который ее часто бил и оскорблял, и со свекровью, постоянно терзавшей ее придирками и ссорами. Наконец, Бао Тун-хуа не выдержала и после установления народной власти поселилась отдельно от мужа. Она стала активисткой и пользовалась большим авторитетом среди односельчан. Отношение к ней мужа и свекрови изменилось. Осознав свою ошибку, муж пришел к ней, и они снова стали жить вместе. Таким образом, закон о браке позволил супругам вновь наладить их семейную жизнь²⁷.

Другой пример. В журнале «Женщина нового Китая»²⁸ были напечатаны 14 рисунков с сопроводительным текстом на тему «Крутой поворот в семейной жизни работницы Чжан Юэ-чжэнь». В этих рисунках и тексте излагается подлинная жизнь одной из работниц Нанкинского изоляторного завода. Она была обручена со своим мужем еще в детские годы, но никогда они не любили друг друга. Муж по всякому поводу ругал Чжан Юэ-чжэнь. В первый же период освобождения Нанкина от гоминдановцев она пошла работать на завод, но отношение к ней в семье не

²⁴ «Жэньминь чжоубао», 1951, № 42.

²⁵ Там же.

²⁶ Цзо Сун-фэнь, Юйчжуан — образцовая волость по осуществлению закона о браке, «Синь Чжунго фунюй», 1953, № 1.

²⁷ В журнале «Народный Китай» № 6 от 25 марта 1953 г. об этом случае напечатана подробная статья Линь Ганя под названием: «Как закон о браке помог составить счастливую семью».

²⁸ «Синь Чжунго фунюй», 1953, № 3.

изменилось, хотя она тоже получала зарплату. Однажды муж так избил ее, что она четыре дня пролежала в постели. О тяжелой жизни Чжан Юэ-чжэнь узнала активистка — член профкома. Она стала посещать Чжан Юэ-чжэнь, учить ее, читала ей газеты, привлекла ее к участию в общественной жизни. И вот однажды, когда муж пришел домой и стал бесчинствовать, Чжан Юэ-чжэнь заявила ему: «Теперь мы получили свободу, все воспрянули, мужчины и женщины равны. Так почему же ты бьешь меня?» Этот случай привлек внимание профкома, вызвали ее мужа, провели с ним разъяснительную работу. В результате общественного воздействия, ознакомления мужа с законом о браке была, наконец, налажена их жизнь.

Интересное письмо редактору было опубликовано в этом же журнале. Чжан Шу-чжэнь, жительница Пекина, пишет, что она благодарит «председателя Мао Цзэ-дуна за изданный закон о браке». В этом письме она рассказывает о своей семейной жизни. До закона о браке муж был постоянно недоволен ею. Он говорил ей: «Что может понимать женщина, кроме стирки белья, приготовления пищи и рождения детей?». Он перестал помогать ей содержать семью, состоявшую из четверых детей и его матери. Закон о браке позволил этой женщине не только требовать развода, но и возложить на мужа его долю несения обязанности по содержанию детей. Впоследствии и эта семья была восстановлена.

Можно привести много аналогичных материалов, публикуемых в печати почти ежедневно, особенно, если они касаются налаживания семейной жизни супругов, не чувствовавших в прошлом любви друг к другу, живших в атмосфере постоянных ссор и неприятностей. В «Программе пропаганды последовательного осуществления закона о браке», разработанной Центральным комитетом движения за последовательное осуществление закона о браке, подчеркивается, что закон о браке гарантирует настоящую свободу развода, он направлен также и против легкомысленного развода. «Поэтому закон о браке устанавливает, что когда одна сторона требует развода, то районное народное правительство прежде проводит примирение супругов. Если примирение не состоялось, то дело передается в городской народный суд, а этот последний должен прежде попытаться примирить и, если не удастся, тогда уже принимать решение. Когда есть достаточно веские мотивы и видно, что совместная жизнь супругов действительно не может продолжаться, нужно разрешить развод. Если после развода обе стороны добровольно пожелают восстановить брак, то власти не должны чинить препятствий, а должны разрешить им вновь зарегистрировать свой брак»²⁹.

Таким образом, новый демократический строй в Китае, разрешивший многие проблемы экономического, политического и культурного развития китайского народа по пути закладывания основ для перехода к социалистическому строю, обеспечил правильное решение также и труднейшей проблемы, касающейся семейного быта.

Следует еще раз подчеркнуть, что успешное осуществление закона о браке стало возможным благодаря тому, что земельная реформа уничтожила экономическую базу для феодальных обычаев, привычек, идей. Земельная реформа обеспечила китайской женщине-крестьянке независимость, предоставив ей право на землю и имущество.

Коренное разрешение вопроса о браке есть подлинная революция в быту 500-миллионного китайского народа. Закон о браке нередко называют в народе «спасителем жизни». И это справедливо. Он спасает миллионы мужчин и женщин от гнуснейшего феодального пережитка — домостроя. Он открывает им грандиозные перспективы для участия в строительстве новой жизни. Он освобождает женщину от семейного рабства,

²⁹ «Жэньминьжибао» от 25 февраля 1953 г.

ставит ее в равноправное положение с мужчиной в семье и в обществе. С каждым днем все новые тысячи и десятки тысяч женщин включают в созидательный труд по строительству нового Китая. Женщина, которая веками рассматривалась в феодальном Китае лишь как необходимая принадлежность для рождения на свет детей, теперь занимает надлежащее ей место в производственной и общественной жизни. Женщины в правительственных органах, на постах министров и заместителей министров в Центральном Народном правительстве, председателей и заместителей председателей провинциальных, уездных, волостных и сельских правительств, женщины на постах директоров фабрик, начальников цехов, женщины, овладевшие сложной специальностью паровозных машинистов, женщины-трактористки, механики, химики, наконец, женщины-лечницы, парашютисты, танкисты³¹ — все это свидетельство того, что освобожденная от феодальных оков китайская женщина становится великой силой в деле строительства и защиты своей родины.

---

³⁰ Например, на Аньшаньском металлургическом комбинате работает У Юань-юй, первая в Китае женщина — начальник доменной печи.

³¹ Как сообщалось в журнале «Синь Чжунго фунуй» за ноябрь 1952 г., 28 сентября 1952 г. в Мукдене был отмечен первый выпуск женщин-танкистов.

И. КОЕВ

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ТРАДИЦИИ В БОЛГАРСКИХ ГЕРОИЧЕСКИХ ПЕСНЯХ

(По материалам из Батака и Перуштицы)

Устные героические сказания и песни болгарского народа проникнуты боевым духом, воспитанным вековой борьбой против жестокого гнета кирджалийских шаек, разбойников-башибузуков, турецких и болгарских орбаджиев-кровопийц. Постоянную готовность болгарина бороться со своими угнетателями отмечал еще Х. Ботев, который с глубоким патристическим проникновением вскрыл специфические особенности своего народа. В статье «Народ вчера, сегодня и завтра» он писал: «...при тех традициях, при том страшном насилии, при котором и камень бы рассыпался, болгарин запирался от турок в своем доме со своей семьей и, как и сейчас, пел и слушал вместо византийской литургии свою элегическую героическую песню, вместо стрелы и сабли брал плуг и серп, ходил по боринам, по посиделкам и по церквам, но как только варвар прикасался к его очагу, который, как и теперь, был окружен снохами и дочерьми, вдовами и внуками, он оставлял плуг и серп, посох и свирель, брал в руки отцовскую саблю, ружье брата и с «дружиной верной и послушной» уходил в Старую Планину, чтобы мстить за обиды туркам и чорбаджиям...». Борясь за освобождение Болгарии от турецкого господства, Х. Ботев крепко верил в светлое будущее своего народа. «Наш народ,— заявлял он,— имеет свою собственную жизнь, свой специфический характер, свое собственное лицо, которое отличает его как народ,— дайте ему возможность развиваться по своим народным законам... или, по крайней мере, не мешайте ему освободиться от этого варварского племени, с которым он не имеет ничего общего, и вы увидите, как он устроит свою жизнь».

Страстное желание народа освободиться от «тяжелых оков, заржавевших от слез и крови, оков, в которые закованы и ноги и руки, и ум, и воля» (Ботев), нашло выражение в широко задуманном Апрельском восстании 1876 г. Несмотря на поражение, это восстание является одной из блестящих страниц боевой истории болгарского народа, выдвинувшего таких героических борцов, как Л. Каравелов, В. Левский, Хаджи Димитр, Караджа, Ботев, Бенковский, Волон, Каблешков, которые составляют его национальную гордость.

Зарождение и рост рабочего класса в стране привели к усилению революционной борьбы, вылившейся после многих крупных стачек на протяжении нескольких лет в грандиозное Сентябрьское восстание 1923 г. Неудачный исход его не сломил боевого духа народа, а еще более способствовал росту революционного самосознания рабочего класса и угнетаемого и разоряемого крестьянства. Вместе с этим с новой силой оживали унаследованные от отцов и дедов традиции революционно-освободительной борьбы. Это ярко проявилось в широком развитии на территории «нейтральной» Болгарии партизанского движения в 1941—1944 гг., когда правящая монархо-фашистская клика Болгарии превратила страну в базу гитлеровских войск.

Руководимое Коммунистической партией партизанское движение вступлении на территорию Болгарии героической Советской Армии привело к победе народно-демократического строя. Страна получила возможность, как о том мечтал Х. Ботев, «развиваться по своим народным конам». Несмотря на происки империалистов, Болгария, благодаря помощи Советского Союза, твердо стоит на пути к социализму. Крепнет экономика страны, трудящиеся все теснее сплываются во героической Коммунистической партии.

Темой героических песен и сказаний становятся трудовые подвиги борцов за социализм, герои народных строек. В то же время творческое воображением народных певцов продолжают владеть героические события прошлого, участниками которых они были или о которых слышали отцов и дедов.

В с. Батак Пещерского округа и с. Перуштицы Пловдивского округа — боевых центрах апрельской эпопеи 1876 г. — живы воспоминания о героических подвигах и трагической участи батачан и перуштинцев. О них рассказывают живые участники событий: Ангел Петров Чолаков (90 лет) из с. Батак, отец героев-партизан братьев Георгия и Николая Чолаковых, Иван Мочов (92 лет) и Личо Злачев (90 лет) из с. Перуштицы. Их исторические рассказы, пройдя сквозь сознание сыновей и внуков, превращаются в предания и легенды и связываются с последующими событиями.

Передавая рассказы отцов и дедов, певцы сохраняют традиции оборотов речи. Так, певица Мария Божанова (49 лет) из с. Батак поет об Апрельском восстании, как «памятной» весне, когда появились «белые ветры» и лес «расшумелся». Из города приехал в Батак Петков. Он назначил срок восстания и уехал, поручив поднять бунт Ивану Божину. Выполняя наказ воеводы,

Иван с момци излязе,	със гайтанлии потури,
със момци, сѣ батачани:	с бяли навуца обути,
с калпаци сѣ над очите,	с черни ремени завити.

(Иван с молодцами вышел, с батачанами; в шапках все до самых глаз, в ратных гайтаном брюках, в белых онучах с черными ремнями).

В поле Иван Божин убивает трех встречных турок и возвращает село с окровавленной саблей. О случившемся узнает Мехмед ага из рутина. Он отправляется в Батак со свирепыми башибузуками и фанатичными потурченцами из Чепино и Доспата. Головорезы нападают на дом Ивана Божина. Его жена, встав у двери, «каждого появляющегося турка рассекает топором». Озверевшие потурченцы вторгаются в дом жестоко расправляются с храброй батачанкой. Посреди села начинается страшная резня — «река из крови потекла, село в огне горело...». Весть об этом донеслась до «великих держав», но только русские ежались над «младшим братом», начали войну и выгнали турок из Болгарии. Мятники, воздвигнутые народом в знак вечной признательности русским братьям, не в состоянии были низвергнуть «ни царская династия, ни фашизм...».

Перуштинец Борис Демирев (55 лет) создал поэму об Апрельском восстании на основе старой народной песни¹. Свою героическую поэму начинает рассказом о том, как подготавливалось восстание его организаторами — Петром Божевым и его дядей Хаджи Георгием Тилевым. Ту

¹ Это подтверждается вариантом песни, записанным в 1926 г. от Христо Илкова в Северной Болгарии (с. Ковачица Ломского округа) (помещен в сб. В. Ст. «Народные песни от Тимок до Вита», стр. 776, № 2911).

начинают содрогаться от звуков бунтарских песен: «Ветер шумит», «От-
радно мне с турками биться», «Где ты, верная любовь народная?». Чор-
баджии «выступают против этих отчаянных голов». Приезжает на коне
под видом торговца мылом Василь Левский.

В къщата на Тилеви
комитите се срящат,
срящат и сдружават

пари да събират,
оръжие да купят,
бунта да подготвят.

(В доме Тилевых повстанцы встречаются, становятся друзьями, собирают деньги,
чтобы купить оружие, чтобы подготовить восстание).

Через семь лет приезжает Бенковский, созывает собрание «перуштин-
ских героев» и организует повстанческий комитет, перед которым все
дают клятву. С этого дня наступает всеобщее оживление, повстанцев
снабжают оружием из Пловдива и тайно складывают его на постоялом
дворе. «В день Пасхи» главный организатор Петр Божев использует бла-
гоприятный момент: когда, по старому народному обычаю, народ из сел
Перушница, Брестовица и Устина собрался около «Красной церкви», он
произносит «бунтарскую речь», после чего все запевают повстанческую
песню «Ветер шумит, Балканы стонут». Прибывший с восемью всадника-
ми Неджиб ага, увидев повстанческую дружину, составляет план, как
ее изловить. Но пловдивский паша призывает его к себе и посылает в
Копривщину. По дороге Неджиб агу убивают повстанцы. 23 апреля
посланец привозит «кровавое письмо». Начинается восстание.

Комити и съзаклятници
се прегръщат, целуват
и си виком извикват:
«Да живее България!»

Млади и стари излизат
с кремъклийки през рамо —
всеки си място заема
по табите край село.

(Повстанцы обнимаются, целуются, восклицая: «Да здравствует Болгария!» Млад и
стар выходят с кремневыми ружьями на плечах, занимают каждый свое место на окра-
ине села).

Посланцы Тамрышлии — трое турок Дели Асан, Героглу и Байма-
ноглу — попадают в плен. После убийства «верного повстанца» Кофчо
Гинчова им отрубают головы. Об этом узнает Ахмет Тамрышлия.

Паплач помашка на събра
и конарските черкези
с Адил ага начело...
Селото бързо заграждат

и като бесни кучета
табите нападат,
червени байраци забиват.

(Потурченцы и черкесы во главе с Адил агой быстро окружают село; словно бе-
шеные собаки, нападают они на повстанцев, срывают красные флаги).

Перуштинцы отбивают злые атаки башибузуков:

Бързо топчето изнасят,
топчето черешовото,
с барут куршуми зареждат —

лют се бой завърдза
между комити и помаци —
над село съскат куршуми...

(Быстро выносят пушку, пушку черешневую, порохом снаряды заряжают. Страшный
бой завязывается между повстанцами и потурченцами, над селом свистят пули).

Прибывает Решид паша с двумя эскадронами солдат. Встревоженный
сообщением башибузуков о том, что в село якобы прибыли «московцы и
черногорцы», он вызывает новые подкрепления. Повстанцы окружены.
Все сильнее сжимается кольцо вокруг нескольких сотен перуштинцев.
Руководители восстания, чувствуя опасность, дают приказ народу поки-
нуть «Красную церковь» и укрыться в школе и в новой церкви, но

паплачите помашки
и тамо скоро навлизат —

въртят голи ятагани,
колят, сечат, трепят.

(потурченцы вскоре проникают и туда, размахивают обнаженными ятаганами, режут, секут, убивают).

Перуштинские герои не желают попасть живыми в руки врагов:

Не се дават лесно
турчин да ги коли:
Кочу Чистеменски
жена, дете закла
и в сърце прободя;

Спас Гинов, Гогу Мишев,
Иван Тилев и други
сайбийки си избиват,
робини да не станат...

(Не сдаются туркам, чтобы они их резали; Кочу Чистеменский жену, ребенка закладывает и пронзает свое сердце; Спас Гинов, Гогу Мишев, Иван Тилев и другие жен своих убивают, чтобы не быть им рабынями...).

Песня заканчивается патетическим обращением к бурной реке Виче, чтобы она остановилась и рассказала:

колку кърви е влякъла
на перуштински герои,
кои живот не жалиха,

за да свалят ярем тежък
от турска робия,
чорбаджийско тегло!

(сколько она унесла крови перуштинских героев, которые жизни не жалели, чтобы свалить с себя тяжкое ярмо турецкого рабства и гнет чорбаджиев).

Эти две исторические песни, созданные в наше время, много лет спустя после восстания, интересны как пример творческого использования традиционных народных песенных форм, органически слившихся с новым идейным замыслом.

* * *

В период фашистского рабства внуки и правнуки героев Апрельского восстания начали кровавую борьбу с новыми поработителями Болгарии — гитлеровскими оккупантами и продавшимися им врагами народа.

Народные певцы из с. Батак Тодор Ванчев (78 лет), отец двух сыновей-партизан, убитых при разгроме отряда «Антон Иванов»; Петра Джамбазова (60 лет), Мария Климентова (72 лет), Дафина Найчева (57 лет) и Костадин Коларов (41 года) в своих героических поэмах прославляют бессмертные подвиги односельчан-партизан: братьев Георгия и Николая Чолаковых, Ангела и Ильи Чаушевых, Георгия и Александра Ванчевых, отца и сына Найчевых, Тодора Коларова, Георгия Джуркова, Атанаса Кынова и ятака² Александра Климентова. Борис Демирев из с. Перушница воспел подвиги перуштинских партизан погибших при разгроме отряда «Антон Иванов», — Ени Тошева, Атанаса Цачева, Йордана Савова, Апостола Злачева и Димитрия Модиева.

Народные певцы широко используют в своих поэмах меткие слова Ботева и богатую образность его стихов, революционно-демократический дух которых созвучен новой эпохе. Ботевскими стихами прощается с своей матерью юноша Андрей Петров Найчев в песне о партизанах Найчевых. Отправляясь по решению РМС (Союза рабочей молодежи) в горы к отцу и дяде — партизанам, он говорит матери:

Мило ми й, майко, мъчно ми й,
че тебе стара оставям
и сестра малка, невръстна,
но кажи какво да права?
Ази съм, майко, клетва дал
пред другарете в Ремса:

ако ме, майко, подирят,
подирят да ме рестуват,
във фашистки ръки да н'падам,
а в балкана, майко, да ида
при татка и при вуйчо си!

² Ятак — сочувствующий партизанам, предоставляющий им убежище в своем доме.

(Жаль мне, мать, и тяжело мне оставлять тебя старую и малолетнюю сестру мою, но скажи, что мне делать? Я, мать, дал клятву своим товарищам из РМС, что, если меня найдут, чтобы арестовать, не даваться в руки фашистам, а уйти в горы к отцу и к дяде).

В песне об Алексее Климентове ботевскими стихами отвечает матери заключенный в тюрьму сын, когда слышит жалобы о том, что некому заботиться о его жене и двух малолетних детях:

Не тъжи, майко, не плачи —
ти си ме, майко, кърмила
за тая славна идея!...

(Не печалься, мать, не плачь, ты меня вскормила ради этой славной идеи!).

Преданность своему народу, Коммунистической партии, готовность молодежи включиться в вооруженную борьбу нашли отражение в героической поэме Тодора Ванчева из с. Батак, посвященной героически погибшему партизану Георгию Джуркову. Получив призывную повестку, Георгий уезжает в Девинские казармы с твердым намерением бежать в партизанский отряд «Антон Иванов».

Аз не съм, чичо, от полка,	от полка, от Карлъчкия —
от полка, от Девинския,	отряда «Антон Иванов»
ами съм, чичо, от полка,	и славния «Техеран»...

(Я не из полка, дядя, из полка Девинского, а я из полка, дядя, из полка Карлычского, из отряда «Антон Иванов», из славного «Тегерана») ³.

Благодаря высокому патриотическому сознанию, воспитанному в РМС, юноша Джурков твердо держится намеченного плана. Когда он получил «винтовку, патронташ, патроны», его мысли устремились к Балканам:

Пушката си чистеше
и за отряда мислеше...

(Винтовку свою чистил и об отряде думал...).

Ремсист (член РМС) до конца жизни остается верным данной им клятве:

Ний сме се, чичо, закледе,	докът се, чичо, отгървем
че ще заедно да мреме,	от фашистките палаче!..

(Мы, дядя, поклялись, что будем бороться насмерть до тех пор, пока не избавимся от фашистских палачей!).

Певица Петра Джамбазова (60 лет), известная партизанам «баба Здравка», слушая рассказы о различных эпизодах из жизни отряда «Антон Иванов», сложила поэму о героической гибели лагеря «Тегеран», который состоял из 22 жителей Батака, ее односельчан. В феврале 1944 г. в зимнем лагере «Тегеран» кончилось продовольствие. Командир отряда Асен (Георгий Чолаков) принимает решение спуститься со смельчаками в село Батак:

Отбор се четници стъкмиха,	«Кои сте, баба, бе вие?»
пушки през рамо метнаха	Партизани и тихом шепкаха.
и по Асена тръгнаха —	Доде ги баба дочуе,
тежък си сняг газеха.	зверове огън откриха —
Като си в Батак стигнаха,	силна се стрелба завърза.
бабичка се от къщи обади	Партизани герои излянаха —
и на партизани думаше:	от зверове се отскубнаха
	и по реката отправиха —

³ «Тегеран» — название одного из лагерей отряда «Антон Иванов».

да им се дири заличат.
 Тихом си думи думаха:
 «Кой ли ни храна предаде?»
 Доде си това издумат,
 зверове те проследиха,
 и те си вели говорят:
 «Тази нощ гуляй ще падне —

колкото глави отрежем,
 по сто хиляди ще вземем!»
 Партизаните не ги усетиха.
 Кога в балкана стигнаха,
 буен си огън накладоха
 и дрехите си сушаха —
 зверове те заградиха
 и стрелба по тях откриха.

(Собрались все отважные партизаны, винтовки вскинули на плечи и за Асеном отправились, брели по глубокому снегу. Когда пришли в Батак, старушка из избы окликнула и у них спросила: «Кто вы?» Партизаны тихо отвечали. Не успела старушка услышать, как зверье открыло огонь — сильная стрельба началась. Герои-партизаны вышли из этого боя, вырвались из рук зверей и отправились по берегу реки, чтобы не было их следов. Тихо меж собой рассуждали, кто им принесет продовольствие. Не успели они подумать, — звери их выследили. И, радуясь, говорили себе: «В эту ночь мы погуляем, за каждую отрубленную голову получим по сто тысяч!» Партизаны их не заметили, они поднялись в горы, и развели большой костер, чтобы посушить свою одежду. Звери их окружили и открыли по ним огонь).

Петра Джамбазова рассказывает о героическом конце Асена:

Първата пушка щом пукна,
 Асена в гърди удари —
 викна се Асен провикна:
 «Другарю Найдене, Найдене,
 ела, другарю, при мене,
 шмайзера да ти придада,
 четата да ми подведеш —
 къмто юг да я изведеш —
 на чернозем да стъпите,
 дири да ви се заличат,
 от врага да се опазите!»
 Найден на Асен говори:
 «Ха на ръки да те носиме!
 — Не мога, Найдене, да дойда,
 мене ме тежко раниха —
 стрелбата ще да поддържам
 докато се изтеглите!»
 Найден си чета подведе.
 Асен се мъртъв пристори
 та си фашисти измами.

Пръв се към него нахвърли
 санитарния подофицер —
 да си му рани прегледа
 и смъртта да си обяви.
 Асен го кръвнишки изгледа.
 Юнашка сила пристигна —
 пушката си прихвана,
 подфицера на място повали.
 Фашисти се още озвериха —
 отново стрелба откриха,
 Асена с куршуми нанизаха.
 Главата му отрязаха,
 назад се в Батак върнаха
 и му я в дома занесоха,
 деца му с нея да плашат,
 а булката му да отвратят —
 на скути ѝ глава хвърлиха.
 Агенти Невени думаха:
 «Булко Невено, Невено,
 много ни Асен измори
 докат глава му донесем!»...

(Первая пуля выстрелила, ранила Асена в грудь; Асен воскликнул: «Товарищ Найден, подойди ко мне! Револьвер тебе передам. Отряд ты поведешь на юг. По чернозему пойдете, следы ваши потеряются, от врага спасетесь!» Найден Асену отвечал: «Давай мы тебя на руках понесем! — Не могу, Найден, идти, тяжело меня ранили, я останусь прикрывать наш отряд!» Найден отвел отряд. Асен прикинулся мертвым, чтобы обмануть фашистов. Первым к нему направился санитарный офицер, чтобы осмотреть его раны и сообщить, что он мертв. Асен смотрел на него с ненавистью, юнацкая сила к нему вернулась, схватил он свою винтовку и повалил на месте офицера. Фашисты еще больше озверели — снова открыли стрельбу. Асена пулями пронзили, голову ему отрубили, назад в Батак вернулись и принесли ее в дом Асена, чтобы пугать ею детей. А чтобы отомстить его жене, бросили ей на колени его голову. Фашисты сказали Невене: «Невена, Невена, многих из нас умертвил Асен, пока нам не удалось взять его голову!»).

Горстка уцелевших «антонивановцев», говорит певица, подняла снова борьбу вместе с пловдивцами и чепинцами. Партизанское движение раз-

горелось в Средногории в Трынском округе. «Потом пришли братья из России и снова нас освободили».

На фашистко тегло голямо
още същата година
скоро края му видяхме.
Братушките в Русия
немски фашисти сразиха.
Славния генерал Толбухин
с Червената си армия

в златна Добруджа навлезе.
Великия Сталин ни спаси
от втора тежка робия —
народ си братски избави...
На Девети септември
свободата с песни срещнахме.

(Вскоре в этом же году мы дождались конца фашистского ига. Братья наши в России победили фашистов. Славный генерал Толбухин с Красной Армией пришел в золотую Добруджу. Великий Сталин спас нас, от второго тяжкого рабства избавил наш народ... Девятого сентября свободу мы с песнями встретили).

Нерушимая народная вера в Россию, в силу и мощь Советского Союза, которая окрыляла героев-партизан, особенно ярко раскрывается в поэмах, сложенных в с. Батак Марией Климентовой (72 лет), Дафиной Найчевой (57 лет) и Марией Божановой (49 лет).

Поэма Марии Климентовой посвящена ее сыну Алексею, которого фашисты заключили в тюрьму. Алексей вспоминает слышанные в юности рассказы матери об Апрельском восстании, о резне в Батаке и освобождении болгар русскими братьями. При свидании с матерью он напоминает ей об этом и старается вселить в нее веру в близкую свободу, которую принесут «наши братья — москвичи»:

Помниш ли, майко, помниш ли
кък ми приказки казваши
за наште братя москвичи,
кога са нази освободили
от турски башибозуци?
Много си, майко, търпяла

и още, майко, ще търпиш —
скоро щем пушки нарамим
и с наште братя руснаци
народа ще освободиме
от немски и наши фашисти...

(Помнишь ли, мать, как ты мне рассказывала о наших братьях москвичах, когда они нас освободили от турецких разбойников? Много ты, мать, терпела и еще потерпи — скоро мы возьмем в руки винтовки и с нашими братьями русскими освободим народ от немецких и болгарских фашистов...)

В поэзии Дафины Найчевой «Отец и сын — партизаны из отряда Антон Иванов» рассказывается о том, что во время великой героической битвы советского народа с гитлеровскими полчищами батакские коммунисты ощущали себя неразрывно связанными с советскими бойцами:

Кога се война обяви
между руснаци и немци
и в Батак се борба разгоря.
Петровите другаре

един си други думаха:
«От днес сме вече, другари,
войници, славни партийци,
на Червената армия...»

(Когда была объявлена война между русскими и немцами, в Батаке тоже разгорелась борьба. Товарищи Петра друг другу говорили: «С сегодняшнего дня, товарищи, наши славные партийцы стали солдатами Красной Армии...»).

Болгарский народ живо интересуется социалистическим строительством в Советском Союзе, к которому он относится с глубокой любовью. Это отражено в поэме Марии Божановой, которая посвящена герою-партизану Тодору Коларову, прожившему в Советском Союзе 12 лет.

.. Коларов батачанина
в село си се завърна.
С другаре се той сдружи
и за Русия им говори:

как са се тамо борили
и царизма свалили;
как там народа живее —
как и в бедната колиба

е слънцето прогряло...
 Как фабриките работят
 за благо народа;
 как са жените свободни —

как има жени войници,
 а други авиаторки;
 как се младежете подготвят
 за по-хубави времена...

(Коларов возвращается в свое село. Сдружился он с товарищами и о России рассказывает, как там народ боролся и свергнул царскую власть, как народ живет там — как в маленьких избушках засветило солнце, как работают фабрики на благо народа, как там свободны женщины...— есть женщины солдаты и летчики...).

Попавший живым в руки озверелого врага, партизан Коларов свои предсмертные слова обращает к молодежи, чтобы вдохнуть в нее веру в близкую свободу, которая придет с Красной Армией:

Младеже, мили на Батак,
 не бойте се, борете се —
 следвайте пътя ми стръмен,
 път стръмен, но славен!

Близък е денят свободен —
 Русия идва, напредва
 с Червената си армия...

(Юноши Батака, не бойтесь, боритесь, следуйте по моему пути, опасному, но славному! Близок день свободы — Россия идет с непобедимой своей Красной Армией...).

Во время публичной казни Коларов, несмотря на жестокие пытки, ни слова не сказал об отряде. Обращаясь к собравшемуся народу, он слышал Советский Союз:

«За отряда нищо не зная,
 но за Русия ще кажа
 и много има да казвам —
 с години да ви разказвам,
 пак няма да го изкажа...
 Русия нов свят изгражда,
 нови хора го градят...

Там хората са човеци —
 и ний за туй се бориме,
 бсриме и умираме!»
 Фашисти черни, проклети,
 повече не го остави
 хубави думи да дума
 и народ да ти запомня...

(«Об отряде я ничего не знаю, но о России скажу и многое могу сказать. Целые годы мог бы рассказывать, и то не смог бы все высказать... Россия новый мир строит, новые люди его строят — там настоящие люди. И мы за это боремся, боремся и умираем!» Фашисты проклятые не позволили, чтобы он говорил еще эти прекрасные слова, а народ бы их запомнил...).

Мечта борцов за свободу стала реальностью. Благодаря братской помощи советского народа Болгария идет к социализму. Под непосредственным впечатлением окончания строительства завода азотных удобрений в Димитровграде певица Божанова сложила поэму, использовав своеобразный поэтический прием. Во сне она видит батакских партизан, которые некогда внушили ей твердую веру в победу, в построение счастливого будущего:

Кои пък живи останем,
 градове нови ще строим,
 заводи много големи...

Девойки там ще работят
 и момци млади напети
 в надвара ще се надварят...

(Те, кто останется в живых, новые города будут строить, много больших заводов. Девушки и юноши на них будут работать, молодежь будет соревноваться...).

Певица говорит, что мечта героев-партизан превратилась в действительность:

Чувам песни младежки
 и звън на тежки чукове —
 сякаш пей земя и небо:
 «Град на Димитров строиме,
 на учителя ни премъдър,
 на водача ни безсмъртен!

В тес заводи големи
 торове ще протекат —
 ще торим земя българска,
 да дава жито обилно,
 да пълним родни хамбари...

Как кукувица вестява
пролет в гората зелена,
тъй тук руски майстори
литнали река Дунава
да учат братя невърстни
майсторски чука да държат
та бързо града да растне»

Видях аз ТЕЦ «Марица-3»,
дет България ще освети

и кулата ѝ висока
със звездата ѝ червена
До три ми ламби там светят:
първата свети и сочи
дружбата с братска Русия,
втората свети и сочи
пътя към социализма,
третата свети и топли
сърцата скръбни майчини,
що деца им в бой загинаха
срещу врага фашистки...

(Слышу молодежные песни и звон тяжелых молотков — словно поют земля и небо. «Город Димитрова строим, город нашего мудрого учителя, нашего бессмертного вождя!... В этих громадных цехах будут изготавливать удобрения — мы будем удобрять болгарскую землю, чтобы она давала обильный урожай и мы бы наполнили амбары... Как кукушка предвещает весну в зеленом лесу, так и русские мастера переплывают через реку Дунай, чтобы учить младших братьев по-мастерски держать молотки, чтобы город рос быстрее...» Видела я ТЭЦ «Марица-3», высокая башня которой с красной звездой освещает всю Болгарию. Три лампы на ней горят: первая горит и указывает на дружбу с братской Россией, вторая горит и освещает путь к социализму, третья светит и согревает материнские сердца, скорбящие о детях, погибших в боях против фашистов).

Обращаясь к зеленым травам, певица просит их, «когда повеет тихий ветерок», отнести ее песню «далеко в горы», чтобы ее услышали партизаны и «спали бы спокойно».

Подобную же народную поэму, в которой отражена героическая борьба славной Коммунистической партии и показан гигантский рост социалистического строительства в стране, осуществляющегося при постоянной и неизмеримой помощи братского Советского Союза, сложил и певец Борис Демирев из Перуштицы. Перуштинская земля, знаменитая виноградниками и табачными полями, столетия кормила турецких и болгарских притеснителей, а народ был поработен и влачил жизнь в нищете. Певец сравнивает тяжелые испытания народа во время турецкого господства, во время «трех царских войн», со спустившимся над Родопами туманом:

Колку са ниско паднали,
толкус са жалби над село,
над село, над Перушица...

народа в тегло затыпа,
а богатите думбази
по чорбаджии станаха...

(Туман так же низко спустился, как народное горе над селом Перуштицей... Народ потонул в нищете, а богатые стали чорбаджиями).

Певец разоблачает предательство чорбаджиев, их сговор с немецкими фашистами и подробно характеризует Сано Чорбаджи, Александра Анастасова, известного в Пловдивском округе торговца виноградом, вином и фруктами. Он радовался, когда гитлеровские войска подходили к Москве и Сталинграду, и послал фашистскому главарю пятьсотлитровую бочку перуштинского вина с пожеланием скорейшего захвата Советской страны.

Кровопийца, покровитель эксплуататоров Гитлер, в благодарность шлет Сано острый блестящий кинжал, на котором выгравирована свастика, «чтобы Сано закалывал и вешал покоренный люд...». Но народ защищает партия и славный РМС. Коммунисты и ремсисы вступили в партизанский отряд «Антон Иванов», который самоотверженно боролся с фашистскими войсками. Фашистские палачи разгромили отряд.

Тес гадове проклети, леле,
отреда славен разбиха —
партизаните избиха,

глави им на кол носеха,
народна воля да сломят...

(Эти гады проклятые славный отряд разбили, партизан перебили, головы их носила по селу, чтобы сломить народную волю...).

Но непобедим боевой народ, руководимый славной Коммунистической партией: «Герои не повесили голову, а в другие отряды вступили...»

Демирев отражает в своей песне памятный исторический момент — приход братской Советской Армии-освободительницы, которая решила успех сентябрьского восстания 1944 г. и освободила Болгарию от фашистского рабства:

Скоро братушки стигнаха	немски фашисти сразиха,
със Червената армия,	власт чорбаджийска свалиха,
със генерала Толбухин —	на сиромаси я дадоха...

(Вскоре пришли братья с Красной Армией, с генералом Толбухиным — немцев фашистов сразили, власть чорбаджиев свергли, отдали ее в руки беднякам...).

Наступившую свободу Демирев отождествляет с солнцем:

разнесе мъглиите,	и потискаха душеите —
що се над село стелеха	нови герои веч растат.

(Рассеяло туман, который стлался над селом и омрачал души. Теперь растут новые герои).

Песня заканчивается картиной социалистического строительства в Перуштитце, залитой весенним светом:

Долу ми долу в полето	текезарки с текезарите
нещо ми се белее —	със звеноводи начело.
дали са бели гълъби	С песни те борба подемат
или са стари снягове?	за по-високи добиви —
Нито са бели гълъби,	да пълнят изба народна
нито са стари снягове,	с руйно вино червено...
най ми са текезарките,	

(Внизу в поле что-то белее — то ли белые голуби, то ли старые снега? Это не белые голуби, это не старые снега. То текезарки с текезарами⁴ под руководством звеновод работают. С песней они борются за высокие урожаи, чтобы наполнять народный дом сладким красным вином...).

Талантливая народная певица Мария Божанова, прославляя в своих песнях новую жизнь, выражает желание, чтобы ее слышали «всюду на земле», чтобы знали, почему «ее душа поет» и радуется сердце, когда она видит, как «сталинец» пашет землю, а комбайны убирают хлеб. Благодаря братьям-освободителям, дети теперь «растут и цветут, как герань в горном цветет и как травы в поле».

В то же время она призывает не забывать об адском плане «американских торговцев, жаждущих поработить народы». Певица обращается к женщинам всего мира: «Матери взрослых сыновей, молодые женщины с малыми детьми, девушки с венками на голове, живущие в городах и селах», должны помнить, что война приносит «прибыли торговцам, а народу — слезы и страдания». Американские кровопийцы, потерявшие совесть, не думают о том, что «земля еще не остыла от пролитой крови, что на ней еще дымятся бомбы, что еще тлеют кости героев, разбросанные по полям сражений». Поэтому «вы, сестры всего света, поднимите кулак в защиту мира!»

Рождающиеся сегодня героические песни органически связаны с революционными традициями рабочего класса. Они проникнуты глубоким патриотизмом, отражающим стремление к скорейшему построению социалистического общества по примеру Советского Союза, который оказывает щедрую братскую помощь болгарскому народу.

⁴ Текезар, текезарка — члены ТКЗС — Трудового кооперативного земледельческого хозяйства.

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

М. Г. ЛЕВИН

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ К. М. БЭРА

Имя Карла Максимовича Бэра стоит в ряду имен крупнейших естествоиспытателей первой половины XIX в. Научная деятельность его была исключительно многообразной, литературное наследство огромно. Бэр, заложивший основу учения о зародышевых листках, первый открывший спинную струну, или хорду, у позвоночных животных, первый открывший яйцо у млекопитающих, по праву считается основоположником современной эмбриологии.

Дарвин называет Бэра в числе своих предшественников, развивших идею об эволюции животного мира. Но «великий естествоиспытатель», как назвал Бэра акад. В. И. Вернадский¹, был не только биологом. Значительны его заслуги и в целом ряде других наук. «Законом Бэра» названо в географической науке данное им объяснение асимметрии берегов рек, текущих по направлению меридиана, — связь этого явления с вращением земли. Большое значение для развития географической науки в нашей стране имели различные экспедиции Бэра — на Новую Землю, в Лапландию, на Каспийское море и другие. Бэр — выдающийся ихтиолог, много сделавший для развития практической ихтиологии в России. Бэр — автор многих географических работ, один из организаторов Русского географического общества, первый председатель его этнографического отделения.

Бэр был одним из крупнейших антропологов своего времени, одним из зачинателей антропологии в России. Ему принадлежит, наконец, целый ряд работ по этнографии и археологии.

О Бэре написано много и в разное время. Имеются подробные биографии Бэра, где изложены его научная деятельность и основные этапы его жизненного пути². Более или менее подробно изложены в них работы Бэра в области эмбриологии, зоологии, географии.

Деятельность Бэра как антрополога освещена еще недостаточно.

¹ В. И. Вернадский, Памяти академика К. М. фон Бэра. Первый сборник памяти Бэра, Академия наук СССР, Труды комиссии по истории знаний, Л., 1927, стр. 9.

² Библиографический список сочинений о Бэре на русском языке приложен к русскому переводу автобиографии Бэра (Академик К. М. Бэр. Автобиография. Редакция академика Е. Н. Павловского. Перевод и комментарии профессора Б. Е. Райкова. Изд-во АН СССР, 1950). Из старых работ следует отметить очерк проф. Холодковского (Н. А. Холодковский, Карл Бэр. Его жизнь и научная деятельность. Биографический очерк, Жизнь замечательных людей. Биографическая библиотека Ф. Павленкова, СПб., 1893. Имеется 2-е издание, Берлин, 1923), из новых — работы проф. Райкова (Б. Е. Райков, Карл Максимович Бэр, в книге: «Русские биологические эволюционисты до Дарвина. Материалы к истории эволюционной идеи в России», т. II,

I

К. М. Бэр родился 17 (28) февраля 1792 г. в бывшей Эстляндской губернии. В 1814 г. он окончил медицинский факультет Дерптского университета (ныне университет в Тарту). После окончания университета Бэр три года провел в Австрии и Германии, где изучал естественные науки, увлекся зоологией, сравнительной анатомией и оставил медицину, чтобы посвятить себя дальнейшей научной деятельности в этих областях. С 1817 г. Бэр поселился в Кенигсберге, куда был приглашен для преподавания по кафедре анатомии и физиологии человека известным физиологом Бурдахом. В Кенигсберге он ведет различные исследования по эмбриологии, зоологии и анатомии, много сил отдает организации зоологического музея, читает в университете различные курсы по зоологии и анатомии, выступает с докладами в научных обществах. В 1822 г. Бэр был утвержден профессором анатомии и директором анатомического института, в организацию которого вложил немало труда³. К кенигсбургскому периоду деятельности Бэра (1817—1834) относятся его известные работы по эмбриологии. Помимо эмбриологии и зоологии, Бэр уже в это время интересовался антропологией и популяризировал ее в многочисленных лекциях и докладах. В 1824 г. он опубликовал в Кенигсберге лекции по антропологии — популярную книгу для самообразования, которую он написал по просьбе своих слушателей⁴. Эта работа была задумана Бэром в трех частях. Из них была напечатана только первая часть — антропография, содержащая изложение основ анатомии и физиологии человека. Вторая часть — антропономия — должна была быть посвящена сравнению человека с животными и его положению в системе животного мира. Третью часть — антропийсторию — Бэр предполагал, как он пишет об этом в своей первой лекции, посвятить описанию различий внутри человечества, вопросу о видовом единстве человека, о подразделении внутри вида, о влиянии климатических факторов и условий жизни на строение человека и о его постепенных изменениях под действием климата. К сожалению, две эти части так и не увидели света⁵.

В Кенигсберге Бэр принимает живейшее участие в деятельности существовавших там научных обществ⁶, выступает на заседаниях этих обществ с многочисленными докладами, в том числе и с докладами по вопросам антропологии и этнографии. Таковы его доклады: «Развитие общественной жизни народа; жизнь человечества в сравнении с развитием индивидуумов»⁷. «О происхождении и распространении человеческих рас»⁸. Последний доклад представляет для нас особый интерес⁹. В

Изд-во АН СССР, 1951, стр. 9—150; его же, К. М. Бэр, в книге: «Предшественники Дарвина в России. Из истории русского естествознания». АН СССР, Научно-популярная серия, 1951, стр. 35—54; его же, О жизни и научной деятельности К. М. Бэра в книге: К. М. Бэр. О развитии животных, Изд. АН СССР, 1950). Из биографических работ о Бэре на иностранных языках укажем книгу дерптского антрополога Штида: «Karl Ernst von Baer. Eine biographische Skizze». Von Dr. Ludwig St. Professor der Anatomie in Dorpat, Braunschweig, 1878.

³ Об этих годах Бэр подробно пишет в своей автобиографии.

⁴ «Vorlesungen über Anthropologie, für den Selbstunterricht bearbeitet», von Dr. Ernst von Baer. Erster Theil, Königsberg, 1824.

⁵ О содержании этих лекций Бэр пишет в своей «Автобиографии» (русский перевод, стр. 294—298). Среди рукописей Бэра, находящихся в Архиве Академии наук СССР, сохранились черновые материалы ко 2-й части курса (ф. 129, № 232).

⁶ О деятельности этих обществ, об их составе, программе и нравах Бэр с большим юмором пишет в своей «Автобиографии» (стр. 253—254).

⁷ «Entwicklung des allgemeinen Volkslebens; das Leben der Menschheit verglichen mit individuellen Metamorphosen» (доложено, как сообщает биограф Бэра проф. Л. Штида, в Медицинском обществе Кенигсберга в 1820 г.).

⁸ «Ueber Ursprung und Verbreitung der Menschenstämme» (доложено, как сообщает проф. Штида, в Медицинском обществе в 1822 г.). Бэр избегает термина «Расы» и обозначает «расы» словом «Stämme».

⁹ Большая часть ранних докладов Бэра не была опубликована. Б. Е. Раппельпорт, подробно изучивший рукописное наследство Бэра, хранящееся в Архиве Академии наук СССР, сообщает, что в 1824 г. Бэр опубликовал в Кенигсберге лекции по антропологии — популярную книгу для самообразования, которую он написал по просьбе своих слушателей.

изложены взгляды Бэра как по вопросу о возникновении человеческих рас, так и по вопросу о происхождении человека.

Рассматривая вопрос о возникновении человеческих рас, Бэр высказывается в пользу их общего происхождения; он подчеркивает значение географических условий, климата как для происхождения физических различий между племенами, так и для развития культуры. Здесь кратко сформулированы положения, которые Бэр позднее развивал в целом ряде своих работ.

Следует упомянуть и другие доклады, прочитанные Бэром в Кенигсберге в 20-х годах: «О развитии жизни на земле» (1822), «О родстве животных» (1825)¹⁰.

Антропологические и этнографические работы Бэра, относящиеся к кенигсбергскому периоду его жизни, остались большей частью неопубликованными. Многие статьи Бэра, напечатанные в местных труднодоступных изданиях, также оказались, к сожалению, в значительной степени потерянными для науки¹¹.

В 1834 г. Бэр оставил Кенигсберг и переехал в Петербург; там протекала почти вся его дальнейшая деятельность (до 1867 г., когда престарелый ученый удалился на покой в Дерпт — свой родной университетский город, где он и скончался 16 (28) ноября 1876 г.).

Если до переезда в Петербург Бэр занимался в основном, как указывалось, эмбриологическими и зоологическими исследованиями, то в Петербургской Академии он сосредоточил свою деятельность в других областях знания. Здесь он осуществляет свои давние намерения и совершает в разные годы ряд экспедиций. Первой из них была экспедиция на Новую Землю в 1837 г., доставившая первые научные сведения о климате, растительности, животном мире этого тогда совершенно неизученного острова. В 1840 г. Бэр вместе с А. Ф. Миддендорфом — будущим прославленным путешественником по Сибири — совершил путешествие по Кольскому полуострову. Затем следует ряд других поездок, среди которых получили особенно большую известность экспедиции на Волгу и Каспийское море в 1853, 1854, 1855—1857 гг. для изучения рыболовства. Свои экспедиционные исследования Бэр всегда стремился связать с практическими нуждами страны, видел важнейшую их цель в изучении естественных богатств России и сам очень много сделал, в частности, для развития промышленного рыболовства. Многим обязана Академия наук Бэру в организации экспедиций Кастрена, Л. Шренка и особенно сибирской экспедиции А. Ф. Миддендорфа, которая «была организована при живейшем участии и огромном напряжении воли и мысли Карла Максимовича Бэра»¹².

В 1841—1852 гг. Бэр состоял профессором сравнительной анатомии и физиологии Медико-хирургической академии¹³.

В 1842 г. Бэр становится во главе анатомического кабинета Академии наук. Этот кабинет, куда была передана из Зоологического музея неболь-

наук СССР, обнаружил рукописи некоторых докладов и излагает их в своем очерке о Бэре (в книге «Русские биологи-эволюционисты до Дарвина», т. II). Содержание рукописи «Ueber Ursprung und Verbreitung der Menschenstämme» (Архив АН СССР, ф. 129, № 231) приводится нами по работе Б. Е. Райкова.

¹⁰ Рукописи этих докладов («Ueber Entwicklung des Lebens auf der Erde», «Ueber die Verwandtschaften der Thiere») также впервые обнаружены проф. Райковым и изложены им в указанной выше работе.

¹¹ Проф. Штида упоминает опубликованные в «Königsberger Zeitung» заметки Бэра: «Ueber Albinos» (1821) и «Ueber die Botokuden» (1827, Beilage zu № 76).

¹² В. И. Вернадский, Указ. раб., стр. 7.

¹³ Деятельность Бэра в Медико-хирургической академии подробно освещена в книге акад. Е. Н. Павловского «Акад. К. М. Бэр и Медико-хирургическая академия». Изд. АН СССР, 1948.

шая краниологическая коллекция, где хранились знаменитая петровская коллекция уродов и анатомические препараты, приобретенные Петром Первым у голландского анатома Рюйша, становится благодаря Бэру основой будущего крупного антропологического музея¹⁴. В течение многих лет Бэр руководил этим кабинетом и отдал много сил пополнению и систематизации в первую очередь его краниологических коллекций. «Несомненно,— писал Бэр,— нет ни одного государства, для которого богатое краниологическое собрание имело бы такой интерес и было бы так важно и необходимо, как для России»¹⁵.

Уже в программе, составленной Бэром для экспедиции Кастрена в 1844 г., он указывает на необходимость использовать поездку Кастрена в Сибирь для собирания данных по физической антропологии, особенно для сбора черепов разных этнических групп. Эти данные по антропологии указывает Бэр, будут важны и для исследований Кастрена по лингвистике и этнографии¹⁶. Серии современных черепов, писал Бэр, совершенно необходимы для понимания древних черепов. Нельзя ждать от краниологических исследований немедленных результатов, быстрых выводов, они важны; надо энергично собирать материал, накапливать данные. Бэр взывает к патриотическому чувству русских врачей и естествоиспытателей и призывает их собирать и направлять в Академию коллекции черепов¹⁷. Он неоднократно публиковал отчеты о состоянии анатомического музея, имея в виду привлечь внимание к сбору краниологических коллекций¹⁸.

Когда перед Бэром, как заведующим анатомическим музеем, вставала задача систематизации краниологических коллекций, он подошел к этому не как к частному вопросу музейной экспозиции, но связал его с рассмотрением общих теоретических вопросов антропологии. Бэр возражал против группировки черепов только по их морфологическим особенностям, отвергает принцип систематизации черепов по заранее выделенным основным расовым типам и отдает предпочтение размещению материала по географическому принципу. Блуменбаховская классификация — деление на 5 основных рас — устарела, пишет Бэр. Классификация американских антропологов Мортон и его последователей произвольна и требует за исходное то, что само по себе требует доказательств и длительного изучения. Морфологический принцип имеет свои достоинства, деление на долихо- и брахицефалов, ортогнат и прогнатов существенно нельзя по этим особенностям судить о родстве народов. Черепной высотно-продольный указатели шведов и тунгусов сходны, и этот прим

¹⁴ История анатомического кабинета подробно изложена Бэром в его докладе, прочитанном в заседании Физико-математического отделения Академии 20 сентября 18 октября 1850 г. «Ueber den jetzigen Zustand und die Geschichte des Anatomischen Cabinets der Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg». Впервые полностью опубликован в «Сборнике Музея антропологии и этнографии», I, 1900, стр. 111—152.

¹⁵ «Nachrichten über die ethnographisch-craniologische Sammlung der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg»; von dem Akademiker v. Baer (Lübeck 11 juin 1858), «Bull. de la classe physico-mathématique de l'Acad. imp. des sciences de St. Pétersbourg», т. XVII, № 12, 13, 14, 1859, пол. 177.

¹⁶ «Nachträgliche Instruction für Herrn Magister Castren» von K. E. v. Baer, «Bull. de la classe physico-mathématique de l'Acad. imp. des sciences de St. Pétersbourg», т. III, № 5 (53), стр. 79—80.

¹⁷ Бэр с сожалением говорит о том, что черепа из России передавались в это время заграничным музеям. Он вспоминает о своей встрече в 1828 г. в Берлине с доктором Реманом, который, собрав в России черепа, передал их Берлинскому анатомическому музею. Уже тогда Бэр упрекал Ремана в том, что он не оставил черепов в русском музее, где так желательно развивать краниологическое собрание («Nachrichten über die ethnographisch-craniologische Sammlung...», стр. 184).

¹⁸ «Bericht über die neuesten Aquisitionen der craniologischen Sammlung», «Bull. de l'Acad. imp. des sciences de St. Pétersbourg», т. I, стр. 339—346; «Bericht über die craniologische Sammlung der Akademie in den Jahren 1860 u. 1861», там же, т. II, стр. 67—71 и др.

служит доказательством того, что по форме черепа нельзя судить о происхождении. Классификация по языку не совпадает с делением людей по их физическим особенностям, сходство языков не может служить мерилom схождения по физическому строению. Как раз краниологические материалы, замечает Бэр, показывают, что языки могут заимствоваться народами разного происхождения путем смешений, о которых могло и не сохраниться никаких исторических свидетельств¹⁹.

В процессе изучения краниологических собраний музея Бэр опубликовал ряд краниологических работ. Первая его работа на эту тему относится к 1844 г. и посвящена описанию карагасского черепа сравнительно с самоедским черепом²⁰. Это не только первая в России, но несомненно одна из первых в антропологической литературе краниологическая работа, в которой с такой полнотой поставлены многие методические и общие вопросы антропологии. В распоряжении Бэра были один карагасский череп, один самоедский череп и 9 черепов бурят. Бэр, подробно описывая эти черепа, не ограничивается отдельными размерами их, но приводит детальную характеристику особенностей мозгового и лицевого черепа. На карагасском и самоедском черепах указывает Бэр, лицо плоское, межорбитное расстояние больше, носовые кости более уплощены, чем на черепах бурят. На бурятских черепах наибольшая ширина черепа лежит высоко, иногда в области теменных бугров, на карагасском и самоедском черепах — много ниже, над наружным слуховым проходом; на карагасском и самоедском черепах слабо развиты сосцевидные отростки, очень мелкая клыковая ямка (*fovea maxillaris*) и т. д. В целом карагасский череп более сходен с самоедским, заключает Бэр, чем с бурятскими²¹.

Сравнивая самоедов и лопарей (Бэр лично наблюдал и тех и других в своих экспедициях), он подчеркивает различия в их антропологическом типе и возражает против взгляда Блуменбаха, который финнов причислял к монгольской расе.

К 1859 г. относится статья Бэра «О папуасах и альфурах», в которой подробно изложены его взгляды по вопросу о происхождении человеческих рас. Эта статья опубликована в качестве приложения к большой краниологической работе Бэра, посвященной описанию ряда черепов из антропологического собрания Академии²². В ней приведены измерения черепов папуасов, альфуров, калмыков, китайцев, алеутов и конягов — жителей о-ва Кодьяк. К работе приложены таблицы с изображением в натуральную величину черепов в трех нормах: сбоку, спереди и сверху.

В 1860 г. Бэр опубликовал работу о «макроцефалах на территории Крыма и Австрии»²³. Описывая добытый раскопками в Крыму около

¹⁹ «Nachrichten über die ethnographisch-craniologische Sammlung...», стр. 191—192, 201—202.

²⁰ «Vergleichung eines von Herrn Obrist Hoffmann mitgebrachten Karagasen-Schädels mit dem von Herrn Dr. Ruprecht mitgebrachten Samoyeden-Schädel; vom Akademiker, von Baer (Lu le 31 mai 1844)», «Bull. de la classe physico-mathématique de l'Acad. imp. des sciences de St. Pétersbourg», т. III, № 12 (60), стр. 178—187.

²¹ К сожалению, описанный Бэром карагасский череп и в наше время остается едва ли не единственным в музейных собраниях. Призыв Бэра к собиранию черепов звучит очень актуально и сейчас. Нельзя без огорчения писать о том, что в наших собраниях отсутствуют краниологические серии из самых разных областей страны.

²² «Crania selecta ex thesauris anthropologicis Academiae Imperialis Petropolitanae inconnus et descriptionibus illustravit C. E. de Baer». Academiae sociens (Lu le 18 Mars 1859), «Mém. de l'Acad. imp. des sciences de St. Pétersbourg», VI-me Série. Sciences naturelles, т. VIII, 1859, стр. 243—268. Приложение к ней: «Über Papuas und Alfuren». Ein Commentar zu den beiden ersten Abschnitten der Abhandlung *Crania selecta ex thesauris anthropologicis Academiae imperialis Petropolitanae*, von K. E. Baer (Lu le 8 avril 1859), стр. 271—346.

²³ «Die Makrocephalen im Boden der Krym und Oesterreichs verglichen mit der Bildungsabweichung welche Blumenbach macrocephalus genannt hat». Von dem Akademiker K. E. v. Baer, «Mém. de l'Acad. imp. des sciences de St. Pétersbourg», VII-me Série, т. II, № 6, 1860, стр. 80 + 3 табл.

Керчи череп, Бэр подробно рассматривает вопрос о деформированных черепах. Та форма черепа, которая была под названием *tasgocerphalus* описана Blumenbachem, является, как указывает Бэр, естественной деформацией, вызванной преждевременным срастанием теменных костей. О этих черепах, которые Бэр обозначает термином *scaphocerphalus*, следует отличать искусственно деформированные черепа. Помимо черепа из Крыма, Бэр располагал слепком деформированного черепа, найденного в Австрии и фигурировавшего под названием «аварского». Бэр подробно и самым образным образом излагает сообщения античных авторов, приходит к выводу об идентичности искусственно деформированных черепов Крыма и «макрокефалов» Гиппократов, рассматривает вопрос об этнической принадлежности деформированных черепов, о возможности приписать их гуннам, аварам²⁴, обнаруживая в этой работе тот глубокий интерес к историческим вопросам, который характерен для всех его антропологических исследований.

Статья Бэра о макрокефалах столь же антропологическая, сколько историко-этнографическая работа.

Такой же характер имеют и работы Бэра «О черепах ретийских романцев»²⁵ и «О древнем черепе из Мекленбурга»²⁶.

В 1858 г. Бэр принимал участие в съезде естествоиспытателей и врачей в Карлсруэ и специально занимался исследованием черепов в Базельском музее. Статья «О черепах ретийских романцев» — результат этнокраниологических исследований.

В середине прошлого века антропология вступила в первый этап своего развития в качестве самостоятельной дисциплины. Это было время, когда делались первые попытки применить в антропологии научные разработки измерительные методы исследования, когда после работ Ретциуса, казалось, был найден ключ к научной классификации человечества и в форме черепа — делении на долихо- и брахицефалов — видели основной прием такой классификации. Это было время, когда молодая наука выступала со смелыми притязаниями на решающую роль в изучении всего комплекса проблем о человеке и его культуре, когда в научном мире дебатировался вопрос о том, «кому преобладать и кому вершить зданию науки о человеке — антропологии ли или этнографии»²⁷.

В эти годы мысль Бэра о том, что классификации людей по языку по их антропологическому типу не совпадают, что в пределах родственных по языку групп могут наблюдаться большие различия в физическом строении (см. выше, стр. 110—111), звучала смело и, мы бы сказали, даже некоторым диссонансом. Но развивая эту мысль, Бэр и сам не был здесь достаточно последователен, отдавал дань своему веку. Он разделял мнение о том, что для народов так называемой индогерманской группы якобы изначально характерна долихоцефалия и что там, где встречается иная форма головы, следует предполагать смешение с другими народами с более древними племенами Европы. Рассмотрению этого вопроса и посвящена статья «О черепах ретийских романцев». Исследования Бэром в Базельском музее черепа руманшей оказались брахицефальными.

²⁴ Вопрос этот Бэр оставляет открытым, обнаруживая здесь свойственную ему осторожность в научных выводах, недостаточно подкрепленных фактическим материалом.

²⁵ «О черепах ретийских романцев», академика К. М. Бэра. Записки Академии наук, т. 1, кн. 1, СПб., 1862, стр. 162—185; то же на немецком языке: «Ueber den Schädel der Rhätischen Romanen», «Bull. de l'Acad. imp. des sciences de St. Pétersbourg», т. 1, стр. 37—60.

²⁶ «Ueber einen alten Schädel aus Mecklenburg, der als von einem dortigen Wenden oder Obotriten stammend betrachtet wird, und seine Aehnlichkeit mit Schädel der nordischen Bronzeperiode», там же, т. VI, пол. 346—363.

²⁷ Анатолий Богданов. Материалы для антропологии курганного периода в Московской губернии, «Изв. Об-ва любителей естествознания», т. IV, М., 1867, стр. 3.

ми, и в этом Бэр усматривал доказательство того, что население Европы до вторжения индогерманских народов характеризовалось брахицефалией. Она сохранилась у современных руманшей, которые представляют собой остатки этого древнего населения, уцелевшего в горных районах. К этому вопросу Бэр снова возвращается в своей статье «О древнем черепе из Мекленбурга», посвященной теме о древнем краниологическом типе славян²⁸. В этой статье Бэр касается и некоторых общих вопросов антропологии: о возникновении расовых особенностей, о расовых классификациях, о влиянии условий жизни в горах на форму головы и др.

Последняя по времени краниологическая работа Бэра посвящена описанию древних черепов из погребения «скифского короля» у Александрополя Екатеринославской губернии. В этой работе интересно заключение Бэра о том, что черепа скифов, несмотря на брахицефалию (брахицефалия считалась тогда характерной особенностью монгольской расы), не обладают монгольскими чертами в строении лица²⁹.

Краниологические работы Бэра представляют для нас преимущественно исторический интерес, однако в свое время они составили важный этап в развитии краниологии³⁰.

Говоря об антропологических работах Бэра, следует специально остановиться на его заслугах в разработке программы и методики антропологических, в первую очередь краниологических, исследований. Бэр по праву должен считаться пионером в этой области. Уже в своей работе о карагасском черепе (1844) он уделяет внимание методическим вопросам. Подробнее он останавливается на этом в указанной выше статье об этнографическом и краниологическом собрании Академии (1859). Бэр указывает на необходимость выработать единые принципы измерений, выбрать исходную горизонтальную плоскость и выступает с предложением обсудить эти вопросы на конгрессе антропологов. Эту идею Бэр и осуществил позднее, выступив инициатором собрания антропологов в Геттингене. Съезд в Геттингене состоялся в сентябре 1861 г. Геттинген был выбран местом встречи как город, где жил и работал Blumenbach. Это был, как пишет Бэр в своей автобиографии, «съезд нескольких лично знакомых друг другу естествоиспытателей в Геттингене для совместной выработки согласованных приемов описания человеческих черепов различных народностей». В заседании 25 сентября Бэр выступил с докладом, посвященным методике измерения и описания черепа, изложив приемы, использованные им в его краниологических работах. Мы опускаем описание приемов измерений и перечисление тех размеров, которые предложены Бэром, так как это представляет в настоящее время лишь узко специальный интерес. Отметим только, что большое внимание Бэр уделяет, помимо измерений, описанию различных особенностей черепа. В качестве основной горизонтальной плоскости (в которой следует давать изображе-

²⁸ Бэр был пионером в изучении антропологического типа курганного населения России. Взгляды Бэра по этим вопросам подробно рассмотрены А. П. Богдановым в его известной работе по антропологии курганного периода (указ. выше). Богданов высоко ценил работы Бэра — этого «мощного авторитета в антропологии», как он его называл, и следовал в методике в основном за Бэром.

²⁹ «Description des crânes trouvés dans le tumulus d'Alexandropol», «Receuil d'Antiquités de la Scythie», St. Pétersbourg, 1866, стр. I—XVI. См. также: «Beschreibung der Schädel, welche aus dem Grabhügel eines skythischen Königs ausgegraben sind», «Archiv für Anthropologie», Bd. X, 1877, стр. 215—231.

³⁰ В Архиве Академии наук СССР хранятся многочисленные черновые материалы Бэра по краниологии (измерения черепов различных народов, заметки, выписки из литературных источников и др., ф. 129, № 239, 240, 241, 242, 243, 258). Б. Е. Райков упоминает хранящуюся в Архиве Академии рукопись Бэра «Сравнительная краниология». Эта работа (ф. 129, № 244), написанная на русском языке (на 31 листе), представляет собой краткое изложение материалов по сравнительной анатомии черепа человека и других позвоночных.

ние черепов) он предлагает плоскость, проходящую через верхний краевой дуги. Бэр предлагает рассматривать череп в пяти различных нормах (сзади — норма occipitalis, сверху — норма verticalis, спереди — норма frontalis, сбоку — норма lateralis и с основания — норма basilaris) и определять в этих нормах форму черепа — прием, широко применяемый в современной краниологии. Описывая приемы измерения и описание мозгового и лицевого черепа, Бэр очень тонко отмечает существующие расовые различия, расовые особенности тех или других признаков. Бэр указывает также на необходимость унифицировать определение других антропологических признаков. Надо договориться, пишет он, об определении цвета кожи, формы волос, надо составить таблицу окраски, чтобы избежать разнобоя в характеристике, которую дают разные путешественники, надо собирать образцы волос, надо выработать единую терминологию. Эти предложения, сделанные более 90 лет назад, послужили исходным пунктом для выработки современной антропологической методикой к сожалению, все еще не разрешившей полностью требования Бэра о унификации приемов исследования. Труды Геттингенского совещания были подготовлены к печати Бэром и вышли уже в том же 1861 году. В послесловии к этому изданию Бэр писал: «Изучение деталей вариаций имеет несомненно свои большие трудности вследствие изменчивости, которую мы находим повсюду. Но все, что изменяется в пространстве или времени, может быть правильно познано только путем средних арифметических величин. Не избежать поэтому процедуры педантичных измерений..., но я ни в коем случае не рассматриваю измерения как единственный пригодный прием определения вариаций»³¹.

Так один из основателей краниологической измерительной техники предостерегал против увлечения множеством неоправданных измерений увлечения, которым немало грешит современная зарубежная антропология.

Бэр постоянно интересовался тератологией и ряд своих статей посвятил описанию различных врожденных уродств у животных и человека. Еще в бытность Бэра профессором Кенигсбергского университета под его руководством был выполнен ряд диссертаций анатомического характера, в том числе и работы по тератологии³², несколько работ на эту тему было опубликовано тогда и самим Бэром. Статьи Бэра по тератологии помещены в разные годы в изданиях Петербургской Академии наук³³.

³¹ «Bericht über die Zusammenkunft einiger Anthropologen in September 1861 in Göttingen zum Zwecke gemeinsamer Besprechung», erstattet von Karl Ernst von Baer und Rudolph Wagner, Leipzig, 1861, стр. 69.

³² Бэр приводит перечень этих диссертаций в своей «Автобиографии» (русский перевод, стр. 293).

³³ Укажем лишь некоторые из них: «Ueber doppelte Missgeburten», «Mém. de l'Acad. imp. des sciences de St. Pétersbourg», VI-me Série. Sciences mathém. et phys. t. III, 1-e part., № 2 (1835); «Ueber doppelte Missgeburten oder organische Verdoppelungen in Wirbelthieren», «Mém. de l'Acad. imp. des sciences de St. Pétersbourg», VI-me Série, t. VI. Sciences naturelles, Anat. et physiol., t. IV. 1844, стр. 79—100; «Neuer Fall von Zwillingen, die an den Stirnen verwachsen sind, mit ähnlichen Formvergleichen», «Bull. de la classe physico-mathématique de l'Acad. imp. des sciences de St. Pétersbourg», t. III, № 8, стр. 113—128; «Os d'hommes gigantesques», там же, t. II, № 17, стр. 266—268. Список работ Бэра приложен к немецкому изданию его автобиографии с примечаниями к ним самого Бэра («Nachrichten über Leben und Schriften des Herrn Geheimraths Dr. Karl Ernst von Baer, mitgetheilt von ihm selbst. Veröffentlicht bei Gelegenheit seines fünfzigjährigen Doctor-Jubiläums am 29 Aug. 1864 vor der Ritterschaft Estlands, St. Petersburg, 1866»). См. также в «Материалах для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии и соприкасающимся с нею отраслям знаний, преимущественно за последнее тридцатилетие (1835—1887), собранных Анатолием Богдановым», т. I, «Изв. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии», т. X, «Труды Зоологического отд. об-ва», т. 3, 1888. Список работ приведен в биографии Бэра, написанной проф. Штида (см. выше). Все списки, однако, не полны.

Мы упоминали уже о большой коллекции препаратов уродств, хранившейся в анатомическом собрании Академии. Много внимания уделил Бэр описанию и систематизации этой Петровской коллекции.

Интересны опубликованные Бэром материалы о живых «монстрах» (уродах), доставленных в свое время по указу Петра в Кунсткамеру, о судьбе этих людей, оставшихся при Кунсткамере вплоть до 40-х годов XVIII в.³⁴

Уже как директор анатомического кабинета К. М. Бэр немало потрудился, чтобы сделать его коллекции доступными широкому обзору.

В целях популяризации антропологии Бэр опубликовал и ряд научно-популярных статей.

В вышедшей в 1850 г. книге «Русская фауна» помещена большая статья Бэра «Человек в естественно-историческом отношении»³⁵.

Мы указывали выше, что еще в 20-х годах Бэр задумал написать большую популярную книгу по антропологии, но издал лишь первую ее часть. Статья 1850 г. явилась как бы реализацией этого давнишнего замысла³⁶. В 1865—1866 гг. Бэр опубликовал в журнале «Натуралист» в виде серии статей работу «Место человека в природе или какое положение занимает человек в отношении ко всей остальной природе»³⁷. Эта работа посвящена в основном изложению взглядов Бэра по вопросу о происхождении человека и направлена против учения Дарвина. К критике этой работы, в которой отразилось идеалистическое мировоззрение Бэра, мы вернемся ниже при рассмотрении его общих теоретических положений.

Интересна малоизвестная статья Бэра «Антропология», помещенная в «Энциклопедическом словаре, составленном русскими учеными и литераторами» (1862)³⁸. Термин антропология, пишет Бэр, имеет разное содержание. Он особо оговаривает, что философская сторона рассматривается в специальных философских статьях словаря и что его статья имеет целью определить с естественно-исторической точки зрения особенности человека в отношении строения его тела. Бэр различает два рода признаков, отличающих человека от животных. Одни — «несущественные, как он их называет, т. е. такие, которые «не свидетельствуют об особенном преимуществе и не обуславливают дальнейшего развития». Сюда относятся такие признаки, как выдающийся подбородок, ушная мочка, строение наружного носа и т. п. Другие, так называемые «существенные» отличия «составляют преимущества организма, без которых человек не был бы тем, чем он есть». Сюда относятся: 1) вертикальное хождение и связанные с ним многие особенности строения тела, 2) короткие челюсти, 3) органы голоса, 4) высшее развитие головного мозга (относительная его масса, строение). Из всех указанных отличий важнейшим и исходным является, по Бэру, высокая организация голов-

³⁴ «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. I, 1900.

³⁵ «Русская фауна или описание и изображение животных, водящихся в Империи Российской». Составил Ю. Семашко. Часть I, СПб., 1850. Статья Бэра — стр. 389—623.

³⁶ Необходимо подчеркнуть, что перевод этой работы с немецкой рукописи Бэра был выполнен неудовлетворительно, на что указывает сам Бэр в примечаниях к списку своих работ («Nachrichten über Leben und Schriften Karl Ernst von Baer», стр. 506). К сожалению, немецкий оригинал статьи среди рукописей Бэра, хранящихся в Архиве Академии наук СССР, не обнаружен.

³⁷ «Натуралист» (журнал естествоведения и сельского хозяйства), 1865, № 2—5, 19—24; 1866, № 9, 18, 22—24; 1867, № 1—3. Немецкий оригинал одной из статей («Mensch und Affen») хранится в Архиве Академии наук СССР, ф. 129, № 223.

³⁸ Этот словарь, издававшийся под общей редакцией П. Л. Лаврова, был закрыт после его ареста. Вышло всего 6 томов (5 томов на букву А и один том Е — Елиз). Статья Бэра помещена в V томе (СПб., 1862). Бэр нигде не упоминает об этой статье в списке своих работ, хотя в словаре она помещена за его подписью. Указанием на эту статью, как и ряда других, автор обязан проф. Б. Е. Райкову.

ного мозга. «Я нисколько не сомневаюсь в том, — пишет Бэр, — что и прочие существенные отличия человека от млекопитающих (как-то: вертикальное положение и все, что им обусловлено) и даже некоторые и существенные признаки — все зависит от высшей степени развития головного мозга человека». Основной вывод Бэра: «телесные различия между человеком и прочими животными, во всяком случае, очень значительны, они такого рода, что человеку обеспечили развитие, невозможное для животных».

II

Излагая содержание отдельных работ Бэра, мы в той или иной степени касались его теоретических положений. Нам предстоит сейчас рассмотреть в целом его взгляды по вопросу о происхождении человека, по вопросу о происхождении человеческих рас. Этому надо предпослать хотя бы краткое изложение воззрений Бэра по общим проблемам биологии³⁹.

Вопрос об отношении Бэра к эволюционной теории вызвал в литературе длительную и острую дискуссию. Тогда как одни считают Бэра членом последовательных эволюционистов, другие видят в нем одного из непримиримых противников дарвиновского учения. Столь кардинальные различия оценок взглядов Бэра объясняются в значительной степени тем, что взгляды эти не оставались неизменными на протяжении его научного пути, и тем, что мировоззрение его было весьма противоречивым.

Ранние работы Бэра, в том числе оставшиеся неопубликованными рукописи его докладов, относящиеся к первым годам его научной деятельности, показывают нам Бэра как трансформиста, который не только признавал постепенное развитие животного мира, но не делал в этом отношении исключения и для человека. Позднейшие работы Бэра обнаруживают более ограниченное толкование им процесса эволюции. В своем известном сочинении «Об истории развития животных» (1828)⁴⁰ Бэр развивает учение о четырех основных типах животных и говорит об эволюции форм только в пределах типа. В своих работах последующих лет он еще более сужает рамки, в которых признает изменимость форм. Но идее об изменяемости форм, о превращении родственных форм со временем в самостоятельные виды Бэр остается верен на протяжении всей своей научной деятельности.

Разбирая вопрос о происхождении родственных видов животных, Бэр в своей работе «О папуасах и альфурах» писал: «Я не могу отказаться от мысли, что многие формы, которые сейчас действительно при разном развитии держатся разобщенно, только постепенно пришли к такому разобщению и первоначально составляли один вид»⁴¹. И далее: «Я думаю, что распределение животных делает вероятным, что и многие такие виды, которые теперь держатся и размножаются обособленно, первоначально не были разделены, что таким образом из вариаций, в систематическом значении, произошли специфически различные виды»⁴². Именно эт

³⁹ Сколько-нибудь подробное изложение общепроизводческих взглядов Бэра у нас слишком далеко от нашей темы и выходит, конечно, за рамки настоящей статьи, посвященной специально его антропологическим работам.

⁴⁰ «Ueber die Entwicklungsgeschichte der Tiere. Beobachtung und Reflexion», Bd. Königsberg, 1828. II том вышел в Кенигсберге в 1837 г., а III том, где излагается развитие человеческого зародыша, был издан посмертно в 1888 г. Русский перевод этого знаменитого труда Бэра был издан лишь в 1950 г. Академией наук СССР (К. М. Бэр. История развития животных. Наблюдения и размышления, т. I, ред. акад. Е. Н. Павловского, комментарии проф. Б. Е. Райкова. Изд. АН СССР, 1950; т. II, 1953).

⁴¹ «Über Papuas und Alfuren», стр. 342.

⁴² Там же, стр. 343.

работу Бэра и имел в виду Дарвин, когда писал: «Бэр, пользующийся таким глубоким уважением зоологов, приблизительно около 1850 г. (см. «Zoologisch-Anthropologische Untersuchungen» проф. Рудольфа Вагнера, 1861, стр. 51) выразил убеждение, основанное главным образом на законах географического распространения, что формы, в настоящее время совершенно различные, происходят от единой прародительской формы»⁴³.

Бэр признавал передачу по наследству вновь приобретенных признаков, признаков, возникающих под действием внешних условий: климата, характера пищи и т. д.

Положение об определяющей, формообразующей роли внешней среды Бэр последовательно проводит во всех своих работах. Это положение является центральным и в его трактовке проблемы происхождения человеческих рас. Более того, здесь истоки и того географического детерминизма, который характеризует, как мы увидим, взгляды Бэра на историю человеческой культуры.

Бэр придавал большое значение данным палеонтологии в решении вопроса о генетических связях отдельных форм и видел в палеонтологических фактах подтверждение учения о трансформации, теории изменчивости видов.

Напомним, что Энгельс называет Бэра в числе тех авторов, которые подготовили почву для учения Дарвина. «...К. Вольф произвел в 1759 г. первое нападение на теорию постоянства видов, провозгласив учение об их развитии. Но то, что было у него только гениальным предвосхищением, то приняло более конкретные формы у Окена, Ламарка, Бэра и было победоносно проведено ровно сто лет спустя, в 1859 г., Дарвином»⁴⁴.

В 1859 г. вышел в свет труд Дарвина «Происхождение видов». Бэр, который в своих работах развивал эволюционные идеи, который своими исследованиями нанес серьезный удар теории постоянства видов, книгу Дарвина встретил резко критически. Во-первых, Бэр расходился с Дарвином в понимании границ эволюции. Он признавал превращение родственных форм только «для отдельных видов одного рода» или «для близко стоящих родов». Во-вторых, и это самое основное,— Бэр категорически возражал против теории эволюции, исходящий из мелких изменений случайного характера.

Бэр выступил с полемическими статьями против дарвинизма⁴⁵, который, как писал Бэр, «не признает никаких целей, только слепую необходимость». Бэр полемизировал с теми, кто отрицает всякую телеологию, и защищал принцип «целеустремленности» (Zielstrebigkeit), заложенной в самой природе⁴⁶.

«И я убежден,— писал Бэр в последние годы своей жизни,— что все, что в природе есть и происходит, произведено и производится силами природы и материей. Но эти силы природы должны быть взаимно направлены. Силы, которые не направлены к цели, слепые силы, как обычно выражаются, не могут, как мне кажется, создать ничего упорядоченного»⁴⁷.

⁴³ Чарлз Дарвин, Соч., т. 3, Изд. АН СССР, М.—Л., 1939, стр. 268.

⁴⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 483—484.

⁴⁵ «Zum Streit über den Darwinismus». Aus der «Augsburger Allgemeinen Zeitung». Dorpat, 1873; «Ueber Darwins Lehre, Reden gehalten in wissenschaftlichen Versammlungen und kleinere Aufsätze vermischten Inhalts». Von Dr. Karl Ernst von Baer, Zweiter Theil. Studien aus dem Gebiete der Naturwissenschaften, St. Petersburg, 1876, стр. 235—480.

⁴⁶ См. работы Бэра: «Ueber den Zweck in den Vorgängen der Natur», Erste Hälfte. Ueber Zweckmässigkeit oder Zielstrebigkeit überhaupt. Studien aus dem Gebiete der Naturwissenschaften, стр. 49—106; «Ueber Zielstrebigkeit in den organischen Körper insbesondere», там же, стр. 170—234.

⁴⁷ «Zum Streit über den Darwinismus», стр. 9.

«Высшая ступень целеустремленности в организмах — это сам общий жизненный процесс. Но этот последний не может происходить без постоянного воздействия внешней среды. Таким образом, во всей природе я нахожу целеустремленность, опосредствованную необходимостью. И необходимость же можно свести к материи и к ее силам. Но сама материя и ее силы должны быть отмерены определенной мерой, ибо иначе они вообще не могли бы вести к всеобщей цели»⁴⁸.

Эклектическое сочетание идеалистического принципа «целеустремленности в природе» с признанием решающей роли внешней среды в развитии организма — таков один из источников тех противоречий, тех коллизий, которые характерны для мировоззрения Бэра.

Это очень ясно сказывается и в его взглядах на происхождение человека. Человек в естественно-историческом отношении, человек, рассматриваемый с зоологической точки зрения, принадлежит к животному миру — таков исходный тезис Бэра. Но, принадлежа по устройству своего тела к млекопитающим, обнаруживая с ним и сходство в строении ряда органов и систем, человек и в своей телесной организации существенно отличается от животных. Мы изложили выше статью Бэра «Антропология», где он подробно рассматривает этот вопрос. В другой своей статье Бэр писал: «Один человек организован для отвисного стояния, отвисного хождения, и этим отличается весьма резко от всех млекопитающих. Он выигрывает оттого преимущество владеть совершенно свободно руками. А потому у него рука приурочена к весьма разнообразным движениям и к хватанию предметов более, чем у всякого другого животного. Уже из этого мы можем заключить, что человек по своей организации назначен для работы, т. е. для приготовления и употребления всякого рода орудий»⁴⁹.

Бэр отмечает наибольшее сходство человека с обезьянами, особенно высшими обезьянами, указывает на близость их в устройстве руки — способности противопоставления большого пальца⁵⁰; но видит непроходимую пропасть между ними в духовной жизни человека. «Духовное различие гораздо больше телесного... человек по своим духовным способностям гораздо далее отстоит от животных, нежели по устройству тела... он принадлежит совершенно другому миру, можно сказать, или совершенно другой сфере, хотя он и не может отречься от животной природы до тех пор, пока живет на земле», — писал Бэр⁵¹.

«Если бы меня спросили, каковы мои убеждения по этим вопросам, я ответил бы: до тех пор, пока я смотрю на человека только глазами зоолога, я вижу в нем лишь прямоходящее животное с сильным развитием мозга, и я могу для всего (человеческого) рода предполагать только один исходный пункт. Но когда я соображаю, что человек обладает языком, вышедшим из внутренних задатков и побуждений (влечений), которые делают его способным выражать не только свои чувства — как у животных, но и свой опыт и свои суждения; когда я вообще вижу, что именно эта способность языка воспитывает и духовно образует человека; когда я взвешиваю, что богатство мышления Платона, Аристотеля еще и теперь пробуждает новые мысли, что песни Гомера и теперь говорят человеческому сердцу; когда я узнаю, что изолированные народы с противоположными сторонами развивают то, что унаследовано через язык для духа и сердца; что соприкосновение и смешение народов, хотя оно часто вначале бывает болезненно, развивает разнообразие задатков; когда я принимаю во внимание, что вечные идеи права и истины все более получают всеобщую значимость и что народ, у которого они теряют свое господство

⁴⁸ «Zum Streit über den Darwinismus», стр. 15.

⁴⁹ «Место человека в природе», «Натуралист», 1865, стр. 50.

⁵⁰ Статьи: «Антропология», стр. 15; «Über Papuas und Alfuren», стр. 340.

⁵¹ «Место человека в природе», стр. 343.

скоро уничтожается другими народами; когда я вижу, что величайшее преимущество человека перед остальными творениями, его религиозная потребность, ведет его, несмотря на все колебания, к более благородным формам социальных отношений и к более возвышенному воззрению на принцип всякого бытия, — тогда мой взгляд становится совсем иным. Тогда развитие человека делается в моих глазах (особой) целью...»⁵².

Итак, человек принадлежит к животному миру и не принадлежит к нему. Это — противоречие, которое выступает во всех работах Бэра и разрешить которое он так и не смог. Но такова судьба не одного Бэра. Вспомним Бюффона, который лучше, чем кто-либо другой из его современников понимал огромное сходство в строении человека и обезьян и который вместе с тем, исходя из различий в умственной деятельности человека и животных, не видел возможности перекинуть мост между ними. Вспомним знаменитый спор Уоллеса с Дарвином. Главным образом в психической жизни человека, в его духовных особенностях Уоллес видел, как известно, непреодолимое препятствие к тому, чтобы согласиться применить теорию Дарвина и по отношению к человеку. Разрешение этого противоречия, из которого не находили выхода крупнейшие естествоиспытатели прошлого, было дано только в трудах классиков марксизма: человек происходит от животных, человек связан с ними ближайшим родством и то, что принципиально отличает человека от животных — его социальная жизнь, его умственная деятельность, — есть новое качество, возникшее в процессе развития⁵³. Но Бэр эту коллизию разрешить не сумел, и это определило противоречивость его позиции и глубокие заблуждения в трактовке вопроса о происхождении человека. Когда Бэр подчеркивает сходство в строении человека и животных, когда он аргументирует свое основное положение о превращении видов, когда он высказывается в том смысле, что к человеку, рассматриваемому с естественно-исторической точки зрения, применимы те же законы природы, что и к животным, Бэр открывает все возможности связывать человека и по происхождению с животным миром. Но сам он занимает в этом вопросе антиматериалистическую позицию.

В своей работе «О папуасах и альфурах», касаясь вопроса о том, в каких пределах можно допустить превращение форм, и отвергая возможность первичного зарождения (*Urzeugung*), Бэр писал: «Если я, однако, потому что мне непонятно первичное зарождение, захочу принять превращение так далеко, что также и человека буду мыслить происшедшим от других животных, а последних далее от монады, то я, мне кажется, нагроможу целую кучу непознанных и непонятных тайн»⁵⁴.

Позиция Бэра в вопросе о родословной человека — позиция в лучшем случае агностика. И истоки этих взглядов — в общем мировоззрении Бэра, в его противоречивой и идеалистической, как мы уже указывали, трактовке общих факторов эволюции. Происхождение человека от обезьян Бэр отрицал.

Рассматривая взгляды Бэра по этим вопросам, следует различать: 1) его аргументы, основанные на данных анатомии, палеонтологии и других естественных наук, 2) его аргументы, идущие от его общих философских воззрений, согласно которым человек отделен от животного мира непроходимой гранью, и общие законы природы недостаточны для того, чтобы понять его происхождение.

Критикуя взгляды Гексли на происхождение человека, Бэр решающий аргумент видел в отсутствии палеонтологических доказательств, в отсут-

⁵² «Über Papuas und Alfuren», стр. 345—346.

⁵³ См. об этом: Я. Я. Рогинский, Основные антропологические вопросы в проблеме происхождения современного человека, Сб. «Происхождение человека и древнее расселение человечества», Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. сер., т. XVI, 1951.

⁵⁴ «Über Papuas und Alfuren», стр. 344.

ствии переходных форм между высшими обезьянами и человеком. «Чт можно было верить именно в преобразование обезьян в человека, ну, было бы найти обезьян, которые по телу составляли бы переходную форму, а в духовном отношении некоторое усовершенствование в культуре. Но этого я не нахожу нигде», — писал Бэр⁵⁵. «До сих пор открытые ископаемые остатки человека не ведут нас ближе к той обезьяновидной начальной форме»⁵⁶.

В 1865 г. Бэр несправедливо упрекал Дарвина в том, что он касается в своем труде (речь идет о «Происхождении видов») вопроса происхождения человека. «Дарвин не упоминает в своей книге о человеке, и именно это обстоятельство указывает на слабость его гипотезы, и если бы она была основательна, — писал Бэр, — то прилагалась бы всем животным»⁵⁷.

В 1871 г. вышла в свет работа Дарвина, посвященная происхождению человека. Бэру следовало определить свое отношение к этой работе, и он выступил со статьей «К спору о дарвинизме»⁵⁸.

В этой статье, написанной в полемическом тоне, очень резко, в форме вопросов и ответов⁵⁹, Бэр специально рассматривает вопрос о происхождении человека от обезьяны. «Книга Дарвина о происхождении человека, — пишет он, — меня не убедила. Я и сейчас не могу понять, каким образом человек мог произойти с течением времени от обезьяноподобного животного. Мое сомнение в этом очень просто. Когда я рассматриваю обезьян, они представляются мне всегда организованными для жизни на деревьях, человек, напротив, для прямохождения на твердой земле. Мне могут сказать: обе способности развились лишь в продолжении времени путем приспособления. Но к чему (к какому образу жизни. — М. Л.) должна была быть организована гипотетическая исходная форма, поскольку ведь очевидно, что все животные предназначены к определенному образу жизни? Были ли это лазящие животные, некоторые потомки которых, охваченные идеями прогресса, в течение тысяч и миллионов лет лазали по деревьям, пока их задние конечности получили подходящую форму для вертикального хождения? Я скорее мог бы себе представить, что та исходная форма была плантиградной, некоторые потомки которой под действием пищевых стимулов перешли к жизни на деревьях, где были их пищевые запасы, и что от них произошли настоящие «опустившиеся двоюродные братья» («Verbummelten Vettern»), как называют обезьян. Однако могут спросить, зачем ты вообще мучаешь вопросом о том, как жила исходная форма примата (Urprimat). Достаточно признать, что она существовала, чтобы объяснить происхождение человека. На это я возражу: возможно, для того объяснения это недостаточно; я же не могу представить себе, чтобы мог возникнуть и развиваться такой живой организм, который не был бы изначально организован к какому-либо определенному образу жизни, возможному на земле»⁶⁰. Я привел эту пространную цитату, так как она раскрывает основное содержание метафизических взглядов Бэра по вопросу о происхождении человека. Мы не будем приводить выдержек из других его работ по вопросу об отношении человека к обезьянам; они в общем повторяют основное положение о том, что «небольшая степень сходства, которое нельзя отрицать, в немногих словах основывается только на том,

⁵⁵ К. М. Бэр, Место человека в природе, стр. 434.

⁵⁶ Там же, стр. 432.

⁵⁷ Там же, стр. 431.

⁵⁸ «Zum Streit über den Darwinismus».

⁵⁹ Когда читаешь эту полную азарта, яркую по изложению статью, невольно и забываешься, вспоминая, что она написана человеком, которому уже за 80 лет и который вынужден из-за почти полной слепоты диктовать свои работы.

⁶⁰ «Zum Streit über den Darwinismus», стр. 4—5.

человек организован для отвесного, а обезьяна для полуотвесного положения, и вследствие именно такой организации обезьяна приспособлена для жизни на деревьях»⁶¹.

Утверждая, что «гипотеза о происхождении человека из семьи обезьян естественно-исторически неосновательна»⁶², Бэр развивал глубоко реакционную идею. Было бы неправильно обходить эту и другие ошибки Бэра или во что бы то ни стало подыскивать им оправдания⁶³. Бэр в своих теоретических взглядах был очень далек от истинного, материалистического понимания природы.

В литературе можно найти высказывания о том, что Бэр в вопросах происхождения человека стоял на креационистских позициях⁶⁴. Это неверно. Правда, защитники этого взгляда могут привести несколько цитат из работ Бэра, которые как бы подтверждают их позицию. Но дело не в отдельных формулировках, не в нескольких цитатах, а в позиции Бэра в целом. Бэр в ряде своих работ ясно определяет свое отрицательное отношение к креационизму.

В работе «О пауасах и альфурах» (1859) Бэр, касаясь вопроса о первичном зарождении животных, специально оговаривает: «Я употребляю слово первичное зарождение (Urzeugung), так как понятие «сотворение» (Schaffen), как продукция только абсолютной воли, без естественной необходимости или естественной закономерности, совершенно не научно и так же и не естественно-научно»⁶⁵.

На склоне лет, полемизируя с Дарвином, развивая принцип «целестремленности в природе», Бэр определенно высказывается против идеи творения. Наивно, писал он, видеть в разнообразии и совершенстве органических форм искусство творца, дело создателя (Werk des Schöpfers). Бэр, упрекая сторонников Дарвина в том, что они отошли от признания «целей в явлениях и вещах» (von den Zielen der Vorgänge und Dinge), разделяет сам взгляд тех, кто «исключает творца из игры»⁶⁶. И еще раз он пишет об этом в статье «Об учении Дарвина»: «Натуралист как таковой не имеет права верить в чудо, то есть в отмену законов природы, потому что его задача состоит именно в отыскании законов природы; то, что лежит вне их, для него не существует. Поэтому, мне кажется, натуралист не имеет права признавать вмешательства высшей силы»⁶⁷.

В 1897 г. в Регенсбурге вышла объемистая книга профессора философии Юрибургского университета Штельцле, посвященная мировоззрению Бэра⁶⁸. С усердием и эрудицией, достойными лучшего применения, этот немецкий профессор стремится изобразить Бэра как человека верующего, как ученого, работы которого чуть ли не подкрепляют церковные догмы, как человека, постепенно пришедшего к признанию высшей силы, творца вселенной. Но и этот воинствующий церковник вынужден признать, что у Бэра он не нашел удовлетворительного (с его, конечно, точки зрения) ответа по вопросу о происхождении человека. Бэр, пишет Штельцле, отрицает животное происхождение человека не из религиозных соображений, а как натуралист. В связи с неустойчивостью религиозного мировоззрения Бэра, с его колебаниями от теизма к пантеизму, от пантеизма к агностицизму он и по вопросу о происхождении человека не дает определенного решения. Штельцле пишет об этом с сожалением, как о заблуж-

⁶¹ «Место человека в природе», стр. 434.

⁶² Там же.

⁶³ Тенденция, к сожалению, сказывающаяся в работах проф. Б. Е. Райкова о Бэре.

⁶⁴ Вопрос об отношении Бэра к религии многократно подымался в литературе. Этой темы мы здесь не касаемся.

⁶⁵ «Über Papuas und Alfuren», стр. 340—341.

⁶⁶ «Zum Streit über den Darwinismus», стр. 10.

⁶⁷ «Über Darwins Lehre», стр. 422.

⁶⁸ «Karl Ernst von Baer und seine Weltanschauung». Von Dr. Remigius Stölzle, Professor der Philosophie an der Universität Würzburg, Regensburg, 1897, стр. 687.

ждении ученого. Не требуется, пожалуй, лучшего аргумента, чтобы познать несостоятельность оценки Бэра как креациониста.

По вопросу о древности человека на земле Бэр высказывался в различных своих работах⁶⁹. В целом Бэр держался мнения, что человек появился на земле поздно; к этому времени многие животные, в том числе некоторые млекопитающие, уже вымерли. Мнения тех исследователей, которые исчисляют древность человека сотнями тысяч лет, лишены, по Бэру, всяких оснований. Лежащие в основе такого взгляда исчисления древности человека по глубине залегания ископаемых остатков в речных наносах Бэр считал произвольными, иллюзорными. От датировки древности человека он воздерживался. Есть все основания думать, что в этом случае осторожность Бэра была тенденциозной.

Специальные вопросы классификации человеческих рас не занимали в работах Бэра большого места. По всему своему научному складу Бэр не был систематиком. Он критически относился к различным классификациям человеческих рас. В разногласиях антропологов по вопросу о количестве выделяемых рас он видел один из доводов в пользу видового единства человечества. «На какую ценность может претендовать выделение человеческих видов (*Menschen-species*), если один антрополог признает их 3, другой 5, или 15, или 16. Разве познание человеческих рас будет продвинуто от того, что к нему будет приложена внешняя форма зоологической системы, без внутренних условий этой внешней формы?»⁷⁰.

«Мне кажется,— писал Бэр в другом месте,— что вообще сейчас значительно меньше потребность в классификациях, для чего материальных оснований слишком скудно, чем в получении обоснований руководящих воззрений»⁷¹.

К основным «руководящим воззрениям», к основным теоретическим вопросам антропологии Бэр относил в первую очередь вопрос о факторах возникновения расовых различий. Уже в своих ранних работах (см. выше) Бэр проводил мысль о том, что как физические особенности, так и культурные различия разных племен определяются географическими условиями, сложились в результате воздействия внешней среды. Это положение Бэр последовательно развивал в дальнейшем в целом ряде своих работ. Оно непосредственно связано с его воззрениями моногениста. Под внешними условиями Бэр подразумевал не только климатические факторы, особенности местности, но и характер пищи. Для преобразующего воздействия этих условий на организм человека требуется очень длительное время. Раз сложившиеся особенности физического типа удерживаются очень долго и в иных внешних условиях. «Нигде, насколько я знаю,— писал Бэр,— изменения не стали настолько полными, чтобы отчетливо не выступал первоначальный характер (тип.— М. Л.). Европейец в Африке не приобрел строения лица американцев, не наблюдается здесь заметных схождения в результате влияний на протяжении более чем тысячелетий». Но отсюда, указывает Бэр, нельзя вывести заключения, как делают некоторые антропологи, что расовые особенности вообще не изменяются⁷².

«Если тело народа однажды развилось известным образом, то для изменения нужно относительно долгое время, причем явственно борются две противоположные силы: а) наследственные свойства, которые в

⁶⁹ Этого вопроса он касается в статьях: «Über Papuas und Alfuren»; «Über Fluren und deren Wirkungen»; «Reden... und kleinere Aufsätze». Zweijter Theil; «Über Darwin'sche Lehre» и др.

⁷⁰ «Über Papuas und Alfuren», стр. 340.

⁷¹ «Über einen alten Schädel aus Mecklenburg», пол. 348.

⁷² «Beiträge zur Kenntniss des russischen Reiches», т. IX, стр. 261—262.

тях стремятся к развитию, если не всегда, то по большей части, до такой степени, как были у родителей, и б) действие внешних условий, которые, если в известном случае и не действуют прямо на тип народа, то стремятся к его преобразованию и постепенно его изменяют, по мере развития в последующих поколениях.

Без сомнения, это изменение происходит в некоторых странах медленнее, чем в других»⁷³.

В своей работе «О древнем черепе из Мекленбурга» Бэр касается частного, но важного для нашей темы вопроса — о влиянии условий жизни в горах на изменение формы головы. Он считал вероятным, что жизнь в горах ведет в ряде поколений к увеличению высоты и связанному с этим укорочению черепа⁷⁴.

Мнение о связи брахикефалии с горными районами получило, как известно, довольно широкое распространение в антропологической литературе. Бэр был в свое время осторожен: сопоставляя известные ему факты, он пришел к выводу, что вопрос не может быть еще решен и требуют дальнейших исследований.

Следует специально отметить мысль Бэра о том, что физический тип древнего человека был более пластичен, более подвержен преобразующему влиянию внешних условий⁷⁵. Эти древние люди по своему облику отличались от современных. Касаясь этого вопроса, Бэр писал: «Конечно и мы не можем сказать, какую наружность имели первые люди, но во всяком случае есть положительные причины думать, что они не были вполне сходны ни с одним из существующих ныне племен и что в сравнении со всеми этими племенами они были менее благородно или человекообразно организованы»⁷⁶. Изменение физического типа Бэр ставил в связь с развитием культуры. Он склонялся к мнению, что уровень умственной деятельности народа находит свое отражение в форме черепа, что в свою очередь обусловлено развитием головного мозга — его лобной и теменной долей⁷⁷. Это было очень широко распространенное тогда заблуждение. Но, разделяя глубоко неправильный взгляд о непосредственной связи формы черепа с деятельностью мозга, Бэр исходил из положения об изменяемости физического типа, об изменяемости формы черепа. Даже когда он писал о различиях в культуре народов разных рас, он не считал эти различия коренными и неизменными.

В вопросе о происхождении человеческих рас Бэр был, как мы выше указывали, убежденным моногенистом. Штельцле — автор уже упоминавшейся книги о Бэре — пишет о трех этапах в развитии взглядов Бэра по этому вопросу. Первый этап — до 1851 г. — Штельцле оценивает как период, когда Бэр порой высказывался в пользу моногенизма, порой оставлял вопрос открытым. Второй этап, падающий на 1851 г., характеризуется работой Бэра «Человек в естественно-историческом отношении», в которой он четко формулирует свои моногенетические взгляды. И, наконец, последний этап — после 1851 г. — время, когда Бэр занимает, по Штельцле, колеблющуюся позицию, считает вопрос подлежащим дальнейшему изучению. Такая «периодизация» взглядов Бэра не только узко формальна, но и по существу неверна. Бэр был и на протяжении всей своей научной деятельности оставался на позиции моногенизма. Если в той или иной работе он оговаривает недостаточную изученность вопроса и призывает к дальнейшим исследованиям, если он порой готов признать долю истины в аргументации своих противников, то здесь сказывается та характерная для Бэра осторожность, которая нередко граничит у него

⁷³ «Человек в естественно-историческом отношении», стр. 480—481.

⁷⁴ «Über einen alten Schädel aus Mecklenburg», пол. 351.

⁷⁵ См. об этом в статье «Человек в естественно-историческом отношении».

⁷⁶ Там же, стр. 469.

⁷⁷ «Über einen alten Schädel aus Mecklenburg», пол. 349—350.

со скептицизмом. Но эти черты, пожалуй, в меньшей степени проявлялись именно в его взгляде на происхождение человеческих рас. Мы кратко изложили выше содержание доклада Бэра «О происхождении и распространении человеческих рас» (1822), где он развивает идею об едином происхождении человечества, о расселении его из единого центра. Очевидно сформулированы моногенические взгляды Бэра в его статье «О влиянии внешней природы на социальные отношения отдельных народов и историю человечества» (1848)⁷⁸.

Подробно рассмотрен этот вопрос и в работе Бэра «О папуасах и альфурах» (1859)⁷⁹.

Аргументация Бэра в пользу моногенизма сводится к следующему: видовое единство человечества доказывается всей совокупностью естественно-исторических данных. Современное человечество, с точки зрения зоологической систематики, представляет собой один вид. Те различия, которые наблюдаются между современными расами, не изначально возникли вторично в результате влияния внешних условий. Данные антропологии говорят в пользу моногенизма. Различия в культуре разных племен сложились под воздействием географической среды.

Моногенизм Бэра не был моногенизмом библейского толка. «Многие писали Бэр, — вовсе не владеет потребностью вывести всех людей от единого пары»⁸⁰. Бэр принимал единый центр происхождения человека, рассматривал человеческие расы как единый вид, отнюдь не исходя из догмы церкви.

Бэр как ученый, развивавший концепцию моногенизма, имеет в литературе своих предшественников. Он сам не раз называет имя Притчарда как автора, который выводил все человечество из единого корня и доказывал, что различия между человеческими расами возникли в результате влияния различных внешних условий и образа жизни, характера пищи. Но Бэра было бы неправильно рассматривать как последователя Притчарда или других современных Притчарду авторов. Во-первых, основываясь на своих взглядах по вопросу об едином происхождении человечества Бэр сформулировал еще, как указывалось, в работе 1822 г., т. е. задолго до Притчарда, выхода в свет сочинений Притчарда, Холла, Катрфажа и других защитников моногенизма середины прошлого века⁸². Во-вторых, Бэр оригинален в своей аргументации моногенизма, которая покоится на его взглядах об изменчивости форм в животном мире.

Выступая как последовательный противник полигенизма, доказывая несостоятельность аргументов своих противников, Бэр главное оружие своей критики направлял против современных ему американских антропологов — воинствующих защитников концепции полигенизма. Полигенизм в США получил широкое распространение с 1840-х годов, когда

⁷⁸ «Карманная книжка для любителей земледелия, издаваемая от Русского географического общества, 1848 г.», СПб., 1849, стр. 197—235.

⁷⁹ В этой работе Бэр, правда, оговаривает, что законы животного мира могут быть приложены к человеку только, если рассматривать его с естественно-исторической точки зрения, что человек в целом, человек, одаренный духовной жизнью, стоит, можно сказать, вне этих законов, что поэтому аргументы единства происхождения человечества, почерпнутые из аналогий с животным миром, могут оказаться для человека недостаточными. Но весь ход построений Бэра, вся его аргументация направлена к доказательству моногенизма, и сделанные им оговорки не могут заслонить от нас этой его направленности. В этой работе Бэр писал: «Я не в состоянии признать специфические (видовые.— М. Л.) различия между людьми, пока мне не покажут хвосты людей или подобные различия, и, если современные племена (расы.— М. Л.) взамен плодородия, то я позволю себе, по крайней мере, спросить, что же представляет собой тогда собственно самостоятельный вид?» («Über Papuas und Alfuren», стр. 345).

⁸⁰ «Über Papuas und Alfuren», стр. 346.

⁸¹ Книга Притчарда «Естественная история человека» вышла в Англии в 1838 г.

⁸² Историю вопроса о моногенизме и полигенизме в антропологии см. в указанной выше работе Я. Я. Рогинского «Основные антропологические вопросы в проблеме происхождения современного человека».

идеологи рабовладения мобилизовали расовую теорию для борьбы с аболиционистами, для обоснования «естественных прав» людей белой расы на господство над неграми. Американский антрополог Мортон, его последователи Нотт и Глидтон — авторы вышедшей в 1854 г. книги «Типы человечества» — развивали концепцию полигенизма, чтобы с этих позиций доказывать расовую неполноценность негров.

Выступая против американских антропологов, Бэр не только отвергал их антропологическую аргументацию, но и показывал общественно-политическую сущность их теории. Бэр писал: «В Европе нет такого народа, который подвергся бы в историческое время стольким смешениям, как британский народ. Первобытные обитатели, кельты, римляне и римское войско, с его пестрою смесью народностей, а позднее англо-саксы и норманы слились, за исключением немногих горных округов, в одну народность, так как народ, стесненный пределами острова, не может легко выселяться оттуда. Из этих людей целые отряды переселяются в Америку, сталкиваются там не только с туземцами, но и с переселенцами из других стран Европы, в особенности из Франции и Испании, которые уже сами по себе характеризуются весьма смешанным населением. В эту массу из года в год принимаются немцы и ирландцы, включаются краснокожие из целых областей и в течение столетий ввозятся негры из Африки...

Не странно ли в высшей степени, что именно в этой стране англо-американский народ, язык которого, отказавшийся почти от всех грамматических форм, свидетельствует о глубоком смешении, возвещает нам громко и настойчиво: человеческие племена не могут смешиваться, но на веки остаются разделенными? И это учение исходит от людей, которые не могут знать, течет ли в них больше крови первобытных британских обитателей, кельтов или германцев. В некоторых странах Европы это учение нашло, правда, приверженцев (в то время), но только благодаря своей резкости и еще потому, что Америку считали наиболее авторитетной в вопросе о несмешиваемости народов. Однако мы знаем, что потомство бриттов и негритянок не упрочивалось лишь в силу этических соображений и что отсюда делались поспешные обобщения, которые противоречили всем производившимся до сих пор опытам. Эти обобщения едва ли встретили бы сочувствие, если бы они не служили единственно опорой учения о множественности видов человеческого рода. Не есть ли такое воззрение, столь мало соответствующее принципам естествознания, измышление части англо-американцев, необходимое для успокоения их собственной совести? Они оттеснили первобытных обитателей Америки с бесчеловечной жестокостью, с эгоистическою целью ввозили и порабошали африканское племя. По отношению к этим людям, говорили они, не может быть никаких обязательств потому, что они принадлежат к другому, худшему виду человечества. Я ссылаюсь на опыт всех стран и всех времен: как скоро одна народность считает себя правою и несправедливо поступает относительно другой, она в то же время старается изобразить эту последнюю дурною и неспособною и будет высказывать это часто и настойчиво»⁸³.

Наш очерк антропологической деятельности Бэра был бы неполон, если бы мы, хотя бы кратко, не коснулись вопроса о влиянии его работ на последующее развитие антропологической науки в России. Понятно, что открыто враждебная позиция Бэра по отношению к теории происхождения человека от антропоморфных обезьян не могла стать основой для дальнейшего развития теории антропогенеза в России, равно как и его убеждение, что природа есть воплощение наперед заданных скрытых целей.

⁸³ «Bericht über die Zusammenkunft einiger Anthropologen...», 1861, стр. 23—24.

Цит. по переводу в книге Ранке «Человек», т. 2. СПб., 1900, стр. 294—295.

Иную судьбу имели его работы в области краниологии и расоведения. Мы указывали уже, что работы Бэра по антропологии курганного населения явились исходными для исследований А. П. Богданова, с именем которого связан целый большой этап в развитии отечественной антропологии. Получили продолжение в России и другие антропологические работы Бэра⁸⁴. Разработанная им краниологическая методика легла основу всех дальнейших краниологических работ как в России, так и за рубежом. Известно, что работа Бэра «О папуасах и альфурах» произвела в Миклухо-Маклае особый интерес к Новой Гвинее, что это исследование Бэра определило в очень большой степени план и программу антропологических работ Миклухо-Маклая как на Новой Гвинее, так и на Филиппинских островах и на Малакке.

Вернемся в связи с этим снова к изложению работы Бэра. Какое содержание терминов «папуасы» и «альфуры»? Этот вопрос в то время когда Бэр писал свою работу, был очень неясен. Тщательнейшим образом проанализировав все имевшиеся в литературе сведения — сообщения путешественников, мнения антропологов, Бэр пришел к выводу, что в населении Новой Гвинеи следует различать два типа: один, распространенный преимущественно на западе Новой Гвинеи, — собственно папуасы, другой во внутренних районах острова — альфуры. Проследивая распространение этих типов и за пределами Новой Гвинеи, Бэр развивает следующую гипотезу: население Меланезии относится к двум расам: одна из них — австралийская, другая — сходная с негрской расой Африки. Ко второй расе принадлежат папуасы. Альфуры, сближающиеся в целом с австралийцами, отличаются от них своими курчавыми волосами. Тип альфуров сложился, по Бэру, в результате смешения австралийского папуасского типов. Но это только гипотеза, подчеркивает Бэр, гипотеза, нуждающаяся в проверке, в серьезных исследованиях, требующих организации специальной экспедиции.

Такая экспедиция и была предпринята Н. Н. Миклухо-Маклаем.

Работа Бэра увлекла Миклухо-Маклая не только своими специальными антропологическими проблемами. Моногенизм Бэра, его взгляды на видовое единство человечества, связывали для Миклухо-Маклая эти специальные вопросы с высокими задачами борьбы за равенство человеческих рас, за права угнетенных колониальных народов.

Когда Миклухо-Маклай в 1869 г. представил в Географическое общество проект организовать на Новую Гвинею экспедицию, которая наряду с зоологическими и географическими задачами имела бы целью «разрешение антропологических и этнографических вопросов», К. М. Бэр своим авторитетом поддержал ходатайство молодого ученого⁸⁵. Во время своих путешествий Миклухо-Маклай находился в постоянной переписке с Бэром. Ему он слал свои первые отчеты, с ним делился своими первыми наблюдениями⁸⁶. Указаниями Бэра руководился Миклухо-Маклай, предпринимая свои путешествия на Филиппинские острова, на Малакку. Рассмотрение всех тех вопросов в антропологических исследованиях Миклухо-Маклая, которые стоят в связи с работами Бэра, увело бы нас слишком далеко. Но и сказанного достаточно, чтобы вспоминать имя Бэра, когда мы оцениваем великие заслуги Миклухо-Маклая перед нашей наукой.

⁸⁴ См. Д. Н. Анучин, О древних деформированных черепах, найденных в России, «Изв. Об-ва любителей естествознания», т. I, 1887.

⁸⁵ Хотя Бэр и предостерегал Миклухо-Маклая, указывая на грозившие ему опасности (см. Н. Н. Миклухо-Маклай, Собрание сочинений, т. III, часть первая, М., 1951, стр. 50).

⁸⁶ Об этом Миклухо-Маклай неоднократно пишет в своих дневниках и специальных антропологических статьях (см. Собр. соч., т. I, II, III).

III

Антропологические работы Бэра имеют, как мы уже указывали, в значительной степени и историко-этнографический характер. Интерес к этнографии проявился у Бэра уже на первых этапах его научной деятельности. Некоторые из ранних его докладов, прочитанных в научных обществах Кенигсберга, посвящены этнографическим темам⁸⁷. Этнографические интересы Бэра с большой полнотой проявились после его приезда в Петербург. Россия с ее многонациональным населением, Петербургская Академия, еще в XVIII в. прославившаяся своими этнографическими исследованиями страны, Академия, где задолго до Бэра проводили свои этнографические работы Крашенинников, Паллас, Лепехин, Георги и другие выдающиеся ученые и путешественники, представляла благоприятную почву для развертывания этнографических интересов Бэра.

Этнографическая деятельность Бэра была связана, помимо Академии наук, с Русским географическим обществом. В 1845 г. Бэр выступил одним из инициаторов организации этого общества и был, повидимому, одним из авторов поданной министру внутренних дел Л. А. Перовскому докладной записки «Об основании Русского географо-статистического общества»⁸⁸. В этой записке, сформулировавшей задачи и программу Общества, особо подчеркивается его роль в популяризации научных знаний и одна из основных задач Общества определяется как «распространение в отечестве нашем, вместе с основательными географическими сведениями, вкуса и любви к географии, статистике и этнографии»⁸⁹. Этнография здесь понимается широко, как «познание разных племен, обитающих в нынешних пределах государства, со стороны физической, нравственной, общественной и языковедения, как в нынешнем, так и в прежнем состоянии народов»⁹⁰. На первом собрании членов Общества 7 октября 1845 г. Бэр был назначен «управителем» отделения этнографии и руководил им до 1848 г.⁹¹ В своем докладе, зачитанном в Собрании Русского географического общества 6 марта 1846 г.⁹², Бэр писал: «Если б богатый человек, желая оставить прочный памятник своей любви к наукам и к России, спросил меня, что ему сделать для этого,— я ответил бы: доставьте возможность исследователям России в течение нескольких лет составить полное этнографическое описание нынешнего населения ее и дайте средства издать подобное описание. Этим вы оставите по себе сочинение, которое никогда не может быть изменено и улучшено и с коим будут справляться самые отдаленные потомки, так как ныне мы ищем сведений в творениях Геродота и вообще в первых литературных произведениях народов... Запасы для работ этнографических уменьшаются с каждым днем вследствие распространяющегося просвещения, которое сглаживает различия племен. Народы исчезают, и остаются одни имена их. История открытия Сибири показала много имен народов, которые уже не существуют. Некоторые племена близки к уничтожению, например ливы и кривинги»⁹³. Хотя небрежение к физическим и нравственным различиям разных племен ведется издавна, и вследствие того память о них теряется, но еще есть многое в этом отношении, что могло бы быть собрано и что с течением времени уменьшится, а наконец и вовсе

⁸⁷ См. выше стр. 108.

⁸⁸ См. об этом: Н. Н. Степанов, *Русское географическое общество и этнография* (1845—1861), «Советская этнография», 1946, № 4.

⁸⁹ Л. С. Берг, *Всесоюзное географическое общество за сто лет*, М.—Л., 1946, стр. 34.

⁹⁰ Там же, стр. 33.

⁹¹ Вторично Бэр стоял во главе отделения в 1859—1860 гг.

⁹² Опубликовано в «Записках Русск. географ. об-ва», кн. I, 1846, стр. 93—115; имеет второе издание 1849 г.

⁹³ По предложению Бэра акад. Шетрен совершил в 1846 г. поездку для изучения ливов и кривингов.

исчезнет. Все сведения, кои еще возможно соединить, составляют сокровище, которое с течением времени возрастает в цене»⁹⁴.

В этнографических материалах видит Бэр важнейший источник для восстановления жизни далекого прошлого народов. «Этнография нашего времени, — указывает он, — представляет современные племена в живописной картине того положения, в коем находились другие народы, давно исчезнувшие, но о коих сохранились еще неясные сказания... Сравнительная этнография описывает в настоящем те отношения, о коих история помнит, когда они уже прошли... Но кроме всеобщих сведений о различных степенях просвещения, подобное знание разных народов новейшего времени весьма важно для вывода общих заключений там, где чувствуется недостаток в собственных исторических данных. Все, что народ сохраняет от прошедшего, может повести часто к весьма важным заключениям». Этнография и история тесно связаны друг с другом: «...история человеческого общества имеет два рода данных: одни, — собранные на камне, пергаменте, бумаге, и другие, составляющие часть настоящей жизни народов». «Действительно, история, по крайней мере история просвещения, и этнография часто заимствуются одна от другой и в основаниях своих составляют одну и ту же науку»⁹⁷. Важную задачу этнографической науки Бэр видит и в том, что она, давая описания различных народов, помогает нам судить «об изменяющейся силе природы», помогает выяснить роль внешних условий в формировании культуры. Этнографическая наука, говорит Бэр, имеет и практическое значение, надо изучать жизнь народов, ибо «политика теперь более, чем когда-либо нуждается в познании особенностей племенных»⁹⁸. Бэр всячески ратует за собрание предметов быта, за организацию этнографических собраний. «Составлены целые собрания египетских редкостей и употреблены на это миллионы... но я сомневаюсь, что где-нибудь сохранили русскую балалайку, хотя через столетия настоящая балалайка будет большой редкостью»⁹⁹. Стоя во главе анатомического кабинета Академии, где были тогда сосредоточены и этнографические коллекции, Бэр энергично содействовал пополнению и организации этнографического собрания. В 1848 г. он выступил в Географическом обществе с предложением «Об устройстве при Обществе собрания этнографических предметов»¹⁰⁰. Во всей стране, писал Бэр, существует только одно этнографическое собрание — при Академии наук. Необходимо торопиться с организацией других этнографических музеев. В проектируемом музее, по мнению Бэра, должны найти свое место и археологические, и антропологические коллекции. Здесь должны быть представлены хорошие портреты типических лиц, бюсты, слепки; для этнографического музея должны быть собраны образцы одежды, украшений, утвари, оружия, памятники искусства и т. д. Бэр и в дальнейшем, как мы видели, уделял большое внима-

⁹⁴ Цит. по 2-му изданию, стр. 64—65. Эту же мысль Бэр повторил в отчете о Герингенском совещании антропологов. «Когда цивилизация уничтожит или вберет в себя эти естественные племена, то без сомнения все немногое, что еще удалось найти относительно их социальных условий и внутренней душевной жизни, все это будет считаться за драгоценнейшие жемчужины науки. Тогда с трудом будем понимать, как в наше время люди науки и правительства потратили громадные суммы на исследование растений и животных в далеких странах, на измерения гор и магнитные наблюдения — и так мало потрудились над изучением и сохранением достояния данных о жизни народов» (приведено по Холодковскому, Карл Бэр, его жизнь и научная деятельность, 1893, стр. 67).

⁹⁵ «Об этнографических исследованиях вообще и в России в особенности», Записки Русск. географ. об-ва, кн. I и II, изд. 2-е, 1849, стр. 71.

⁹⁶ Там же, стр. 72.

⁹⁷ Там же, стр. 71.

⁹⁸ Там же, стр. 73.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ «Географические известия, выдаваемые от Русского географического общества», 1848, вып. 2, стр. 35—43.

Теоретические положения Бэра в области этнографии, его взгляды на вопрос о факторах исторического процесса с наибольшей полнотой изложены им в работе: «О влиянии внешней природы на социальные отношения отдельных народов и историю человечества», относящейся к 1848 г. Основной фактор исторического процесса он видит в определяющей роли географических условий: «судьба народов определяется напечатавшейся на них, как бы неизбежно природою занимаемой ими местности»¹⁰⁸. Зависимость культуры от характера географической среды проявляется, по Бэру, на всех этапах развития человечества. «Конечно, человек снабжает себя с помощью врожденного искусства нужными ему орудиями; но местожительства должно доставлять ему материал, на котором он мог упражняться и развивать свое искусство. Природа дала ему руку, орудие чудное, с которым не могут сравниться конечности других животных; но она вдохнула в грудь его влечения разного рода, одарила его голову способностью соображения; но она бросила его в мир без оружия, без природного щита — в этом отношении самое беспомощное из всех животных, как будто хотел сказать ему: ищи и найдешь. И он начал искать, и нашел — но не везде одно и то же»¹⁰⁹. В этих строчках, очень важных для оценки общих взглядов Бэра на природу человека, мы хотим подчеркнуть его мысль о зависимости человека от природных ресурсов той или другой местности. Эту мысль он развивает далее: «Человек пользуется производительными силами природы, но создать их, умножить или уменьшить — он не может. Производящие же силы и вещества распределены частью равномерно, частью неравномерно. Неравномерно распределены преимущественно вода и теплота. Человек может переносить с собою отдельные произведения природы, но не дождь и не лучи солнца. А так как органические тела могут плодиться только при известном содержании дождя и солнечного света, то от распределения этих деятелей зависит главнейшее развитие физическое, а затем и общественное процветание народов, из жизни же отдельных народов складывается история человечества»¹¹⁰. Основной тезис Бэра гласит, что «в физических свойствах местности как бы заранее определена судьба народов и целого человечества, но осуществляют и развивают эту судьбу, конечно, только врожденные человеку стремления и способности»¹¹¹.

И в цитируемой работе Бэр развивает мысль о том, что человечество едино по своему происхождению, что различия между народами возникли в дальнейшем в ходе их исторической судьбы. «Нет причины думать, чтобы различные народы сотворены были каждый отдельно. Гораздо большим основанием можно предполагать, что разнообразие их произошло из различных влияний климата, пищи и общественного быта. А характер общественного быта зависит, если не исключительно, то во многом от физического характера страны, и можно сказать, что все различия, замечаемые в человеческом роде, произошли от различия физических условий местности»¹¹². Взгляды Бэра об определяющей роли географических условий на развитие человечества близки к воззрениям

¹⁰⁷ «Карманная книжка для любителей земледелия, издаваемая от Русского географического общества, 1848», СПб., 1849, стр. 197—235. Напечатано также на немецком языке в «Reden und kleinere Aufsätze», Zweiter Theil, St. Petersburg, 1849, стр. 3—48.

¹⁰⁸ «О влиянии внешней природы...», стр. 210.

¹⁰⁹ Там же, стр. 211.

¹¹⁰ Там же, стр. 223.

¹¹¹ Там же, стр. 230.

¹¹² «О влиянии внешней среды...», стр. 226. В другом месте Бэр писал: «Без сомнения, различия народов зависят от племенных врожденных особенностей и от влияний природных условий их положения. При сем рождается вопрос, — писал автор, — те различия, которые мы почитали в народах коренными, не произошли ли сами вследствие вышеуказанного влияния особенностей природы и теперь только медленно сглаживаются» («Записки Русск. географ. об-ва, кн. I и II, изд. 2, 1849, стр. 70).

Гумбольдта, Риттера, Гердера¹¹³. Применяя по отношению к истории общества, к развитию культуры свой крайний географический детерминизм, Бэр, который не сумел понять подлинные закономерности исторического процесса, механически переносит на человеческое общество то положение, которое он развивал по отношению к животному миру, когда в условиях внешней среды видел основной источник разнообразия форм.

Мы коснулись этнографической деятельности Бэра, поскольку она была связана с его антропологическими интересами. Они и определяли в значительной степени тот круг этнографических вопросов, которые привлекали его внимание. Этнография не занимала в научной деятельности Бэра того большого места, которое принадлежало антропологии.

В 1948 г. Бэр на посту руководителя этнографического отделения Русского географического общества сменил Н. И. Надеждин. Отражая интересы русского образованного общества того времени, руководимое Надеждиным этнографическое отделение направило свое основное внимание на изучение этнографии русского народа. В дальнейшем прогрессивная русская этнография, испытавшая влияние Чернышевского, Добролюбова, ставила себе новые задачи. И в этих условиях этнографическая деятельность Бэра, который и по своим политическим взглядам далеко стоял от революционного крыла русской науки, не могла не оказаться вне основного русла отечественной этнографии.

¹¹³ См.: Н. А. Холодковский, Указ. соч.; Н. Н. Степанов. Указ. соч., Э. Л. Радлов. К. М. фон Бэр как философ. Первый сборник памяти Бэра, Л., 1927.

Р. Л. ХАРАДЗЕ

ПРОБЛЕМА ГРУЗИНСКОЙ СЕМЕЙНОЙ ОБЩИНЫ В ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА

Существование грузинской семейной общины неоднократно отмечалось в этнографической литературе XIX в. как местными учеными, так и посетившими Грузию иностранными исследователями. Побывавший в 40-х годах в Закавказье А. Гакстгаузен в своем исследовании писал: «Обыкновенно грузины живут несколько поколений в больших семействах в одном дворе»¹. Грузинский историк Пл. Иоселиани в своем «Описании гор Душета» (1862), характеризуя общественное устройство жителей Арагвской области, останавливается на многочисленности семейной общины и отмечает следующее: «В древние времена семейства неохотно и не складились. Этот обычай нераздельности домов, особенно в горных местах, был ручательством силы, могущества и богатства домашнего очага. и теперь соблюдается. Были дома, в которых семейство заключалось в 40 и 50 душах. Таких семейств и теперь очень много»².

Сведения о семейных общинах у сванов в литературе появились раньше. В 1846 г. в газете «Кавказ» была напечатана коллективная статья Шаховского, путешествовавшего по Сванетии в 1834 г., Немировича-Данченко, побывавшего там в 1839 г., и кутаисского священника Кутателадзе, посетившего Сванетию в 1840-х годах. В этой статье сказано: «Многие побуждения, которые объясним ниже, заставляют сванетов жить вместе огромными фамилиями, нераздельно и даже в одном доме»³. Д. В. Давидовольский, путешествовавший по Сванетии в 1863 г., отмечал: «В деревне или дыме обыкновенно 12, 15 и 25 душ, выделы между братьями очень редки»⁴. А. И. Стоянов в своем «Путешествии по Сванетии», напечатанном в 1876 г., указывая на нераздельность сванской семьи, упоминает о семейных общинах, созданных путем искусственного объединения: «Сванетская семья живет вместе, в одном доме. Иногда две семьи соединяются в одну и дают взаимную присягу. Имущество становится общим. Такое соединение называется лишхвал»⁵.

Однако все эти авторы ограничивались лишь беглым указанием на существование большой семьи, без каких-либо попыток дать ее описание.

Как видно из имеющихся в литературе указаний, грузинская семейная община в свое время стала предметом исследования и В. Богишича, который, как известно, один из первых открыл богатые, относящиеся к семейной общине материалы⁶. Ознакомлению с малодоступными

¹ А. Гакстгаузен, Закавказский край, ч. I, гл. III, СПб., 1857, стр. 68.

² Пл. Иоселиани, Описание города Душета, «Зап. Кавк. отд. РГО», кн. 1862, стр. 63.

³ «Сванетия», «Кавказ», 1846, № 43.

⁴ Д. В. Давидовольский, Поездка в Сванетию, «Зап. Кавк. об-ва сван. хоз.», 1863, № 5—6.

⁵ А. И. Стоянов, Путешествие по Сванетии, «Зап. Кавк. отд. РГО», кн. 1876, стр. 433—437.

⁶ V. Bogišić. Zbornik sadasnjih pravnih obicaja u juznih slovena, Zagreb, 1901.

широкого круга специалистов, написанными на хорватском языке трудами В. Богишича способствовала изданная на французском и переведенная на русский работа Ф. Демелича⁷. Именно в этом труде упоминается о предпринятых В. Богишичем во второй половине XIX в. поездках на Кавказ, которые, по словам Демелича, ввели ученого в новый мир исследований. Ф. Демелич пишет: «В 1872 году г. Богишич предпринял обширное путешествие по различным странам Кавказа, которые ему доставили весьма любопытные данные и обширные примечания для его книги. Он объехал Абхазию, Самурзакань, Грузию и Сванетию. Главная его цель состояла в том, чтобы ставить в параллель обычаи этих стран с обычаями славянскими, ибо посредством такого приема он надеялся найти ключ к некоторым загадкам обычного права своего народа. Программа служила ему основанием для этого долгого и терпеливого изучения... Он вошел как бы в новый мир. Его уму представлялись новые многочисленные вопросы. Прежняя программа не удовлетворяла его более. Он должен был ее расширить. На основании этой новой программы г. Богишич успел собрать значительное количество обычаев, которые составят предмет другого сочинения»⁸. Судьба этого сочинения нам пока неизвестна; да и сами эти материалы Богишича еще не обнаружены.

В этнографической литературе XIX в., посвященной грузинской семейной общине, особое место занимают работы М. М. Ковалевского. Ф. Энгельс писал: «На Кавказе Ковалевский сам мог доказать ее (большой семьи.— Р. Х.) существование»⁹. Благодаря М. Ковалевскому, сведения о грузинской семейной общине были введены в круг материалов, послуживших основой для установления новой ступени в истории развития форм общественных отношений. М. М. Ковалевский изучал грузинскую семейную общину главным образом у пшавов¹⁰ во время поездки на Кавказ в 1887 г. В отношении сванов он ограничился лишь сообщением о том, что они жили большими нераздельными семьями¹¹. Это было установлено им в 1885 г. во время его пребывания в Сванетии совместно с И. И. Иванюковым¹². Но Ковалевский, устанавливая факт существования семейной общины и описывая ее, не обращал внимания на своеобразные черты семейной общины данного народа. К исследованию социального строя тех народов Кавказа, которые сохранили пережитки древнего общества, М. М. Ковалевский, как и большинство его современников, подходил лишь с точки зрения изучения общего исторического процесса и возможности восстановления истории утраченных форм общественного развития. Определяя, чем вызван его интерес к сванскому материалу, он писал: «Кого интересуют переживания родового строя, кто желал бы восстановить в мельчайших подробностях едва намеченную Тацитом картину древнегерманской жизни или восполнить этнографическими аналогиями скудные сведения византийских или арабских источников о быте наших предков славян,— найдет в обычаях сванетов богатейший материал для своих построений»¹³.

Таким образом, к изучению пережитков древних социальных отношений у кавказских народов М. М. Ковалевский в основном подходил с точки зрения установления аналогий к имеющимся описаниям ранних форм общественных отношений, стараясь подтвердить новыми этнографиче-

⁷ Ф. Демелич, Обычное право южных славян по исследованиям д-ра Богишича. Перев. с франц. В. Гецевича, М., 1878.

⁸ Там же, стр. 17.

⁹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1952, стр. 60.

¹⁰ М. М. Ковалевский, Пшавы. Этнографический очерк, «Юридический вестник», 1888, № 2; его же, Закон и обычай на Кавказе, т. II, 1890, стр. 73—74.

¹¹ М. М. Ковалевский, Закон и обычай на Кавказе, т. II, стр. 4.

¹² И. И. Иванюков и М. М. Ковалевский, У подошвы Эльбруса, «Вестник Европы», 1886, № 1—2; В Сванетии, там же, № 8—9.

¹³ М. М. Ковалевский, Закон и обычай на Кавказе, т. II, стр. 3—4.

скими фактами из быта народов Кавказа выдвинутые ранее положения. Поэтому во многих случаях новый факт, не имеющий отражения в других описаниях, оставался вне поля зрения исследователя.

Несмотря на указанные методологические особенности, а также неточности, допущенные при фиксации грузинского этнографического материала, М. М. Ковалевский своими теоретическими обобщениями материала по семейной общине поднял изучение данного вопроса на принципиальную высоту, способствовал привлечению к этой теме внимания других исследователей.

Интерес, проявленный во второй половине XIX в. к русской сельской общине, нашел отражение и в грузинской общественной мысли, внимание которой, так же как и в России, было привлечено к изучению различных форм так называемого общинного землевладения. В периодических изданиях печатаются передовицы, посвященные этим вопросам, а также помещаются отдельные статьи на указанную тему, затрагивающие попутно и вопросы семейной общины.

В газете «Дрозба» в 1884 г. были помещены статьи З. Гулисашвили, посвященные описанию общинного землевладения в отдельных районах Кахетии и Картли¹⁴. Часть этих статей в кратком переводе была помещена и в газете «Кавказ», которая в примечании от редакции подчеркнула ее актуальность: «Статьи эти представляют большой интерес для всякого занимающегося вопросом об общинном землевладении у нас, почему и позволим себе познакомить с ними вкратце наших читателей»¹⁵.

В первой статье говорится о семейной общине у кизикцев, населявших один из районов Кахетии и не испытывавших крепостного права. Наличие семейной общины у кизикцев, по мнению автора, было результатом существования общинного землевладения. Семейная община, по определению автора, представляла собой основанную на трудовом начале артель в составе восьми-девяти братьев, каждый из которых ведал определенно отраслью хозяйства. Один брат занимался овцеводством, другой — разведением крупного рогатого скота, третий — свиноводством, четвертый — земледелием, пятый — домашними работами, в которые входило также виноградарство, и т. д. Семья имела своего «старшего человека», защищавшего ее интересы на сельских сходах и принимавшего участие в решении общественных дел. В такой семье насчитывалось до 60 человек, занятых работами в доме и на поле. Все большие семьи отличались состоятельностью, каждая из них платила в год триста рублей налогов, покрывая тем самым большую часть общего налогового обложения, распределяемого сельским сходом подымно.

Вопрос о состоятельности семейной общины авторы конца XIX в. выдвигали на первый план. По имущественному положению крестьянское население разделялось на три категории: самых состоятельных («такаци»), средней состоятельности («шуа каци») и наименее состоятельных («боло каци»). Семейные общины относились обычно к первой категории. По степени обложения налогами население также делилось на указанные три категории. Разделы общинных земель производились соответственно установленным по этому принципу категориям. Наименее состоятельные — «чарекис каци» — получали одну меру земли, «нахевари литриса» — две меры, а «литрис каци» — три меры земли¹⁶.

Незадолго до исследований З. Гулисашвили вопросам общинного зем-

¹⁴ Ша кро, Общинное землевладение в Грузии, газ. «Дрозба», 1884, № 168, 267, 269, 270. Под псевдонимом «Шакро» выступал З. Гулисашвили. См. Захаров, Гулисашвили, Рассказы и исследования, Тбилиси, 1953 (на груз. яз.).

¹⁵ «Кавказ», 1884, № 285.

¹⁶ См. М. В. Мачабели, Экономический быт государственных крестьян Тифлиского уезда, «Материалы для изучения экономич. быта гос. крестьян Закавказья», т. V, 1887, стр. 198.

владения в Иорском ущелье были посвящены статьи З. Биланишвили, указывающие на существование там двух видов землепользования — подворного и общинного. Статьи З. Биланишвили были напечатаны сначала на грузинском языке в газете «Дрозба»¹⁷, а потом в русском переводе в газете «Кавказ»¹⁸. Обе газеты подчеркивали актуальность затронутого в них вопроса, потому что, как было отмечено в передовой статье газеты «Дрозба», «вопрос этот современными исследователями увязывается с практическими целями устройства общественного благополучия»¹⁹.

Оба названных автора видели общественную пользу семейной общины в ее материальных возможностях. Они старались показать практическую заинтересованность жителей села в сохранении семейных общин как основных плательщиков налоговых обложений. Такое подчеркивание значения семейной общины характерно и для других авторов конца XIX в.

В этом отношении особого внимания заслуживает статья Иосифа Цискарашвили, писавшего под псевдонимом И. Кахели. Он дает подробное описание семейной общины Гогишвили из с. Земо-Мачхаани (Сигнахского района)²⁰. Семья состояла из 56 членов, среди них 25 было вполне трудоспособных. Двор семейной общины Гогишвили, в котором стояло 12 каменных домов, по своему общему виду был более похож на квартал, чем на владения одной семьи. Семья эта имела две полные упряжки («гутнеули») — т. е. 16 пар волов, более 5 тыс. баранов, до 600 коров, 200 лошадей, 300 свиней и т. д. «Каковы результаты такого объединенного труда, — пишет И. Цискарашвили, — на это указывает само количество одного только зернового урожая, равняющегося 60 арбам пшеницы, 50 арбам ячменя, 80 арбам ржи и 30 арбам кукурузы, собираемой с полей семьи Гогишвили. ...А кроме того, они имели большое количество шерсти, сыра, масла, о чем свидетельствует названное поголовье скота...». Автор отмечает гостеприимство этой семьи и сообщает, что взаимоотношения ее членов были основаны на общем согласии и взаимном уважении.

И. Цискарашвили стремился показать, что благосостояние описываемой им семьи основано именно на ее нераздельности и что раздел семейной общины представляет собой отрицательное явление с точки зрения интересов как отдельной семьи, так и всего села.

Как и большинство его современников, касавшихся настоящего вопроса, И. Цискарашвили считал особым преимуществом наличие в селе большого числа неразделенных семейных общин, облегчающих выполнение налоговых обязательств. Считая семейные разделы основным бичом крестьянства, И. Цискарашвили положительно относился к мероприятиям, способствующим их сохранению. Он ссылаясь, например, на передовую статью газеты «Ивериа», где рекомендовалось вмешательство сельских сходов в вопросы раздела семейных общин²¹.

Таким образом, статья И. Цискарашвили была направлена на то, чтобы доказать экономическое преимущество семейной общины перед малыми семьями.

Особое место в изучении древних форм общественных отношений занимают работы видного грузинского этнографа второй половины XIX в.

¹⁷ З. Биланишвили, Наше землевладение, Корреспонденция из Иорского ущелья (на груз. яз.), «Дрозба», 1884, № 51 и 52.

¹⁸ З. Биланишвили, Землевладение в Иорском ущелье, «Кавказ», 1884, № 62.

¹⁹ «Дрозба», 1884, № 162.

²⁰ И. Кахели, Корреспонденция из Кахетии, «Ивериа», 1887, № 21 (на груз. яз.).

²¹ Такая же рекомендация содержится в исследовании Н. К. Никифорова «Экономический быт государственных крестьян Душетского уезда Тифлисской губ.». Касаясь вопроса регулирования разделов семейных общин посредством официального вмешательства сельских сходов, Н. К. Никифоров отмечает необходимость этого мероприятия («Материалы для изучения экономического быта гос. крестьян Закавказья», т. V, ч. II, стр. 24—25).

Н. Хизанашвили²², содержащие богатый фактический материал о гор Восточной Грузии. В статье «Древняя грузинская семья» он привел отдельные сведения древних писателей о народах Кавказа и Персии Азии, свидетельствующие о существовании у них в прошлом древних форм семьи. Автор не останавливается специально на описании грузинской семейной общины, но указывает на ее существование в связи с разбором отдельных параграфов грузинского гражданского права XIV и XVIII вв. Он отмечает, что права старшего брата при разделе семейного имущества о которых говорится в законах царя Вахтанга, а также частично в законе Агбуги, отражали характерную сторону уклада древней грузинской семьи, в которой строго соблюдалось деление «на старших и младших». Необходимость такого деления Н. Хизанашвили обосновывает главным образом тем, что древняя грузинская семья была многочисленна и вследствие этого требовала соблюдения в ней иерархических отношений, и наказания одного члена другому²³.

Картлийской семейной общине посвящена статья Н. Л. Абазадзе, который производил исследования в Горийском уезде²⁴.

Автор не дает полного описания жизни семейной общины, а касается отдельных сторон ее. Останавливаясь на родственном составе семейной общины, он отмечает существовавший здесь обычай усыновления. Описывая общий вид, а также планировку и внутреннее распределение жилищ в помещении семейной общины, автор подробно рассматривает «дарбазу» в котором располагалась вся семейная община. Он сообщает, что наличие общего помещения для большого числа членов семьи его информаторы объясняли тем, что «этим устраняется возможность утайки общего добра, что жизнь на виду у всех предупреждает раздоры между отдельными членами семьи, сплетни и лень»²⁵.

Н. Л. Абазадзе правильно отметил неточность, допущенную М. М. Ковалевским при определении порядка назначения в пшавской семейной общине старшей женщины. М. М. Ковалевский писал, что якобы «главство представляется ежегодно одной из невесток»²⁶. В действительности же, как поясняет Н. Л. Абазадзе, не хозяйка назначается на год, а только соблюдается годичная очередность в выполнении хозяйственных обязанностей невестками. Ежегодно перераспределение этих обязанностей производится хозяйкой «диасахлиси»²⁷. Собранные впоследствии нами данные о пшавской семейной общине полностью подтверждают сообщения Н. Л. Абазадзе.

Изучая картлийские поселения, Н. Л. Абазадзе обратил внимание и на такие вопросы, которые генетически связаны с семейной общиной, вместе с тем представляют самостоятельный интерес для установления типа расселения. Н. Л. Абазадзе отметил, что «деревни, в которых жили только однофамильцы..., как показывает и название их кари (двор) и кубани, образовались из распавшихся больших грузинских семей»²⁸.

Объясняя как возникновение картлийской семейной общины, так и длительное существование отчасти религиозными представлениями, в основном все же хозяйственными особенностями края, Н. Л. Абазадзе указывает на существовавшую там систему пахоты большим плугом, т.

²² Н. Хизанашвили (Урбнели), Статьи по этнографии, «Материалы по этнографии Грузии», Тбилиси, 1940 (на груз. яз.). Под редакцией и с предисловием Г. С. Читая.

²³ Н. Хизанашвили, Древняя грузинская семья, «Дрозба», 1885, № 1, см. его же «Статьи по этнографии», стр. 155—170.

²⁴ Н. Л. Абазадзе, Семейная община у грузин, «Этнографическое обозрение», 1889, кн. III, стр. 13.

²⁵ Там же, стр. 15.

²⁶ См. по этому поводу М. О. Косвен, Очерки по этнографии Кавказа, «Советская этнография», 1946, № 2, стр. 113 и 115.

²⁷ Н. Л. Абазадзе, Указ. раб., стр. 17—18.

²⁸ Там же, стр. 18.

бывавшую 8 пар буйволов и быков и по крайней мере 4 рабочих, что и определяло значение семейной общины у картлийцев. Он пишет: «Возникновение семейных общин у грузин, как и происхождение всех вообще однохарактерных с данным видом сожителства агнатов, можно объяснить как, с одной стороны, религиозными представлениями грузин о необходимости поддержания религиозного культа (почитания предков), так, с другой, теми экономическими условиями, среди которых приходится жить грузину. Занимая удобные места для земледелия и виноделия, жители Грузии издавна занимаются этими видами промышленности. Глубокий и жирный чернозем страны с его своеобразной оранкою требует, однако же, много рабочих рук и скота. Чтобы обработать землю, земледelec составляет гутани (плуг с многоголовой упряжью) из 8 пар буйволов и быков и по крайней мере 4 рабочих, и только с такими силами он может вспахать землю. А сколько труда и усилий при дальнейшем ее возделывании! Не мало рабочих рук и времени требует и возделывание виноградника». «Благодаря такого рода занятиям,— заключает автор,— семейная община грузин нашла твердую почву для прочного и незыблемого существования»²⁹. Он подробно излагает экономические преимущества картлийской семейной общины перед малой семьей: «...большая грузинская семья пользуется бoльшим достатком, чем уже обособившиеся малые семьи. Первая часто имеет свои собственные поземельные владения, притом в достаточном количестве, несколько пар буйволов и быков, коров и лошадей, стадо баранов и свиней, тогда как малая семья обыкновенно живет на помещичьих, казенных или церковных землях, которые обрабатываются соединенными силами нескольких простых семей. Гутани (плуг) не может сложить одна простая семья на свои средства, поэтому для составления его приходится прибегать к артели, в которой участвуют несколько простых семей: кто личным трудом, выставляя работника, кто предоставлением скота и орудий, необходимых для «гутани» и т. п., за что «гутани» обязан пахать земли каждой семьи пропорционально вложенному ею труду или ценности выставленного ею для «гутани» орудия. Часто один «гутани» складывается средствами и усилиями целой деревни. Большой семье редко когда приходится прибегать к такому артельному началу, так как она обыкновенно имеет свой собственный плуг и иногда даже не один, а два»³⁰.

Н. Л. Абазадзе использует все доводы, чтобы показать, что семейная община продолжает сохранять прогрессивное значение. «Решительное благосостояние больших грузинских семей сравнительно с малыми, замечаемое в Карталинии,— пишет он,— заставляет заключить, что такая организация хозяйства, где только она еще возможна, и теперь благодетельна для крестьян, не говоря уже о прошедшем, когда семьи с таким строем, по уверению стариков, положительно благоденствовали»³¹.

Для доказательства того, что семейная община была обусловлена хозяйственными особенностями страны, Н. Л. Абазадзе приводит уже не раз использованную и другими авторами историческую справку о том, что грузинское законодательство препятствовало дроблению семьи. «Статья 98-я законов царя Вахтанга,— пишет он,— прямо говорит, что царь или господин всеми мерами должен всячески стараться посредством увещания старших, угроз младшим или наказания посевающих между ними раздор умиротворить их и отклонить от раздела»³². И далее: «Крестьяне и теперь сознают выгоду такой семьи: по их мнению, чем больше в доме, тем он считается счастливее, так как в нем можно найти обеспеченную и безмятежную жизнь. Отсюда естественно, что грузины

²⁹ Там же, стр. 19.

³⁰ Там же, стр. 28.

³¹ Там же.

³² Там же, стр. 19.

(т. е. картлийцы.— Р. Х.) по тем же признакам, как и пшавы, смотрят на разделы недружелюбно: по их понятиям, семья от них необходимо должна прийти в упадок»³³.

Идеализируя внутренний строй семейной общины, Н. Л. Абазадзе считает ее единственно целесообразной формой семьи для картлийцев. Он отмечает, что с XIX в. наступил новый период в ее развитии: «...семейную общину грузин мы застаем теперь в том периоде ее существования, когда с чисто патриархальными, родовыми началами столкнулось экономическое, трудовое начало»³⁴. Правильно подчеркивая значение экономического принципа в объединении членов грузинской семейной общины XIX в., автор в то же время допускает неточности в освещении вопроса о трудовом начале. Он пишет: «Подтверждением той мысли, что в современной общине грузин ярко и рельефно выступает трудовое начало, может отчасти служить, во-первых, то, что при дележе каждому члену предоставляется имущество пропорционально интенсивности его участия в общей семейной наживе, во-вторых, то обстоятельство, что нерадение и равнодушие одного члена к общему делу является поводом распада большой семьи»³⁵. В действительности все наследственное имущество делилось только по братьям, и в этом случае никакие другие права, кроме родовых, во внимание не принимались. Благоприобретенное же имущество действительно делилось по числу членов, участвующих в общей трудовой жизни семьи. Таким образом, утверждение Н. Л. Абазадзе о том, что права членов семейной общины были основаны только на трудовом принципе, создает неверное представление об ее характере.

Нельзя также согласиться и с некоторыми другими утверждениями автора. Он, например, пишет, что «в грузинской семейной общине главою может быть выбран и парень, помимо отца семейства, в «упроси кали» дома может быть выбрана девушка, помимо старухи матери»³⁶. Несмотря на то, что возраст действительно не являлся единственным показателем при разрешении вопроса о главенстве в семье, однако, по существующему патриархальному принципу, решающее значение имели деления по поколениям, поэтому «парень» и «девушка» не могли быть избраны руководителями семьи.

Работа Н. Л. Абазадзе, несмотря на явную идеализацию внутреннего строя семейной общины, является ценным исследованием по данному вопросу.

Большой фактический материал по этнографии сванов содержится в трудах Бесариона Нижарадзе, выступавшего под псевдонимами «Тависупали Свани», «Бесариона Свани» и «Свани». Сван по происхождению, он был хорошо знаком с бытом и культурой своего народа.

Одно из центральных мест в его работах занимают описания сванского обычного права³⁷. Изучением сванской семейной общины Б. Нижарадзе специально не занимался. Он касался этого вопроса только с точки зрения имущественно-правовых взаимоотношений членов семьи и особенно останавливался при этом на правах и обязанностях женщины. Специально выделены автором вопросы брака: разводы, двоеженство, брак вдовы с деверем. Ни одно из этих явлений автор не считает пережитком древних обычаев, а находит своеобразное объяснение им в современном быту. Например, брак деверя с невесткой он объясняет меньшим в то время в Сванетии числом женщин по сравнению с мужчинами, а двоеженство — бездетностью женщин.

³³ Н. Л. Абазадзе, Указ. раб., стр. 19—20.

³⁴ Там же, стр. 27.

³⁵ Там же.

³⁶ Н. Л. Абазаде, Указ. раб., стр. 15. «Упроси кали» букв.— «старшая женщина».— Р. Х.

³⁷ Тависупали Свани, Обычное право в Сванетии, «Иверия», 1886, № 23, 55, 64 (на груз. яз.).

Отмечая многочисленность сванской семьи, Б. Нижарадзе не вдается в изыскание причин сохранения семейной общины во второй половине XIX в. Он ограничивается лишь указанием на то, что сваны не любят разделов: «при разделе семьи очаг заливается водой, т. е. гаснет семья,— так говорят сваны»,— пишет автор.

Несмотря на то, что отдельные обобщения и объяснения бытовых явлений в работах Б. Нижарадзе не всегда приемлемы, материалы, приводимые этим автором, для которого быт, культура и язык сванов были родными, представляют ценность первоисточника.

Все приведенные выше авторы, идеализируя внутренний строй семейной общины, стремились доказать необходимость ее сохранения в интересах благоустройства крестьянской жизни.

В грузинской прессе XIX в. были отражены и диаметрально противоположные взгляды. Носители их увязывали образование малых, индивидуальных семей с вопросом «свободы личности» и решительно высказывались против всяких искусственных ограничений разделов семейных общин.

Так, например, грузинская газета «Шрома»³⁸ в передовой статье 1883 г. отмечала, что с начала 1880-х годов крестьянская семейная жизнь значительно изменилась, так как начались разделы между братьями, а также между отцами и сыновьями. Разделы эти в основном коснулись равнинной части Грузии. Ссылаясь на законы царя Вахтанга, автор статьи указывает, что в старое время семейные разделы не одобрялись. В феодальной Грузии семейная община могла получать право на раздел только за определенное вознаграждение. Кроме того, каждая из выделившихся семей после раздела должна была выполнять все отработки, которые до того возлагались на всю общину. С отменой крепостного права разделы семейных общин участились, так как все указанные виды оброка были упразднены.

Автор статьи старается доказать, что основным стимулом, побуждающим к семейным разделам, является стремление к «свободе личности». В статье высказывается благосклонное отношение к семейным разделам и отрицается необходимость искусственных препятствий к ним.

В основном та же мысль несколько позже была развита А. Аргутинским в его статье, посвященной семейным разделам у имеретин³⁹. Пользуясь актами посемейных разделов, автор останавливается главным образом на обычае выделения посредников при разделе семьи, на разделе имущества между братьями и на вопросе о приданом девушкам. Семейную общину А. Аргутинский называет сильной семьей, подчеркивая тем самым ее экономическое преимущество перед малой семьей.

Автор специально останавливается на развитии в крае новых отраслей промышленности, «открывших возможность находить для местного населения пропитание за пределами семейного хозяйства». Однако главной причиной разложения семейной общины у имеретин он признает стремление к осуществлению идеи «свободы личности». «Новые условия,— пишет А. Аргутинский,— с одной стороны, пошатнули прежнее натуральное хозяйство больших семей путем конкуренции более производительного машинного труда с малопродуктивным ручным, с другой,— подняли значение личности, уже не желающей мириться с прежним бесправием, и дали ей возможность найти приложение своему труду и вне дома». Автор не обратил соответствующего внимания на непосредственное значение для имеретинской семейной общины развития новых отраслей промышленности. Во второй половине XIX в. отдельные члены имеретинской семейной общины постоянно работали в промышленности, но свои зара-

³⁸ «Шрома», 1883, № 7.

³⁹ А. Аргутинский, Семейные разделы у имеретин, «Новое обозрение», Тифлис, 1893, № 3174, 3175.

ботки все еще продолжали употреблять на общие нужды семьи. Углубление этого противоречия, т. е. развитие индивидуального труда при сохранении коллективной формы потребления, неизбежно должно было привести к распаду семейной общины.

Не связывая разложения семейной общины непосредственно с формой труда, А. Аргутинский дал этому факту чисто идеалистическое объяснение. Он рассматривал вовлечение отдельных членов семьи в промышленность и образование малых — индивидуальных семей главным образом как средство для осуществления идеи «свободы личности».

В литературе второй половины XIX в., посвященной вопросу социально-экономических отношений в Грузии, особо выделяются исследования М. В. Мачабели, в которых дается также и частичная характеристика грузинской семейной общины. Основное место здесь уделено пшавской семейной общине, сведения о которой собраны автором в Арагвской Пшавии и среди пшавов Иорского ущелья.

М. В. Мачабели отмечает демократичность управления в пшавской семейной общине и отсутствие в ней деспотической власти, но ошибочно сообщает о ежегодном избрании «старшей женщины». Это утверждает М. В. Мачабели вызывает недоумение, так как оно не соответствует его описаниям, которые мы изучали при просмотре оставленного архивного материала⁴⁰. Касаясь имущественно-правовых отношений членов семьи, М. В. Мачабели обращает внимание на существование личной собственности женщины — «сатавно»⁴¹.

Исследуя вопросы экономического быта грузинского населения Тифлиской губернии, М. В. Мачабели более подробно описывает с. Диди Лило, принадлежавшее некогда самим Мачабели. Материал, собранный автором в Диди Лило, в его печатной работе использован лишь частично. Он подробно разбирает вопрос о земельных переделах и отмечает основную причину раздоров, возникавших на этой почве между бедными и богатыми дымами при распределении общественных земель. «Обыкновенные богатые крестьяне, имеющие возможность во всякое время явиться со своими плугами, запахивают лучшие участки из этих общественных земель, пока бедному придет очередь воспользоваться товарищеским плугом, все лучшие земли оказываются уже занятыми, и ему ничего не остается делать, как начать пахать вдали от селения и на худшем месте и т. д.»⁴². Судя по более подробным записям, содержащимся в архиве М. В. Мачабели, споры в таких случаях происходили между представителями семейных общин и индивидуальных семей.

Сохранившиеся в архиве М. В. Мачабели конкретные описания взаимоотношений, установившихся в XIX в. между семейными общинами и индивидуальными семьями в с. Диди Лило, представляют большой интерес для изучения грузинской семьи в позднефеодальный период.

Все семьи в с. Диди Лило, по описанию М. В. Мачабели, делились на «оджахисшвилоба» и «комлоба». Первые представляли собой многочисленные зажиточные семейства, при этом настолько древние, что предания о первоначальном их образовании были уже утрачены, вторые же были малочисленны и по своим средствам значительно уступали первым. М. В. Мачабели подробно описывает семейную общину Тинашвили, в которой было 60 членов. Несмотря на то, что вся земля в с. Диди Лило находилась в общинном владении, семья Тинашвили располагала большим количеством пахотной земли, доходившим в общей сложности до 20 «дгиури» (дней пахания). Она пахала в два, а иногда в три плуга пр

⁴⁰ Архив М. В. Мачабели (на груз. яз.) хранится в рукописных фондах Музея Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа.

⁴¹ М. В. М а ч а б е л и, Экономич. быт гос. крестьян Тионетского уезда Тифлиской губернии, «Материалы для изучения экономич. быта гос. крестьян Закавказья», т. 1, стр. 398—402.

⁴² Там же, стр. 196.

восьмипарной упряжке. Право на находившиеся в семейном пользовании общинные земли со временем стало наследственным. Но на сельских сходах продолжали обсуждаться вопросы о земельных переделах. Требования о переделах земли обычно выдвигали представители малых семей. Большие семьи резко возражали против этого и, имея на своей стороне большую силу, препятствовали проведению их в жизнь.

М. В. Мачабели дал описания самих сходов. На этих сходах были представлены, по словам автора, «два враждебных типа семейств», образовавшихся на почве их экономического неравенства. «При обсуждении общих вопросов,— пишет М. В. Мачабели,— оджахисшвилеби и бедняцкие комлоба всегда сталкиваются друг с другом.

При выделении сходом общих пахотных или пастбищных земель, а также при обсуждении какого-либо другого вопроса споры и ссора между ними были неизбежны. Бедняцкие комлоба выставляют своих ораторов, которые борются за защиту их интересов и сталкиваются с оджахисшвилеби. Многие из этих ораторов настолько красноречивы и так блестяще доказывают представителям противоположного лагеря их нечестность и указывают на учиненные ими над бедняками грабежи, что часто переводят на свою сторону большинство из присутствующих на сходах представителей отдельных семей. Несмотря на это, старания ораторов, добывающихся переделов пахотной земли, оказываются тщетными. ...Как видите, в деревне существуют два различных типа семейств, которые являются при этом врагами друг друга».

М. В. Мачабели доказывает, что такое положение наблюдается не только в Диди Лило, но и во всех близлежащих селениях: Патара Лило, Марткопи, Норю, Ахалсопели и других. Везде большая часть общинных земель находится в наследственном пользовании семейных общин, и всякие начинания бедняцких семей, связанные с установлением земельных переделов, кончаются неудачей, встречая сильное противодействие со стороны экономически мощных семейных общин.

С разделом семейных общин менялось материальное благосостояние семьи. М. В. Мачабели пишет, что село радуется при разделах семейных общин, так как они после разделов приравниваются к малым семьям.

Материальное благосостояние образованных посредством раздела семейной общины отдельных малых семей резко снижалось. Это принималось во внимание и сельским сходом при разложении посемейных взносов. Малая семья не в состоянии уже была поддерживать прежнюю рентабельность выделенной ей части имущества, так как с разделом семейной общины она теряла возможность общинного производства, поэтому доходы ее ежегодно уменьшались.

Од ж а х и с ш в и л о б а была в хозяйственном отношении более независимым объединением. Она обладала такими средствами производства, необходимыми для земледельческого хозяйства, как плуг с восьмипарной упряжкой. К о м л о б а же могла вести свое хозяйство только лишь посредством супруги — м о д г а м о б а, т. е. путем объединения рабочей силы и орудий производства нескольких малых семей.

И. В. Сталин в статье «Аграрный вопрос», напечатанной впервые в газете «Элва» в 1906 г., характеризуя существовавшее между крестьянами того времени имущественное неравенство, писал: «Можно ли думать, что хозяин восьми пар волов в той же мере использует землю, как хозяин, не имеющий ни одного вола? А социалисты-революционеры думают, что «уравнительным землепользованием» уничтожится наёмный труд и настанет конец развитию капитала, что, конечно, абсурдно»⁴³.

Особенно ценно, что М. В. Мачабели в своих описаниях обращал внимание не только на отдельные стороны внутренней жизни самой семей-

⁴³ И. В. Сталин. Соч., т. 1, стр. 220.

ной общины, подробно характеризуя ее состав, имущество, управление, разделение труда между членами семьи, но касался ее взаимоотношений с другими семьями, освещая некоторые стороны общественно-экономической жизни всего села.

По внутреннему укладу — общинная собственность, демократическое управление, четкая организация труда — автор рассматривал семейную общину как положительное явление. Но в то же время он отнюдь не был склонен идеализировать складывавшиеся общественно-экономические отношения в селе. В его описаниях ярко отражен процесс углубления имущественного неравенства среди крестьян, обусловленный развитием капиталистических отношений в сельском хозяйстве. Его материалы, показывающие на конкретном примере имущественное превосходство грузинской семейной общины XIX в. и ее значение в процессе дифференциации крестьянства, являются ценным источником для изучения данного вопроса⁴⁴.

В основном литература XIX в. по вопросу о грузинской семейной общине отражала, как было видно из приведенного выше обзора, два диаметрально противоположных направления. Одна часть авторов, придерживаясь народнических взглядов, идеализировала семейную общину как общественно-хозяйственную организацию, якобы претворившую в жизнь идею общей собственности, коллективную форму труда и потребления при общедемократическом управлении. Другие авторы доказывали преимущества индивидуальной семьи и, рассматривая этот вопрос с позиций буржуазного либерализма, объясняли участвовавшие разделы семейных общин стремлением к «свободе личности». Тем не менее фактические сведения, приведенные в рассмотренных работах, позволяют выявить изменение роли семейной общины и ее значения в земледельческих районах Грузии в соответствии с общим ходом исторического процесса.

К началу XIX в. в социально-экономической жизни крестьянства семейная община, как многолюдная хозяйственно-родственная организация, все еще сохраняла определенное значение, хотя и в различной степени. Но в условиях феодального строя, когда крестьянство в правовом и экономическом отношениях находилось во власти феодала, семейная община могла располагать лишь некоторыми средствами производства, так как основное из них — земля была собственностью помещиков.

После отмены крепостного права, с переходом части земель во владение многосемейных крестьянских хозяйств, общественно-экономическая сущность семейной общины приобретает специфический характер. В тех районах Грузии, где капиталистические производственные отношения в деревне развивались более интенсивно, семейные общины, сосредоточившие в своих руках основные средства производства, выступали как представители зажиточной части населения и постепенно захватывали в свои руки управление всей жизнью села, что углубляло процесс имущественной и социальной дифференциации крестьянства и ускоряло образование двух противоположных лагерей: лагеря кулаков и лагеря бедноты. В этот период экономические условия Грузии резко меняются. С развитием промышленности увеличивается отходничество, которое затрагивает и семейные общины. Но такие семейные общины, часть членов которых стали отходниками, распадаются не сразу. Некоторое время в них индивидуальный труд уживается с коллективным потреблением. Заработки отходников поступают в общее распоряжение семьи, наряду с доходами, получаемыми от занятий сельским хозяйством.

На данном этапе своего развития семейная община носит дуалистический характер и содержит те противоречия, которые подрывают ее основы и приводят к ее полному уничтожению.

⁴⁴ Более подробно вопрос рассматривается в I разделе подготовляемой автором монографии «Грузинская семейная община», кратким изложением которого является настоящая статья.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Я. Я. РОГИНСКИЙ

К ВОПРОСУ О ПЕРЕХОДЕ ОТ НЕАНДЕРТАЛЬЦА К ЧЕЛОВЕКУ СОВРЕМЕННОГО ТИПА

(Ответ нашему критику)

В открытой статье М. С. Плисецкого на страницах журнала дискуссии о неандертальских погребениях одним из центральных является вопрос о соотношении человека неандертальского типа и современного человека. В конечном счете вопрос о неандертальских погребениях является частным вопросом этой более широкой проблемы.

Касаясь упомянутой дискуссии, мы ограничиваемся рассмотрением некоторых появившихся в недавнее время в археологической литературе высказываний, принадлежащих одному из наших крупных археологов А. Я. Брюсову.

А. Я. Брюсов в рецензии на книгу «Происхождение человека и древнее расселение человечества»¹ высказал свои соображения по поводу гипотезы о двух качественных скачках в развитии человека. Некоторые замечания по вопросам, тесно связанным с этой гипотезой, А. Я. Брюсов сделал в том же номере «Вестника древней истории», в рецензии на учебник истории древнего мира под редакцией В. Н. Дьякова и Н. М. Никольского². А. Я. Брюсов резко критикует положения В. П. Якимова, В. В. Бунака и Я. Я. Рогинского о качественных отличиях в общественной жизни, в речи и мышлении между современным человеком, с одной стороны, и его предшественниками (питекантропом, синантропом, неандертальцем) — с другой³.

А. Я. Брюсов категорически возражает против применения термина «первобытное стадо» к древнейшим и древним людям. Он считает неверным принятое многими советскими антропологами положение о том, что питекантропы, синантропы и неандертальская группа являются формирующимися людьми, постепенное развитие которых привело к появлению нового вида «готового» человека — *Homo sapiens*. А. Я. Брюсов оценивает такой взгляд как ревизию марксистского положения о том, что со времени изготовления «самого грубого каменного ножа» (Энгельс) мы имеем дело уже с людьми (стр. 113). Отрицая всякое существенное качественное отличие между *Homo sapiens* и его древними предшественниками (питекантропом, синантропом, неандертальцем), А. Я. Брюсов, естественно, совершенно не принимает гипотезы о том, что речь и мышление своего полного развития достигли только у *Homo sapiens* и что в этом наиболее важное отличие последнего от древних гоминид.

¹ «Вестник древней истории», 1953, № 2, стр. 111—117.

² Там же, стр. 81—83.

³ Положение о переходе от эпохи мустье к верхнему палеолиту как о качественном повороте было сформулировано также С. П. Толстовым в статье «К вопросу о периодизации истории первобытного общества» («Советская этнография», 1946, № 1) и М. Г. Левиным в статье «Развитие советской антропологии в свете труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» («Советская этнография», 1951, № 3).

А. Я. Брюсов сурово критикует гипотезу о наличии второго скачка в эволюции человека. «Если,— пишет он,— очистить эту гипотезу от шелухи той научной терминологии, которая, по замечанию А. Герцена нередко затемняет смысл, то в обнаженном виде она представится как утверждение, что настоящий человек возник не с изготовлением первых орудий труда, а только в верхнем палеолите» (стр. 112).

Постараемся разобраться в этом вопросе (в дальнейшем мы для краткости будем иногда условно называть ископаемого человека современным типа кроманьонцем).

1. Одно из основных положений А. Я. Брюсова гласит: «Никакого качественного скачка в общественном развитии человека на грани между нижним и верхним палеолитом вводить не следует, что не исключает возможности значительного изменения в физическом строении человека» (стр. 113). Это утверждение неправильно.

О каком значительном изменении в физическом строении человека идет речь? Всякий, кто знаком с фактами антропологии, знает, что между *Homo sapiens* и неандертальцем, а тем более синантропом, различия в строении столь велики, что необходимо говорить о совершенно разных уровнях эволюционного развития этих форм. *Homo sapiens* отличается десятками признаков от древнейших людей, еще сохраняющих, в отличие от него, глубокие и резкие черты сходства с обезьяной в строении черепа, нижней челюсти и мозга. А. Я. Брюсова, очевидно, нужно понять таким образом, что этот процесс глубоких эволюционных превращений был совершенно автономным от общественного развития. Разным ступеням развития физической природы соответствовал, по А. Я. Брюсову, один уровень развития сознания, одинаковое качество сознания. Иную точку зрения А. Я. Брюсов считает ревизией марксистского учения об антропологии. Поскольку речь идет о таком серьезном обвинении, мы считаем необходимым привести некоторые высказывания классиков марксизма по данному вопросу. Таким путем можно наиболее наглядно показать, насколько несправедливо это обвинение в ревизии марксизма. В. И. Ленин критикуя Авенариуса, присоединяется к мысли Энгельса о том, что «наше сознание и мышление, как бы ни казались они сверхчувственными, являются продуктом (*Erzeugnis*) вещественного, телесного органа, мозга»⁴. И. В. Сталин указывал, что «мышление есть продукт материи, достигший в своём развитии высокой степени совершенства, а именно — продукт мозга, а мозг — орган мышления»⁵, что «нельзя поэтому отделять мышление от материи, не желая впасть в грубую ошибку»⁶. В работе «Анархизм или социализм?» И. В. Сталин писал: «Выходит, что для развития сознания необходимо то или иное строение организма и развитие его нервной системы»⁷.

В согласии с этими основными положениями материалистической философии невозможно допустить, чтобы у синантропа и неандертальца с их плохо развитой лобной, височной и теменной долями мозга был тот же уровень развития сознания, то же качество сознания, что и у человека современного типа. Совершенно очевидно, что А. Я. Брюсов неправ в этом вопросе.

2. Если согласиться с А. Я. Брюсовым, что никакого существенного изменения в общественной жизни, в развитии речи и мышления в период от питекантропа до кроманьонца не произошло, то возникает вопрос: вследствие каких же причин произошли столь глубокие изменения в физическом строении человека, что привело к подъему его биологической организации на новый уровень? Энгельс дает ясный ответ на вопрос

⁴ См. В. И. Ленин, *Соч.*, т. 14, стр. 75.

⁵ И. Сталин, *Вопросы ленинизма*, изд. 11-е, стр. 581.

⁶ Там же.

⁷ И. Сталин, *Соч.*, т. 1, стр. 313.

движущих силах превращения обезьяны в человека: «Сначала труд, а затем и вместе с ним членораздельная речь явились двумя самыми главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьяны постепенно превратился в человеческий мозг»⁸. Таким образом, если признать, что коллективная трудовая деятельность и речь существенно развивались в четвертичное время, то понятно, в силу чего столь резко изменялась и природа формирующихся людей. Если же, как полагает А. Я. Брюсов, значительные изменения в физическом строении человека могли осуществиться без глубокой перемены в общественном развитии, а значит и в труде, то спрашивается, под влиянием каких же причин они произошли?

3. А. Я. Брюсов не считает доказанным, что термин «первобытное стадо» Ленин прилагал к людям (стр. 82). Однако есть все основания думать, что Ленин, употребляя этот термин, имел в виду не животных, а людей. Да и как иначе мог Ленин представлять себе форму общественной жизни древнейших людей, если он следовал Марксу и Энгельсу? Энгельс писал П. Л. Лаврову (12—17 ноября 1875 г.): «Первые люди, вероятно, жили стадами, и, поскольку наш взгляд может проникнуть в глубь веков, мы находим, что так это и было»⁹. Это выражение — «стадо» у Энгельса не случайно, а находится в полном соответствии с его представлениями о древнейших людях. Вот что он писал о них: «Какими люди первоначально выделились из животного (в более узком смысле слова) царства, такими они и вступили в историю: еще как полуживотные, еще дикие, беспомощные перед силами природы, не осознавшие еще своих собственных сил; поэтому они были бедны, как животные, и не намного выше их по своей производительности»¹⁰.

А вот что сказано по этому вопросу в «Немецкой идеологии»: «...начало осознания того, что человек вообще живет в обществе..., носит столь же животный характер, как и сама общественная жизнь на этой ступени; это — чисто стадное сознание, и человек отличается здесь от барана лишь тем, что сознание заменяет ему инстинкт, или же, — что его инстинкт осознан. Это баранье, или племенное, сознание получает свое дальнейшее развитие благодаря увеличению производительности, росту потребностей и лежащему в основе того и другого росту населения»¹¹.

Таким образом, классики марксизма говорят о «стадном сознании» не животных, а людей, существ, обладающих общественной жизнью и некоторым (весьма низким) уровнем развития производительных сил. Мнение А. Я. Брюсова о том, что Ленин мог употреблять термин «первобытное стадо» применительно не к древнейшим людям, а к животным, — не обосновано.

4. Допустим на минуту, что А. Я. Брюсов прав, что членораздельная речь, мышление и общественное развитие у питекантропа и синантропа уже стояли на том же примерно уровне, что и у современного человека. Но ведь очевидно, что членораздельная речь, мышление и общество не возникли сразу в готовом виде. О том, что они не могли явиться сразу, говорят многие указания классиков марксизма. У кого же речь, мышление и общество были в состоянии не вполне развитом? Очевидно, по А. Я. Брюсову, у предшественников питекантропа, т. е. у существ, которые еще не производили орудий, т. е. у животных. Что же это за удивительные животные с неразвитой еще полностью, но все-таки членораздельной речью и мышлением и живущие в формирующемся обществе и притом не приступившие к изготовлению орудий? Получается своеобразный вариант теории о возникновении речи, мышления и общества до

⁸ Ф. Энгельс, Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека, Госполитиздат, 1952, стр. 8.

⁹ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», Госполитиздат, 1951, стр. 215.

¹⁰ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1952, стр. 167.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 21.

начала трудовой деятельности. Как совместить этот вывод с теорией происхождения речи в процессе труда?

Значит, А. Я. Брюсов неправильно обвиняет в ревизии марксизма тех, кто приписывает именно древнейшим людям, а не животным, не вполне развитую речь и не вполне развитое мышление.

5. В чем следует видеть качественные отличия общественной жизни позднепалеолитического и раннепалеолитического человека? Каково конкретное различие между коллективной жизнью «кроманьонца», с одной стороны, и синантропа и неандертальца, — с другой?

Автору этих строк приходилось не раз ссылаться на целый ряд археологических материалов, позволяющих ответить на этот вопрос. Но я буду поэтому задерживать здесь внимание читателя. Ответу лишь на одно замечание А. Я. Брюсова, в котором он указывает, что в области развития производительных сил и производственных отношений различие между неолитом и поздним палеолитом не меньше, чем между поздним и ранним палеолитом.

Если бы даже А. Я. Брюсов был прав в этом отношении (с чем, впрочем, не согласились бы некоторые археологи), то и в таком случае его выводы о периодизации истории первобытного общества и о процессе антропогенеза оставались бы глубоко ошибочными. Поздний палеолит принадлежит эпохе сложившегося первобытно-общинного строя. Ранний палеолит — это пора зарождения и формирования первобытно-общинного строя; ранний палеолит вместе с тем — это эпоха становления человеческого общества вообще. Вследствие этого различия между ранним и поздним палеолитом имеют принципиально иное содержание, чем все последующие различия как в пределах разных социальных и экономических формаций, так и между этими формациями. Дело в том, что как бы ни были малы по своему внешнему эффекту изменения производительных сил и производственных отношений в период от питекантропа до кроманьонца, — они в целом были неразрывно связаны с ходом формирования самого человека, с процессом человеческой эволюции. Все же последующие изменения в истории общества никакого отношения к биологическим закономерностям не имели. Вот отчего подлинно человеческая история со всем колоссальным ростом производительных сил в течение этой истории начинается с появлением *Homo sapiens*. Если допустить, что отсутствие или наличие связи общественного развития с филогенией, с эволюцией человека — вещь несущественная, то трудно будет серьезно возражать социал-дарвинистам и расистам, которые переносят биологию в историю и тем самым искажают понимание исторического процесса. С их точки зрения между коллективами питекантропов и современными коллективами нет принципиальных различий — и тут, там, по их мнению, шла и продолжает идти эволюция, т. е. высшие биологические типы сменяли и ныне сменяют собой низшие. Это положение, конечно, абсолютно ложно.

До наступления позднего палеолита подъем на новый филогенетический уровень физической организации был действительно важнейшим условием дальнейшего развития техники и общественной жизни человека. После же наступления позднего палеолита и по сей день смена одной формации другой шла и идет без всяких эволюционных изменений строения человеческого тела. Тип *Homo sapiens* в своих основных видовых признаках остался неизменным от позднего палеолита до наших дней. Для перехода любого современного народа на высший уровень технического развития нет ни малейшей необходимости в изменении структуры его черепа, его нижней челюсти, его мозга. Поэтому весьма существенно (для нас, советских антропологов, в особенности) не проглядеть демаркационную линию между ранним и поздним палеолитом.

6. Можно ли определить, в чем состояли физиологические изменения в организме у кроманьонца по сравнению с неандертальцем, что отличает

процессы высшей нервной деятельности того и другого? Ответ может быть, конечно, дан только в самой предварительной и чисто гипотетической форме. Возможно, что «следы представления», еще очень слабые у антропоморфной обезьяны (обезьяна, по мнению И. П. Павлова, из-за слабости следов не может связать по следу два раздражителя), еще не достигли, например, у синантропа и у неандертальца той силы, которая характерна для *Homo sapiens*. Больше (дальнейшее) развитие второй сигнальной системы весьма увеличивало силу следов внешних раздражений, так как возникала широкая возможность связывать эти следы с кинестетическими и слуховыми раздражениями, идущими от речевого аппарата. Чем отличалась речь кроманьонца от речи неандертальца? Может быть, наличием грамматики, а может быть, более высоким уровнем ее развития. Так или иначе, речь его была более совершенной. На основе усилившейся (благодаря речи) способности «связывать по следу несколько раздражителей» огромный шаг вперед делает сознание.

Опираясь на обобщения, сделанные в работе советских физиологов и психологов, в особенности Н. Н. Ладыгиной-Котс, изучавших поведение шимпанзе, можно построить следующую предварительную гипотезу.

Человеческое сознание есть сознание «предметное», при котором предметы раскрываются в своем объективном содержании, независимом от данного переживания, от данного мгновения. На ступени *Homo sapiens* возникает новый уровень «предметности» сознания. Резко усиливается способность свободно и всесторонне оперировать понятиями, что ведет к глубокой перестройке работы сознания. В чем это выражалось?

У неандертальца в его сознании, несомненно, были уже устойчивые образы животных, служивших объектами его охоты. Кроманьонец пошел дальше. Он уже был способен эти сложные образы соединить с движениями своей руки, воспроизвести их типические черты в некотором внешнем выражении, превратить их в материальные предметы (живопись, графика, скульптура).

У неандертальца были элементарные знания о связи формы орудия с его назначением. У кроманьонца получают свое предметное воплощение такие сложные абстракции, как длинные цепные связи, например: а) связь во времени средства, становящегося целью, с целью, предназначенной в свою очередь стать средством (выделка инструмента, который должен послужить для последующей выделки другого инструмента, необходимого для изготовления орудия и т. д.), б) пространственная связь частей в структуре целого (прочные составные орудия).

У неандертальца было смутное представление о характере своего места в коллективе. У кроманьонца в сознании начинает отчетливо выделяться среди множества различных предметов особый предмет — свое «я» и отношение своего «я» к совокупности других членов коллектива и к определенным возрастным, половым подразделениям коллектива. В изображениях бытовых и ритуальных сцен позднего палеолита, в характере погребений, в типе жилища можно видеть признаки полного сознания родовой связи). Указанные свойства *Homo sapiens* были неразрывно связаны с более совершенным строением его мозга.

Все это, конечно, только гипотетическая схема. Весьма возможно, что можно было бы предложить другую, более удачную. Но так или иначе, надо строго отличать достижения человека, которые требовали перестройки его анатомии и физиологии, от достижений чисто исторических.

7. А. Я. Брюсов неоднократно подчеркивает, что критикуемые им авторы будто бы утверждают, что оба качественных скачка (от животного к древнейшему человеку и от неандертальца к *Homo sapiens*) равнозначны. Однако и это мнение А. Я. Брюсова также не соответствует действительности.

Так, в работе В. П. Якимова, одного из авторов упомянутого сборника, мы находим следующую формулировку: «После величайшего собы-

тия в истории развития природы — появления искусственно изготовленных орудий труда, определившего возникновение самого человека, это «перерыв постепенности» в развитии материальной культуры как совпадает с моментом перехода от неандертальцев к *Homo sapiens*. В. П. Якимов нигде не говорит о том, что «второй скачок» был великим событием в истории природы. Это толкование вложено в гипотезу В. П. Якимова А. Я. Брюсовым.

У другого участника сборника, автора этих строк, сказано с полнотой: «Первый и наиболее важный поворот соответствует переходу от стадии предшественника людей, т. е. «австралопитека» к стадии «питекантропа». Второй проходит между неандертальцем и кроманьонцем. Оба эти поворота связаны один с другим в том смысле, что второй, в конечном итоге, явился неизбежным следствием первого»¹².

Если может возникнуть вопрос, почему же Я. Я. Рогинский гораздо подробнее остановился на втором, чем на первом, более важном повороте, то ответ на это весьма прост: 1) первый поворот подробнее разработан и освещен в литературе, 2) тема критикуемой работы обозначена в ее заголовке «Основные антропологические вопросы в проблеме происхождения современного человека». Естественно, что автор писал на эту тему, которую он себе избрал.

8. Общество неандертальцев это заключительный этап в развитии первобытного стада, этап, который, может быть, заслуживает особого названия. Мотивом для такой замены могут послужить бесспорные различия неандертальцев от питекантропов как в строении тела, так и в развитии их культуры; не следует забывать, что в недрах неандертальских групп возникли и человек современного типа и общество позднего палеолита. При этом, однако, полностью сохраняет силу положение, что «первобытное стадо» (синантропов и питекантропов) — отнюдь не стад животных. Первобытное стадо — это термин, служащий для обозначения общественных объединений у древнейших гоминид, но, к сожалению, дающий повод для только что указанного недоразумения.

Вопрос о термине не является, конечно, главным. Важнее решить, в чем, основной, вопрос: возникли ли у ныне живущего, у сформировавшегося человека вместе с усилением «человеческих» черт в строении его тела (по сравнению с древнейшими и древними людьми, т. е. питекантропов, синантропами и неандертальцами) какие-то существенно новые свойства его труда, его речи, его сознания? Мы полагаем, что такие свойства возникли. А. Я. Брюсов, если мы его правильно поняли, думает, что нет. Это методологически неправильно даже ставить вопрос об их возникновении. Мы, наоборот, полагаем, что необходимы дальнейшие всесторонние исследования о качественных отличиях человека современного типа от его предшественников. Наш интерес к этим различиям не уменьшается, наоборот, усиливается тем обстоятельством, что синантропы и неандертальцы — люди, т. е. существа, жившие в обществе и производившие орудия труда.

9. В заключение коснемся вопроса о том, совместимо ли представление о качественном «скачке» в формировании человека с признанием факта постепенности изменений его морфологического типа. Автору приходилось слышать мнение некоторых археологов о том, что наличие переходных форм в строении тела между неандертальцем и *Homo sapiens*¹⁴ опровергает гипотезу о качественных отличиях поведения ме-

¹² В. П. Якимов, Ранние стадии антропогенеза, Сб. «Происхождение человека и древнее расселение человечества», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. с. т. XVI, М., 1951, стр. 52.

¹³ Я. Я. Рогинский, Основные антропологические вопросы в проблеме происхождения современного человека, Сб. «Происхождение человека и древнее расселение человечества», стр. 194.

¹⁴ Новая находка позднemuiьерского ребенка в пещере Староселье еще увеличивает число переходных звеньев такого рода.

неандертальским и современным человеком. Автор не может согласиться с таким возражением. Нет ничего невозможного в том, что в ходе постепенного накопления некоторых структурных особенностей головного мозга формирующихся людей в известный момент наступил более или менее отчетливый поворот в проявлении новых свойств их высшей нервной деятельности. Этот поворот мог осуществиться в полной мере не сразу, а уже после того, как сложились морфологические черты нового человека. Если отрицать возможность появления в эволюции человека нового качества на основании находок переходного типа, то придется ведь также отрицать всякий «скачок» в развитии и при переходе от животных к древнейшим людям. В самом деле, разве южноафриканские австралопитеки (плезантропы, парантропы, австралопитек прометей), телантроп и яванский питекантроп IV не представляют собой в морфологическом отношении ряд промежуточных звеньев между синантропом и его плюриценовыми предками? А ведь археологи этого скачка не отрицают, в чем они, конечно, нисколько не ошибаются. Но в таком случае нет никаких оснований отрицать и возможность второго поворотного момента в истории формирования человека.

В ы в о д ы:

- 1) приведенные выше утверждения А. Я. Брюсова основаны на недооценке им фактов антропологии и на неправильном истолковании высказываний классиков марксизма об эволюции человека;
  - 2) эти утверждения А. Я. Брюсова ведут к ложному представлению о полной независимости развития физического типа человека от развития труда и общества;
  - 3) авторы критикуемых А. Я. Брюсовым работ не имеют оснований отказываться от высказанных ими положений о происхождении человека современного вида.
-

ЗАМЕТКИ · СООБЩЕНИЯ РЕФЕРАТЫ

А. П. ОКЛАДНИКОВ

ОБРАЗ ПТИЦЫ В ИСКУССТВЕ БРОНЗОВОГО ВЕКА ЗАБАЙКАЛЬЯ И ЕГО АНАЛОГИИ В НАРОДНОМ ИСКУССТВЕ БУРЯТ

Среди археологических памятников Сибири внимание исследователей издавна привлекали широко распространенные многочисленные наскальные изображения, или «писаницы», как их называют местное население. Среди них особое место занимают наскальные рисунки Забайкалья, ставшие впервые известными в науке еще в первой половине XVIII в., когда их существование отметил Г. Ф. Миллер, писавший, что в Селенгинском крае, в степи между р. Джидой и Темником «на скалах и камнях разные фигуры (имеются)»¹. Сам Миллер и другие участники Великой северной экспедиции забайкальских писаниц, однако, не видели. Первые точные сведения о писаницах Забайкалья появились в литературе только со второй половины XIX в. Тогда же были опубликованы и первые воспроизведения таких рисунков.

Тем не менее до недавнего времени оставались неизвестными границы распространения, основные сюжеты и возраст забайкальских писаниц. Поэтому в числе первоочередных задач, вставших перед Бурят-Монгольской археологической экспедицией Института культуры Бурят-Монгольской АССР и Института истории материальной культуры АН СССР, начавшей свою работу в 1947 г., была поставлена такая же задача изучения наскальных изображений к востоку от Байкала². В результате проведенных здесь исследований в 1947—1953 гг. нами было выявлено и изучено большое количество местонахождений наскальных рисунков и обнаружен ряд первоклассных памятников этого рода, главным образом в долине р. Селенги и ее притоков Джиды и Уды, Оронгоя, Чикоя, Иволги, а также в бассейне р. Онона.

Как оказалось, наскальные рисунки Забайкалья и Северной Монголии разделяются по технике выполнения на две группы. В первую входят рисунки, выполненные той же техникой. Они имеют обычно на гладких базальтовых глыбах и скалах, покрытых жирным блеском «пустынного загара». Изображения этой группы в свою очередь могут быть по стилю разделены на три основные группы: а) с изображениями горных козлов, стилизованных характерным образом; б) с рисунками оленей, выполненных в так называемом «скифо-сибирском зверином стиле»; в) со схематическими изображениями людей.

Вторая группа объединяет рисунки, выполненные красной краской, охрой или красным глиняным пигментом. В этой группе тоже можно выделить рисунки различного стиля и содержания, но основная масса их поражает единообразием стиля и сюжетов. Где бы мы ни встретили наскальные рисунки этой группы, известные сейчас в количестве многих сотен и даже тысяч,— на Селенге около Улан-Удэ, в Монголии на Толе около Улан-Батора, в верховьях р. Уды около Хоринска или на Ононе около с. Агинского,— все найдем одни и те же сюжеты, одни и те же одинаковым образом стилизованные схематические фигуры. Чаще всего встречаются простые овальные или круглые пятна, представляющие собой как бы простые оттиски пальцев, намазанных охрой, или мазки краской. Такие пятна располагаются обыкновенно группами, а в группах — горизонтальными рядами, но без особого порядка.

Пятна во многих случаях сопровождаются фигурами в виде прямоугольников или овалов, своего рода «оград». Там же, как правило, в одной и той же композиции встречаются схематические фигурки человечков, которые расположены в ряд, иногда

¹ См. В. В. Радлов, Сибирские древности, т. I, вып. 3, СПб., 1894, стр. 109.

² А. П. Окладников, Краткий отчет о работах Бурят-Монгольской археологической экспедиции, «Записки Бурят-Монгольского научно-иссл. ин-та культуры», вып. VIII, 1948; его же, Археологические исследования в Бурят-Монголии, «Известия Академии наук СССР», серия истории и философии, т. VIII, № 5, 1951.

взявшись за руки, цепочкой. Вместе с человечками можно встретить примитивно выполненные фигурки животных, круги, кресты, изображения птиц.

Писаницы такого рода ограничены в своем распространении пределами лесостепной и степной зон Забайкалья (рис. 1). Они известны на территории Бурят-Монгольской АССР, в соседней с ней лесостепной и степной части Читинской области (долина р. Онона), а также в Северной Монголии. Сюда относятся писаницы на р. Толе, вблизи г. Улан-Батор, где они обнаружены в местности Хакурт и в непосредственном соседстве с самым городом, на противоположном берегу р. Толы, у подножия горы Богдо-Ула.

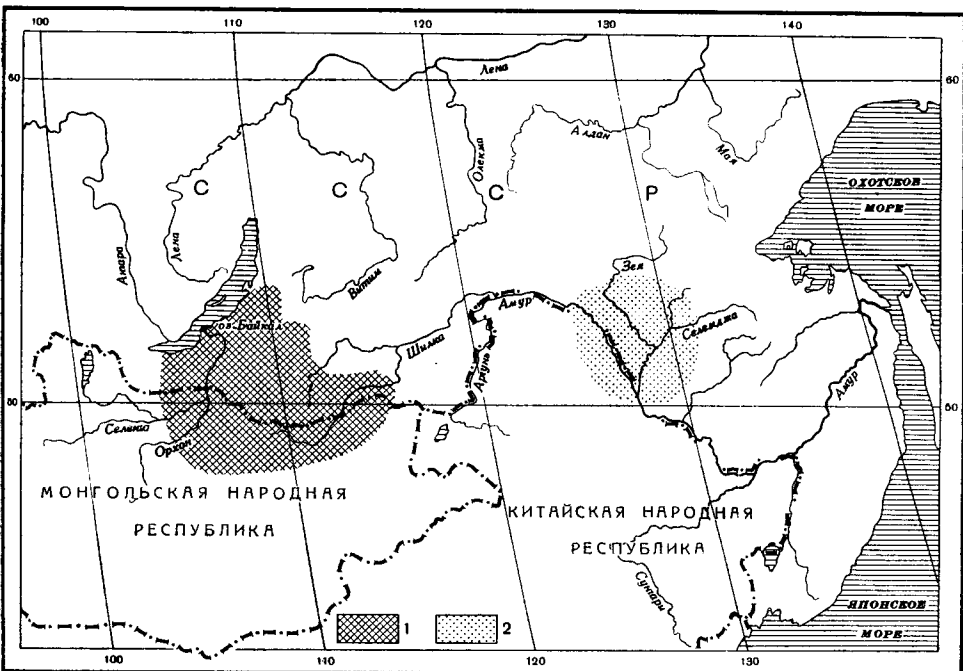

Рис. 1. Места нахождения писаниц в Забайкалье и прилегающих районах: 1 — область распространения забайкальских писаниц; 2 — амурские писаницы

Есть сведения, что довольно близкие, повидимому, по характеру рисунки встречаются по притокам Амура в верхнем и среднем его течении, в частности, в районе Благовещенска, т. е. в районах Дальнего Востока, по своим ландшафтно-географическим условиям представляющих прямое продолжение Забайкалья. Однако писаницы верхнего и среднего Приамурья пока еще не были изучены специалистами и не описаны детально. Возможно поэтому, что они будут отличны от забайкальских, и в частности ононских, писаниц.

Возраст забайкальской группы писаниц определяется теперь достаточно точно. Они относятся к бронзовому веку, т. е. к тому времени, когда за Байкалом существовала оригинальная культура людей, строивших на своих кладбищах «плиточные могилы». В абсолютных датах это будет, всего вероятнее, первая половина первого тысячелетия до н. э. Такой вывод основывается на сходстве изображений птиц, человечков и фигур животных, характерных для писаниц, с изображениями на медных и бронзовых ножах Забайкалья и Монголии, относящихся к первому тысячелетию до н. э.³

Среди изображений, чаще всего встречающихся на забайкальских писаницах бронзового века, как уже сказано, видное место принадлежит фигуркам птиц. Птицы эти всегда бывают изображены в одном и том же традиционном виде. Они имеют узкое туловище, обыкновенно заканчивающееся внизу хвостом, разделенным на две или реже на три заостренные части. Крылья птиц широко раскинуты в стороны, часто они дугообразно выгнуты. Голова птицы, как правило, небольшая, имеет вид округлого выступа. Птицы как бы вертикально парят в воздухе, расправив крылья (рис. 2). Нет никакого сомнения в том, что такие рисунки изображают хищную птицу, скорее всего сокола, а может быть, и орла.

Каждого, кто видел такие рисунки на забайкальских скалах и знаком с этнографией бурят, не могло не поразить неожиданное сходство этих фигур птиц, датирую-

³ А. П. Окладников, О датировке забайкальских писаниц, «Записки Бурят-Монгольского ин-та культуры», вып. XVI, 1952, стр. 57—62.

щихся первым тысячелетием до н. э., с одним из наиболее популярных в прошлом мотивов бурятского народного орнамента. Этот орнаментальный мотив был зарегистрирован в 1920-х годах П. П. Хороших у ольхонских бурят, где он применялся в шерстяных чулках, которые имели в верхней своей части широкую орнаментальную кайму черного цвета, резко выделяющуюся на белом фоне. Узор каймы состо-

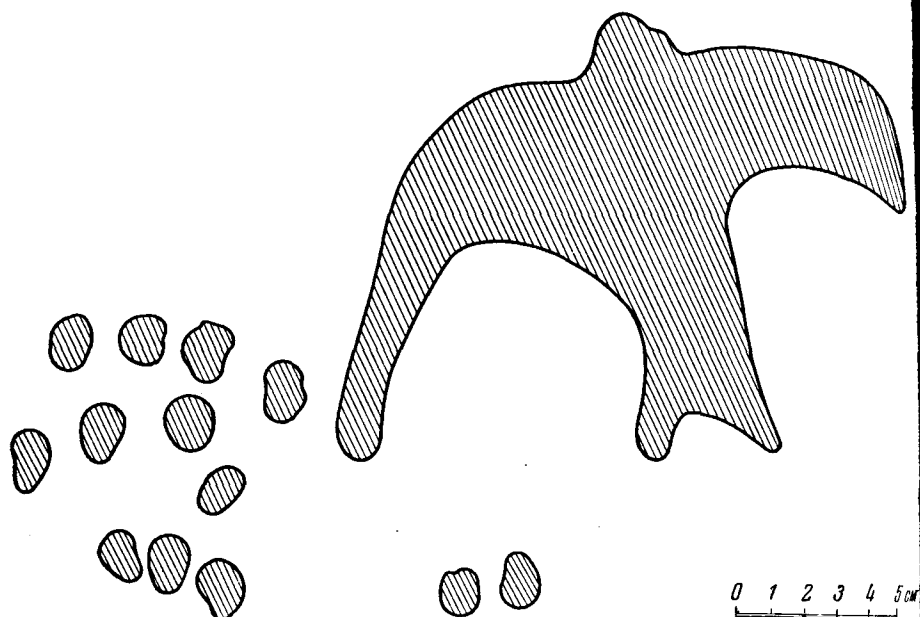

Рис. 2. Изображение птицы, писаница бронзового века. Сотниково, 3-я пады

обычно из довольно узких зигзагообразных полос. В одних случаях такие зигзаги располагались горизонтально, в других образовывали широкие ромбические полосы. В сочетании с ними находились, по словам собирателя, «некоторые элементы орнамента», «напоминающие собою как бы стилизованные изображения птиц или бараний рог», хотя сами буряты такого толкования не давали⁴. Позже П. П. Хороших, однако, сообщил мне, что ему удалось установить наименование этого орнаментального мотива. Буряты называли его, по словам П. П. Хороших, «йэхэ шубун», т. е. «орел». Культ орла, как известно, имел в бурятском шаманстве, как и вообще в шаманстве ряда сибирских народов, очень важное значение. Следует вспомнить, в частности, что бурятские шаманы считали орла покровителем острова Ольхона.

Чтобы получить представление об этом мотиве, приведем два рисунка. На первом из них птицеобразная фигура заполняет пустое пространство внутри широких ромбов, образованных перекрещивающимися зигзагами. Образец этот зарисован был в Онуренском улусе Кутулского хошуна. Возраст его равен был 60—65 годам (рис. 3, а).

На втором образце орнамент представляет сочетание горизонтальных полос. Вверху имеется узкая зигзагообразная полоса черного цвета. Ниже проходит узкая белая, тоже зигзагообразная полоса. Под ней помещается широкая черная лента с зигзагообразно-пильчатыми краями. На черном фоне ее имеются белые птицеобразные фигуры, расположенные с одинаковыми интервалами. Затем следуют две узкие зигзагообразные полосы, а под ними на белом фоне в том же порядке, в строгом соответствии с верхним рядом птицеобразных фигур, размещается второй такой же ряд черных фигур птиц (рис. 3, б). Образцы такого узора были распространены, по данным собирателя, по всему Ольхонскому краю.

Достаточно взглянуть на птицевидные фигуры таких старинных бурятских чулок и сравнить их с наскальными рисунками, чтобы в памяти сразу встали птицы забайкальских писаниц бронзового века. Перед нами — те же вертикально парящие в воздухе лунокрылые птицы с маленькой головой, узким туловищем и разделенным на два хвостом, точно так же расположенные группами. Разница только в том, что на тканых шерстяных чулках XIX в. из ольхонских улусов очертания птиц геометричнее и строже: крылья их не округлые, а угловатые. Но это целиком зависит от техники тканья, определяющей прямолинейность и угловатый характер контуров фигурок птиц. В остальном же сходство между нашими археологическими и этнографическими образцами полное и бесспорное.

⁴ П. П. Хороших, Материалы по орнаменту бурят, I. Шерстяные чулки, «Сибирская живая старина», вып. II (VI), Иркутск, 1926, стр. 211—214, табл. 5, 7.

Чем объяснить такое поразительное совпадение и притом совпадение не каких-либо элементарных мотивов орнамента вроде, например, кружков, крестиков или зигзагов, а такого специфического и весьма сложного мотива? Чем объяснить и тот факт, что остановивший наше внимание птицеобразный элемент узора обнаруживается на той же почти территории, у берегов Байкала, на которой он существовал когда-то у людей бронзового века, около 2500—3000 лет назад?

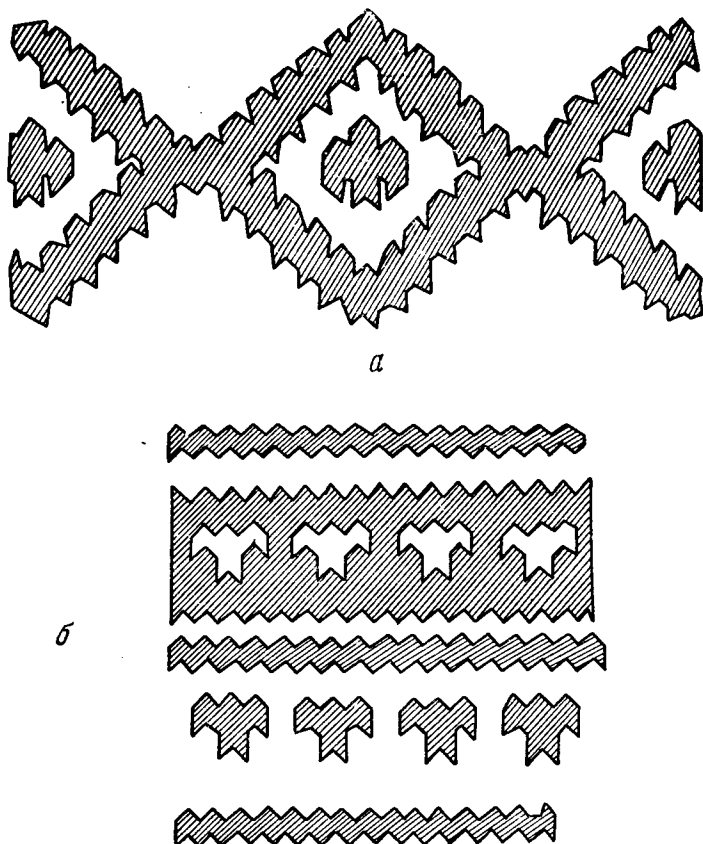

Рис. 3. Образцы орнамента с мотивами птиц; а — из Онгуренского улуса Кутульского хошуна; б — из Ольхонского края

Вряд ли все это может быть отнесено за счет простой случайности, какого-то ничем не оправданного каприза истории орнаментального искусства. Значительно правдоподобнее предположить в данном случае наличие какой-то древней культурной традиции в старинном бурятском орнаменте XIX в., связывающей его с искусством неизвестных нам по имени древних степных племен Забайкалья бронзового века.

Таким образом, допустимо сделать вывод, что своеобразная культура этих племен, несмотря на прошедшие с тех пор два с половиной тысячелетия, не умерла целиком и не исчезла бесследно, а в некоторых специфических ее проявлениях, и надо думать не в одном только орнаменте, дожила до нашего времени. Второй вывод сводится к тому, что в древней культуре современного бурятского народа, а может быть, и в его этническом составе уцелели элементы отдаленной древности Забайкалья, восходящие к тем временам, когда люди, хоронившие своих мертвых в величественных плиточных гробницах, создавали здесь основу скотоводческого хозяйства, закладывали первые шtolьни и рудники для добычи меди, олова и золота.

Нельзя не вспомнить в данной связи и тот факт, что изучением черепов людей бронзового века Забайкалья, извлеченных из плиточных могил, столь же неожиданно установлена их значительная близость к черепам современных бурят. К такому выводу пришел Г. Ф. Дебеч в результате сопоставления данных о костяках из плиточных могил с материалами, относящимися к современным бурятам.

Отмеченные обстоятельства следует, очевидно, иметь в виду в дальнейшем при разработке вопросов истории культуры и происхождения бурятского народа.

М. А. ГРЕМЯЦКИЙ

РАЗГАДКА ОДНОЙ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ТАЙНЫ

Прошло уже более сорока лет с тех пор, как 18 декабря 1912 г. в конференц-зале Лондонского геологического общества собрались крупнейшие антропологи, археологи и геологи Англии на историческое, как им казалось, заседание. Их привлекла сюда удивительная находка первобытного человека; каждому хотелось услышать из первых уст сообщение об открытии «недостающего звена» между обезьяной и человеком. О находке, интересной самой по себе и льстящей национальному самолюбию англичан. Могло ли до этого придти кому-нибудь в голову, что недалеко от Лондона, в графстве Сэссекс лежали в земле еще не истлевшие остатки древнейшего представителя человеческого рода, наполовину человека, наполовину обезьяны? И вот вокруг этих остатков собрались антропологи и анатомы с мировыми именами. Но странное дело — чем внимательнее они всматриваются в эти кости, тем более поражает их неожиданное, непонятное сходство формы и всех деталей строения этих костей с современными. Единственное, что отличает эти древние кости, это бурая окраска, обязанная, очевидно, присутствию в почве солей железа, да большая толщина костей. Но рядом с костями мозговой коробки собравшиеся замечают легкого вида, совсем не массивную нижнюю челюсть, найденную там же, и вовсе не похожую на современную. Эта ископаемая челюсть обнаруживала поразительное сходство с челюстью человекообразной обезьяны, например, шимпанзе. И словно для того, чтобы резче подчеркнуть контраст между черепом и нижней челюстью, докладчик Смит Вудвард демонстрировал свою попытку реконструкции всей костной основы головы «пильтдаунского человека». В этой реконструкции вполне развитая, вполне человеческая мозговая коробка была соединена с обезьяньим жевательным аппаратом. Пусть этот «первый англичанин», как называли его Смит Вудвард «пильтдаунского человека», питался, как обезьяна, но он уже мыслит как человек. Да и мог ли он питаться иначе? Его орудия труда были жалки и почти не отличались от необработанных камней. Неподалеку были выставлены найденные вместе с костями человека «каменные орудия», лишенные определенной формы и едва ли обработанные рукой человека.

Внимание геологов привлекли выставленные здесь же остатки фауны: бугорок зуба мастодонта, обитавшего в Англии в миоцене, два куска моляра стегодонта — слона, в изобилии встречающегося в плиоцене Индии, но до тех пор в Западной Европе не найденного. Среди остатков этой древней тропической фауны чуждыми казались зуб бобра — грызуна, появившегося в Англии не раньше плейстоцена. Словом, фауна, сопровождавшая кости человека, представляла, подобно им, целый узел загадок, развязать который казалось почти невозможным.

Из двух выступивших докладчиков один был палеонтолог Британского музея Смит Вудвард, другой — адвокат Даусон, автор находки, большой любитель древностей и страстный коллекционер.

Подробно рассказав историю находки, Даусон в заключение заявил, что древность «пильтдаунского человека» восходит к плиоцену. Вудвард оказался много осторожнее. Он считал, что найденный Даусоном череп — одного возраста с гейдельбергской челюстью, т. е. относится к первой половине плейстоцена. Наличие же остатков плиоценовой и миоценовой фауны Вудвард объяснил тем, что они были вымыты водой из мест своего первоначального залегания и занесены потоком в пильтдаунскую яму.

Выступавшие в прениях ученые тоже разделились на два лагеря: большинство склонялось к мнению Вудварда, некоторые же взяли под защиту предположение Даусона о плиоценовом возрасте находки. Такого мнения держался, например, Ньютон, открывший в 1896 г. галлей-хиллский скелет.

Нашлись и скептики. Их одинокие голоса звучали неуверенно. Видный зоолог Рэй Ланкастер, вспоминая свое классическое образование, процитировал Горация: «Если бы к человеческой голове скульптор приделал лошадиную шею, укрепив ее на красивом женском торсе, переходящем в рыбий хвост, и украсил бы свое произведение разноцветными перьями, разве могли бы вы, друзья, удержаться от смеха, рассматривая такое творение?». В реконструкции Вудварда Рэй Ланкастер увидел противестественное сочетание органически несоединимых вещей. Однако его мнение не было выражено в печати.

Таким образом, противоречивость суждений относительно этой находки проявилась уже при первом знакомстве с ней. Она резко увеличилась, когда Вудвард и Даусон опубликовали свою работу¹. Разгорелись горячие споры, и вскоре выросла большая литература о «пильтдаунском человеке». Со всех сторон указывали на крайнюю фрагментарность сохранившихся обломков черепа (куски лобной, теменной, затылочной и височной костей), которые большей частью не приходились один к другому и были совершенно недостаточны для научной реконструкции всего черепа и особенно для определения его емкости (с целью узнать размеры мозга). Вудвард на основе своей реконструкции определил ее в 1250 куб. см. Эта цифра тоже сильно оспаривалась. Далее подчеркивали смешанный и неподдающийся трактовке характер сопровождающей фауны, а также неопределенность формы камней, принимаемых за орудия. Не помогло делу и появившееся в 1915 г. сообщение Даусона и Вудварда о находке в 1914 г. «костяного орудия», представляющего собой кусок кости цилиндрической формы в 41 см длиной и около 10 см толщиной с заостренным (якобы руками человека) концом. Материалом для этого орудия, видимо, служила бедренная кость крупного хоботного.

Но больше всего сомнений вызывала принадлежность нижней челюсти данному черепу. За период с 1915 до 1917 г. Геррит Миллер, тщательно изучив весь относящийся к пильтдаунской находке материал, в ряде статей убедительно доказывал, что нижняя челюсть не принадлежит черепу, а является челюстью ископаемой человекообразной обезьяны, близкой к шимпанзе. Он предложил назвать эту обезьяну *Rapetius*, т. е. «древний шимпанзе».

Академик Д. Н. Алучин (в личной беседе с автором этой статьи) говорил, что и гипотеза Геррит Миллера не разрешает трудностей, так как существование в Англии в плейстоценовое время шимпанзе совершенно невероятно. Предложение Вудварда назвать новую форму «эоантроп Даусона» (*Eoanthropus dawsonii*), т. е. представителем «зари человечества», и заодно увековечить имя Даусона тоже вызвало немало возражений. В общем же английские ученые более или менее поддерживали Вудварда, тогда как на континенте и в Америке преобладали скептические высказывания.

Место находки привлекло ученых из-за границы. Французский археолог Тейяр-де-Шардэн, посетивший Пильтдаун вместе с Даусоном, порывшись в яме, нашел темно окрашенный клык, подходящий к нижней челюсти.

Совершенно неожиданно состояние вопроса резко изменилось. В 1917 г. появляется статья Вудварда «On a second skull from Pilttdown gravel»² о новых пильтдаунских находках. Оказывается, в двух милях от знаменитой ямы, где были отысканы фрагменты первого черепа, на вспаханном поле, в куче собранных граблями камней Даусон нашел два куска черепа и коренной зуб. Эти вещи имели ту же шоколадную окраску, что и кости «пильтдаунского человека», и содержали железо. Один из этих фрагментов был обломком правой части лобной кости; другой — небольшим куском, на котором хорошо сохранился наружный затылочный выступ. Так как от первой находки тоже остался кусок соответствующего места затылочной кости, то стало ясно, что вновь найденные куски принадлежат другому черепу. Каков же был этот второй череп? По Вудварду, он был того же типа, что и первый. На это указывала значительная толщина лобного фрагмента. Впрочем, кусок затылочной кости второй находки оказался несколько тоньше, чем первой. Значит, заключал Вудвард, «пильтдаунский череп» не был одиночной, изолированной находкой. Скептики, хотевшие объяснить толщину его костей патологией, должны умолкнуть. Но это еще не все: кроме кусков черепа, найден был коренной зуб. Он был точной копией (вернее, зеркальным изображением, так как принадлежал другой стороне) коренных зубов пильтдаунской челюсти. Понятно, какой шум возник вокруг «второго пильтдауна». Казалось бы, противник Вудварда были окончательно пострадал. Снова оказалась налицо эта же якобы «противоестественная» комбинация мозговой коробки современного типа с челюстью, представленной, правда, одним зубом, но, очевидно, такой же обезьяноподобной, как и челюсть первого черепа. Ведь этот зуб, как две капли воды похожий на зубы первой челюсти, только и мог расти в подобной же челюсти. Стало быть, наличием этого зуба при второй находке решался самый трудный вопрос: второй череп имел такую же челюсть, как и первый. Иное предположение было немислимо. Возможно ли в самом деле, чтобы такая редкая, почти невероятная комбинация, как находка древнего человеческого черепа и рядом с ним челюсти ископаемой человекообразной обезьяны, вскоре повторилась снова и притом не далее, как в двух милях от первой находки? Невероятность подобного совпадения граничит с полной невозможностью.

И все же праздник в лагере сторонников «эоантропа» был омрачен. В этой истории оказалось одно уязвимое место. Дело в том, что в 1917 г., когда появилась статья Вудварда, Даусона уже не было в живых. Описываемые Вудвардом фрагменты черепа и коренной зуб он взял из вещей Даусона. Никакой сопровождающей эти вещи этикетки или записки Даусон не оставил. По словам Вудварда, Даусон как-то в разговоре

¹ Ch. Dawson and A. Smith Woodward, On the discovery of a palaeolithic skull and mandible in a flint-bearing gravel at Pilttdown, «Quart. Journ. Geol. Soc.», v. 69, 1913, стр. 117—151.

² «Quart. Journ. Geol. Soc.», v. 73, 1917.

сказал ему, что нашел два фрагмента и зуб в куче камней. Но, если даже память сыграла с Вудвардом злой шутки и он не принял желаемое за действительное, все-таки возникал коварный вопрос: какие грабли могли захватить зуб и сгрести его вместе с камнями и фрагментами черепа в кучу? Сторонники «эоантропа» этот вопрос обходили, делая вид, что с историей второй находки все обстоит благополучно. Они писали с такой уверенностью, так беззащитно, что внушили читателям полное доверие своим словам. Скептические голоса постепенно стали умолкать, критики становились горячими адептами «эоантропа». Таким был, например, Ганс Вейнерт³, который сперва сильно сомневался, а затем уверовал и раскаялся.

Протекли четыре десятилетия. И вот с ясного, казалось бы, неба неожиданно грянул гром. Оказалось, что «знаменитая» находка представляет собой подделку. Произведенный специалистами анализ костных остатков обнаружил несомненную разнородность черепной крышки и нижней челюсти. Последняя была окрашена двуххромокислым калием с целью придать ей внешний облик кости большой древности. Перенали беспрецедентный в истории науки случай грубой фальсификации.

В конце ноября 1953 г. вся лондонская пресса запестрела сенсационными заголовками: «Величайшая мистификация в истории науки», «Одуроченный автор находки», «Кто подделал нижнюю челюсть?», «Возможно ли?» и т. д. Такие издания, как «Sunday Times» и «Daily Worker», помещают специальные статьи о пильтдаунской находке. Первая из названных газет, ссылаясь на «Bulletin of British Museum»⁴, пишет: «Открывший пильтдаунский череп ученый стал жертвой одного из наиболее ловких обманов в истории палеонтологических открытий. Геолог Марстон, открывший сванкомбский череп в 1933 г., высказываясь по поводу названного сообщения в «Бюллетенях», заявил, что Даусон был «дотошным и честным в своих геологических опусаниях». Сообщение Британского музея, продолжает газета, говорит теперь о нижней челюсти и клыке, связываемыми с черепом, как о преднамеренной подделке (deliberate fakes)». Но, указывает автор сообщения, подделка была такой ловкой и выполненной обмана настолько бессовестным и необъяснимым, что не имеет параллели в истории науки.

«Необходимо подчеркнуть,— продолжает газета,— что череп (первый) должен пока (still) рассматриваться, как истинное ископаемое (верхнего плейстоцена, современного типа)».

Репортер газеты посетил городок Льюис (Lewes), где когда-то жил Даусон. Интервьюировал там престарелого клерка, служившего в адвокатской конторе, одним из хозяев которой был Даусон. Клерк вспомнил, что однажды, около 40 лет назад, Даусон, придя в контору, говорил, что ему удалось найти череп, часть нижней челюсти которого была потеряна, и что он реконструировал ее из пластилина. Понятно, что сообщение клерка не проливает света на историю подделки.

Ведущий английский журнал по естествознанию «Nature» откликнулся на это событие в сверх-академических тонах, признав, конечно, что «нижняя челюсть и клык были искусственно окрашены» и что исключение этой челюсти из числа остатков ископаемого «разъясняет проблему предков человека»⁵.

Газета «Daily worker» от 23 ноября 1953 г. пишет: «Загадка была решена учеными из Оксфорда и Британского музея. Пользуясь новыми техническими средствами, они нашли, что черепная крышка действительно принадлежит первобытному человеку, древностью около 50 000 лет. Но нижняя челюсть — это челюсть современного шимпанзе, которая сознательно подделана, чтобы быть похожей на ископаемую».

В другой статье, озаглавленной «Мистификация», та же газета пишет: «Доктор К. П. Окли, один из трех ученых, разоблачивших пильтдаунскую подделку, вчера сказал, что прогресс научных методов исследования сделал возможным изучение объектов с той стороны, которая оставалась скрытой. Некоторые другие ученые выразили сомнение в том, что подделку осуществил Даусон». Однако в следующем номере той же газеты (от 24 ноября 1953 г.) в статье «Поддельная челюсть» мы читаем: «Кто подделал челюсть и зубы пильтдаунского человека, который вводил в заблуждение ученых в течение 41 года? На основании улики большая часть судей признали бы виновность Даусона, в честь которого пильтдаунский человек был назван «эоантропом Даусона». Ведь, оказывается, Даусон признался Вудварду, что он клал куски черепа (первого) в двуххромокислый калий. На 54 странице книги Вудварда «Древнейший англичанин» («The Earliest Englishman») говорится: «Окраска фрагментов, которые были открыты первыми, была несколько (a little) изменена Даусоном, опускавшим их в раствор двуххромокислого калия, ошибочно считая, что это может придать им твердость».

Нижняя челюсть, которая, как теперь обнаружено, представляет собой челюсть современной обезьяны, была открыта позднее, в присутствии Вудварда, который едва ли мог допустить, чтоб ее обрабатывали двуххромокислым калием. И однако, согласно произведенным анализам, ученые, обнаружившие подделку, установили, что и нижняя челюсть была обработана таким же образом. О ком же с наибольшей вероятностью можно думать, как не о Даусоне, что он окрасил ее и подложил, раз он вообще применял двуххромокислый калий по отношению к черепу?

³ Г. Вейнерт. Происхождение человечества, М., 1933, стр. 206 и др.

⁴ Bulletin of British Museum, 2, № 3, 1953. Weiner, Oakley and Le Gros Clark.

⁵ «Nature», v. 172, № 4387, 28/XI 1953, стр. 981.

Почему же двухромокислый калий? Потому что фальшивка должна была быть найдена в отложениях, содержащих окислы железа, двухромокислый же калий является веществом, способным быстро окрашивать кость так, как она окрашивается в течение многих лет солями железа. Исследование на содержание органических веществ в этих костях вполне подтверждает данные анализа на фтор: в черепной крышке первого пильтдауна органического вещества немного, в нижней челюсти и в костях второго пильтдауна его столько же, как и в современных костях.

В цитируемой выше статье читаем далее: «Не только челюсть и зубы пильтдауна I подделка. Куски черепа и зуб, относимые к пильтдауну II, тоже, как доказано,— подделка. Они тоже были «открыты», вернее, подброшены Даусоном».

Итак, оказывается, что только черепные кости первого пильтдауна действительно обладают относительной древностью и являются ископаемыми. Все остальное — современного происхождения и искусственно подделано так, чтобы походить на кости первого объекта. Зуб, относимый ко второму пильтдауну, также обнаруживает следы искусственной обработки (он, как показало наблюдение его в микроскоп, был подточен).

В заключительной статье «Возможно ли?» (от 24 ноября 1953 г.) газета пишет: «Бедный старый пильтдаунский человек оказался обманом, результатом ловкой и наглой подделки, выполненной каким-то мошенником царствования Эдуарда. Лишь первый череп представляет «чистое вино» древностью в 50 000 лет, почти такое же первобытное и фоссилизированное, как любой современный захолустный консерватор. Но челюсть принадлежала современному шимпанзе, была только «обработана», чтобы приобрити сходство с истинно древней вещью.

Кто бы ни был автором подделки, он наверное заслужил бессмертие. Ведь не всякая фальшивка удостоится чести храниться в сейфах Британского музея. Успехи современной науки погубили ее. Новые методы исследования древних костей позволяют открыть в них больше, чем было доступно для науки 40 лет назад. Почему бы не применить их к исследованию фальшивого письма, использованного консерваторами, чтобы свалить лейбористское правительство в 1924 году?

После раскрытия пильтдаунской тайны для науки было бы детской игрушкой обнаружить, какой Даусон из консервативной партии сфабриковал знаменитый документ!.

* * *

Среди советских ученых всегда господствовало резко скептическое отношение к пильтдаунской находке. В своих лекциях о происхождении человека автор этих строк всегда подчеркивал обезьяний характер нижней челюсти «пильтдауна» и невозможность соединения ее с черепом. В кратком курсе антропологии (1941) о ней сказано всего несколько слов. В научно-популярных брошюрах о происхождении человека (М. А. Гремяцкого, М. С. Плисецкого и других) эта находка вовсе не упоминается. В Музее антропологии МГУ муляжи «пильтдаунского черепа» никогда не выставлялись. Это критическое отношение советских исследователей к пильтдаунской находке теперь блестяще оправдалось. Напомним, что проф. В. К. Никольский отрицал подлинность этой находки за много лет до раскрытия всей махинации. В своей статье «Произошел ли человек от обезьяны?». В. К. Никольский писал, что «в Пильтдауне вовсе не открывали эоантропа — нового вида ископаемых людей. Эоантроп оказался существом, искусственно составленным»⁶. В статье В. П. Якимова «Ранние стадии антропогенеза» читаем: «Становится вполне возможным с точки зрения подобных «теоретиков» (речь идет о реакционном направлении в учении об эволюции человека.— М. Г.) существование даже таких палеантропологических химер, как «пильтдаунский человек»⁷. Советские ученые, базирующиеся на принципах марксистско-ленинской методологии, не дали себя увлечь фальсификаторскими махинациями и поднятой вокруг «эоантропа» псевдонаучной шумихой, обманувшей почти всех буржуазных антропологов.

⁶ В. К. Никольский, Произошел ли человек от обезьяны? «Воинствующий атеист». 1931, № 1, стр. 115.

⁷ Сб. «Происхождение человека и древнее расселение человечества», Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. XVI, М., 1951, стр. 31.

Х Р О Н И К А

НАХОДКА КОСТНЫХ ОСТАТКОВ РЕБЕНКА МУСТЬЕРСКОГО ВРЕМЕНИ В ПЕЩЕРЕ СТАРОСЕЛЬЕ БЛИЗ БАХЧИСАРАЯ

26 ноября 1953 г. в Институте этнографии АН СССР состоялось совместное заседание ученых советов Института этнографии, Института истории материальной культуры АН СССР и Института антропологии МГУ, посвященное находке костей ископаемого человека мустьерского времени в пещере Староселье близ Бахчисарая в Крыму. На совещании были заслушаны и обсуждены доклады А. А. Формозова, М. М. Герасимова и Я. Я. Рогинского, осветивших археологические и геологические условия и морфологические особенности находки.

Председательствующий М. Г. Левин, открывая заседание, отметил большое значение находки остатков ископаемого человека не только для решения проблем антропогенеза, но и для решения вопросов истории первобытного общества, и зачитал заключение комиссии, организованной Институтом этнографии для контроля результатов раскопок и работавшей в Бахчисарае с 1 по 10 октября 1953 г.¹

Прения начались выступлением С. Н. Замятнина. Указывая на исключительный интерес находки и отмечая, что она, несомненно, получит отклик далеко за пределами нашей страны, он подчеркнул необходимость тщательного анализа результатов работы и тех выводов, которые могут быть на основании ее сделаны. По его мнению, хотя однородный щебенчатый слой, под которым залегал скелет, и не обнаруживает в настоящее время никаких следов впускной ямы, однако из этого не надо делать вывода о том, что ее вообще не могло быть. Особенности слоя (хрящеватость, однородная окраска всей толщи) таковы, что не позволяют сделать категорические выводы. Поэтому археологические и стратиграфические наблюдения в данном случае не могут исключить возможности того, что погребение было произведено позднее, например, в верхнепалеолитическое, мезолитическое или неолитическое время. В связи с тем, что антропологические особенности костяка ведут к весьма ответственным выводам, необходимо для устранения всех возможных сомнений произвести сравнительное изучение собранных в мустьерском слое костных остатков животных и скелета человека методами точных наук: карбоновым, фторовым, методом прокаливания. Только после того как они подтвердят мустьерский возраст захоронения, все выводы, которые могут быть сделаны из этого факта, получат достаточную основательность и серьезность. Характеризуя условия захоронения, С. Н. Замятнин высказал мысль, что оно было совершенно в ямке, иначе трудно было бы представить себе сохранение хрупкого детского скелета в условиях последующего накопления вышележащих отложений. Что касается заглаженности покрывающих захоронение известняковых галек, то она, по его мнению, не является следствием окатывания в потоке, а скорее может быть результатом выветривания.

А. П. Окладников в своем выступлении отметил огромное значение находки не только для решения вопросов, связанных с появлением человека современного вида, но и для понимания древнейших этапов развития человеческой культуры и идеологии. Налицо, во-первых, погребальная яма (иначе просто невозможно объяснить сохранность костей) и, во-вторых, ориентировка головой на запад — момент, уже отмеченный для других мустьерских захоронений. Оба эти момента не могут быть объяснены иначе, как предположением, что в Староселье мы имеем погребение мустьерского времени. Заканчивая свое выступление, А. П. Окладников выразил удовлетворение тем, что в последние годы забытый Крым вновь привлёк внимание исследователей и снова стал центральным пунктом для изучения палеолитических памятников пещерного типа, и

¹ Доклады и заключение комиссии публикуются выше.

показал на настоятельную необходимость продолжать работы в Староселье в 1954 г., до тех пор, пока пещера не будет раскопана полностью.

Выступление П. И. Борисковского было посвящено двум вопросам: наличию погребения и значению находки для выяснения форм перехода от неандертальца к *Homo sapiens*. По его мнению, позднепалеолитические погребения, из которых сейчас на территории СССР известно четыре (три в Костёнках и одно в Мальте), обнаруживают такой сложный и разнообразный погребальный обряд, что заставляют предполагать длительную предшествующее развитие. Таким образом, есть все основания предполагать, что погребальная обрядность зародилась еще в мустьерское время и была налицо в Староселье. Несмотря на сходство инвентаря стоянки с находками классических мустьерских местонахождений — Чокурчи, Волчьего грота и даже верхнего слоя Кник-Кобы, в нем есть и черты верхнепалеолитической техники — нуклеусы, напоминающие призматические, удлинённые пластины и т. д. То обстоятельство, что вместе с этим инвентарем найден скелет, характеризующийся рядом признаков человека современного вида, сочетающихся с некоторыми примитивными признаками, имеет большое значение: это говорит о том, что процесс перехода от неандертальца к *Homo sapiens* захватывал юг нашей страны, и подтверждает мысль В. В. Бунака, высказанную им на дискуссии по происхождению. *Homo sapiens* в 1949 г.², об исключительном многообразии форм этого перехода.

М. А. Гремячий посвятил свое выступление антропологическим особенностям старосельского черепа. Он указал на исключительную трудность изучения этого черепа, как из-за почти полного отсутствия сравнительного материала, так и из-за невыраженных признаков взрослой формы на детском черепе. Огромная заслуга Я. Я. Рогинского состоит в том, что даже на этом с трудом поддающемся диагностике материале он выявил примитивные признаки. Однако количество их может быть, по мнению М. А. Гремячего, еще увеличено. Так, на старосельском черепе почти не выражены лобные бугры, что является характерной чертой неандертальского черепа, слабо выражены теменные бугры и т. д. Несомненно, что находка должна быть подвергнута дальнейшему, очень подробному изучению, так как оно, вероятно, позволит выявить весьма важные морфологические детали, незаметные для нас сейчас.

С. Н. Бибиков отметил в своем выступлении, что сомневаться в мустьерском возрасте найденных остатков человека нет никаких оснований. Об этом говорит расположение неповрежденных остатков над костяком, ненарушенность слоев и т. д. Сомневаться в том, что младенец был положен в ямку, также вряд ли возможно; в противном случае костяк был бы разрушен водами, скатывавшимися с плато (костяк расположен почти под кромкой навеса, в месте, доступном для проникновения талых и дождевых вод). Необходимо продолжать раскопки в будущем году.

М. Ф. Нестурх согласился с Я. Я. Рогинским, что старосельский младенец, развившись во взрослую форму, повидимому, был бы похож на неандертальцев из пещеры Схул: последние также имели немного выраженных неандертальских признаков. Однако для полной обоснованности датировки и, таким образом, для большей убедительности выводов, которые могут быть на основании этого весьма важного факта сделаны, необходимо провести определение относительного возраста скелета методом фторового анализа и др.

В. П. Якимов указал на исключительную ювелирность исследования Я. Я. Рогинского и согласился с его основными положениями. Так, несомненным фактом является утолщение латерального края глазницы у старосельского младенца. Однако в целях строгости аргументации, по мнению В. П. Якимова, необходимо указать на то, что подобного рода рельеф встречается и на верхнепалеолитических черепах. Крупные зубы и удлиненность черепа — также несомненный факт. Вместе с тем В. П. Якимов выразил сомнение в том, что это явление может быть связано с негройдностью черепа, так как подобные же морфологические черты зафиксированы у пещерных находок. Что касается связи новой находки с неандертальцами типа Схул, то она очень вероятна. Этот факт еще раз подчеркивает правоту тех, кто связывал происхождение *Homo sapiens* с этими формами неандертальцев, а не с неандертальцами Западной Европы.

В выступлении Т. А. Трофимовой было указано, что детские кости сохраняются исключительно плохо, даже если они пролежали в земле сравнительного немого времени. Поэтому сохранность костей старосельского младенца может быть объяснена только наличием искусственного захоронения. Однако последнее могло быть и не связано с какими-либо религиозными представлениями. Что касается неандерталоидных признаков находки, то их следует оценить, учитывая ранний возраст ребенка, даже как более выраженные, чем это сделано в докладе Я. Я. Рогинского.

Я. Я. Рогинский в своем ответном выступлении согласился с теми из выступавших, которые указывали на необходимость определения возраста ископаемого человека методами точных наук. Что касается антропологических особенностей найденного черепа, то Я. Я. Рогинский подчеркнул, что он не видит возможности говорить о специфическом сходстве его с пещерными находками: ископаемое население Пещеры Схул имело очень низкий свод черепа, тогда как у старосельского младенца, как и у черепов из Гримальди, свод узко-высокий. Поэтому сходство с Гримальди более вероятно.

М. М. Герасимов указал на то, что фторовому и другим анализам нельзя дове-

² «Краткие сообщения Института этнографии», вып. IX, 1950, стр. 67.

рять безоговорочно, поскольку данные их нередко противоречивы. Поэтому больше оснований доверять данным археологии и морфологическим признакам. Коснувшись вопроса о захоронении, он выступил против утверждения о захоронении в мустьерском слое. Погребение было совершено на краю пещеры — там, где человек не жил. Культурный слой образовался после совершения захоронения. Заканчивая, М. М. Герасимов еще раз подчеркнул сходство старосельского черепа с гримальдийскими.

Ответное слово А. А. Формозова было посвящено двум вопросам: одновременности костных и культурных остатков и стратиграфии напластований в пещере. По его мнению, большей бесспорности в доказательстве одновременности костных и культурных остатков ожидать трудно. Слой над погребением содержал такой же величины лежащие строго горизонтально плиты, что и в других местах пещеры, и был также сценартирован известняком. При впускном погребении порядок залегания плит был бы нарушен. Это было отмечено почти всеми выступавшими товарищами.

Стратиграфия памятника различна в разных его частях. В центральной части раскопа слой перемит, о чем говорят и окатанность известняка, и распределение культурных остатков. В шурфе же, где вскрыто погребение, распределение материала вполне нормально, что в сочетании с анатомическим порядком, в котором найден скелет, позволяет с уверенностью говорить о ненарушенности слоя.

В принятом на заседании решении отмечается выдающееся научное значение памятника, указывается на необходимость провести в 1954 и в последующие годы полную его раскопку, а также подготовить монографию, посвященную находке.

В. Алексеев

КООРДИНАЦИОННОЕ СОВЕЩАНИЕ ПО СОГЛАСОВАНИЮ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПЛАНОВ НА 1954 ГОД

С 28 октября по 2 ноября 1953 г. в Академии наук СССР проходило координационное совещание по согласованию научно-исследовательских планов на 1954 г. академий наук союзных республик, а также филиалов Академии наук СССР.

28 октября в Отделении исторических наук АН СССР состоялось пленарное заседание, после которого началась работа отдельных секций совещания.

Секция этнографии подробно обсудила доклады представителей Академии наук СССР, ее филиалов и академий наук союзных республик об итогах научной деятельности в 1953 г. и планах 1954 г. по этнографической тематике. В результате обсуждения секция констатировала, что в 1953 г. советские этнографы добились новых значительных успехов. В этнографических учреждениях все большее место начинает занимать центральная координируемая тема: «Изменения в культуре и быте народов СССР». В то же время секция отметила, что развитие советской этнографии в целом все еще не удовлетворяет полностью тем требованиям, которые предъявлены к советской исторической науке вообще. До сих пор не написаны обобщающие труды по ряду важнейших проблем этнографии, слабо и с большим опозданием освещаются в печати результаты этнографических исследований. Серьезным недостатком, мешающим повсеместному развертыванию этнографической деятельности, является отсутствие специальных этнографических учреждений в некоторых академиях союзных республик и филиалах АН СССР (Туркменская, Азербайджанская академии наук, Коми филиал АН СССР и др.). Многие существующие этнографические учреждения не обеспечены квалифицированными научными кадрами, не располагают достаточными средствами для проведения экспедиционных исследований. На заседаниях секции выяснилось, что не многочисленны историко-этнографические музеи, которые должны быть базой для работы этнографов, находятся в запущенном состоянии. За последнее время наметилась тенденция передачи этнографических музеев из системы академий наук в Министерство культуры, что ведет к стрыву музеев от центральных этнографических учреждений академий наук, а в силу этого — к снижению уровня их научной деятельности.

В резолюции, принятой на заключительном заседании секции, подчеркнуто, что в настоящее время перед советскими этнографами встают новые, большие задачи. Решения сентябрьского Пленума ЦК КПСС и последующие постановления Партии и Правительства, направленные на максимальное удовлетворение материальных и культурных потребностей советского народа, ускорили темпы социалистической перестройки культуры и быта народов СССР. Задача советских этнографов состоит в том, чтобы практически содействовать этой перестройке. Еще большее, чем раньше, значение приобретает выпуск сборников по координируемым темам: «Социалистическое переустройство семьи и семейного быта колхозного крестьянства» и «Современное народное жилище». В связи с этим в резолюции секции рекомендуется большинству институтов включить в план 1954 г. написание статей для указанных сборников. В резолюции указано на необходимость оказания этнографами существенной помощи в написании

трудов по истории народов СССР. В академиях наук некоторых союзных республик (АН Узбекской ССР и др.) этнографы уже принимают в этой работе активное участие.

Этнографическая секция с удовлетворением отметила в своей резолюции большую плодотворную работу Института этнографии АН СССР по координации научной деятельности и оказанию помощи этнографическим учреждениям союзных и автономных республик. В целях дальнейшего улучшения координации и укрепления сотрудничества этнографов секция сочла необходимым просить Институт этнографии АН СССР в течение 1954 г. подготовить и в начале 1955 г. провести конференцию этнографов по вопросу о задачах этнографической науки в следующей пятилетке. Для взаимной информации о состоянии этнографической работы секция постановила систематически публиковать в журнале «Советская этнография» обзоры работ и аннотации этнографических публикаций.

На заседаниях секторов этнографической секции были одобрены в целом все представленные на обсуждение планы научно-исследовательских работ 1954 г. По каждому из этих планов высказаны конкретные замечания и пожелания, вошедшие в принятую секцией резолюцию. Поскольку академии наук Азербайджанской, Казахской и Туркменской ССР, а также Молдавский, Карело-Финский, Дагестанский и Казанский филиалы АН СССР не прислали своих представителей на координационное совещание, этнографическая секция была лишена возможности обсудить состояние этнографической работы в указанных научных учреждениях и их планы на 1954 г. Это обстоятельство не могло не затруднить координацию этнографических исследований в общесоюзном масштабе.

О результатах работы секции этнографии и ее решениях было сообщено 2 ноября 1953 г. на пленарном заседании в Отделении исторических наук АН СССР.

О. Ганцкая

ОБСУЖДЕНИЕ ВОПРОСОВ СОВЕТСКОГО НАРОДНО-ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

22 сентября 1953 г. в Московском ордена Ленина государственном университете имени М. В. Ломоносова на заседании кафедры фольклора филологического факультета состоялось обсуждение статьи Николая Леонтьева «Волхование и шаманство» (журн. «Новый мир», 1953 г., № 8). Обсуждение приняло форму широкого освещения важнейших вопросов советского народно-поэтического творчества. В обсуждении приняли участие преподаватели народно-поэтического творчества московских вузов, представители печати и научных учреждений.

Открывая заседание, заведующий кафедрой фольклора профессор В. И. Чичеров сказал, что необходимость глубокого обсуждения важнейших вопросов советского народно-поэтического творчества давно назрела. Н. П. Леонтьевым поставлены существенные вопросы изучения и издания народно-поэтических произведений. В. И. Чичеров призвал участников заседания высказаться по этим вопросам, а также дать оценку статье Н. П. Леонтьева, содержащей не только верные, но и ошибочные положения. Следует, сказал В. И. Чичеров, особо обсудить тезис Н. П. Леонтьева о том, что «никакого советского фольклора — за исключением, может быть, части пословиц и поговорок, — как самостоятельной области советского искусства не существует».

В своих выступлениях подавляющее большинство участников заседания положительно оценило критическую часть статьи Н. П. Леонтьева. Соглашаясь с отрицательной оценкой Н. П. Леонтьевым подделок под традиционный эпос, доцент кафедры фольклора Э. В. Померанцева отметила, что фольклористы не проявляют критического отношения к разбираемым произведениям и поэтому относят к фольклору все, что угодно. Научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького П. П. Кирдан также говорил о том, что необходимо критически относиться к бытовым устным произведениям. О своем отрицательном отношении к стилизациям под народное творчество говорили также доцент кафедры фольклора МГУ С. И. Василевский, кандидат филологических наук П. Д. Ухов, майор Афонин и другие выступающие. Музыковед Л. В. Кулаковский отметил, что стилизации, подобные тем, с которыми встречаются фольклористы, имеются и в музыкальном творчестве. С ними необходимо покончить.

Все выступавшие утверждали, что произведениями народного творчества мы можем считать только высокоидейные и высокохудожественные произведения.

При всем этом многие выступавшие упрекали Н. П. Леонтьева в том, что он направил свою критику против таких произведений, которые не характеризуют собой истинного творчества широких трудящихся масс (выступление П. Д. Ухова и других). Доктор филологических наук В. М. Сидельников сказал, что Н. П. Леонтьев, уделяя слишком большое внимание «творчеству бабушек Двинских», не замечает лучших образцов советского народного творчества. «Творчество» старых гимназисток, сказала преподаватель Московского областного пединститута М. Ф. Мужчинкина, ни-

чего общего не имеет с творчеством народа. О необходимости различать подлинное творчество советского народа и стилизации разных «графоманов», вроде тех, о которых пишет Н. П. Леонтьев, говорила также А. К. Мореева (Всесоюзный дом народного творчества). Она особо подчеркнула, что существенный недостаток статьи Н. П. Леонтьева заключается в том, что у автора нет положительной программы. Статьей Н. П. Леонтьева, сказала А. К. Мореева, пользуются как знаменем все те, кто нигилистически относится к народному творчеству. Отсутствие в статье Н. П. Леонтьева положительных взглядов на народное поэтическое творчество Советской эпохи явилось основанием, позволившим некоторым выступавшим дать в целом отрицательную оценку этой статье. П. Д. Ухов осудил эту статью как дискредитацию поэтического творчества трудящихся масс Советского Союза.

Большинство выступавших на заседании говорили о самом существовании советского народного творчества и необходимости изучать его. «Нельзя, — сказал С. И. Вилиленок, — нигилистически отрицать народное творчество наших дней, как это делает Н. П. Леонтьев в своей статье. Нужно ставить вопрос не о ликвидации народного творчества, а о внедрении марксизма в науку о народном творчестве». Советское народное творчество, сказал В. М. Сидельников, будет расти и развиваться наряду с литературой. Научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького А. Н. Нечаев сказал, что Н. П. Леонтьев, отрицая советский фольклор, впадает в ту же ошибку заблуждения и скатывается «на позиции буржуазной фольклористики, которая в течение 150 лет насаждала и тщила утверждать то положение, что народ в творчестве не участвует, что фольклор не есть живое искусство». «Народное творчество Советской эпохи, — сказала Э. В. Померанцева, — чрезвычайно богато и разнообразно. Народное творчество наших дней это и советская литература, и непрофессиональное творчество самодельных художников слова... Следует учитывать разницу взаимоотношений литературы и фольклора, разницу в удельном весе фольклора и отдельных жанров в разные эпохи. Обрядовое творчество, заговоры, духовные стихи, конечно, не совместимы с нашей эпохой. Другие жанры, несомненно, существуют. Такими жанрами остаются песни и частушки, пословицы, меткие слова, поговорки, сказки. Это не так уж мало». Н. П. Леонтьев, отметила Э. В. Померанцева, совершает большую ошибку, отрывая советский фольклор от традиционного фольклора. По мнению Э. В. Померанцевой, и сейчас есть советские традиционные сказки, традиционные песни. В конце своего выступления Э. В. Померанцева призвала фольклористов проявлять больше интереса к живым явлениям современного народного творчества.

Научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького У. Б. Чатараева сказала: «Приговор, вынесенный Н. П. Леонтьевым советскому фольклору, особенно жесток для поэзии братских народов Советского Союза. Литература народов, не имевших до революции письменности, развивается на основе их многовековой поэтической культуры, созданной коллективными усилиями многих поколений. В наших глазах происходит процесс взаимообогащения профессионального и непрофессионального, коллективного и индивидуального творчества. Фольклор народов Советского Союза живет и развивается». О большом значении, которое имеет народное творчество в создании литератур всех наших советских республик, говорил также В. М. Сидельников.

А. К. Мореева отметила, что художественная самодельность нашей страны чрезвычайно богатое и разнообразное массовое творчество народа. Его необходимо изучать, это — подлинное творчество широких народных масс. М. Ф. Мужчинкин привел ряд образцов советского народного творчества. Нельзя, сказала она, отрицать большое значение старых поэтических приемов в создании новых произведений советского фольклора. В заключение выступления М. Ф. Мужчинкина высказала мнение, что жанр советской сказки — жанр живой, что он существует в народном творчестве.

Аспирант кафедры фольклора МГУ В. П. Аникин, отметив глубокую ошибочность отрицания Н. П. Леонтьевым существования советского народно-поэтического творчества, подчеркнул, что автор обсуждаемой статьи игнорирует специфические особенности народного творчества как коллективно создаваемого искусства. Рассматривая советское художественное творчество как «литературное хозяйство», т. е. как совокупность художественных произведений, создаваемых лишь отдельными авторами, Н. П. Леонтьев, естественно, пришел к отрицанию коллективного советского народно-поэтического творчества.

О специфике народного творчества говорили и другие выступавшие. В статье Н. П. Леонтьева, сказал П. Д. Ухов, обойден основной вопрос о специфических особенностях народного творчества — вопрос о коллективности его. По мнению П. Д. Ухова, независимо от того, как создан текст, важно, чтобы это произведение было воспринято народом. В процессе бытования текст совершенствуется. Было бы неправильно говорить, отметил П. Д. Ухов, что письменность исключает устность. Профессиональное искусство никогда не заменит самодельное. П. Д. Ухов отметил далее, что больше эпические произведения в советском фольклоре не живут, остались лишь малые.

Соглашаясь с этим утверждением, Э. В. Померанцева сказала: «Наша задача — определить специфику нашего объекта исследования, эта специфика состоит в коллективности создания народного творчества».

Утверждение о том, что советское народно-поэтическое творчество имеет свои специфические черты, вызвало возражение аспиранта кафедры советской литературы

МГУ А. Г. Бочарова. По его мнению, у советского фольклора нет своей особой специфики, поэтому современное массовое художественное творчество правильное именовать самодеятельным творчеством советского народа. Далее А. Г. Бочаров совершенно правильно возражал тем, кто произведения литературной самодеятельности, кружковцев, ставит выше произведений советской литературы. Советская литература, сказал он, полнее выражает мысли и чаяния народа, неправильно говорить, что творчество литературных кружков и самодеятельных хоров является высшим этапом в художественном развитии народа.

В своем выступлении профессор В. И. Чичеров подчеркнул, что статья Н. П. Леонтьева имеет очень большое значение, так как автор показал один из существенных недостатков работы советских фольклористов — отсутствие эстетического отбора материала, эстетической оценки его, зачисление в народное творчество того, что не имеет никакого отношения к нему. Пора, сказал В. И. Чичеров, положить конец стилизованному псевдоискусству. «Статья Н. П. Леонтьева, — продолжал он, — заставляет говорить о том, что существует теоретическая разногласия в определении сущности народного творчества. Этими вопросами необходимо заниматься в первую очередь. Но статья в теоретическом отношении нуждается в серьезной доработке». В. И. Чичеров считает, что устность нельзя считать основным признаком фольклора, как полагает это Н. П. Леонтьев. Особенностью народного творчества является коллективность художественной деятельности масс трудящихся. К сожалению, эта проблема в достаточной мере не изучена. Проблема коллективности рассматривается нередко вне времени и пространства. В каждый период истории коллективность народного творчества имеет свои особенности. В условиях социализма поэтическое творчество народа расцветает, причем впервые в истории человечества гармонически сочетаются литература и фольклор — индивидуальное и коллективное творчество советского народа. Они едины, одна область от другой не может быть оторвана. В наших условиях, как показывают факты, создаются коллективные произведения, происходит шлифовка произведений, создаваемых и народными массами, и писателями, и поэтами. Возможность шлифовки у нас суживается, но в то же время выдвигается новая форма коллективного творчества, объединяющего творческую деятельность поэтов и народа. Современность не снимает возможности коллективного творчества. Эту мысль В. И. Чичеров проиллюстрировал на примерах работы А. Твардовского над образом Василия Теркина, работы М. Исаковского и народа над песенными образами и др. Литература в условиях социализма является ведущей формой советского поэтического творчества, но это не дает никому права принижать значение массового народного творчества.

В. И. Чичеров считает, что нужно сменить безнадежно устаревший термин «фольклор». Он говорил о нечеткости формулировок Н. П. Леонтьева, касающихся соотношения традиционных образов и современности: это дает основание думать, что Н. П. Леонтьев разрывает традиционное народное творчество и творчество советского народа. Крупным недостатком статьи Н. П. Леонтьева, по мнению В. И. Чичерова, является игнорирование фольклора народов СССР при решении вопроса о судьбах советского народного творчества.

В заключение своего выступления В. И. Чичеров подчеркнул, что статья Н. П. Леонтьева призывает фольклористов не только к самокритическому отношению к своей работе, но к теоретической, глубокой разработке вопросов, относящихся к фольклору.

О теоретической неразберихе и непонимании специфики народного творчества говорила также А. К. Мореева. Теоретическая слабость завела практиков — работников Домов народного творчества в тупик. С этой общей оценкой неудовлетворительного состояния в области изучения народного творчества согласилось большинство выступавших. «У фольклористов нет единой концепции», — сказал в заключение своего выступления С. И. Василенок. Представитель журнала «Новый мир» И. А. Сац также отметил отсутствие единства в определениях, даваемых фольклористами советскому народно-поэтическому творчеству. Он призывал дать историческое и теоретическое обоснование того, что называется советским фольклором... Этим вопросом не заниматься», — сказал он. И. А. Сац отметил далее, что «фольклор, как главная форма, основные выраженные народных творческих сил, в советской действительности не остался, а сейчас — это небольшой придаток к большой общей культуре всего народа».

В конце заседания слово было предоставлено Н. П. Леонтьеву. По его мнению, ошибочность крайних выводов его статьи осталась недоказанной. «Если есть „советский фольклор“, как самостоятельная область искусства, развивающегося по своим законам, — сказал он, — определите его специфику и границы, его место в духовной жизни советского народа, его роль в деле коммунистического строительства». Свои положительные взгляды на народное творчество современности Н. П. Леонтьев обещал изложить в особой статье. В своем выступлении он снова критиковал фольклористов, которые видят в устности основной признак народного творчества. Он продолжал игнорировать коллективную творческую природу фольклора как основную черту народного творчества.

Все участники обсуждения пришли к необходимости продолжить диспут на страницах печати.

Давая общую оценку состоявшемуся обсуждению вопросов советского народно-поэтического творчества, нельзя не прийти к выводу, что состояние практической и теоретической работы фольклористов неудовлетворительно. Отнесение к народной поэзии

неполноценного в идейном и художественном отношении материала является грубейшей ошибкой фольклористов. Это — результат методологической слабости теоретических взглядов многих фольклористов. Обсуждение статьи Н. П. Леонтьева показало, сколь своевременной явилась его статья. Советские фольклористы должны решительно преодолеть отставание науки о народном творчестве.

В. Аникин

НОВЫЙ ДУНГАНСКИЙ АЛФАВИТ

27 мая 1953 г. в Институте языка, литературы и истории Киргизского филиала Академии наук СССР состоялась конференция по обсуждению проекта нового алфавита для дунган СССР.

Обсуждавшийся проект алфавита был подготовлен комиссией, созданной при Президиуме АН СССР в 1952 г. в составе: председатель А. А. Драгунов (Институт востоковедения АН СССР), члены А. А. Реформатский (Институт языка АН СССР), Г. Санжеев (Институт языка АН СССР), А. Калимов (Институт востоковедения АН СССР), Г. Стратанович (Институт этнографии АН СССР), Ю. Яншансин (Институт языка, литературы и истории Кирг. филиала АН СССР), Ю. Цунваза (Институт языка, литературы и истории АН Казахской ССР) и др.

Комиссией рассмотрен ряд (до 10 вариантов) проектов алфавита и слоговой орфографической таблицы. В основу проекта, предложенного комиссией на рассмотрении конференции, легли второй вариант алфавита, разработанный А. А. Драгуновым, третий вариант алфавита, предложенный дунганином — филологом Ю. Яншансином.

Пленарному заседанию конференции предшествовал ряд подготовительных заседаний, в ходе которых подготовлен проект резолюции и урегулированы частные разногласия.

В пленарном заседании приняли участие до 100 человек, в том числе были ученые-лингвисты (профессора К. К. Юдахин, И. А. Батманов, А. А. Реформатский, А. Жермеков, доцент А. Шамиева, старший преподаватель Киргизского гос. университета А. Буваза и др.), лингвисты-дунгановеды (канд. филологических наук А. Калимов, научные сотрудники Ю. Яншансин, Ю. Цунваза и др.), дунгановеды — историки этнографии (кандидаты исторических наук Х. Юсуров, Г. Стратанович, научный сотрудник Института языка, литературы и истории Кирг. филиала АН СССР А. Шиню), директор того же Института канд. философских наук А. Давлеткельдыев, народные поэты киргиз Аалы Токомбаев, народный поэт дунганин Ясыр Шиваза, педагоги дунганских школ и школ, в которых учатся дунганские дети Киргизии и Казахстана (поселков Миянфанк, Шортюбе, Каракуруз, Джалпактубе, Дэйшин и др.), дунганская интеллигенция г. Фрунзе, студенты вузов г. Фрунзе — дунгане и уйгуры и т. д.

Разнообразен был и национальный состав участников конференции: дунгане, уйгуры, киргизы, казахи, русские, украинцы, татары. Представители семи народов Советского Союза дружной семьей обсуждали общее, кровно всех интересующее дело — проект новой письменности для одного из них — для дунган.

По поручению комиссии Президиума АН СССР с докладом выступил канд. филологических наук научный сотрудник Института востоковедения АН СССР А. Калимов. В своем докладе т. Калимов показал огромное политическое значение новой письменности для дунган Советского Союза, для их культурно-политического роста, расцвета их культуры в целом. С огромным удовлетворением выслушали участники конференции заявление т. Калимова о том, что комиссия учла требования трудящихся масс дунган Советского Союза и подготовила проект алфавита на основе русской графики. На конкретных примерах т. Калимов продемонстрировал богатство и гибкость русской графики, передающей звучание дунганских фонем с максимальной точностью (в том числе и тональность их, без специальной цифровой разметки тех, сохранившихся в дунганском языке тонов). Объективно изложив разногласия, возникшие в комиссии в процессе подготовки проекта алфавита и слоговой таблицы, т. Калимов рассказал о том, как преодолевались эти разногласия.

После доклада развернулось оживленное обсуждение проекта алфавита и слоговой таблицы, а также мероприятий по внедрению новой письменности в жизнь. В пленарных выступлениях: Я. Шиваза, Ю. Яншансин, А. Буваза, А. Арбуду, Х. Чжон, А. Шамиева, А. Жермеков, Ю. Цунваза, А. А. Реформатский, Г. Г. Стратанович и др.

Конференция единогласно приняла новый алфавит и орфографическую слоговую таблицу и обратилась к Верховному Совету Киргизской ССР с просьбой утвердить их. В решениях конференции намечены мероприятия по подготовке учителей, по изданию учебников и дополнительной литературы, по введению преподавания дунганского языка (как родного в школах, где учатся дунганские дети) с 1953/54 учебного года и т. д. Особое значение имеет решение конференции обратиться к Президиуму Академии наук СССР с просьбой о создании в Институте языка, литературы и истории Кирг. филиала АН СССР сектора дунганской культуры в целях концентрации там научных кадров дунгановедов (из самих дунган), необходимых для комплексной разработки научных проблем дунгановедения.

После официального закрытия конференции участники ее выехали (двумя группами) в дунганские колхозы поселков Милянфан (колхоз им. Фрунзе) и Ырдык (колхоз Дэйшин). Выездное заседание в п. Милянфан завершилось концертом самодеятельности, в котором приняли участие директор школы т. Арбуду (сольное пение), колхозник т. Чжон (аккомпанемент и сольное исполнение на цитре «чин») и 63-летний артист Сы Цзулин (пение под аккомпанемент «куадедер» — «бубна» из блюда и палочек для еды).

Гр. Стратанович

НОВЫЙ ДУНГАНСКИЙ АЛФАВИТ

№№ п/п	Новый алфавит	Название букв	№№ п/п	Новый алфавит	Название букв
1	А а	а	20	П п	пэ
2	Б б	бэ	21	Р р	эр
3	В в	ве	22	С с	эс
4	Г г	гэ	23	Т т	тэ
5	Д д	дэ	24	У у	у
6	Е е	е (йэ)	25	Ў ў	ву
7	Е ё	ё (йо)	26	У у	(йу)
8	Ә ә	ью	27	Ф ф	эф
9	Ж ж	жэ	28	Х х	ха
10	Жҗ	жы	29	Ц ц	цэ
11	З з	зэ	30	Ч ч	чэ
12	И и	и	31	Ш ш	ша
13	Й й	ий	32	Щ щ	ща
14	К к	ка	33	Ъ ъ	нинхо
15	Л л	эл	34	Ы ы	ы
16	М м	эм	35	Ь ь	ванхо
17	Н н	эн	36	Э э	э
18	Ң ң	ың	37	Ю ю	ю (йу)
19	О о	о	38	Я я	я (йа)

ПАМЯТИ Б. А. КУФТИНА

Советская наука понесла тяжелую утрату — 2 августа 1953 г. скончался Борис Алексеевич Куфтин.

Б. А. Куфтин родился в 1892 г. в Самаре (г. Куйбышев). В 1909 г. поступил в Московский университет, в 1911 г. за участие в студенческом революционном движении исключен из университета и эмигрировал за границу. В 1913 г. по амнистии возвратился в Москву, в 1917 г. закончил университет сначала по ботанике, а потом по циклу антропологии, археологии и этнографии. По окончании университета Б. А. Куфтин был оставлен Д. Н. Анучиным для подготовки к профессорскому званию. В 1919 г. после сдачи магистерских экзаменов, был зачислен доцентом на организованную после Великой Октябрьской социалистической революции кафедру антропологии.

На этой кафедре, где, по идее Д. Н. Анучина, осуществлялось преподавание антропологии в собственном смысле слова, археологии и этнографии, Б. А. Куфтин руководил последним циклом. Некоторые из его учеников (С. П. Толстов, М. Г. Левин) являются теперь руководящими работниками в этнографических учреждениях СССР. Одновременно Б. А. Куфтин работал в Московской секции Гос. академии истории материальной культуры, где был заместителем председателя комиссии по этнологии, а также заведывал отделом Средней Азии и Сибири в Центральном музее народоведения.

За время работы в московских научных учреждениях Б. А. Куфтин осуществил ряд этнографических экспедиций и экскурсий в Казахстан, в Крым, в различные районы центральных областей РСФСР, в Прибайкалье и на Амур. К сожалению, лишь незначительная часть собранных им материалов была опубликована. Предварительные публикации и отчеты поражают широким диапазоном тем, над которыми работал тогда Б. А. Куфтин. Это не только этнография различных народов — от Дальнего Востока

до Кавказа, это и археологические проблемы, которым Б. А. Куфтин целиком посвящал себя, начиная с 1933 г., когда он был приглашен на работу в Гос. музей Грузии.

В 1944 г. Б. А. Куфтин был избран членом-корреспондентом, а в 1946 г. действительным членом Академии наук Грузинской ССР.

Первый период научной деятельности Б. А. Куфтина характеризовался преимущественно работами в области этнографического изучения материальной культуры народов СССР. Исследования Б. А. Куфтина в этой области направлены главным образом на разработку проблем этногенеза. Отличительной чертой этих исследований является широкий охват проблемы с привлечением большого количества разнообразных сравнительных материалов. В работе «Жилище крымских татар в связи с теорией заселения полуострова», изданной в 1925 г., содержатся параллели из этнографии Сибири, Среднего и Ближнего Востока, Кавказа, Балканского полуострова, не говоря об отдельных экскурсах в еще более далекие области. В опубликованной в 1926 г. работе «Материальная культура русской мешеры» сравнительные данные охватывают все славянские, финские и тюркские народы Русской равнины. Широкие сопоставления в этнографических работах Б. А. Куфтина — не дополнение к основному материалу, это главное содержание работ и их основной метод. Его этнографические работы не утратили значения и в наши дни. Это относится не только к фактическому материалу, но и к методу исследования, хотя последний не свободен от серьезных недостатков. Широкие сопоставления обязательны для этнографа-марксиста, но его не удовлетворяют, конечно, сопоставления, оторванные от хозяйственной, общественной и политической истории изучаемых народов. А в работах Б. А. Куфтина этот отрыв безусловно сказывается. Поэтому Б. А. Куфтин не смог, например, увидеть финской основы мешеры, не сумел должным образом понять те несомненные аналогии со славянами, установление которых является его бесспорной заслугой.

К сожалению, этнографические работы Б. А. Куфтина нашли мало продолжателей. В современной советской этнографической литературе исследования проблем этногенеза занимают ничтожно малое место. Надеюсь, что этот пробел будет восполнен, можно с уверенностью утверждать, что этнографические работы Б. А. Куфтина будут широко использованы исследователями этой проблемы.

Второй период научной деятельности Б. А. Куфтина ознаменован его археологическими работами в Грузии. Здесь заслуги его огромны. О первом исследовании — «Археологические раскопки в Триалети», удостоенном Сталинской премии, можно без преувеличения сказать, что оно открыло новый этап в археологическом изучении Грузии. До появления работы Б. А. Куфтина было, конечно, опубликовано много статей и книг, посвященных грузинской археологии. Много было и музейных коллекций. Однако определение хронологического положения памятников и отдельных находок в большинстве случаев не шло далее отнесения их к каменному, бронзовому или железному веку, да и эти определения главным образом исходили из материала изделий. Б. А. Куфтин дал первый опыт периодизации памятников, основанный на методах современной науки.

Выявился до того погребенный в недрах музеев куро-аракский энеолит — богатая самобытная культура Закавказья. Выделено несколько последовательных ступеней развития бронзовой культуры. Впервые на археологическом материале доказаны кавказские корни грузинской культуры — вопрос, которому посвящена специальная краткая, но необычайно содержательная статья Б. А. Куфтина. В этой статье с исключительным блеском развернулся его талант в области широких сопоставлений. Только за одну эту статью каждый, кому дорога история грузинского народа, должен обнажить голову на могиле Б. А. Куфтина. В «Материалах по археологии Колхиды», несмотря на марристскую словесную шелуху, которая, конечно, сильно портит первый том этой работы, впервые правильно установлен возраст абхазских дольменов, определение которого было сильно запутано неумелыми исследователями, не разобравшимися в соотношении впускных погребений с основными сооружениями. В том же исследовании наглядно показаны колхидские связи кобанской культуры.

Археологические работы Б. А. Куфтина внесли стройность в систему научных представлений о далеком историческом прошлом Грузии. В этой системе еще много пробелов. Они будут, конечно, заполняться в результате деятельности грузинских археологов, которые широко используют при этом труды Б. А. Куфтина.

В последние годы Б. А. Куфтин работал в Туркмении, где раскапывал памятники всемирно известной культуры Анау. Уже в результате первого года работы в этой области Б. А. Куфтину удалось значительно расширить круг наших представлений о памятниках этого типа, почти совершенно не освещенных в нашей археологической литературе. Его отчетный доклад, прочитанный весной 1953 г. на сессии Отделения исторических наук АН СССР в Москве, позволял надеяться, что изучение культуры Анау вступило в новый, высший этап. Все, знакомые с деятельностью Б. А. Куфтина, уверенно ждали от него таких же широких обобщений, какими он прославил свое имя в других областях науки. Этим ожиданиям не суждено было сбыться.

Список основных трудов Б. А. Куфтина

- Календарь и первобытная астрономия киргиз-казацкого народа, «Этнограф. обозрение», 1916—1918 гг.
- Льяловская неолитическая культура в верховьях р. Клязьмы в ее отношении к окскому неолиту Рязанской губернии и раннеолитическим культурам Северной Европы «Труды Об-ва исслед. Рязанск. края», вып. V, 1925.
- Неолитическая стоянка вблизи с. Льялово Московского уезда, «Русск. антрополог. журнал», 15, вып. 1—2.
- Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова, М., 1925.
- Материальная культура русской мещеры, ч. I, М., 1926.
- Краткий очерк северного буддизма и ламаизма в связи с историей учения, изд. Центр. музея народоведения, М., 1927.
- Новая культура бронзовой поры в бассейне р. Оки, «Труды палеоэтнологич. конференции ЦПО», М., 1927.
- К вопросу о ранних стадиях бронзовой культуры на территории Грузии, «Краткие сообщения ИИМК», VIII, М.—Л., 1940.
- Археологические раскопки в Триалети. Опыт периодизации памятников, т. I, Тбилиси, 1941.
- К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе по данным археологии, «Вестник Гос. музея Грузии», т. XII-B, Тбилиси, 1944.
- Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и куро-аракский энеолит, «Вестник Гос. музея Грузии», т. XIII-B, 1946.
- К проблеме энеолита Внутренней Картали и Юго-Осетии, «Вестник Гос. музея Грузии», т. XIV-B, 1946.
- Археологические раскопки 1947 г. в Цалкинском районе, Тбилиси, 1948.
- Археологическая маршрутная экспедиция 1945 года в Юго-Осетию и Имеретию, Тбилиси, 1949.
- Материалы к археологии Колхиды, т. I, Тбилиси, 1949; т. II, Тбилиси, 1950.

ВЛАДИМИР КАПИТОНОВИЧ НИКОЛЬСКИЙ

17 октября 1953 г. на 59-м году жизни, после непродолжительной болезни скончался доктор исторических наук профессор Владимир Капитонович Никольский, один из крупнейших специалистов в области истории первобытного общества.

В. К. Никольский родился в 1894 г. в Ярославле, в семье армейского подпоручика. Восемнадцати лет он поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Несмотря на то, что ему приходилось тратить много времени на добывание средств к жизни уроками, студент Никольский уже со второго курса начал работу в архивах над материалами по земским соборам XVII в., по которым он подготовил два исследования: 1) «Соборное представительство Переяславля Рязанского в XVII в.» (напечатано в 1921 г.) и 2) «Земский собор 1682 года об отмене местничества и совещание выборных окладчиков 1681 года». Получив за эти работы кандидатский диплом I степени, В. К. Никольский в 1916 г. был оставлен при университете для подготовки к профессуре при кафедре русской истории под руководством проф. Любавского. В том же году была напечатана первая статья молодого ученого «К истории дворянских челобитных 1637 года». Позже были опубликованы еще три работы по русской истории XVII в.

С 1918 г., будучи преподавателем Московского университета, В. К. Никольский начал вести интенсивную лекционную работу в Москве и на периферии. Научные интересы молодого ученого переместились в ту область истории, которая до Великой Октябрьской социалистической революции совершенно не была разработана в русской науке, а именно — в историю первобытного общества. В 1923 г. вышла в свет книга В. К. Никольского «Очерк первобытной культуры». Этот труд был удостоен премии

экспертной комиссии ЦЕКУБУ и в течение двух лет переиздавался два раза. В 1927 вышло четвертое, переработанное и дополненное издание этой книги. Выход в свет книги В. К. Никольского в свое время имел большое значение. Надо иметь в виду, что В. К. Никольский выступил со своими работами по истории первобытного общества в 1920-х годах, когда эти вопросы были очень слабо освещены в советской литературе. В эти годы в советской исторической науке шла интенсивная борьба за овладение марксистской методологией, и В. К. Никольский внес большой вклад в разработку основных положений, превративших прежде разрозненные знания о древнем человечестве в историю доклассового общества, отрасль марксистской исторической науки. В своей книге В. К. Никольский отказался от формального подхода к археологическим данным, он привлек для освещения первобытного общества данные антропологии и этнографии, а также и письменной истории, связав их воедино с археологическими материалами. Он вел активную борьбу с проникавшими тогда в советскую этнографию влияниями реакционных зарубежных направлений, как, например, культурно-исторической школы и некоторых других.

В. К. Никольскому принадлежат и работы по проблемам происхождения человека. В своей книге на эту тему¹, вышедшей в 1927 г., и в ряде последующих работ В. К. Никольский одним из первых среди советских ученых выступил как последовательный защитник теории неандертальской стадии в развитии человека.

Почти полностью посвятив себя с 1920-х годов исследованию истории первобытного общества, В. К. Никольский в своей педагогической и лекционной деятельности продолжал заниматься и историей древнего мира, и русской историей.

Педагогическую работу В. К. Никольский в течение многих лет вел в Московском университете, сначала в должности преподавателя и доцента, а с 1930 и в 1937 г. — профессора. Позже он преподавал в Институте философии, литературы и истории, в Историко-архивном институте и некоторых других педагогических вузах; последние десять лет руководил кафедрой древней истории Московского областного педагогического института.

В 1943 г. В. К. Никольский защитил докторскую диссертацию, представив труд «Первобытная община» (35 авт. лист.).

И в своей первой книге, и в особенности в своей монографии В. К. Никольский дал ряд этнографических очерков, в которых осветил под углом зрения марксистско-ленинизма материалы буржуазных этнографов об австралийских и океанийских племенах, племенах и народностях Южной и Центральной Америки, а также Южной Африки. Таковы очерки о бакайри, гуаяках, папуасах горы Хаген, о готтентотах, о ацтеках и инках. В очерках о гуаяках, бакайри и папуасах В. К. Никольский выдвинул ряд проблем матриархально-родового строя, исследуя производство и родовой организацию, обмен и зачатки расслоения общины. В очерках о готтентотах, ацтеках и инках освещены патриархально-родовая община, ее распад и переход к сельской (соседской) общине, возникновение классов и государства. В последних очерках особенно интересно исследование начальных форм рабства; В. К. Никольский подчеркивает здесь, что основным при определении характера рабства является место и роль труда рабов в производстве.

Большое место в исследованиях В. К. Никольского занимают проблемы происхождения религии и ранних этапов ее развития. Этим проблемам посвящены его статьи «Является ли магия религией?», «Омела вместо золотой ветви», «Была ли религия без духов?», книга «Происхождение религии» (1940, переиздана в 1949 г.), статья «Начало религии» и вступительная статья в книге Шарля Эншлена «Происхождение религии и возникновение христианства».

Работы В. К. Никольского много содействовали развитию советской истории религии, рассматривающей верования и культ в свете марксистско-ленинского учения о базисе и надстройке.

В. К. Никольский обладал даром в популярной и яркой форме излагать научные данные и делать достижения науки доступными самым широким кругам советских читателей. Еще ярче проявлялся его талант популяризатора в лекционной деятельности. Лекции в студенческих и широких аудиториях трудящихся В. К. Никольский читал интересно и увлекательно, часто делая со слушателями результаты своих последних исследований и развивая возникшие в связи с ними новые мысли.

В. К. Никольский отдавал много сил общественной и партийной работе. В течение многих лет он вел интенсивную антирелигиозную пропаганду, выступая устно и в печати по всем актуальным вопросам атеистического просвещения. В последние годы В. К. Никольский был одним из руководящих деятелей Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний. С момента вступления В. К. Никольского в ряды КПСС в 1952 г. его общественно-партийная деятельность стала еще более активной.

Имя В. К. Никольского сохранится в истории советской науки как имя талантливого ученого и блестящего популяризатора, способствовавшего проникновению марксистских знаний о первобытном обществе в широкие круги советской интеллигенции.

Б. Шаревская

¹ «Происхождение человека по ископаемым данным», Изд-во «Молодая гвардия», М., 1927.

Список основных печатных работ В. К. Никольского

- К истории дворянских челобитных 1637 г., «Исторические записки Московского университета», 1916, № 4.
- Боярская попытка 1681 г., Там же, 1917, № 1—2.
- Соборное представительство Переяславля Рязанского при царях Алексее и Федоре, «Ученые труды Рязанской архивной комиссии», 1919.
- Очерк первобытной культуры, изд. 1-е и 2-е, М., 1923; изд. 3-е, М., 1924; изд. 4-е, Харьков, 1928.
- Сибирская ссылка протопопа Аввакума, «Ученые записки Ин-та истории», т. 2, 1927.
- Происхождение человека по ископаемым данным, М., 1927.
- Земский собор о вечном мире с Польшей, «Труды Ин-та им. К. Либкнехта», М., 1928.
- Происхождение человека, М., 1929.
- Обзор экономических теорий первобытного хозяйства, «Под знаменем марксизма», 1929.
- Примечания к книге Г. Кунова «Всеобщая история хозяйства», М., 1929.
- Предлогическое мышление — «рабочая гипотеза» Леви-Брюля, Предисловие к книге Леви-Брюля «Первобытное мышление», М., 1930.
- Является ли магия религией? «Воинствующий атеист», 1931, № 11—12.
- Омела вместо золотой ветви. В книге Д. Фрэзера, «Золотая ветвь», ч. 1, М., 1931.
- Была ли религия без духов? «Антирелигиозник», 1935, № 2.
- Предисловие к книге Леви-Брюля «Сверхъестественное в первобытном мышлении», М., 1937.
- Предисловие и примечания к книге Э. Тэйлора «Первобытная культура», М., 1939.
- Детство человечества, М., 1939.
- Происхождение религии, М., 1940.
- Происхождение цивилизации, «Ученые записки Ин-та философии», 1941.
- История первобытного общества. Учебно-методическое пособие, Учпедгиз, 1949.
- Значение исследования народов Советского Севера для истории первобытного общества и этнографии, «Ученые записки Моск. обл. пед. ин-та», 1950.
- Антинаучность буржуазного мифа об исконности семьи и частной собственности, «Ученые записки Моск. обл. пед. ин-та», 1951.
- Начало религии, Там же, 1951.
- Шарль Эншлен и его труд по истории религии. В книге Ш. Эншлена «Происхождение религии и возникновение христианства», Гос. изд-во иностр. лит-ры, М., 1954.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

О НЕКОТОРЫХ НЕДОСТАТКАХ УЧЕБНИКОВ ИСТОРИИ

Коммунистическая партия и Советское правительство всегда уделяли огромное внимание идейно-теоретическому уровню преподавания исторических дисциплин. Ряд постановлений партии и правительства преследовал цель поднять уровень исторической науки, улучшить качество преподавания истории, обеспечить создание полноценных марксистских учебников. Не удивительно, что советские историки достигли в этом направлении немалых успехов и продолжают совершенствовать свое дело, следуя директивам XIX съезда Коммунистической партии Советского Союза, поставившим задачу дальнейшего подъема социалистической культуры и науки, дальнейшего улучшения народного образования и подготовки квалифицированных научных кадров.

Подготовленные лучшими научными силами нашей страны, издаваемые огромными тиражами, учебники истории служат делу марксистского образования и коммунистического воспитания подрастающего поколения. Поэтому особенное сожаление вызывают некоторые серьезные пробелы и недостатки, еще имеющиеся в вузовских и школьных учебниках истории и существующим образом снижающие их идейно-теоретический уровень и познавательную ценность.

В передовой статье № 3 журнала «Советская этнография» за 1953 г. поднят вопрос, имеющий большое принципиальное значение для развития советской исторической науки в целом и советской этнографии в частности: если история общественного развития — это история народных масс, то исторические работы должны давать всестороннюю характеристику жизни народа, в частности, — характеристику его жилища, одежды, пищи, его семейного уклада и форм быта в широком смысле этого слова, его мировоззрения, народных знаний и суеверий, обрядов и обычаев¹. Иными словами, исторические работы, в частности учебники истории, должны содержать пусть краткую, но разностороннюю характеристику культуры и быта народных масс, без чего невозможно дать конкретное, живое и полное представление о жизни народа на различных этапах его исторического развития.

Отсутствие таких характеристик является крупным недостатком, свойственным всем учебникам истории как вузовским, так и школьным, хотя в различных учебниках и даже в различных их главах этот недостаток проявляется по-разному.

В некоторых учебниках характеристика культуры и быта описываемых народов попросту опускается. Таков, например, двухтомный труд «Новая история стран зарубежного Востока», изданный Московским государственным университетом в 1952 г. В различных местах этого учебника говорится о колониальной политике империалистов, «уродовавших хозяйственное и культурное развитие народов Востока» (т. I, стр. 10), о сохранении колонизаторами феодальных пережитков «в идеологии и быте покоренных народов» (там же, стр. 32) и т. п. Однако эти совершенно правильные и чрезвычайно важные указания остаются голословными, ибо в учебнике не нашлось места даже для самой сжатой характеристики культуры и быта народов зарубежного Востока. Учащимся остается неизвестным, в чем конкретно выражается культурная отсталость народов колониальных и зависимых стран, к чему именно привел колониальный гнет древнюю цивилизацию Востока, которая еще в средние века оказывала такое заметное влияние на культурное развитие народов Европы. Единственный раздел учебника, посвященный этому вопросу («Английское завоевание и индийская культура»), содержит несколько строк, касающихся упадка литературы, грамотности и художественных ремесел. Авторам учебника следовало учесть и то, что характеристика народной куль-

¹ См. «За тесное сотрудничество этнографов и историков», «Советская этнография», 1953, № 3, стр. 3—4.

туры имеет немалое значение для понимания вопросов, связанных с формированием в странах Востока буржуазных наций. Ведь именно культурная отсталость и обусловленная ею культурная обособленность различных групп населения являются одной из причин того отмечаемого учебником факта, что возникшие в колониальных и зависимых странах Востока нации «не получили и не могли получить полного развития» (т. II, стр. 29).

В большинстве учебников имеются специальные разделы, посвященные культуре данного народа на том или ином этапе его истории. Однако учащийся никогда не найдет здесь описания всего культурного комплекса этого народа — материальной и духовной культуры, хозяйственного, общественного и семейного быта. Под культурой авторы учебников, как правило, понимают только духовную культуру народа: науку, литературу, театр, изобразительное искусство, музыку, религию, в лучшем случае также иногда фольклор, народную музыку и танцы, художественные ремесла. В учебнике новой истории стран зарубежного Востока даже прямо указывается, что культурные традиции народов Османской империи проявлялись «в народном эпосе, литературе, искусстве и архитектурном стиле» (т. I, стр. 42), а в вузовском учебнике истории средних веков (изд. 1952 г., т. I, стр. 672) под материальной культурой понимаются только художественные ремесла. Отсюда — соответствующее содержание разделов, посвященных культуре. Так, например, в «Истории древнего Востока» В. И. Авдиева (изд. 1953 г.) раздел «Культура древнего Египта» включает письменность, религию, литературу, изобразительное искусство и научные знания; в учебнике В. С. Сергеева «История древней Греции» (изд. 1948 г.) раздел «Раннегреческая культура» дает описание мифологии, религии, письменности и литературы; в вузовском учебнике истории средних веков (изд. 1952 г., т. I) раздел «Средневековая культура стран Западной Европы (V—XIII вв.)» посвящен религии, литературе, театру, изобразительному искусству, науке, а также фольклору, народной музыке и театру. Следует отметить, что даже такая неполная характеристика духовного творчества народных масс выгодно отличает этот последний учебник от подавляющего большинства других, которые не уделяют этому вопросу вообще никакого внимания. Краткие сведения о фольклоре, танцах и художественных ремеслах некоторых народов Советского Союза содержатся также в т. II вузовского учебника истории СССР (изд. 1949 г.); впрочем, фольклор рассматривается здесь как «вид литературы» (стр. 197).

Если в некоторых учебниках (вернее, в некоторых их разделах) и попадают описания материальной культуры, семейного и общественного быта, то эти описания относятся лишь к господствующим классам, к верхушке общества. Примером может служить учебник Н. А. Машкина «История древнего Рима» (изд. 1947 г.). В гл. XIII есть небольшой раздел «Изменение быта» (в середине II в. до н. э.), но в нем говорится лишь об изменениях в быту верхушки римского общества — о распространении роскоши в одежде и домашней обстановке, о появлении домашних учителей-греков и т. п. (стр. 191). Точно также в разделе «Быт и нравы римского общества в I в. до н. э.» характеризуются лишь нравы высшего общества: разложение семьи, любовные похождения патрицианок, раздоры из-за богатого наследства и т. п. (стр. 338—339). Аналогичным образом в вузовском учебнике средних веков (изд. 1952 г., т. I, стр. 157—158) описываются лишь быт и нравы рыцарского общества, а в вузовском учебнике истории СССР (изд. 1947 г., т. I), где имеется небольшой раздел, посвященный изменениям в быту в XVII в., говорится только о быте господствующих слоев — боярских и купеческих домах, роскошной изюмной утвари, каретах, одежде и т. п. (стр. 468—469). Авторы учебника нашли здесь место сказать о появлении в богатых домах клещей с канарейками, но оставили учащегося в полном неведении относительно быта, одежды, утвари и пищи широких народных масс.

Было бы неверным думать, что всесторонняя характеристика культуры и быта того или иного народа отсутствует в учебниках только потому, что советская наука не располагает данными по этой тематике. Конечно, история развития народной культуры изучалась слабо, и в этом отношении этнографы делают вину с историками в целом. Не для всех народов, не для всех исторических периодов имеются необходимые сведения о народной культуре и быте. Но в ряде случаев эти сведения — в том объеме, в котором они необходимы в учебнике, — имеются. Они эпизодически встречаются в некоторых разделах учебников (чаще при описании самых ранних ступеней исторического развития), они используются в той или иной степени в одних учебных пособиях и игнорируются в других. Так, например, данные о характере семьи у различных народов древнего Востока, содержащиеся в учебнике В. И. Авдиева, опущены в учебнике истории древнего мира для учительских институтов под редакцией В. Н. Дьякова и Н. М. Никольского (изд. 1952 г.). Напротив, содержащиеся в этом учебнике подробные данные о характере древневавилонских городских жилищ опущены В. И. Авдиевым. В одном и том же учебнике сравнительно подробно описывается хозяйственный быт одного народа и ни слова не говорится о хозяйственном быте других народов. Примером может служить учебник новой истории зарубежных стран Востока, где имеется специальный раздел о технике скотоводства у монголов во второй половине XIX в. и в то же время не уделяется ни одной строки хозяйственному быту арабских кочевников, о котором имеются сравнительно полные данные. Другой пример. В вузовском учебнике новой истории (изд. 1951 г., т. I), хотя и с излишней краткостью, но все же характеризуется материальный быт французского крестьянина в XVII — начале XVIII в.: «Одет он был в домотканное, грубо окрашенное платье, обувался в деревянные сабо,

жил в деревянной полуземлянке без окон и трубы, с топорной мебелью, с глиняным полом и соломенной крышей, нередко вместе со скотом и птицей» (стр. 176); однако авторы не сочли нужным даже такой единственной фразой познакомить учащихся с бытом крестьянства других стран Европы.

Отсутствие тесного контакта между этнографами и историками и недостаточное внимательное отношение последних к этнографическому материалу являются причиной того, что даже в тех немногих, эпизодических описаниях культуры и быта, которые имеются в учебниках, нередко неточности, ошибки, устаревшие данные.

Обратимся, например, к вузовскому учебнику истории СССР (изд. 1947 г., т. II). Здесь указывается, что в XVII в. «обширное пространство от Малоземельской и Большой земельской тундр в европейской части Московского государства до нижнего течения Енисея в Азии занимали ненцы или, как их называли русские, самоеды (самодьды)» (стр. 517). Но ненцы и самоеды — не одно и то же. Понятие «самоеды» (самодийцы) значительно шире. Если ненцы в XVII в. кочевали действительно только до Енисея, то тундровые самоеды в широком смысле — значительно дальше к востоку, почти до низовьев Оленека². «Коряки и значительная часть чукчей, — говорится в учебнике далее, — были оленеводами» (стр. 519); в действительности коряки в XVII в. еще являлись «неолигическими охотниками на тюленей и моржей и рыбаками, частично перешедшими к оленеводству»³. Общественный строй монголов в XII в., характеризующийся распадом родовых отношений и сложением отношений феодальных, определяется в учебнике как «кочевой феодализм», который «отличается длительным сохранением некоторых черт родового строя» (стр. 143). Между тем очевидно, что здесь следует говорить о патриархально-феодальных отношениях: этот термин отражает процесс феодализации у кочевников значительно лучше и полнее, нежели термин «кочевой феодализм», давно оставленный нашей наукой⁴. Весьма путанно характеризуются в учебнике древние верования народов СССР. У восточных славян «долго сохранялись пережитки религии, связанные с тотемистическими представлениями. Об этом говорит, например, вера в оборотней, т. е. превращение людей в зверей. Кроме поклонения зверям, у древних славян существовало поклонение камням, деревьям, ручьям и рекам» (стр. 71). В другом месте учебника эти же культы именуются анимистическими: в XV—XVI вв. «остяки и вогулы стояли еще на низкой ступени анимизма, выражавшегося в культе деревьев, камней, птиц и зверей» (стр. 254), а культ камней у сибирских татар — фетишизмом (стр. 253). В результате учащимся совершенно неясно, в какой исторической и логической связи находятся все эти культы, почему один и тот же культ, например, культ камней, фигурирует то как тотемизм, то как анимизм, то как фетишизм. Впрочем, не более ясно изложен этот вопрос и в некоторых других учебниках. В. И. Авдиев в своей «Истории древнего Востока» исходит из того, что древнейшей религией всех народов является фетишизм (стр. 103—104, 283, 480, 665 и др.), а все формы примитивных религиозных представлений смешаны им воедино. Можно ли, в частности, составить сколько-нибудь отчетливое представление о развитии религиозных верований древних китайцев из такого объяснения: «Китайская религия, так же как и религиозные воззрения всех народов древности, восходит к фетишизму, к древним формам культа природы, культа предков и тотемизма, тесно связанного с магией» (стр. 665)? Известно, что истолкование фетишизма как древнейшей формы религии, в прошлом широко распространенное как за рубежом, так и у нас, в настоящее время оставлено даже буржуазной наукой, а самый этот термин чаще всего применяется для обозначения сравнительно поздних форм культа священных предметов (Африка) или же для обозначения пережитка примитивных верований в позднейших религиях (например, поклонение «черному камню» в мусульманстве).

Вызывает недоумение и трактовка, даваемая В. И. Авдиевым купному браку у народов древнего Востока. В древней Индии, сказано в учебнике, «практиковалась особая форма брака, называемая «арша», при совершении которого жених «должен дать отцу невесты быка и корову», как говорится в законах Астапамбы. Наконец, совершенно неприкрытой формой продажи невесты был брак, получивший название «асура». О нем в законах Астапамбы говорится: «Если жених платит деньги (за свою невесту) по своему состоянию и женится затем на ней, то этот (брак) называется брадом асура». Так возникали древнейшие формы домашнего патриархального рабства» (стр. 590—591). Таким образом, купной брак безоговорочно рассматривается В. И. Авдиевым как источник патриархального рабства; в другом месте покупка невесты ставится рядом с долговой кабалой (стр. 51); жена и дети главы патриархальной семьи рассматриваются как его домашние рабы в прямом смысле этого слова (стр. 87 и др.). Изложенную точку зрения вряд ли можно признать правильной. В. И. Авдиев ссылается на Маркса и Энгельса, которые в «Немецкой идеологии» отмечали «имеющееся в скрытом виде в семье рабство»⁵, а также на указание Энгельса о том, что на Востоке домашнее рабство «является косвенным образом

² См. Б. О. Долгих, Расселение народов Сибири в XVII в., «Советская этнография», 1952, № 3, стр. 80 и карта.

³ Там же, стр. 82.

⁴ См. Л. П. Потапов, К вопросу о патриархально-феодальных отношениях у кочевников, «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», вып. III, 1947.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 12.

составной частью семьи, переходя в нее незаметным образом»⁶. Но Маркс и Энгельс называли домашними рабами не всех членов патриархальной семьи, подчиненных власти патриарха, а включенных в семью несвободных чужаков. «Существенным,— пишет Энгельс, характеризуя патриархальную семью,— является включение в состав семьи несвободных и отцовская власть; поэтому законченным типом этой формы семьи является римская семья»⁷. То обстоятельство, что в древневосточной патриархальной семье юридическое, а нередко и фактическое положение жены и детей близко к рабскому, что домовладыка имеет право продать их в рабство, отнюдь не является основанием для создания такой конструкции, где отец является рабовладельцем, а его жена и дети — патриархальными рабами. Во всяком случае заключение брака и деторождение не могут рассматриваться в качестве источника домашнего рабства; речь может идти только о классовом перерождении патриархальной семьи в рабовладельческое общество, иначе рядом с патриархальной теорией происхождения государства станет патриархальная теория происхождения классов.

В ряде случаев совершенно неудовлетворительны разделы, посвященные характеристике культурного общения народов, культурных взаимовлияний. В первом томе вузовского учебника истории СССР культурное взаимодействие народов Сибири с русскими поселенцами в XVII в. изображается следующим образом: «Колонисты перенимали у местных жителей одежду, более приспособленную к северному климату, оружие, способ постройки жилищ и т. д. Среди русского населения распространялись туземные суеверия, вера в шаманов. С другой стороны, и коренные жители, особенно в Западной Сибири, перенимали «русский бычай» (стр. 529). В чем состоял этот «русский бычай», что именно перенимали у русских отсталые племена Сибири, награждавшие переселенцев своими суевериями, учащимся остается неизвестным. Необходимо отметить и то прямое искажение картины формирования древнерусской культуры, которое содержится в учебнике истории СССР для IV класса средней школы под редакцией проф. А. В. Шестакова (изд. 1953 г.). «Вместе с христианством среди славян распространялась греческая культура и образованность. Византийские мастера обучали славян строить и украшать дома и церкви. Ученые греческие монахи создали славянскую азбуку» (стр. 21). Культурное влияние Византии на соседние славянские земли совершенно несомненно, но столь же несомненно и то, что у восточных славян до принятия христианства имела своя самобытная культура, что элементы византийской культуры славянами творчески перерабатывались, усовершенствовались, развивались. Не сказать этого — значит подать факты односторонне, вызвать у учащихся ложное представление, будто бы византийская культура распространялась на пустом месте, будто бы у славян до принятия христианства совершенно не было письменности, украшенных домов и т. п.

Встречаются ошибки в этнической характеристике народов. Так, например, учебник новой истории зарубежных стран Востока относит дунган к числу «тюркских» народностей (т. I, стр. 202), тогда как в действительности они представляют собой китайскую народность, хотя и впитавшую в себя, возможно, те или иные тюркские этнические элементы.

Отсутствие в учебниках сколько-нибудь достаточных характеристик конкретных форм быта постоянно приводит к одним и тем же повторяющимся неясностям. В учебнике новой истории зарубежных стран Востока часто говорится о «патриархально-феодалных отношениях», но конкретное содержание этого своеобразного общественного строя либо не раскрывается, либо раскрывается неточно. Так, в главе «Арабские страны» говорится: «В менее развитых странах (Аравия, Южный Ирак, внутренние части Алжира, Туниса и Триполи) господствовали феодально-патриархальные отношения и сохранялись сильные пережитки первобытно-общинного строя. Население, занятое кочевым животноводством и полуседлым земледелием, делилось на племена и кланы. Во главе их стояли вожди-шейхи. Пастбища и обрабатываемые земли находились в коллективной собственности племен и родовых земледельческих общин» (т. I, стр. 69). Нарисованная здесь картина общественного строя арабского кочевого и полуседлого населения (отметим, кстати, что в указанных странах имелось и вполне оседлое земледельческое население) ничего общего с феодализмом не имеет: перед нами не патриархально-феодалные, а патриархально-родовые отношения. Между тем среди большинства населения указанных стран действительно господствовали патриархально-феодалные отношения, и в учебнике следовало их точно и ясно охарактеризовать. В вузовском учебнике истории СССР (изд. 1949, т. II) не раз говорится о прикрытии феодальной эксплуатации патриархальными формами (например, у казахов в первой половине XIX в.— стр. 223), но учащимся остается неизвестным, в чем конкретно заключается специфика такой эксплуатации. В первом томе этого же учебника говорится о «полупатриархальных отношениях» у народов Дагестана в XVI в. (стр. 321), но остается совершенно неясным, каковы эти отношения в целом.

Нельзя также не отметить наличия большого числа ошибок и неточностей, содержащихся в тех специальных разделах вузовских и школьных учебников, которые посвящены истории первобытного общества — области исторической науки, видное

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 451.

⁷ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1950, стр. 57.

место в которой занимают данные этнографии. В ряде случаев эти ошибки обусловлены тем, что указанные разделы построены без учета новых выводов науки о первобытности, в других случаях — простой небрежностью. Характерным примером может служить уже упомянутый учебник истории древнего мира для учителей и студентов педагогической школы, подготовленный редакцией В. Н. Дьякова и Н. М. Никольского, который открывается сравнительно обширным разделом «Первобытное общество». В этом разделе имеется ряд ошибок, подчас далеко уводящих от марксистской концепции истории первобытного общества.

«В трудовой деятельности людей, — утверждают авторы учебника, — первоначально преобладали инстинкты, и В. И. Ленин называл дикаря «инстинктивным человеком». Лишь постепенно элемент инстинктивности уступил место сознательной деятельности» (стр. 18). Таким образом, авторы, начетнически ссылаясь на выхваченный у Ленин обрывок фразы, ставят первоначальный труд первобытного человека — иными словами, его деятельность по производству орудий, ибо именно с нее начинается труд — на одну доску с инстинктивной деятельностью бобра или пчелы. Половозрастное разделение труда учебник относит то к среднему (стр. 20), то к верхнему (стр. 28) палеолиту. В качестве основной хозяйственной ячейки «эпохи матриархата» в учебнике выступает «род или (!) большая материнская семья» (стр. 36). В моногамной семье «...муж получает сплошь да рядом право взять вторую и третью жену из числа женщин захваченных на войне» (стр. 48): жена здесь отождествляется с рабыней — наложницей, а «существующее наряду с единобрачием внебрачное половое общение мужей с незамужними женщинами»⁹ — с многоженством. Развитие тотемистических верований изображено в обратном порядке: не от представления об общем происхождении в кровном родстве человеческого коллектива с видом животного или растения к его почитанию, а наоборот: из культа животных «в процессе развития этого культа происходит постепенное выделение... какого-либо одного вида и создается представление о групповом родстве людей с данным видом животных или растений» (стр. 55). Антимистические верования, по мнению авторов учебника, «далеки от идеализма» (стр. 56), а характеристика религиозных представлений в эпоху разложения родового строя вообще не поддается пониманию: «распад родового строя приводит к тому, что наряду с поклонением силам природы появляется поклонение силам социальным, которые теперь олицетворяются в форме божеств. Вместе с тем укрепление (?) родовых отношений приводит к изменению характера культа мертвых» (стр. 57). Критикуя реакционную концепцию Леви-Брюля, авторы учебника пишут: «...идеалистической является и теория французского ученого Леви-Брюля, который, подчеркивая отличие мышления первобытного человека от современного логического мышления, не хочет понять того, что (!) это отличие обусловлено лишь примитивным характером начального человеческого опыта, слабостью развития производительных сил» (стр. 22). Но ведь этим самым авторы учебника солидаризируются с критикуемой ими теорией! Все это — далеко не полный перечень допущенных здесь ошибок и неточностей.

Подобное же положение наблюдается в школьных учебниках. В кратком курсе истории СССР для IV класса средней школы начальный этап истории человечества характеризуется следующим образом. Первые люди прятались от мамонтов и медведей «в пещерах и землянках». Они «питались кореньями, ягодами, мясом убитых животных, одевались в шкуры зверей, которых им удавалось убить». Им удавалось убить «даже такого сильного зверя, как мамонт». Прошли еще века, и люди научились «делать орудия из камня, дерева, костей» (стр. 6). В учебнике для IV класса нельзя, конечно, дать развернутую характеристику первобытно-общинного строя. Но нельзя и искажать материал. Ведь даже четвероклассник, если он вдумается в прочитанное, поймет, что, не имея хотя бы самых примитивных орудий из камня и дерева, нельзя сделать землянку, убивать животных и одеваться в их шкуры.

Аналогичные неточности в изображении первобытно-общинного строя имеются в учебнике истории древнего мира для V—VI классов под редакцией проф. А. В. Мишулина (изд. 1952 г.). Начало оседлости связывается здесь с тем, что люди «стали переходить к приручению животных, к ловле рыбы, к первобытному скотоводству» (стр. 4). Если развитие рыболовства действительно должно было способствовать оседанию первобытных общин, то в отношении первобытного скотоводства такой вывод можно сделать только допустив высокопроизводительные формы животноводческого хозяйства со стойловым содержанием скота, заготовкой кормов и т. п. Вообще, о возникновении скотоводства — проблеме очень важной и сложной — нельзя говорить мимоходом, как это делается в учебнике. Более принципиальный характер носит другая ошибка, допущенная в оценке социально-экономического строя современных отсталых обществ. «Первобытно-общинный строй, — говорится на стр. 7 учебника, — это первая ступень развития людей, через которую прошли все народы. В настоящее время эта ступень осталась далеко позади, она пройдена много тысяч лет назад. Только совсем немногие племена Австралии, Африки и Америки (например, индейцы) живут еще до сих пор в диких первобытных условиях (дикари)». Таким образом, индейцы Америки, сохраняющие еще те или иные пережитки первобытно-общинного строя, но в целом давно уже втянутые в орбиту капиталистических отношений, объявляются первобытными дикарями.

⁸ «Ленинский сборник», IX, стр. 22.

⁹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 66.

Нужно ли добавлять, что самое употребление термина «дикари» в отношении современных индейцев или любой другой современной народности в научном и политическом отношении недопустимо?

Серьезная ошибка в трактовке материнско-родового строя допущена в учебнике истории СССР для VIII класса средней школы под редакцией проф. А. М. Панкратовой. «Первобытная община,— говорится здесь,— вначале не имела определенного состава и легко распадалась, между тем совместное ведение хозяйства требовало прочного и постоянного объединения. Однако люди того времени не знали постоянного брака. Дети были связаны только с матерью. Поэтому общественной ячейкой стала материнская семья. Несколько материнских семей составляли род...» (стр. 5). Таким образом, в качестве общественной ячейки слагающегося материнско-родового строя выступает здесь не род, а семья; семья здесь не выделяется в результате развития рода, а, напротив, дает начало самому роду. Такое изображение исторического процесса неправильно, оно идет в разрез со всей концепцией советской науки о первобытности.

В учебнике Е. А. Косминского «История средних веков» для VI—VII классов средней школы (изд. 1951 г.) вызывает недоумение характеристика общественных отношений у арабских племен накануне образования халифата: «У них господствовал родовой строй», пишет автор и тут же добавляет: «Внутри родов не было равенства, уже образовалась родовая знать. Были богачи, владевшие большими стадами, были бедняки, ничего не имевшие» (стр. 25). Совершенно очевидно, что в данном случае нужно говорить не о «господстве родового строя», а об его интенсивном разложении, его переходе в классовое общество.

Все приведенные нами примеры можно без особого труда умножить, однако в нашу задачу не может входить рецензирование учебников истории в их полном объеме. Приведенные факты в достаточной мере свидетельствуют о том, что при подготовке учебников истории следует значительно более широко и точно использовать этнографические данные, необходимые для всесторонней характеристики культуры и быта народов на различных этапах их исторического развития.

А. Першиц

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

П. П. Ефименко. *Первобытное общество. Очерки по истории палеолитического времени*. Издание третье, переработанное и дополненное, Изд-во Академии наук Украинской ССР, Киев, 1953.

Вышедший двумя первыми изданиями в 1934 и 1938 гг. фундаментальный труд главы советской школы изучения палеолита П. П. Ефименко — «Первобытное общество» по праву принадлежит к крупнейшим достижениям советской археологической науки.

За 15 лет, прошедшие со времени выхода второго издания книги П. П. Ефименко, советская археологическая наука добилась новых выдающихся успехов. Было открыто и изучено большое число палеолитических поселений крупного научного значения. Достаточно назвать среди них шелльские местонахождения Армении и погребение неандертальца в Тешик-Таш, позволяющие совершенно по-новому ставить проблему первого появления человека на территории СССР. Вместе с тем за последние 15 лет были исследованы многие важные вопросы древнейшей истории человечества. Работа И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», разоблачив псевдомарксизм построений Н. Я. Марра, поставила перед советскими историками первобытного общества задачи огромного значения, открыв вместе с тем широчайшие творческие перспективы.

Все это делало настоятельно необходимыми переработку и переиздание давно разошедшегося и принесшего большую пользу труда П. П. Ефименко с тем, чтобы в новом издании были исправлены недостатки первых двух изданий и в то же время были бы обобщены и подытожены достижения советской исторической науки.

Институт археологии Академии наук Украинской ССР правильно поступил, выпустив рецензируемую книгу. Автор много поработал над ней, и новое издание, сохранив все достоинства первых двух, значительно отличается от них в лучшую сторону. В основе принадлежащей П. П. Ефименко характеристики развития палеолитического человечества лежит классическое определение первобытно-общинного строя, данное И. В. Сталиным в работе «О диалектическом и историческом материализме». П. П. Ефименко решительно отказался от марровской концепции кинетической речи и стадильных сдвигов в развитии первобытного мышления, нашедших отражение во втором издании его книги (1938). В рецензируемой книге обстоятельно критикуются ошибки в области изучения палеолита, отражающие влияние концепций Марра и его последователей, а проблемы речи и мышления палеолитических людей рассматриваются на основе указаний Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Рецензируемая книга выгодно отличается от второго издания также тем, что в ней гораздо большее место занимают материалы по палеолиту СССР. Это не лишает книгу ее обобщающего характера, не препятствует автору исследовать и изложить наряду с древнейшей историей СССР историю ранних этапов развития первобытного общества в целом. Характеризуя переработку, которой подверг П. П. Ефименко свою книгу для нового издания, следует еще отметить значительное сокращение специально геологических глав.

От этого книга как историко-археологическое исследование только выитрала. Наконец третье издание снабжено именным, географическим и предметным указателями; отсутствие их в первых двух изданиях затрудняло пользование книгой.

В краткой рецензии невозможно, да и вряд ли целесообразно хотя бы комплексно изложить содержание фундаментальной книги. Мы остановимся на характерных особенностях книги и на некоторых принципиальных установках автора по коренным вопросам истории древнейшего человечества.

Название книги П. П. Ефименко шире ее содержания. Книга посвящена не всему первобытному обществу, а лишь истории его ранних этапов, и поэтому основана главным образом на археологических материалах, относящихся к древнему каменному веку. Но в то же время она не является археологическим руководством, которое можно было бы озаглавить «Палеолит» или, скажем, «Культура древнего каменного века». В своей книге П. П. Ефименко ставит и в той или иной мере решает большие проблемы истории первобытно-общинного строя: проблему становления человеческого общества, проблему первобытного стада, проблему происхождения матриархального родового строя, проблему зарождения религиозных верований и т. д. Поэтому я полагаю, П. П. Ефименко был прав, дав своей книге заглавие, даже несколько более широкое, чем ее содержание. Каждый, интересующийся историей первобытно-общинного строя, найдет в книге важный материал, отличный от того, какой можно было бы найти в специальном археологическом руководстве.

Большое значение имеет трактовка в рецензируемой книге вопроса о родине человечества. П. П. Ефименко утверждает (стр. 90), что процесс очеловечения имел место на обширной территории, иначе было бы трудно понять столь раннее появление шельского человека на огромных пространствах всех трех материков Старого Света. Область расселения обезьяноподобных предков человека захватывала, кроме южной половины Азии, какую-то часть Африки и по крайней мере южные окраины Европы. В частности, очевидно, и территорию нашей страны, особенно Кавказ. Останавливаясь на широком распространении шельских остатков, П. П. Ефименко высказывает уверенность, что остатки существа типа питекантропа будут в дальнейшем обнаружены на территории Европы и Африки (стр. 93). Такая постановка вопроса очень важна для каждого историка СССР, который теперь может опираться на авторитетные выводы П. П. Ефименко.

В течение последних двух десятилетий среди советских историков первобытного общества велись оживленные споры по вопросу о формах хозяйственной деятельности древнейших людей: занимались ли последние только собиранием растительной пищи и ловлей мелких животных или были также охотниками¹. В нескольких местах своей книги (стр. 15, 117, 118, 126) П. П. Ефименко рассматривает этот вопрос. Несмотря на некоторую нечеткость и противоречивость высказываний автора (особенно это заметно при сопоставлении стр. 15 и 126), им признается, что древнейшие люди шельского времени типа питекантропов наряду с собирательством занимались случайной охотой на больших животных, что охота должна была играть важнейшую роль в самом процессе антропогенеза. Исследователи, оспаривавшие, что древнейшие люди занимались охотой, часто ссылались на мнение П. П. Ефименко. Теперь эти ссылки отпадают. Можно констатировать, что в результате прошедших многочисленных дискуссий среди подавляющего большинства советских ученых существует в настоящее время полное единство по вопросу о формах хозяйственной деятельности древнейших людей. Остались расхождения лишь по поводу датировки и интерпретации отдельных археологических памятников (Чжоу-коу-дянь, Торральба и др.).

Еще более сложным и дискуссионным является вопрос об общественной организации древнейших людей, о начальном этапе истории первобытно-общинного строя, о том, с какими археологическими эпохами синхронизируется этот этап. П. П. Ефименко исходит из ленинского определения древнейшего человеческого общества как первобытного стада. С эпохой первобытного стада он синхронизирует археологические памятники от шельских до мустьерских включительно, но внутри этой большой эпохи в свою очередь выделяет два периода: собственно первобытное стадо (шельский человек) и первобытную общину неандертальцев, внутри которой постепенно вызревали предпосылки перехода к родовому строю. Само возникновение матриархального родового строя автор связывает с переходом от мустьерской эпохи к позднему палеолиту, рассматривая этот переход, в согласии с основными положениями диалектического метода, как определенно выраженный перерыв постепенности, переход от одного состояния первобытного общества к другому (стр. 288, 304). Эпоху позднего палеолита автор рассматривает как эпоху возникновения рода, эпоху существования матриархальной родовой общины в ее ранних формах.

Такая постановка вопроса является, по нашему мнению, в своих основных чертах обоснованной фактическим материалом и справедливой. Напомним в этой связи, что главным образом в результате историко-археологических исследований П. П. Ефименко («Значение женщины в ориньякскую эпоху», 1931), было доказано наличие в позднем палеолите больших общинных жилищ и общинного домашнего хозяйства, а вместе

¹ См. В. П. Якимов, Ранние стадии антропогенеза, Сб. «Происхождение человека и древнее расселение человечества», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», новая серия, т. XVI, М., 1951, стр. 23.

с тем высокого общественного положения женщин. Наука не располагает подобными фактами для мустьерской эпохи. В частности, проведенные в 1952 г. С. Н. Замятниным в больших масштабах раскопки Сталинградской мустьерской стоянки показали, что это стойбище (как и ранее в меньших размерах раскопанные другие мустьерские охотничьи лагеря) имеет совершенно иной характер, чем оседлые позднепалеолитические поселения. В настоящее время нет никаких фактов, свидетельствующих о важной хозяйственной роли и о высоком общественном положении женщин у неандертальцев, в то время как подобные твердо установленные факты есть для позднего палеолита. Поэтому П. П. Ефименко прав, синхронизируя возникновение рода с переходом от мустьерской эпохи к позднему палеолиту. Но при трактовке этих вопросов им допускается нечеткость и противоречивость. Последняя бросается в глаза даже при ознакомлении с оглавлением книги, где под одним и тем же названием («Первобытное стадо») фигурирует и вся первая часть, и одна из трех глав, входящих в состав этой первой части. Для читателя до конца остается не ясным, как трактует автор мустьерскую эпоху, эпоху существования неандертальцев: рассматривает ли он ее как последний этап развития первобытного стада или же выделяет две эпохи, предшествующие возникновению рода,—эпоху первобытного стада и эпоху первобытной общины неандертальцев. Последнее было бы ошибочно и шло бы в разрез с основным положением марксистско-ленинской истории первобытно-общинного строя о роде как основе всей первобытной истории. Несомненно, что такая нечеткость и противоречивость при трактовке важного вопроса затрудняет пользование книгой и оставляет читателя в недоумении. Правда, следует иметь в виду, что проблемы первобытного стада и возникновения рода являются одними из самых сложных и дискуссионных в советской науке о первобытном обществе. В советской литературе последних лет высказываются самые различные, иногда взаимоисключающие взгляды по этим вопросам. Незаработанность и дискуссионность проблемы, разрешение которой зависит от привлечения обширного этнографического и антропологического материала, в той же мере, как и археологического, несомненно сковывала автора рецензируемой книги.

Более половины книги П. П. Ефименко посвящено позднему палеолиту. Здесь содержится детальный анализ и историческое освещение таких ценнейших памятников первобытной культуры, открытых на территории СССР, как позднепалеолитические поселения Гагарино, Костенки I, Авдеево, Гонцы, Мальта, Афонтова гора и многие другие.

Трактовка П. П. Ефименко длительной и сложной истории позднепалеолитического человечества не имеет ничего общего с марровским вульгарным автохтонизмом. П. П. Ефименко останавливается на перекочевках и переселениях отдельных позднепалеолитических общин, на неравномерности развития техники и культуры, на постепенном заселении людьми ранее необитаемых территорий. В то же время П. П. Ефименко не рассматривает первобытное общество как царство хаоса и случайностей, как механический агрегат индивидов, возникающий и изменяющийся случайно. Изучая позднепалеолитические поселения и вещественные остатки, обнаруживаемые при их раскопках, резко выступая против попыток буржуазных ученых биологизировать процесс развития первобытной культуры, оторвать его от развития первобытного общества, П. П. Ефименко стремится проследить закономерность, последовательность в развитии первобытной техники и первобытного хозяйства. Конечно, было бы легче построить вторую часть рецензируемой книги в виде серии очерков, посвященных отдельным, наиболее выразительным позднепалеолитическим поселениям, описанию образа жизни и хозяйства обитателей последних. Но П. П. Ефименко не пошел по этому пути. Среди позднепалеолитических поселений Европейской части СССР им выделено 7 типов (стр. 315 и сл.), закономерно сменяющих друг друга во времени: памятники раннедельманского типа, позднетьельманского, костенковского, мезинского, кирилловского, гонцовского и, наконец, борщевского или журавского типа. Первые три типа памятников объединяются в группу, характеризующую раннюю пору позднего палеолита. Следующие три типа характеризуют его позднюю пору. Памятники же борщевского или журавского типа завершают поздний палеолит. И в дальнейшем изложении П. П. Ефименко всюду стремится проследить, как более древние поселения сменяются более поздними, как древнейшие обитатели территории СССР от более примитивных технических приемов и орудий постепенно переходили к более совершенным, как люди все в большей и большей степени овладевали окружающей природой. Такая направленность книги одного из авторитетнейших современных археологов особенно важна, потому что зарубежные буржуазные археологи усиленно стремятся «провергнуть» закономерности исторического развития, представить первобытную историю в виде хаоса рас, селящихся одна на место другой, истребляющих друг друга и обладающих каждая изначально присущей ей техникой и культурой. Огромный, тщательно проанализированный фактический материал, обобщенный в книге П. П. Ефименко, не оставляет камня на камне от этих расистских схем.

В посвященных палеолиту работах современных зарубежных буржуазных археологов почти безраздельно господствует «теория культурных кругов», являющаяся одним из проявлений расизма. Работы Мортилье и других прогрессивных эволюционистов прошлого третируются. Ценной особенностью рецензируемой книги является то, что на всем ее протяжении дается обстоятельная, обоснованная большим фактическим материалом, принципиальная критика буржуазных расистских построений (стр. 84—

85, 114, 120—122, 172—173, 256—257, 321—323, 412—414 и т. д.). П. П. Ефименко показывает то ценное, что есть в работах прогрессивных буржуазных археологов XIX в., например в археологической периодизации Морталья, но, разумеется, не принимает их безоговорочно, вскрывает их историческую ограниченность, а огонь своей критики направляет против таких представителей современной зарубежной реакционной археологической науки, как Брейль, Обермайер, Мовиус и другие. Критика расистские схемы «культур отщепов», «культур рубил» и т. п., П. П. Ефименко разоблачает характерную для буржуазных археологов склонность видеть в кремневом инвентаре самодовлеющую область культуры со своими особыми законами развития, наподобие законов развития живых организмов (стр. 103—104). Ценна и содержательна критика П. П. Ефименко методики раскопок палеолитических поселений, господствующей и по сей день среди буржуазных археологов (стр. 358—359). Ведь именно отказ от этой методики и выработка взамен нее новой позволили советским исследователям открыть многочисленные и разнообразные позднепалеолитические жилища. Как известно, использование опыта, накопленного в этой области советскими учеными, позволило археологам народно-демократической Чехословакии также открыть в 1948—1952 гг. позднепалеолитические жилища в таких поселениях, как Долни Вестонице, которое до этого раскапывалось в течение многих лет, Барца II и др.

Мы остановились на некоторых особенностях и принципиальных установках рецензируемой книги. В большом обобщающем труде неизбежны спорные, недостаточные аргументированные положения, более или менее смелые гипотезы. Есть они и в книге П. П. Ефименко, отдельные положения которой несомненно вызовут немало критических откликов.

Неясна позиция автора в отношении синантропа. С одной стороны, автор сопоставляет Чжоу-коу-дянь с нижним культурным слоем Киик-Кобы и с другими аналогичными стоянками, замыкающими ашельское время (стр. 141—142), а с другой стороны он сопоставляет синантропа с ранним ашелем (стр. 144). Для читателя остается неясным, является ли синантроп представителем древнейших людей, формой, весьма близкой к питекантропу (такой взгляд рецензент, в согласии с большинством советских антропологов, считает единственно правильным), или же это была примитивная разновидность неандертальца, открывающая собой мустьерскую эпоху.

Трудно согласиться с утверждениями автора, что Рейн является границей распространения ручных рубил шелльских типов (стр. 111) и что достоверные ашельские памятники отсутствуют в Средней Европе (стр. 160). На территории Германии и Чехословакии открыты за последние годы ряд ашельских и более древних местонахождений. Некоторые относящиеся сюда факты приводит С. Н. Замятнин². Напрасно автор не использовал материалы имеющей большое принципиальное значение статьи С. Н. Замятнина «О первоначальном заселении пещер»³.

В связи с встречающимся в тексте книги термином «клектон» следует сказать, что настало время советским исследователям отказаться от употребления этого расплывчатого и путаного термина, в который буржуазные археологи вкладывают расистское содержание. Ограничить «клектон» позднешелльским временем, как это делает автор, нельзя, так как ряд «клектонских» местонахождений Англии и Франции относится к самому началу плейстоцена. То, что обычно понимают под «клектоном» на Западе — это шелльская и ашельская техника получения кремневых ядрищ и отщепов, но трактуемая с расистских позиций и искусственно противопоставляемая шелльской и ашельской технике обработки рубил.

Весьма спорной и недостаточно аргументированной является гипотеза автора (стр. 325) о том, что нижний культурный слой Тельманской позднепалеолитической стоянки в Костенках оставлен носителями южной, капсийской культуры, пришедшими сюда откуда-то из Причерноморья. Культурные остатки, найденные в нижнем культурном слое Тельманской стоянки, действительно во многом напоминают крымскую пещеру Сюрен I. Но и мустьерские находки, сделанные в крымских пещерах, во многом напоминают мустьерские находки, сделанные в более северных районах Русской равнины. Возможно, что не только развитие мустьерской культуры носило в общем сходный характер у первобытных обитателей Крыма и Русской равнины, но и в сходных формах совершился у тех и у других переход от мустьерской эпохи к позднему палеолиту. Лишь в дальнейшем оформились довольно существенные различия техники и хозяйства у позднепалеолитических обитателей европейской приледниковой и африкано-средиземноморской областей.

П. П. Ефименко упоминает открытия, сделанные за последние годы исследователями палеолита в Чехословакии и в Венгрии, но делает это чрезмерно кратко. Рецензируемая книга значительно бы выиграла, если бы в ней были подробно описаны и критически проанализированы, в сопоставлении с материалами палеолитических поселений СССР, интереснейшие материалы таких палеолитических памятников Чехословакии, как Нова Дратеничка, Мораваны, Долни Вестонице, таких палеолитических памятников Венгрии, как Ишталлошко и т. д. Археологи стран народной демократии,

² С. Н. Замятнин, О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода, Сб. «Происхождение человека и древнее расселение человечества», стр. 101—102. См. также L. F. Lotz, Absteinzeitkunde Mitteleuropas, Stuttgart, 1951.

³ «Краткие сообщения ИИМК», XXXI, 1950.

несомненно, с большим интересом ознакомились бы с таким анализом и сопоставлениями.

В разных местах книги, в связи с рассмотрением тех или иных вопросов, по частям освещается развитие науки о палеолите в XIX и XX вв. и ярко показаны достижения отечественных исследователей палеолита. Но отсутствие специального историографического раздела, в котором развитие науки о палеолите было бы последовательно изложено, бесспорно является недостатком рецензируемого труда. Книга выиграла бы и от присутствия в ней хотя бы небольшого заключительного раздела, кратко подытоживающего весьма обширный текст. В настоящем своем виде изложение как-то обрывается.

Наконец, два слова об иллюстрациях. Книга тщательно иллюстрирована. Иллюстрации являются в большинстве своем свежими и интересными. Особенно ценны ранее нигде не публиковавшиеся репродукции костяных изделий и произведений искусства из раскопок П. П. Ефименко в Костенках I. Но описание некоторых первоклассных палеолитических памятников СССР вовсе не подкреплено иллюстративным материалом (древнепалеолитические местонахождения Абхазии, Тешик-Гаш, стоянка Талицкого, Пушкири, Супонево и др.). Жаль, что в книге отсутствуют и специально составленные сводные, обобщающие таблицы, иллюстрирующие описание отдельных памятников или их групп.

Заклячая, отмечу, что книга П. П. Ефименко представляет собой фундаментальный труд, подытоживающий не только почти пятидесятилетнюю деятельность ее автора в области археологии СССР, но и достижения всего коллектива советских исследователей палеолита. Книга П. П. Ефименко представляет крупнейший вклад в советскую историческую науку. Несомненно, что она долгое время не только будет являться настольной книгой для советских и зарубежных археологов и историков, но послужит фундаментальным справочником и для более широких кругов читателей, работающих в области смежных дисциплин.

Сопоставление рецензируемой книги с ее первым изданием (П. П. Ефименко, Дородовое общество, Л., 1934), вышедшим около 20 лет назад, демонстрирует серьезные успехи советской археологической науки за истекшие два десятилетия. Но покаательно и другое. Прошло меньше двух лет с момента сдачи в печать текста рецензируемой книги, а последний уже нуждается в серьезных дополнениях новыми материалами, открытыми советскими исследователями палеолита и не успевшими попасть в книгу. Только за истекшие два года открыты древнепалеолитические местонахождения в Юго-Осетии и на Средней Волге, раскопана мустьерская стоянка в Сталинграде, открыта новая мустьерская пещера близ Бахчисарая, открыты три палеолитических погребения в Костенках, обнаружено немало новых палеолитических стоянок и местонахождений на Украине и в азиатской части СССР. Анализ и историческому освещению этих вновь открытых материалов будет в немалой степени содействовать книга П. П. Ефименко.

П. Борисковский

НАРОДЫ СССР

Академия наук Латвийской ССР. Институт истории и материальной культуры. *История Латвийской ССР*, т. I, Рига, 1952¹.

Выход в свет I тома трехтомной «Истории Латвийской ССР» на латышском и русском языках является крупным событием в культурной жизни латышского народа и вместе с тем значительным достижением советской исторической науки. В работе над созданием I тома участвовал сравнительно небольшой авторский коллектив, возглавляемый лауреатом Сталинской премии чл.-корр. АН СССР Я. Я. Зутисом. В число авторов входят сотрудники Института истории и материальной культуры Академии наук ЛССР Т. Я. Зейд, М. К. Степерман, Б. Р. Брежго, В. В. Дорошенко. Раздел первый «Первобытно-общинный строй на территории Латвийской ССР» написан археологами — проф. Х. А. Моора (АН Эстонской ССР) и Э. Д. Шноре (сектор археологии Института истории и материальной культуры АН Латвийской ССР).

Книга представляет собой первый марксистский труд по истории Латвии. При оценке научного значения проделанной работы следует учитывать те огромные трудности, которые стояли перед авторами, особенно на первом этапе подготовки к изданию этого капитального труда. До настоящего времени не было каких-либо обобщенных, систематизированных трудов по истории Латвии. Ряд важнейших вопросов из ее истории не был ранее вообще изучен. На протяжении столетий историю латышского народа представляли в искаженном свете немецко-балтийские дворянско-буржуазные историки, позднее ее беззастенчиво фальсифицировали латышские буржуазные националисты.

¹ «История Латвийской ССР» (том I) на русском языке вышла в свет в конце 1952 г., на латышском — в 1953 г.

Советские историки Латвии поставили перед собой задачу разоблачить фальсификаторов истории, разгромить их ложные концепции, восстановить подлинную историю латышского народа и одновременно постараться ответить на ряд вопросов, не исчерпанных или недостаточно выясненных прежде. Авторскому коллективу, как справедливо отмечается в предисловии от редакции, пришлось в связи с этим проделать большую предварительную работу по изучению первоисточников, поднять множество живых материалов, подвергнув их анализу с позиций марксистско-ленинской теории. Читая книгу, убеждаешься, насколько успешно — в такой короткий срок — авторам справились с этими ответственными и сложными задачами. Серьезная помощь в процессе написания I тома «Истории Латвийской ССР» была оказана научному коллективу Института ученых братских союзных республик, в особенности Институтом истории Академии наук СССР. Примером сотрудничества ученых может служить выездная сессия Отделения истории и философии Академии наук СССР, проведенная в Риге в ноябре 1951 г., на которой подвергался обсуждению макет I тома. В работе сессии принял активное участие ряд видных ученых — археологов, этнографов, лингвистов — научных учреждений Академии наук СССР и академий некоторых союзных республик; своей товарищеской критикой они помогли авторам разобраться в спорных сложных вопросах истории народов Восточной Прибалтики.

I том рецензируемой работы, посвященный истории первобытно-общинного и феодального общества на территории Латвийской ССР, состоит из 26 глав, объединенных в 6 разделов, соответствующих крупным периодам в истории Латвии (до середины XIX в.).

Рецензируемая книга, благодаря использованию в ней богатого и разностороннего фактического материала, представляет значительную ценность не только для советских историков, но и для специалистов смежных исторических дисциплин — археологов, этнографов, историков искусства, а также для языковедов.

В настоящей рецензии мы намерены остановиться преимущественно на тех вопросах, которые непосредственно интересуют этнографов. К ним относятся прежде всего проблемы, связанные с историей первобытно-общинного строя и становления классового общества на территории Латвии, а также проблемы происхождения и дальнейшего развития этнической истории народов Восточной Прибалтики.

Изложение ранних периодов истории Латвийской ССР (гл. I, II и частично III) начинается с анализа богатых археологических материалов, часть которых представляет собой оригинальные, ранее не опубликованные данные, впервые введенные в научный оборот (таковы, например, материалы раскапываемых в настоящее время городищ Асоге, Тервете и др.). Наиболее удачны, по нашему мнению, в этих главах разделы, характеризующие хозяйство и материальную культуру древнего населения территории Латвии. Высказанные авторами положения о смене хозяйственных форм и датировка не вызывают возражений и полностью подтверждаются приводимыми материалами.

Вместе с тем, характеристика вопросов, касающихся общественного строя населения эпохи первобытности, страдает в ряде существенных моментов схематизмом. Некоторые выводы авторов не вытекают из материала, а звучат скорее как догма. Так, например, совершенно догматичным, ничем не доказуемым для территории Латвии является синхронизация материнского рода с памятниками мезолита. В главе I такая синхронизация подчеркнута даже в подзаголовке (стр. 8). Известный схематизм наблюдается также при трактовке перехода от родовых объединений к племенным и далее «землям». В частности, выдвигая правильное положение о «землях» как территориальных объединениях (стр. 35), авторы не раскрывают общественно-экономического содержания этих объединений. Оставшаяся неясность в этом вопросе по существу не дает права с такой определенностью говорить о «землях».

Проблема этногенеза, которой в I главе книги уделено значительное внимание, решается авторами в основном правильно. Их выводы о наличии на территории Латвии, начиная со II тысячелетия до н. э., двух этнических элементов: более древнего местного финно-угорского населения и пришлого населения — предков балтийских и латышско-литовских племен — и об их длительном мирном взаимодействии (стр. 18—19) подтверждаются данными языка и материалами новых антропологических исследований, только что завершенных как в отношении современного населения, так и в палеантропологическим материалам (начиная с эпохи неолита)². Данные антропологии и этнографии подтверждают также мысль о проникновении на территорию Восточной Прибалтики, в частности Латвии, восточнославянских элементов.

Следует вместе с тем отметить, что авторы, смело решая проблему этногенеза на территории Прибалтики на более поздних его этапах (начиная со II тысячелетия до н. э.), слишком осторожно высказываются по вопросу о путях первоначального заселения этой территории. Мы считали бы, что в свете работ А. Я. Брюсова³ и последних

² См.: Н. Н. Чебоксаров, Вопросы этногенеза народов Советской Прибалтики в свете новейших антропологических данных, «Вестник Академии наук Эстонской ССР», 1953, № 3; К. Ю. Марк, Палеантропология Эстонской ССР, Автореферат кандидатской диссертации, М., 1953.

³ См. А. Я. Брюсов, Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху, М., 1952.

исследований литовских археологов⁴ имеются все основания высказать предположение о двух путях этого заселения: восточном (из Приуралья) и юго-западном (из бассейна Вислы).

Значительную научную ценность имеет новая трактовка генезиса феодализма на территории Латвии. Еще совсем недавно, не более трех лет назад, советские историки Прибалтики считали, что феодальные отношения у латышей и эстонцев стали господствующими только в XIII в. В свете новых исследований, проведенных ими в процессе подготовки к изданию I тома «Истории Латвийской ССР», возникновение феодализма датируется на два-три столетия ранее. Тем самым полностью опровергаются измышления немецко-балтийских историков о «культуртрегерстве» немецких завоевателей, а также до конца разоблачаются лживые концепции буржуазных ученых о «золотом веке» латышского народа до XIII в., о «народном единстве», об отсутствии в латышском обществе в то время классов и классовых противоречий.

Одной из центральных проблем, затрагиваемых во всех разделах книги, является проблема исторически сложившихся экономических, политических и культурных связей латышей с соседними народами, прежде всего с русскими. Приведенный в книге фактический материал неопровержимо свидетельствует о том, что эти связи восходят к глубокой древности и что они не только не ослабевали, а, наоборот, крепили в ходе дальнейшего исторического развития латышского народа.

Большим достоинством книги является также то, что в ней уделено значительное место освещению культуры и быта латышей. Краткая характеристика особенностей культуры населения Латвии накануне вторжения крестоносцев дается в специальном разделе II главы (стр. 73—77), написанной В. В. Дорошенко. Освещению латышской народной культуры периода развитого феодализма (XIII — начало XVII в.) посвящена глава IX (стр. 217—229), автором которой является Т. Я. Зейд. Быт и культура латышского народа в период позднего феодализма (XVII—XVIII вв.) описаны М. К. Степерманом в главе XV (стр. 370—399). Наконец, различным сторонам материального быта и культуры латышей в период разложения барщинного хозяйства (конец XVIII — начало XIX в.) посвящена глава XXII, написанная проф. Я. Я. Зутисом. Помимо названных специальных глав, материал о культуре и быте народа можно также почерпнуть и во многих других разделах книги, особенно в тех, где характеризуется положение крестьянства, развитие ремесла, торговли и городов.

Заслуживает быть особо отмеченным, что авторами при написании указанных глав использованы, кроме этнографической литературы (пока еще довольно бедной), памятники устного народного творчества, материалы музеев (Центрального исторического музея, Государственного музея народного быта) и, что особенно ценно, различные исторические и архивные источники; в их числе — старшая и младшая Ливонские рифмованные хроники, описание путешествия по Курземе французского рыцаря Лануа (1414), описание Восточной Европы, составленное итальянским географом Гваньини (1578), материалы участника посольства бранденбургского курфюрста Н. А. Бранда (1675), описание Розина Лентилиа (1692), труды А. В. Гупшеля, Олеария и другие.

Материал, изложенный в названных выше II, IX, XV и XXII главах книги, довольно полно освещает различные стороны культуры и быта народа в их исторической последовательности.

В главе II и частично в IX, где в значительной мере использован и археологический материал, разоблачается несостоятельность упомянутой выше «культуртрегерской теории», имевшей целью оправдание жестокой политики немецких завоевателей. В опровержение этой «теории» приводится конкретный материал, свидетельствующий о том, что коренное население Восточной Прибалтики после вторжения крестоносцев не только не приобщилось к «благам высшей западноевропейской культуры», но, наоборот, переживало упадок своей культуры. Это явилось неизбежным следствием грабительских феодальных войн и разорения, причинявшегося населению немцами феодалами.

В IX и последующих главах уделено большое внимание выяснению форм крестьянского расселения на территории Латвии и происходивших в них изменений. Опровергая с фактами в руках лжетеорию немецких авторов, подхваченную впоследствии латышскими буржуазными националистами, об извечности хуторского расселения на территории Латвии, авторы восстанавливают историческую правду и подчеркивают, что хуторская система расселения была насильственно насаждена немецкими феодалами с целью упрочения их господства в Прибалтике⁵. В подтверждение своих положений авторы приводят данные исторических источников, а также рисунки деревень XVI—XVIII вв. Большой и интересный материал приведен по крестьянскому жилищу, его внутреннему убранству, а также по хозяйственным постройкам. Материал этот знакомит с техникой строительства, типами жилых и хозяйственных построек, их локальными отличиями, а также с изменениями в облике жилых и прилегающих к ним строений, происходившими в связи с изменениями социально-экономических условий жизни народа. Довольно подробно описаны народная одежда латышей, техника ее

⁴ Имеются в виду результаты археологических раскопок, проведенных за последние годы Н. Куликаускас и Р. Куликаускиене (см. «Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР», вып. XLXII).

⁵ Подробнее об этом см. в статье Л. Н. Терентьевой в настоящем номере журнала.

изготовления и орнаментация. Интересный материал собран о средствах передвижения, сельскохозяйственных орудиях и производственных навыках латышских крестьян. Приведены также сведения о пище, домашней утвари и домашних ремеслах.

К достоинствам рецензируемой книги следует отнести строгую хронологическую датировку приводимых материалов и наличие анализа классовой принадлежности описываемых элементов материальной культуры, т. е. как раз то, что нередко упускают в своих работах этнографы. Заслуживает также внимания подход авторов, при котором описание особенностей материальной культуры проводится не в отрыве от человека, а в связи с его трудовой деятельностью и бытом. Последнее позволяет более полно раскрыть подлинную жизнь народа.

Наряду с материальным бытом в книге найдла свое освещение и духовная жизнь народа. На страницах указанных глав рассказывается о некоторых обрядах и обычаях латышей, о народных знаниях и суевериях, дается краткое знакомство с богатым латышским фольклором, сообщаются данные о состоянии школьного дела и народного образования. Удачным, по нашему мнению, является включение в главу XXVI, где идет речь о духовной культуре народа, материалов о первых латышских просветителях XIX в. как выразителях дум и чаяний народа. Правильно подчеркивается наличие при феодализме двух культур, чуждых и враждебных одна другой, — культуры немецких феодалов и бюргеров и культуры коренного населения — крестьянской по своему содержанию и латышской по форме (стр. 217 и 370). Основываясь на богатом фактическом материале и резко критикуя немецко-прибалтийских историков и латышских буржуазных «ученых», авторы последовательно проводят мысль о благотворном влиянии русской культуры на культуру латышского народа.

Ценность конкретных материалов по культуре и быту латышей увеличивает многочисленными иллюстрациями, сопровождающими все главы (кроме IX). Среди иллюстраций необходимо особо выделить рисунки И. Х. Бротце⁶, которые сами по себе представляют ценнейший источник для исторических и этнографических исследований. В числе этих рисунков имеется более всего иллюстраций по народной одежде латышей различных уездов, а также по поселениям, жилищам, мебели, орудиям труда, средствам передвижения и различным трудовым процессам. Некоторые из аннотаций к рисункам И. Х. Бротце весьма удачно введены в текст. Обращают также на себя внимание по своей выразительности и тематике рисунки А. Г. Боссе⁷. На них мастерски изображены представители трудового люда Латвии середины XIX в. (например, бобыль Криш Лиепинь, деревенский ремесленник-сапожник Юрис Юргенс, деревенский кузнец Ян Эйзенталь и др.). Рисунки И. Х. Бротце и А. Г. Боссе помещены и в других разделах книги.

Представленные в главах IX, XV и XVII материалы в своей совокупности дают достаточно полную картину быта и культуры латышского народа. Это выгодно отличает I том «Истории Латвийской ССР» от многих других исторических работ, даже вышедших в последние годы. В этом отношении нельзя не согласиться с одной из передовых настоящего журнала⁸, указывающей на существенный пробел исторических работ и, в частности, работ по истории отдельных народов, в которых упускаются эти вопросы. Включение в I том «Истории Латвийской ССР» обширного, хорошо документированного материала, характеризующего различные стороны культуры и быта латышского народа, и большая исследовательская работа, проведенная авторами по сбору и систематизации этого материала, заслуживают, по нашему мнению, значительно большего одобрения, чем это отмечено в названной выше передовой журнала «Советская этнография».

Оценивая положительно как рецензируемый труд в целом, так и отдельные его главы, наиболее интересные для этнографов, приходится, однако, пожалеть (как это отмечал уже в своей рецензии кандидат исторических наук А. Вассар⁹), что удачно взятое в начале книги направление — освещать вопросы этногенеза и этнической истории латышского народа — оказывается в дальнейшем прерванным. Читатель не получает достаточно ясного представления о путях образования и развития латышской народности феодального периода. Правильно поставленный в начале книги на основании данных археологии вопрос о тесном взаимодействии двух культур — эстонско-ливонской и латышско-литовской — не получает освещения на более поздних этапах истории латышского народа, в то время как о таком взаимодействии неопровержимо свидетельствуют этнографические материалы, относящиеся к XVIII—XIX вв. Так, например, верно подмечая местные особенности материальной культуры латышей, авторы нередко сводят их только к социально-экономическим причинам, не учитывая культурного взаимодействия с соседними народами. В качестве примера можно привести объяснение при-

⁶ И. Х. Бротце (1742—1823) — преподаватель рижского лицея. Рукопись его (J. Ch. Brotze, *Sammlung verschiedener Lievländischer Monumente*, Bd. I—X), представляющая собой собрание рисунков с аннотациями, хранится в библиотеке Академии наук Латвийской ССР.

⁷ Собрание рисунков А. Г. Боссе (A. G. Bosse, *Bildnisse*, 1857) хранится в Центральном государственном историческом музее в Риге.

⁸ См. журнал «Советская этнография», 1953, № 3.

⁹ См. А. Вассар, Серьезное исследование по истории латышского народа, «Коммунист Советской Латвии», 1953, № 7, стр. 71—76.

тин сохранения в Видземе жилой риги (стр. 372). Несомненно, что наличие и сохранение риги на территории Видземе, заселенной ранее ливами и эстонцами, связано, по крайней мере частично, с этническими традициями этих финских народов. Подобных примеров можно было бы привести немало.

Все перечисленные недостатки рецензируемого труда не имеют, однако, принципиального характера и легко могут быть исправлены во втором издании книги. Надо надеяться также, что в следующих томах «Истории Латвийской ССР» характеристике культуры и быта латышского народа будет уделено не меньшее внимание, чем в первом томе.

Л. Терентьева, Н. Чебоксаров

НАРОДЫ АФРИКИ

ДВЕ КНИГИ О ФРАНЦУЗСКОЙ СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ

Ф. Жоли, Л. Аяш, Ж. Фардель, Л. Сюэш. *География Марокко*. Сокращенный перевод с французского. Предисловие В. Я. Васильевой. Редактор О. К. Парчевский. Издательство иностранной литературы, М., 1951.

Поль Себа. *Тунис*. Опыт монографии. Перевод и предисловие Н. Н. Баранского. Редакторы М. М. Павлов, Е. А. Шукин. Издательство иностранной литературы, М., 1953.

Марокко и Тунис принадлежат к числу тех поработанных империализмом стран, в которых в результате исторических побед Советского Союза во второй мировой войне нарастает мощное национально-освободительное движение. Вследствие своего стратегического положения и запасов ценного сырья Тунис и особенно Марокко подверглись проникновению американских экспансионистов, вытесняющих своих французских партнеров. Территория Марокко и Туниса «используется для военных баз, а их население подготавливается к роли «пушечного мяса» в будущей войне»¹. Одновременно происходит дальнейшее наступление на жизненный уровень и политические права трудящихся. Однако по мере того как усиливается гнет американско-французских колонизаторов, растет и ширится национально-освободительная борьба народов этих стран, встречающая горячую поддержку прогрессивной общественности мира.

Книга «География Марокко» вышла в свет в 1949 г. В Марокко в это время усиливалось массовое антиимпериалистическое движение, проходили крупные политические забастовки, сопровождавшиеся кровавыми инцидентами. Монография Поля Себа вышла в 1951 г., в период усиления американской экспансии в Тунисе, в период нарастания рабочего и общенационального движения. Обе книги предназначены были удовлетворить широкие круги французских читателей, интересующихся напряженным положением в Северной Африке. Посмотрим, как справились авторы с этой задачей.

«География Марокко» состоит из 18 глав. Из них главы I—VI посвящены физической географии страны, VII—VIII — истории Марокко и его населению, IX—XVIII содержат экономико-географическую характеристику отдельных районов страны и отраслей экономики: сельского хозяйства, промышленности, транспорта, торговли. Работа снабжена картами, диаграммами, фото-иллюстрациями. В последних двенадцати главах содержится и этнографический материал, представляющий интерес в особенности потому, что авторы, преподаватели марокканских школ, непосредственно общались с населением описываемых районов. В целом вопросам экономической географии, истории, этнографии и современной политической жизни посвящено не менее половины объема рецензируемой работы. К сожалению, именно эта часть книги по своей методологии и ценности собранных материалов является наиболее слабой, а в ряде случаев содержит и прямую фальсификацию фактов. Книга не столько знакомит читателя с подлинными условиями жизни марокканцев, сколько уводит его от наиболее острых вопросов, связанных с деятельностью американских и французских колонизаторов в Марокко.

В седьмой главе авторы коротко излагают историю Марокко, начиная палеолитом и кончая империалистической колонизацией. Проблема этногенеза берберов решается крайне просто: в каменном веке происходили «великие переселения народов», в результате которых образовались берберские народности. Некоторые из них, «быть может, родственны кроманьонцам, заселявшим некогда юг Галлии и еще сохранившимся (!) до наших дней (!!) на Канарских островах» (стр. 64). Здесь же авторы отдают дань модной в современной буржуазной антропологии материи «блондинизма»: светловолосые берберы являются северянами, пришедшими в ранние времена в Северную Африку.

Дальнейшая история Марокко в изложении авторов сводится к некоему калейдоскопу переселений, вторжений и завоеваний. Перед глазами читателя проходят финикийцы, римляне, вандалы, арабы, «андалузцы», европейцы, десятки династий и сраже-

¹ Г. Маленков, Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б), Госполитиздат, 1952, стр. 18.

ний, но экономический и общественный строй народов Марокко до самого конца остается для читателя тайной. Самые вторжения, по мнению авторов, в ряде случаев вызваны религиозными побуждениями. Так, религиозным фанатизмом были обуреваны санхаджи, вторгшиеся в Марокко в XI в., религиозными побуждениями были движимы португальцы и испанцы, укрепившиеся на побережье в XV в. Такая интерпретация исторического процесса, повидимому, заразила до некоторой степени и редактора, который в примечании на стр. 66 утверждает, что «отрицание наследственных прав халифа и приверженность к догматам и обрядам начального ислама послужили основанием для организации сопротивления берберских племен против вторжения в Марокко арабов».

Авторы крайне преувеличивают культурную отсталость берберов во все века исторического развития. У читателя создается впечатление, что племена берберов всегда были не субъектом, а пассивным объектом культурного общения. Арабы подарили им ислам, «андалузцы» принесли «драгоценный дар — блестящую культуру», европейские колонизаторы принесли с собой современную цивилизацию. В книге не сказано буквально ни слова о своеобразной культуре, созданной самими берберами и о разрушении этой культуры римлянами, арабами и особенно империалистическими колонизаторами. Обо всем этом авторы умалчивают.

Наибольшее недоумение вызывает последняя часть исторического очерка, посвященная европейской колонизации. «Беспристрастно» излагая основные события захвата Марокко французским империализмом, авторы стыдливо умалчивают о борьбе империалистических держав из-за Марокко и об ожесточенном сопротивлении марокканцев французским захватчикам. События после 1912 г. осторожно опускаются. Более того, авторы стремятся оправдать хозяйничанье французов в Марокко: единственное последствие колонизации они видят в том, что «Алжирская и Феская конвенции стимулировали новый приток населения: чиновников, торговцев, исследователей, колонистов, промышленников» (стр. 72).

Политическая направленность и пристрастность авторов не менее ярко выступают и в последующих главах, посвященных современному Марокко. Если в книге и содержатся факты, свидетельствующие о тяжелых условиях жизни марокканского крестьянства и городской бедноты, то эти факты смягчаются, затушевываются, сопровождаются различными оговорками, искажающими действительное положение вещей. Авторы стараются поднести читателю приглашенное, «приобщенное к цивилизации» Марокко, Марокко без вопиющих социальных противоречий. Именно поэтому авторы игнорируют классовую структуру марокканского общества, опускают характеристику полуфеодальных аграрных отношений, поныне господствующих в стране, обходят молчанием политическое угнетение и подавление национальной культуры марокканцев. Будучи вынуждены отметить «недостаток продовольствия» и «недостаточное питание» крестьян, авторы становятся на позиции малютшианства или же приписывают отрицательные явления влиянию географической среды.

Перед нами, таким образом, не частные недостатки книги, а коренные пороки буржуазной науки, в данном случае поставившей себе целью апологику колониального режима французских и американских поработителей. Если такая книга и может помочь советскому читателю ознакомиться с экономикой, историей и политическим положением Марокко, то только благодаря предпосланной ей политически острой вступительной статье В. Я. Васильевой и редакционным примечаниям.

Как уже говорилось, в книге содержатся материалы, представляющие специальный этнографический интерес. Таковы данные о национальном составе населения французской зоны Марокко, его распределении в сельском хозяйстве и промышленности, движении населения и т. п. В книге описываются формы хозяйства коренного населения — в горах, в предсахарской области, на внутренних равнинах и на побережье; характеризуются различные виды оседлого земледелия, кочевого и полукочевого скотоводства. Поройнно даются короткие описания селений и жилищ. Особая глава посвящена марокканскому городу, состоящему из сохраняющей средневековый облик «туземной» медины и «европейского» нового города с широкими озелененными проспектами. С интересом читается подробное и живое описание жизни городских улиц и площадей. Представляют интерес данные об исконных марокканских промыслах, организации ремесленных корпораций, торговле на местных рынках — «суках». В книге можно почерпнуть некоторые сведения о племенном составе берберского и арабского населения, а также о пережитках общинно-родовой организации. Эти последние данные, впрочем, особенно скудные и ненадежные: авторы упорно не хотят видеть общественной дифференциации в среде крестьян и кочевников. Другие содержащиеся в книге этнографические материалы также требуют серьезного критического анализа: достаточно сказать, что перекочки скотоводческих племен авторы рассматривают не как архаическую форму хозяйства, сохраняемую в условиях колониального режима, а как один из видов движения населения, столь же обычный, как и приток сельского населения в города. В целом отрывочные, но свежие этнографические сведения, сообщаемые «Географией Марокко», дополняют более подробные, но несколько устаревшие данные переведенной на русский язык книги О. Бернара «Северная и Западная Африка».

Иной характер носит монография Поля Себа «Тунис». Эта книга также является по преимуществу экономико-географическим сочинением, уделяющим много внимания

политической жизни страны. Книга распадается на восемь глав, в которых последовательно рассматриваются природные условия страны, хозяйственная деятельность колонизаторов и коренного населения Туниса, экономические и социальные последствия колонизации, образование и культура, политический и административный строй, национальное движение. Все содержание книги подчинено одной главной задаче — разоблачению преступлений французского империализма, поработившего тунисский народ, обрекающего его на нищету, бесправие и культурное вырождение. Эта задача решается с большой последовательностью и методичностью; автор приводит большой цифровой материал, десятки официальных документов; каждое положение научно обосновано и доказано.

Наибольшее внимание в книге уделено экономическому поработению тунисского народа. Ознакомив читателя с природными ресурсами страны, автор сразу же переходит к методам французской колонизации. Во второй главе показывается экспроприация империалистами сельскохозяйственных земель и создание согнанными с земли крестьянами резерва свободной рабочей силы, не имеющей иных средств к существованию, кроме продажи своего труда капиталу. Здесь же характеризуются условия вложения французского капитала и техническое оснащение Туниса. Это последнее, говорит автор, «многие трактуют как «цивилизаторскую миссию». Но более глубокое изучение этого вопроса позволяет обнаружить в этой «миссии» осуществление всех целей финансовой олигархии нашего времени» (стр. 68). Третья и четвертая главы посвящены рассмотрению в отдельности хозяйственной деятельности колонизаторов и коренного населения, среди которого автор выделяет национальную буржуазию и капитализирующуюся феодальную знать. Путем ряда подсчетов автор показывает, что средний годовой доход на одного европейца в 1948 г. составлял 45 тыс. франков, на одного тунисца — $3\frac{1}{2}$ тыс. франков.

В пятой и шестой главах подводятся экономические, социальные и культурные итоги колонизации. В области экономической этим итогом является «невозможность для империалистической системы обеспечить гармоническое развитие тунисской экономики» (стр. 164); в области социальной — усиление классовой дифференциации, разложение феодального сословия, рост национальной буржуазии, пауперизация и расхождение крестьянства, умножение рядов пролетариата, общее обнищание широких слоев коренного населения; в области культурной — разрушение и подавление национальной культуры тунисцев. «Решение проблемы, — указывает автор, — заключается в развитии производительных сил страны и в прекращении изъятия в пользу паразитарных слоев. И то и другое в качестве предпосылки требует ликвидации империалистического ига» (стр. 196).

Политический строй Туниса рассматривается в седьмой главе. Автор характеризует бейское государство до 1881 г., этапы его колониального захвата, режим французского протектората, «реформы», последовавшие после второй мировой войны, когда, согласно положениям французской конституции 1946 г., Тунис был объявлен свободным членом «Французского Союза», но на деле оказалось, что «французское государство, которое уже подпало под влияние Соединенных Штатов Америки, не намерено вносить никаких реальных изменений в политический статут Туниса». Тунис, отмечает автор, «остается фактически составной частью того, что некогда называлось без прикрас французской империей, т. е. частью обширной системы «колонизации, основанной на произволе» стран, политически поработанных для того, чтобы капиталу легче было их эксплуатировать» (стр. 238).

Заключительная, восьмая, глава посвящена национальному движению. Отправляясь от зарождения в конце XIX в. национальных буржуазных организаций, автор показывает развитие национального движения в стране после Великой Октябрьской социалистической революции и особенно после второй мировой войны, развитие рабочего и профсоюзного движения, образование и рост Коммунистической партии, усиление ее влияния в стране за последние годы. Автор говорит о «злой оппозиции» национальному движению со стороны французской буржуазии и надежном союзнике этого движения в лице французского рабочего класса. Остановившаяся в заключение на иллюзорных политических реформах 1950—1951 гг., автор пишет: «Факты эти ясно показывают, как мало надежд следует возлагать на «переговоры» с империалистами. Новое правительство не стало ни более тунисским, ни более демократическим, нежели предыдущее, и его действия подтверждают это ежедневно. Равным образом, по мере того, как исчезают последние иллюзии, укрепляется сознание того, что народ освобождается не иначе, как путем борьбы» (стр. 253).

Книга Поля Себа, профессора лицея Карно в Тунисе, честного французского ученого, несомненно является заметным вкладом в дело разоблачения колониальной политики империализма, в дело прогрессивного антиимпериалистического движения. Книга Поля Себа действительно помогает читателю понять современную экономическую и общественно-политическую жизнь Туниса — этой фактической колонии французского и американского империализма.

Рецензируемая книга представляет значительную ценность и для этнографа. В ней содержатся чрезвычайно интересные описания полufeодального земледелия и арханческой сельскохозяйственной техники, характеризуются скотоводческое хозяйство, рыболовство, ремесленное производство ткачей, гончаров, кожевников, кузнецов и т. п., организация ремесленного производства и его судьбы в условиях колонизации.

В книге характеризуются полуголодное существование и ужасающие жилищные условия тунисской бедноты, описываются пища и типы жилищ различных групп и социальных слоев населения. Подробно показано состояние медицинского обслуживания населения: вошло в обычное, говорит автор, прославлять в качестве благодеяния колонизации широкое распространение санитарии; в действительности общая смертность среди коренного населения Туниса в 1948 г. составляла 21 на тысячу против 9,9 на тысячу среди европейских колонизаторов.

Особая глава посвящена образованию и культуре. Автор в общих чертах описывает систему образования в кутбах и медреса бейского Туниса и более подробно — в учебных заведениях Протектората. И в этом случае анализ численного состава учащихся показывает, что, вопреки широковещательным заявлениям колонизаторов, даже начальное образование доступно не более чем 10% мальчиков и 3% девочек из коренного мусульманского населения, а среднее образование — $1/45$ от числа учащихся в начальных школах. Главная причина этого — подавление национальной культуры, выражающееся в скудости средств, отпускаемых на народное образование, преподавании на незнакомом французском языке, неудовлетворительном состоянии школьных программ. В результате такой постановки народного образования разговорный арабский язык «отделяется от литературного китайской стеной неграмотности и невежества», а развитие национальной литературы тормозится и сковывается. Наконец, представляют интерес данные о формировании тунисской нации. Автор правильно указывает, что складывание тунисского народа в нацию обусловлено развитием капиталистических отношений и созданием общности экономической жизни населения восточной части Магриба, сложившегося в результате смешения берберов с арабами. Население страны уже в течение долгого времени говорит на одном — арабском — языке. Вопреки империалистической политике складывается общность культуры.

Поль Себа — это ясно видно из текста книги — знаком с произведениями марксистской литературы и стремится базировать свой труд на марксистской методологии. Именно поэтому его книга получилась такой удачной, актуальной, нужной читателю. Но в книге, конечно, есть и недостатки. К числу их относится прежде всего то, что автор, отмечая пробуждение интереса к Тунису у финансистов с Уолл-стрит, стремление их превратить страну в стратегическую базу в третьей мировой войне, не уделяет, однако, должного внимания разоблачению происков американских монополий в Тунисе. Всю силу своего удара автор направляет на французский империализм, а наиболее воинствующий реакционный империализм США, если не считать нескольких правильных, но попутных замечаний, остается в тени. А между тем американцы уже приступили к экономическому закабалению Туниса, американская военщина начала оккупацию страны. Другой серьезный недостаток работы заключается в том, что автор не показывает, на какие силы внутри страны опираются колонизаторы, какую роль в деле поддержания колониального режима играют остатки феодальной знати, компрадорская буржуазия и т. п. Автор совершенно правильно подчеркивает роль Великой Октябрьской социалистической революции и победы Советского Союза над державами оси в деле разрывания национально-освободительного движения, но наряду с этими всемирно-историческими событиями он говорит и о лживой вильсоновской декларации, демагогически обещавшей «беспристрастное урегулирование колониальных вопросов». В книге имеются и другие недостатки, которые, однако, не лишают ее большого научного и политического интереса.

Две новые книги о Французской Северной Африке — два направления в зарубежной научной литературе. Если книги, имеющие целью заштучивание и даже прямое оправдание колониального режима, книги, подобные «Географии Марокко», представляют в странах «западного блока» обычное, массовое явление, то работы честных ученых, подобных Полю Себа, к сожалению, являются редким, хотя и знаменательным исключением.

А. Першиц

НАРОДЫ АМЕРИКИ

M. Wright. *A guide to the Indian tribes of Oklahoma*. University of Oklahoma Press. Norman, 1951.

Автор рецензируемой книги — Мюриел Райт, специалист по истории и этнографии индейцев, живущих в настоящее время в штате Оклахома, США. В основном ее работа связана с изучением индейцев «пяти цивилизованных племен», как именуются в американской литературе чироки, крики, чоктавы, чикасавы и семинолы — земледельческие народы юго-восточной области Северной Америки, переселенные на Индейскую территорию одними из первых.

Истории и культуре этих народов посвящено немало трудов американских этнографов. В первую очередь следует назвать книги Гранта Форемана и Анжи Дебо¹.

¹ G. Foreman, *The last trek of the Indians*, Chicago, 1946; его же, *A History of Oklahoma*, Norman, 1945; A. Debo, *The road to disappearance*, Norman, 1941.

разработавших историю «пяти цивилизованных племен» со времени их насильственного переселения и до образования штата Оклахома, когда правительство США, отменив у них общинную собственность на землю, покончило с остатками независимости этих высокоразвитых народов. Однако эти работы совершенно не касаются современного положения индейцев бывшей Индейской территории, ныне Оклахомы. Это и не удивительно. То обстоятельство, что в штате нет резерваций, а индейцы, поселенные здесь, юридически — американские граждане, является одним из козырей в руках адвокатов национальной политики США. И если индейцы резерваций официально лишены гражданских прав, как не «доросшие» до привилегии пользоваться всеми «благами» американской цивилизации, то в отношении индейцев Оклахомы, уже с конца XIX в. превращенных в частных собственников и американских граждан, предполагается, что все ограничения, налагаемые на «нуждающихся в опеке» индейцев резерваций, их не касаются.

Современное положение ограбленных во имя приобщения к «американскому образу жизни» индейцев никак не укладывается в рамки официальной трактовки «индейской политики» правительства США, неразрывно связанной с аграрным вопросом. Как известно, осуществление закона 1887 г. о передаче общинных земель в частную собственность позволило правительству США изъять у индейцев миллионы акров земли в качестве так называемых «излишков». Спекулянты и разные монополистические компании довершили ограбление индейцев настолько, что в настоящее время официальная статистика затрудняется определить фактическую принадлежность земель, числящихся за индейскими семьями. Тем не менее индейцы Оклахомы именуются фермерами. Ничего больше о них не найти ни в этнографических, ни в каких-либо других изданиях.

Появление книги под названием «Путеводитель по индейским племенам Оклахомы» поэтому большое событие. Книга вызывает тем больший интерес, что автор ее Мюрриел Райт — на одну четверть индианка племени чоктавов. Дед ее Аллен Райт был вождem чоктавов (1866—1870 гг.). Это по его предложению образованный в 1907 г. из части Индейской территории новый штат был назван Оклахома (Okla на языке чоктавов означает дом).

Во введении дается обзор истории всего индейского населения Оклахомы, прослеживаются этапы «индейской политики» правительства США, приводятся данные о национальном составе современного населения штата. Основное место в книге занимают исторические очерки отдельных этнических групп и племен, живущих в настоящее время в Оклахоме. Относительно каждого племени и этнической группы сообщаются данные о современном расселении, численности, системе управления.

Ряд очерков написан с большой яркостью и сочувствием к индейцам. Пожалуй, лучшим является раздел о небольшом племени индейцев сну-понка, о героической борьбе этого маленького народа, сумевшего привлечь на свою сторону общественное мнение страны и отстоять в 1880-х годах право жить на своей территории (стр. 210—214).

Иллюстрации, в основном, к сожалению, относящиеся к концу XIX в., дополняют страницы, повествующие о страшной судьбе индейцев, перегонявшихся американскими войсками с места на место. Райт показала многие стороны жизни индейцев Оклахомы, тщательно скрываемые в американской литературе.

Мы узнаем, что основная масса индейцев Оклахомы, несмотря на то, что в штате нет резерваций, живет в условиях вынужденной изоляции. Их небольшие общины разбросаны вперемежку с фермами «белых» американцев. Такое расселение индейцев вызывалось якобы стремлением как можно скорее приобщить их к «благам» американской цивилизации, на деле же разобщало их, облегчая правительству и спекулянтам земельное ограбление индейцев. Существующее положение как нельзя более определенно доказывает, что правительство США, проводя законы о наделении индейцев частной собственностью и давая им американское гражданство, отнюдь не имело в виду облагодетельствовать индейцев и помочь им в новых условиях поднять свой экономический и культурный уровень. Система назойливой опеки Управления по делам индейцев, направленная будто бы на охрану прав индейцев, на самом деле преследует совершенно другие цели: сохранить обособленность, а следовательно, и фактическую сегрегацию индейцев, не допустить сближения индейской бедноты с беднейшими слоями американского фермерства и сельскохозяйственными рабочими. Вместе с тем и притворная забота Управления по делам индейцев о сохранении самобытной индейской культуры в действительности направлена на консервирование вредных пережитков, культивирование национальной ограниченности. В то время как индейцы лишены самых необходимых условий для развития своей культуры, единственным, пожалуй, доступным им видом интеллектуальной деятельности является (да и то только для зажиточных) религиозное поприще. Даже искусство индейцев направляется почти исключительно по руслу религиозной тематики.

Несмотря на отмеченные достоинства рецензируемой книги, в ней не нашли отражения некоторые важнейшие вопросы. Одним из них является вопрос о национальном развитии индейцев Оклахомы. С середины XIX в. (или даже несколько раньше) здесь были поселены разноязычные племена, связи между которыми крепились в общей борьбе с угнетательской политикой правительства США. В настоящее время бок о бок живут индейцы, принадлежащие к разным племенам, говорившие в прошлом на взаимно непонятных языках. В индейских деревнях жило много негров, с кото-

рыми индейцы вступали в браки. Среди индейцев «пяти цивилизованных племен» очень велика метисация. Так, в 1950 г. в Оклахоме числилось 19 тыс. чоктавов, из них только 5 тыс. «чистокровных»; из 5350 чикасавов (по переписи 1944 г.) 700 «чистокровных» индейцев.

На каких языках говорят в таких смешанных по национальному и племенному составу общинах, каково национальное самосознание индейцев, как отразились все эти процессы смешения на культуре индейцев, какую роль в их культурной и общественной жизни играет английский язык, — все эти вопросы остаются без ответа. Райт совершенно отказывается даже от постановки вопросов национальной консолидации.

Несмотря на то, что многие очерки написаны в тоне сочувствия к угнетенному народу, некоторые из них составлены по тому официальному трафарету, который уже сложился в американской этнографической литературе по истории индейских племен. В таком духе здесь написан очерк истории чейенов и некоторые другие.

Автор очень осторожно подошел к освещению так называемого самоуправления индейцев Оклахомы. Самый материал, приводимый М. Райт, убедительно показывает, что никакого самоуправления нет. Избираемые индейцами Деловые комитеты, Совет племен имеют лишь совещательный голос при агентстве Управления по делам индейцев, эти комитеты составляются из представителей зажиточной метисной верхушки и по большей части очень далеки от народа.

И. Золотаревский

СОДЕРЖАНИЕ

Е. Кравец, А. Куницкий (Киев). Нерушимая дружба двух братских народов	3
Вопросы общей этнографии и антропологии	
Новая находка мустьерского человека в СССР	11
А. А. Формозов (Москва). Стоянка Староселье близ Бахчисарая — место находки ископаемого человека	11
М. М. Герасимов (Москва). Условия находки костей ребенка в пещере Староселье; извлечение, консервация и реставрация их	22
Я. Я. Рогинский (Москва). Морфологические особенности черепа ребенка из позднемустьерского слоя пещеры Староселье	27
Заключение по находке ископаемого человека в пещерной стоянке Староселье близ Бахчисарая	39
Вопросы этногенеза и исторической этнографии	
Линь Гань (Пекин). Об этногенезе дунган	42
Б. О. Долгих (Москва). Некоторые ошибочные положения в вопросе об образовании бурятского народа	57
Материалы и исследования по этнографии и антропологии СССР	
Л. Н. Терентьева (Москва). К вопросу о переходе от хуторского расселения к колхозным поселкам в Латвийской ССР	63
Материалы и исследования по этнографии и антропологии зарубежных стран	
Н. А. Петров (Ленинград). Вопросы брака и семьи в новом Китае	85
И. Коев (София). Революционные традиции в болгарских героических песнях	97
Из истории этнографии и антропологии	
М. Г. Левин (Москва). Антропологические работы К. М. Бэра	107
Р. Л. Харадзе (Тбилиси). Проблема грузинской семейной общины в литературе XIX века	132
Дискуссии и обсуждения	
Я. Я. Рогинский (Москва). К вопросу о переходе от неандертальца к человеку современного типа	143
Заметки. Сообщения. Рефераты	
А. П. Окладников (Ленинград). Образ птицы в искусстве бронзового века Забайкалья и его аналогии в народном искусстве бурят	150
М. А. Гремяцкий (Москва). Разгадка одной антропологической тайны	154
Хроника	
В. Алексеев (Москва). Находка костных остатков ребенка мустьерского времени в пещере Староселье близ Бахчисарая	158
О. Ганцкая (Москва). Координационное совещание по согласованию научно-исследовательских планов на 1954 год	160
В. Аникин (Москва). Обсуждение вопросов советского народно-поэтического творчества в Московском государственном университете	161
Г. р. Стратанович (Москва). Новый дунганский алфавит	164
Памяти Б. А. Куфтина	166
Владимир Капитонович Никольский	169
Критика и библиография	
Критические статьи и обзоры	
А. Першиц (Москва). О некоторых недостатках учебников истории	172
Общая этнография	
П. Борисковский (Ленинград). П. П. Ефименко. Первобытное общество	177
Народы СССР	
Л. Терентьева, Н. Чебоксаров (Москва). История Латвийской ССР	181
Народы Африки	
А. Першиц (Москва). Две книги о французской Северной Африке	185
Народы Америки	
И. Золотаревская (Москва). M. Wright. A guide to the Indian tribes of Oklahoma	188